

Екатерина Логинова

ПОСЛЕДНЯЯ
ЧЕТВЕРТЬ

Екатерина Логинова

ПОСЛЕДНЯЯ
ЧЕТВЕРТЬ

ББК 84 (2Рос=Рус)
Л 69

Логинова Е.С.

Последняя четверть. М: «ЛУЧ», 2005 – 398 с.
ISBN 5-88915-017-0

«Последняя четверть»... Уже само название книги, которую автор Екатерина Логинова предлагает вниманию читателя, предопределяет отсутствие в ней какой-либо условности, символики и уж тем более – надуманности.

Последняя четверть XX века... Время, которое еще очень долго будет предметом оценок, анализа и размышлений. Автор, разворачивая перед нами широкую и насыщенную панораму, опять-таки, абсолютно невыдуманных, а реальных событий, которыми жила в последней четверти века одна из самых «рискованных» территорий. Живут этими событиями и действующие лица предлагаемой вашему вниманию книги... Буровики, строители, геологи, трассовики, энергетики, коренные жители края и молодые журналисты.

И все-таки, перед нами – не сухая летопись того, что было. Глазами начинавших летописцев Времени и непосредственных участников событий – корреспондентов радио – и предлагает автор посмотреть на события и поразмышлять о том, что было доброго, знаменательного, противоречивого на трудных перевалах последней четверти ушедшего в историю века. Узнаваемо Время, узнаваемы события, узнаваемы люди, о которых рассказывает Логинова.

А события, о которых повествует автор, какими бы масштабными они ни были, отнюдь – не фон. Герои – плоть от плоти поколения романтиков, дерзнувшего наполнить новым смыслом бытие, поистине безграничной территории. И потому-то каждая встреча с ними – это своеобразная лирическая исповедь об увиденном, услышанном, пропущенном через душу. Через собственные чувства... Герои любят, страдают и, конечно же, взрослеют.

Так уж оно вышло, что завершающая четверть уже «поседевшего» от потрясений и гигантских трудов века для юных героинь Екатерины Логиновой стала только началом собственных житейски непростых и творчески ярких судеб... О том же, как сложится их жизнь в дальнейшем, расскажет новая книга.

*Самому мудрому Учителю из всех моих учителей,
Самому Главному редактору из всех моих редакторов,
Самому любимому из всех мною любимых –
Валерию Матвееву посвящается...*

Автор благодарит за помощь в издании книги:

*Юрия Ивановича Важенина
Фарида Салиховича Бурганова
Валерия Сергеевича Матвеева
Оксану Байбародских*

Эта книга основана на реальных событиях, происходивших в семидесятых годах прошлого века в Ханты-Мансийском автономном округе. Однако место действия и персонажи, безусловно, вымышлены. Совпадения имён и названий с именами и названиями реально существующих лиц и мест могут быть только случайными.

Жизнь – трагедия – ура!

Людвиг Ван Бетховен

ОСЕНЬ ДОЛГОГО ПЛЁСА

Утром Риту вызвал главный редактор. Таким вниманием начинающую журналистку пока удоставили не часто. Поэтому, немного смущаясь, но все-таки стараясь не выказывать своего состояния, пошла в кабинет, села на краешек стула и напряглась, как перед прыжком. В ожидании подняла глаза. Главный ощущил этот ее взмах ресницами, словно они пощекотали его щеки. Заерзal на стуле. Он всегда смущался, общаясь с красивыми женщинами, несколько терялся перед ними. Если женщина была молода, и к тому же смела, как вот эта новенькая, становился грубоватым.

— Поедешь в командировку, — не глядя в лицо Рите, сказал Алексей Александрович. Помолчал. — Справишься? — Взглянул украдкой на новую сотрудницу и не смог удержаться от улыбки: столько нескрываемой радости было в ее глазах.

— Постараюсь, — едва сдерживая восторг, проговорила Рита.

Всего неделю назад она приехала «к черту на куличики» — так определили выбранный ею район будущей журналистской деятельности со-курсанки. И вот уже целых семь дней, показавшихся бесконечными, знакомилась с редакцией, устраивалась с жильем. Естественно, мечтала о первом серьезном задании. И вот — наконец-то! Дождалась!

Достала из кармана маленький блокнотик, с которым никогда не расставалась, ручку. Приготовилась записывать задание.

— Много писать не придется, — заметив эти движения, тут же охладил ее пыл редактор. — Поедешь в отдаленный район. Навигация заканчивается, назад вернешься последним речным трамваем. Времени у тебя очень мало: на все про все — три дня. В том поселке одно из рыболовецких звеньев уже выполнило пятилетку. — Помолчав, уточнил: — Почти за два с половиной года. Руководят им братья. Вот о них и надо написать. Да смотри, не застрянь там до морозов. Самолеты туда не летают. Не успеешь к последнему «трамваю» — останешься до зимника. Будешь месяц сидеть, а то и два, пока льдом река не покроется.

«Вот страсти-мордасти, — подумала Рита, — сразу пугать начал», — и, словно прочитав ее мысли, Алексей Александрович сказал:

— Не думай, что запугиваю... Сложностей там еще больше. Если

сумеешь, возьмешь попутно материал о работе посовета. Эта тема у нас в загоне. Вопросы есть?

– Нет.

– Свободна.

Едва сдерживая себя, дошла до выхода. Но как только прикрыла за собой дверь, буквально полетела по коридору, в это время дня обычно пустому и полутемному. На кого-то наткнулась, поспешно извинилась и понеслась дальше.

– Ребята! Ребята-а!.. Я в командировку еду! – восторженно закричала с порога кабинета.

В комнате сидели двое мужчин. Один – уже довольно опытный журналист, известный в округе знаток местного материала. Его критических корреспонденций боялись, стихов ждали. Правда, с годами он все реже и реже их писал. И к тому времени, когда в редакции появилась Рита, многие забыли, что когда-то Владимир Ковеленов «увлекался рифмами».

Другой – молодой, тоже из местных, студент-заочник журфака Дмитрий Корольков. Как и Рита, он делал еще пробные шаги в журналистике, но проявил себя уже довольно успешно. Об этом говорили не раз на летучках, считали его перспективным, если бы не одно «но»... Этого «но» Рита еще не знала, да и знать пока не могла. За время пребывания на новом месте коллеги помогли ей освоиться, много рассказывали о своем крае, о коллективе, где Рите предстояло осваивать азы профессии... уже не по учебникам.

Таков уж был характер у Риты: она всегда предпочитала мужское общество женскому и в школе, и в институте. Она быстро и легко находила темы для общения с ребятами, умела понимать грубоватые шутки «мужиков», пользовалась их доверием и, конечно же, всегда была обожаема. Но она настолько привыкла к этому, что уже и не замечала. Вернее принимала как должное и восхищенные взгляды, и комплименты, и ухаживания. Даже объяснения в любви, к которым, кажется, вообще невозможно привыкнуть, ее почти не волновали. Рита старалась со всеми держаться одинаково искренне, насколько могла себе это позволить в конкретной ситуации.

Редакционные «ребята» разгадали восторженную натуру новенькой и очень быстро сделали вывод: в их устоявшемся мирке таких еще не было. Мужчины единодушно признали Риту натурой эмоциональной. Ее радость вызвала ответную, поэтому сейчас, когда она влетела в кабинет, все забыли о работе и подготовились радоваться вместе с ней.

– Куда? – спросил Ковеленов.

– В Долгий Плес.

Мужчины переглянулись. Дмитрий качнул головой, что-то буркнул про себя, а вслух сквозь зубы прошипел:

– Ну, дает!..

– Ты хоть знаешь, какая это глушь! Чему радуешься? – Владимир ис-

кренне возмутился. – Во-первых, плыть придется на речном трамвайчике, в этом холодном драндулете. В Долгом Плесе больше никакой транспорт не останавливается. Ташится он черепашьим шагом, причаливая буквально к каждой избушке, «проползешь» часов пять. Уходит он после обеда. Значит, приедешь в незнакомое место только ночью. Где и кого ты будешь искать в это время?! Во-вторых, это последний в нынешней навигации рейс...

– Да, да! И если я не успею к его возвращению, то останусь зимовать в Плесе! – докончила его мысль Рита и засмеялась. Она всегда заразительно смеялась. И мужчины, как всегда, поддержали ее. И все же Ковеленов предложил:

– Хочешь, я поговорю с редактором? Он тебя командирует куда-нибудь поближе, не в такую глухомань... как этот самый Плес.

– Да-да. Он пошлет. Ты еще не знаешь, что наш Володя – первый друг главного редактора! – с плохо скрытой издевкой заметил Дмитрий.

В редакции, как и во многих творческих коллективах, коллеги, обращались друг к другу на «ты».

– Причем тут это? – отмахнулся Владимир, – Он что, по-человечески не поймет разве?

– Понять-то поймет... – начал было Дмитрий и замолчал, словно забыл на чем остановился.

Возникшую паузу заполнила Рита:

– Вы что, ребята? Разрешите вас «не понять». Я поеду и точка! Лучше расскажите, что это такое – Долгий Плес.

Оказывается, Дмитрий там ни разу не был – не его тема. А Владимир плавал в Долгий Плес так давно, что помнил только одну деталь: поселок располагается на горе; жители – сплошь рыбаки. Зато посоветовал, куда и к кому надо обращаться за помощью. Обещал позвонить в поссо-вет, чтобы предупредить о приезде корреспондента.

* * *

Речной трамвайчик, на котором Рита отправилась в Долгий Плес, действительно, был самым последним в эту навигацию. А ей предстояло за короткое время подготовить репортаж и еще собрать материал о жизни рыбакского поселка. А главное успеть вернуться назад. К тому же по прогнозам метеослужбы, «в районе Салехарда шла щуга». Так что командаировка и в самом деле была насыщенной и рискованной.

Рита примостилась у окна. В салоне накурено, грязно. В проходах рюкзаки, сумки; тихо мурлыкала музыка. Среди пассажиров большинство мужчины, которые, впрочем, не обращали на нее никакого внимания. Это равнодушие даже успокаивало.

Почти на каждой стоянке речной трамвай увязал в прибрежном иле и потом долго выбирался на чистую воду. Поэтому в Долгий Плес прибыли уже в полной темноте. Прожектор осветил крутой берег. Капитан

сообщил, что к самому Долгому Плесу трамвай подойти не может, там совсем обмелело. «Будем высаживаться, не доходя до пристани», — прокричал в динамике.

«Хорошенько дело», — подумала Рита.

Ее попутчики, люди явно привыкшие к любым неожиданностям, стали кучковаться перед выходом. Между тем команда трамвайчика еще долго искала наиболее подходящее место для высадки пассажиров. Луч прожектора метался по берегу, освещая угтюмый лес. Натужно ревел мотор. Засуетились матросы. Они держали шест вместо перил, потому что трап стоял почти вертикально.

До сегодняшнего дня Рита была уверена, что вообще ничего не боится. Но тут, глянув вниз, почувствовала страх. Трап висел над черной, поблескивающей водой и при каждом шаге устрашающе прогибался.

На берег сходили по одному. Первые, видимо, местные жители, смело шагнули в темноту и тут же раздались их проклятия в адрес «всех и вся»: команды трамвайчика, осени и непролазной грязи. Рита замешкалась: на ней были модные полусапожки, которые, конечно же, не рассчитаны на бездорожье столь безнадежное. Капитан суденышка, между тем, отчаянно торопился. Его нервный голос торопил тех, кто замешкался:

— Побыстрее, товарищи, побыстрее. Трамвай и без того опаздывает. Нам еще плыть и плыть...

Сойти Рите помогли матросы. Ее провели по всему трапу, а она только ойкала, когда каблучки цеплялись за поперечины трапа. Через минуту Рита оказалась на пятаке, утрамбованном уже прошедшими здесь раньше пассажирами. Первый же шаг по направлению к берегу заставил ее остановиться... Нога провалилась в густую засасывающую грязь. Люди толкали ее, отстраняли, а она не двигалась с места. Мелькнула мысль: вернуться назад! Но по трапу спускались и спускались люди. Ей стало еще страшнее оттого, что она никуда и никогда отсюда не уйдет; так и останется между крутояром и рекой.

Вид ее был столь жалок, что вызывал невольное сочувствие. С трамваем матросы ей кричали, чтобы она шла след в след за впереди идущими. Рита последовала совету, но уже через пять метров в растерянности остановилась.

— Ну, ты чего? — грубо спросил парень, догнавший ее.

— Ничего, — собрав остатки мужества, ответила почти гордо.

— Так иди!

— Куда? Я же утону в этой грязи!

— А ты куда приехала? — спросил он с подковыркой. И сам себе ответил: — В деревню. Значит, надо было не форсить, а надевать болотники.

— Откуда я знала, что вы тут без болотников не жильцы? — она отвернулась, потому что в глазах невольно стали собираться слезы, а голос предательски зазвенел.

— Эх, ма! Иди сюда!

Рита даже охнуть не успела, как очутилась в его руках вместе с портфелем, в котором кроме «репортера», блокнота и необходимых в командировке туалетных принадлежностей, ничего не было.

А парень уже хлюпал по грязи, осторожно нашупывая дорогу. Она поняла, что если попытается вырваться, из его грубоатых объятий, они вместе выкупаются в отвратительной холодной жиже. Рита почти не дышала. Она пыталась разглядеть в темноте лицо своего спасителя, но ничего не получилось.

Минут через пятнадцать осторожного передвижения она рискнула все же спросить:

— Мы дойдем когда-нибудь?

— Дойдем, — выдохнул он... — Если это называется — «идти».

— Извини... Как тебя зовут?

— Алексей... Молчи, однако.

Вот так, в молчании он и донес ее до тропинки, поставил там, где было посушке и буркнул: — Держись за мной.

Другие пассажиры, сошедшие в Долгом Плесе, были уже далеко впереди. Их голоса глухо звучали в темноте. Дождь недавно кончился, и ветер трепал тучи, остервенело сгоняя их к краю небес.

Рита поблагодарила Алексея и побрела следом за ним. Она не знала, что поселок рядом и приготовилась к долгому пути. Когда парень остановился, она буквально уткнулась лицом в его спину.

— Ой! Извините.

— Ты вообще-то к кому?

— Вообще-то к председателю здешнему...

— Зачем?

— Надо.

— В гости, что ли?

— Нет.

— Секрет?

— Нет. В командировку.

— Понятно, что не навсегда. Такие птички в наших местах только залетные бывают.

— А ты что здешний? — в свою очередь спросила Рита.

— Почти... Тебя к председателю проводить?

— Ага.

Теперь они шли по деревянному настилу. Впереди густую тьму рассеивал луч прожектора, освещавший почти полностью небольшой поселок. И Рита могла теперь разглядеть крохотные улочки, аккуратные, по-сибирски крепенькие домики с желтеющими глазницами окон.

Из темноты вывалилась фигура мужика. Остановились, Алексей и незнакомец о чем-то тихонько заговорили, закурили. А она стояла рядом и оглядывалась по сторонам.

— Эй, ты, слышишь? — окликнул ее Алексей.

- Меня Ритой зовут.
- Запомню. Твоего председателя нет на месте. Он только завтра приедет. А может, сегодня ночью.
- Так трамвай же последний был... — напомнила она.
- Это для вас он последний. На лодки этот график не распространяется.
- Тогда проводите меня, пожалуйста, в гостиницу.
- В ответ раздался такой хохот, что Рита поняла: сморозила глупость.
- Какая «гостиница»! — не унимался встреченный мужик. — Откуда ты только взялась такая...
- Какая? — задиристо ощетиняясь, повернулась в сторону хохотовшего.
- Шутница, — все еще смеясь, проговорил мужик.
- Рита закусила губу. Ей стало жаль себя. Направили в командировку, а здесь даже переночевать негде!
- Ладно, хватит плакать. Идем со мной.
- Я и не думаю плакать, с чего это ты взял? — проглотив комок закипающих слез, все-таки выговорила она. — И вообще, куда я с тобой пойду?
- А у тебя другого выхода нет, — самоуверенно произнес Алексей.
- Рита хотела возмутиться... Но неожиданно для себя быстро смирилась с очевидным: действительно, другого выхода у нее просто не было. Недавние пассажиры трамвайчика уже разбрелись по домам. Встреченный мужик ушел, не попрощавшись. Кроме Алексея, больше вокруг никого не было и вряд ли стоило надеяться, что кто-то появится. Доверились судьбе: будь что будет.
- Шли недолго. Повернули к большому дому. На его окнах газетные развороты. Из-за дверей доносился громкий хохот и музыка.
- Осторожнее, — бросил Алексей, придержав ее за руку. — Замерзла? — спросил, почувствовав холод пальцев. В его голосе прозвучало сочувствие. А может быть, Рите просто этого очень хотелось... Однако она ничего не ответила...
- Сейчас согреемся, — обнадежил ее заботливый попутчик.
- Из распахнутой двери вырвалось тепло и хлынул свет, на мгновение ослепив Риту. Спутник решительно перешагнул порог.
- Алеша! — истошно закричала выбежавшая навстречу девушка и цепляя повисла у парня на шее. Он грубо отстранил ее. — Хватит... Чаю организуйте, мы замерзли.
- Потом прошли дальше — то ли в кухню, то ли в комнату. Трудно было понять, поскольку просторную избу перегораживала большая русская печь.
- Здравствуйте, — поприветствовала присутствующих Рита и заробела вдруг непонятно отчего.
- Ее зовут Рита. Приехала к председателю, а его нет дома, — подхватил Алексей.
- О-о! — с усмешкой протянула девица, та, что кинулась к Алексею на шею. — А меня Мариной называют.
- А меня Володей.

— Меня — Сергеем.

Подходя по очереди и представляясь, они откровенно разглядывали Риту, только вошедшие в моду джинсы, курточку на меху, берет.

— Милая, как же ты прошла по нашему «асфальту», — вдруг заметил кто-то, обратив внимание на не подходящую для этих мест обувку. Рита не успела рта открыть, как Алексей неожиданно быстро ответил за нее:

— Пролетела. — И тут же перевел разговор на другое: — Чайком-то угостите?

— Всегда пожалуйста! — засуетились, захлопотали на кухне девчата.

Алексей повесил на гвоздь Ритину курточку. Она поправила ворот свитера и почувствовала вдруг себя такой маленькой в этом незнакомом и негостеприимном поселке, среди чужих людей, что еле удержала подступившие слезы.

Хозяева пригласили к столу. За чаем ребята рассказывали о том, что приехали они сюда на строительство какого-то объекта. Что не достроили его, не хватило нужных материалов, а уже пора возвращаться — скоро начнется очередной учебный год... «Стройотрядовцы», поняла Рита. Затем к чаю появилась бутылочка дешевого вина. Рита пить отказалась. Другие девчата тоже. Может, не хотели, а может, постыдились присутствия незнакомки. Разговоры вскоре иссякли. Рита слушала их уже вполуха, грела руки о железную кружку и мечтала только об одном: где-нибудь прикорнуть.

Рыжий парень, который играл на гитаре и пел, смотрел на Риту такими глазами, что ей стало неловко. Спросила, где можно прилечь. Ей тут же бурно объяснили: все спят на полу, девочки слева, мальчики справа. Выбора снова не было. Легла, не раздеваясь. Накопленное в избе тепло быстро улетучилось и понизу потянуло холодом. Прикрылась стареньkim одеялом. Чужим, без пододеяльника. В другое время ее покоробила бы эта нечистоплотность, но только не сейчас.

Уснула сразу — как будто в омут провалилась, не дождавшись когда умолкнет гитара. Проснулась оттого, что кто-то гладил ее плечо. Вздрогнула, села.

— Кто здесь?

— Молчи, — шепотом приказали из темноты.

— Пошел вон, а то закричу, — пригрозила Рита.

— Кричи, — горячие потные руки обхватили ее за шею.

Она с трудом расцепила их и быстро вскочила. В темноте нашарила куртку, обулась и выскочила на улицу. Ее тряслось. От холода, от злости, от чувства отвращения.

«Подонок! — выругала она рыжего гитариста. — Дерьмо! Господи, куда я попала!»

Осторожно пошла по тротуару, стараясь не стучать каблучками. Ветер уже разогнал тучи, показалась луна. Звезды блекли в ее свете, но их было так много, как никогда не бывает в городе. А может, раньше она не

так уж часто и смотрела на небо. Да, нет, смотрела. Но не в таком состоянии.

Рита прошла вдоль забора. Захотелось уйти, куда-нибудь по-дальше, чтобы никого не видеть. Добрела до конца тротуара. Теперь куда? Оглянулась. Внизу спал поселок, окруженный холмами. Рядом бушевали волны могучей реки. Все это освещала блеклым светом луна.

«А ведь здесь, наверное, очень красиво в хорошую погоду», — невольно подумала Рита. Повернулась, пытаясь понять куда идти? Сама не знала. Впереди — лес, покрывающий крутою гору. Позади — рыжий с потными руками и наглым шефотом...

— Чего сбежала? — голос прозвучал так неожиданно, что Рита невольно вздрогнула. Рядом стоял Алексей.

— А тебе что не спится? — вместо ответа сама спросила с досадой.

— Я еще и не засыпал. Что же все-таки случилось?

— Ничего.

— И все-таки?

— Друзья у тебя очень уж беспокойные... не уснуть.

— Рыжий, что ли?

Не ответила.

— Ему всегда неймется. Ко всякой девчонке липнет, а уж к такой, как ты...

— Какой?

— Сама знаешь; мимо тебя не пройдешь.

Рита снова промолчала, прикусила губу.

— Кстати, я тебя еще в трамвае заметил. Наблюдал и все надеялся...

— На что?

— Вдруг, оторвешь взгляд от своей книжки... Меня заметишь? Не заметила... — Он вздохнул, и притворства во вздохе она не почувствовала.

В другой бы раз она рассмеялась, но сейчас... Почему-то верилось каждому его слову. Или очень захотелось поверить?..

— Ладно, пойдем в дом. А то ребята переполошатся. Дескать, куда пропали?

— Не скажут, некому говорить, — уверенно произнесла она.

— Есть кому... — многозначительно, даже как бы врастяжку сказал Алексей. И она опять поверила.

Он взял ее за плечи, бережно развернул и повел назад.

— Я еще постою, ты иди, — сказала Рита уже у крыльца.

— Завтра постоишь.

Она подчинилась и удивилась этому. С чего бы это вдруг? Совсем чужой человек и распоряжается?! При других обстоятельствах наговорила бы ему колкостей. Даже обидела бы, но сделала бы по-своему. А сейчас... Не хотелось. Повелительный тон и уверенность Алексея были почему-то даже приятны.

Утром Рита пришла в исполнком и спросила председателя. Девушка-секретарь сказала: «Обойдет поселок и придет. Он только под утро вернулся с песков».

С каких песков и почему именно с песков, Рита не поняла. «Ждать, так ждать». Она открыла книгу, делать больше было нечего. Секретарша, миловидная, полноватая девушка в коротком ярком трикотиновом платье, с любопытством разглядывала гостью, напустив на себя очень деловой вид. По телефону отвечала командным голосом, иногда прикрикивала и ворчала.

— Ну, никакой самостоятельности у людей!..

Вскоре хлопнула дверь. Несколько человек, в том числе и Алексей, прошли мимо Риты в кабинет председателя. Секретарь кивнула. Дескать, хозяин пришел.

— Иди и ты за ними следом. Иначе они долго проговорят, а там утреннее совещание начнется.

Кто из присутствующих был председателем, она поняла по повелиительному тону и частым вопросам, которые задавал собеседникам не высокий, коренастый человек. Собравшиеся говорили о выполнении плана, о том, что плашкоут постоянно запаздывает, что сети ремонтировать некому. Словом, о всякой всячине, ей мало понятной.

— Ты кто такая? — наконец, обратил на нее внимание председатель. — По какому вопросу?

— Во-первых, не «ты», а «вы», — поправила его суровым голосом Рита. — А во-вторых, вам, вероятно, звонили из окружного центра, и предупреждали, что приеду.

— Так это вы и есть — корреспондент? — удивился председатель. Присутствующие разом уставились на Риту. Боковым зрением она увидела, как вскинул брови Алексей и как его лицо вытянулось от изумления.

— Да — корреспондент, — гордо подтвердила она.

Председатель хмыкнул, но тут же взял себя в руки.

— Извините. Сейчас мы наши дела закончим и поговорим, — виновато произнес хозяин кабинета.

Девушка почувствовала некоторое удовлетворение и за бессонную ночь у стройотрядовцев, и за долгое ожидание в приемной, и за невнимание, которое испортило ее настроение уже в этом неуютном, прокуренном кабинете. В конце концов, она ведь тоже на работе. Лет десять никто из журналистов не заворачивал в этот Богом забытый угол. Еще столько же пройдет, и никого калачом не заманишь в эту глухомань, чтобы хотя бы напомнить — в Долгом Плесе тоже живут люди. За короткое время работы на радио Рита поняла, что к ее профессии большинство, в принципе, относятся уважительно. И что она, Рита Васильева, не просто юная симпатичная особа. Она — сотрудник окружной редакции; человек из таинственного мира СМИ; представитель «четвертой государственной власти».

Поняв, что председателя сейчас «заберут» и, очевидно, надолго, Алексей ринулся к столу и начал рассказывать про свои дела и заботы. Однако, когда оказалось, что все вопросы на ближайшие три часа решены, мужчины расходиться не спешили. Разговор плавно перешел на мелочи, а Рита по-прежнему терпеливо молчала и ждала, ощущая пристальные, любопытные взгляды присутствующих. Алексей тоже чего-то ждал.

— Товарищи, прошу всех покинуть кабинет. Я должен корреспондентом заняться, — прозвучало, наконец, долгожданное.

Присутствующие медленно потянулись к выходу. Рита молча провожала их взглядом. Алексей, проходя мимо, даже не взглянул на нее, словно это не он нес ее вчера на руках, и не он делал более чем прозрачные намеки. Прошел, как будто они незнакомы. Впрочем, сейчас Риту это уже не трогало. Все мысли ее были заняты только предстоящим делом... Как у нее все сложится?

Председателя поссовета звали Романом Николаевичем, фамилия у него была легко запоминающаяся — Иванов. Рита достала из портфеля «репортер» и стала готовиться к записи.

— Что это у вас? — полюбопытствовал Роман Николаевич, видимо, никогда не видевший профессиональной техники радиожурналистов.

— Магнитофон. «Репортером» называется... «шестерка».

— Что? «Шестерит» что ли? — пошутил хозяин кабинета.

Рита не откликнулась на шутку.

— Шесть — это номер модели... Вот сюда, в микрофон будете говорить.

— Я?!

— А кто же еще?.. За деятельность поссовета отвечает товарищ Иванов. Ему и микрофон в руки.

— Да вы что! Я не умею.

— А здесь не надо уметь. Я буду задавать вопросы, а вы будете отвечать. Честно и подробно.

Иванов покраснел, стал перебирать бумаги на столе, потом не выдержал, снова спросил:

— Вы хоть скажите, что вас интересует.

— Меня интересует деятельность поселкового Совета. Это и радиослушателей интересует... Планирование, работа с людьми... Какие принимаете решения? Как их исполняете?

— Так ее нет, работы-то. Мы производством в основном занимаемся. А про это рассказывать нечего. Так что, собирайте вашу машинку.

Задав ему несколько вопросов, Рита поняла: ничего не получится. Можно было настоять, конечно, на своем, но она вовремя остановила себя. Зачем? Если Совет как таковой не функционирует, то здесь можно сделать только критический материал. А для его подготовки времени у Риты нет.

— Ладно... А как попасть в бригаду братьев Ярковых. Они, говорят, уже пятилетний план выполнили.

— О, вот это другое дело! — обрадовался Роман Николаевич. — Только они сейчас отсыпаются после ночного лова. Часиков в пять подойдите ко мне. Все устроим. Или — сразу к ним. Спросите у любого, где братья Ярковы живут, вам покажут.

— Мне бы тоже недурно поспать, — укладывая «репортер» в портфель, заметила, словно вскользь, Рита.

— Кстати, а где вы остановились? — наконец, озабочился председатель.

— Нигде.

— То есть, как — «нигде»?

— А так.

— Ночевали где?

— Не знаю.

Этот ответ, почему-то устроил Романа Николаевича. Он засуетился:

— Сейчас все будет в лучшем виде... Аннушка!

Секретарь словно бы ждала, что ее непременно позовут — уже стояла на пороге.

— Отведи гостью в нашу гостиницу. Помещение, правда, не совсем соответствует, — обращаясь уже к Рите и оправдываясь, пояснил он. — Там у нас кое-кто живет.

— Кто?

— Ну, женщины к нам редко ездят, а корреспондента я вообще первый раз вижу. Парень там живет, студент. Страйотрядовцы скоро уезжают, а он у них бригадиром числится. Хороший парень. Вы там днем отдохнете, а ночью на пески с бригадой отправитесь.

Заметив ее недовольство, добавил для подкрепления: — Да вы не волнуйтесь, студенческий бригадир обычно днем занят... Успеете отдохнуть.

— Я не волнуюсь. У меня еще вопрос: где можно чего-нибудь поесть? Или хотя бы чаю попить?

— С этим труднее. Но мы сейчас что-нибудь придумаем... Аннушка! — снова крикнул через дверь.

— Я здесь, Роман Николаевич.

— Организуй, что-нибудь покушать корреспонденту.

— Что вы, не беспокойтесь, ради Бога, — засмущалась Рита. — Мне бы просто чаю.

— Какое беспокойство! Идемте.

У порога Рита оглянулась:

— Значит, в пять часов встречаемся здесь, у вас?

— Да-да. А сейчас отдыхайте, у вас будет трудная ночь.

* * *

Гостиницей в Долгом Плесе называлась обыкновенная комната. Довольно просторная. Занавески скрывали ее скучное убранство — две кровати и тумбочка — от любопытных глаз, которых, впрочем, и не было здесь, потому что здание расположено было на краю поселка. Окна выходили в сторону леса.

Аннушка показала, где что находится, включила чайник и убежала за едой. А когда вернулась, Рита уже спала, поджав под себя ноги и положив ладошку под щеку.

Девушка не стала будить утомленную гостью. Оставила все на тумбочке, прикрыв салфеткой, и убежала исполнять свои каждодневные секретарские обязанности.

Риту разбудило чувство голода. Сначала, не открывая глаз, попыталась восстановить в памяти все, что произошло за последние сутки. Еще вчера, в это же самое время она сидилась на речной трамвайчик. А сегодня... И тут почувствовала на себе чей-то взгляд. Распахнула глаза — Алексей! Минуту-другую молча смотрела на него, ничего не понимая. Он сидел на корточках у самой постели и внимательно смотрел на нее.

— Откуда ты взялся? — спросила, не соображая — спит она еще или уже проснулась.

— Живу здесь, — в голубых его глазах появилась лукавинка. И было в этих глазах столько нежности, что Рита невольно смущалась.

— Как... живешь? — брякнула, не подумав.

— Просто живу и все, на правах бригадира строительной бригады студентов.

— Та-ак ... А как же я?

— А тебя подселили ко мне в надежде на то, что я буду джентльменом. Уйду к ребятам в общагу и освобожу на одну ночь эту комнату.

— Спасибо, — вздохнула облегченно.

— Рано благодаришь, — усмехнулся Алексей.

— Почему?

— Да потому что именно сейчас я никуда и не уйду отсюда.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Только то, что я здесь — живу.

Он поднялся и вышел, загремел на кухне чайником.

Рита была потрясена. Она просто не знала, что придумать и как себя вести дальше.

Алексей вернулся и повторил:

— Я здесь живу, а ты у меня в гостях. Ничего не придумывай, будем жить мирно, как влюбленные.

— Кто — влюбленный? — Рита, удивленная, села на постели.

— Я и ты.

— А кто тебе сказал, что я влюбленная?

— Разве еще нет?

— Разумеется!

— Дело поправимое. У тебя целая ночь впереди. Кстати поспеши. Времени — уже четвертый час. А рыбаки выезжают в пять вечера. Если хочешь, могу проводить тебя к кому-нибудь из них. Ты ведь о героях труда приехала писать?

— Ты-то откуда знаешь? — опять удивилась Рита.

— Эх ты! А еще корреспондентом называешься, — вздохнул насмешливо. — Тут ведь и в самом деле «деревня». Несколько десятков домов. А ты — первый «живой» корреспондент в этой рыбакской обители. Нужели думаешь, что эта новость не станет поводом для обсуждения во всех домах? Да сейчас каждый твой шаг будет замечен. За тобой будут следить из-за занавесок, сквозь каждую щелочку в заборе: в чем одета, как пошла, что сказала, с кем заговорила, кому улыбнулась...

— Ну, это ты загнул, — она не теряла надежды, что все услышанное не более чем шутка.

— Ничего я не прибавил, — с нарочитой правильностью выговорил Алексей. — И даже то, что мы сейчас находимся в одной комнате, уже кое-кому известно. А завтра, когда ты уедешь, этот факт будут обсуждать всем поселком. И кое-кому, откровенно говоря, не поздоровится?

— Что ты имеешь в виду? Кому не поздоровится?

— Мне — в первую очередь. Тебе — во вторую.

— Почему?

— А потому... Но не будем о грустном... Сначала я должен тебя накормить, исправить свою вторую ошибку. Первую я уже исправил — дал тебе выпиться.

Пока они вот так пикровались, вода в чайнике закипела. Алексей разогрел уху, разлил по тарелкам, нарезал хлеб. Рита пришла в кухню и теперь следила за ним, не зная, что делать. Со своей стороны бояться ей вроде бы было нечего. Но вот почему «не поздоровится» ему — для нее оставалось загадкой.

— Ешь, — коротко бросил он и первым взял ложку. — Видишь, в честь твоего приезда Аннушка притяжила даже бумажные салфетки, которые достает лишь по большим праздникам и в честь особо важных гостей. Ого! Она еще и шоколадных конфет к чаю принесла. Правда, они прошлогодней свежести, но я думаю, ты простишь изъяны нашего местного сервиса. У нас других в поселке не бывает. Но для дорогого корреспондента что-нибудь найдется, лишь бы он потом ничего дурного не написал про поселок и его жителей.

— Слушай, хватит издеваться, — вспылила Рита. — Чего ты взъелся?! Это, может быть, моя первая в жизни командировка! — Помолчала и уточнила: — Не «может быть», а действительно — первая.

— Хорошенько начало, — хмыкнул Алексей.

Рита решила не обострять ситуацию. К тому же очень хотелось ухи. Голод она испытывала зверский. Некоторое время ели молча, каждый думал о своем. Она не выдержала первой.

— Слушай, а от кого тебе не поздоровится?

— Не будем о грустном. Если ты сразу после обеда уйдешь к своим геям, то, может быть, и не застанет тебя этот человек. Тогда неприятности будут только у меня.

— Не интригуй. Это — она?

— К сожалению...

— А... поняла! Ревность?

— Умница!

— Вот уж эти неприятности нам совершенно ни к чему. Давай чайку попьем и побежим.

— Давай, — легко согласился он.

Они пили чай с конфетами, действительно, покрытыми тонким белым налетом «шоколадной старости». Украдкой, но с откровенным любопытством, поглядывали друг на друга. Рита рассмотрела, наконец, что Алексей — светловолосый, кудрявый, есенинского типа парень. Глаза, ну просто брызги морские — столько в них различных оттенков. То потемнеют, станут синими, то засияют такой голубизной, что в них хочется смотреть и смотреть. И вообще он был высоким и сильным, уж в этом-то она успела убедиться. С ним было спокойно и надежно. Он готов защитить, если что. Таких она раньше не встречала.

Алексей, пока Рита спала, уже успел изучить ее лицо. Он даже розинку на щеке заметил, еле заметную родинку. И сейчас просто наблюдал за тем, как она ест, пьет чай, как взлетают Ритины брови от неожиданности, а глубокие глаза становятся еще глубже и притягательнее. Вот и губы заалели от горячего...

Ему захотелось встать и поцеловать эти губы. В душе он посмеивался над собой. Надо же, только увидел вчера в дороге эту хрупкую девчонку. Тоненькую, слабенькую. Она испуганно прятала глаза за своими мохнатыми ресницами от каждого брошенного в ее сторону излишне смелого взгляда. Не подпускала к себе никого. И он испугался чего-то. А когда нес ее на руках, в голову пришла шальная мысль — вот так бы всю жизнь... И почему она избрала себе это дурацкое дело — журналистику! Какой из нее журналист? Пигалица! Вот так утонет где-нибудь в грязи...

Он даже вздрогнул, представив себе эту жуткую картину.

— Ты чего? — от неожиданности Рита тоже вздрогнула.

— Пора. Тебя ведь еще надо одеть, обуть. Не поедешь же ты на рыбальку в своем наряде.

— Чем тебе не нравится мой наряд? — пококетничала она.

— До реки не дойдешь. А, между прочим, ночи здесь очень холодные.

Пока «герои» будут неводить, ты где будешь?

— Рядом.

— В каюте?

— Рядом, — упорно повторила Рита. — Я должна записать репортаж на месте лова.

— Ох, ты Боже мой! Репортаж! В этой-то курточке!

— Она на меху.

— Она — «со смехом»! Идем.

И она опять подчинилась.

По улице шли рядом. Он нес портфель с «репортером». Рита кожей чувствовала, как вслед им смотрят многочисленные глаза. Может быть,

даже шепоток уже пробежал по улице. В глазах у встречных – откровенное любопытство. Оценивали ее – Риту. И она старалась держаться уверенно.

* * *

Геннадий Ярков уже в болотниках возился во дворе. Алексей пнул калитку ногой, потом, спохватившись, картинно распахнул ее перед Ритой.

– К вам гости.

– Ждем, ждем, – Геннадий, молодой мужик с обветренным лицом и от того выглядевший старше своих 35 лет, пошел навстречу. Протянул руку. Рита ответно протянула свою и почувствовала, как ее ладонь буквально утонула в пятерне рыбака.

– Мы налегке, Гена. Надо помочь человеку с одеждой, – вставил Алексей.

– Сейчас изладим. Идемте в дом, – пригласил хозяин.

– Нет, я только проводил. Дальше без меня. Пойду – дел еще много. До свидания.

– До свидания, – несколько растерянно ответила Рита. Она ведь рассчитывала, что уж до реки-то он проводит ее. Взяла портфель, поблагодарила. Алексей отвел взгляд. Он вообще сейчас был совершенно другим, отчужденным.

Хлопнула калитка. Над забором проплыла грива соломенных волос. Рита повернулась к хозяину.

– Извините, я не знала, как следует одеваться на рыбалку. Да, собственно, ничего такого у меня все равно нет.

– Ты можешь вообще-то и не ездить. Зачем? Простынешь, холодно. Октябрь на исходе. Можно мужиков собрать прямо здесь, поговоришь с ними, о чем хочешь, – предложил Геннадий.

– Нет-нет, – поспешила ответить Рита. – Что вы! Я сюда столько ехала! Я ведь не из газеты, я с окружного радио.

– Ну, смотри, девка, мое дело предупредить. Там ведь одни мужики будут. У нас даже повар – мужик. Сдюжишь?

– Попробую, – улыбнулась такой обезоруживающе очаровательной улыбкой, что Геннадий дальше не посмел настаивать на своем.

Убранство дома, состоящего из двух комнат и кухни-столовой, было городским: ковры, мебель, красивая дорогая посуда за стеклом, небольшая книжная полка с классикой и приключениями. В большом количестве – детские игрушки. Среди игрушечного добра на полу возились два карапуза.

– Зина, убери малышей, – крикнул хозяин. – У нас гости.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, пусть играют.

– И правда, чем они тебе помешали? – в дверях появилась приятная пухленькая женщина в домашнем халате.

– Разбросали игрушки – ступить некуда. Проходи. – Геннадий подтолкнул Риту в комнату. Она разулась, прошла, села на краешек кресла.

— Зин, дай сапоги и инцефалитку. Или робу. Короче, надо как следует одеть-обуть корреспондента. А то она уж совсем не по сезону, сама понимаешь...

— Сейчас, сейчас, — засуетилась хозяйка. Куда-то выскочила, вернулась с сапогами. Кинула их в кухне: — Подойдут? Примерь, — и опять исчезла.

Сапоги были великоваты, но с ног не спадали. Робу Рита примерила прямо на свою же курточку. Одежда сковывала движения. «Ничего, — подумала она, — на катере в каюте тепло, от робы можно будет и освободиться». А пока сняла, потому что чувствовала себя в ней неловко, а со стороны, наверное, неуклюже и смешно.

— Я у реки надену, — сказала, чтобы не обидеть хозяев.

В дверь, не постучав, вошел мужчина.

— Готов? — спросил с порога.

— Готовы, — многозначительно ответил Геннадий.

— Она что, тоже поедет? — спросил незнакомец, не учитывая, что Рита слышит его из соседней комнаты.

— Поедет.

— Не дури. Простудим девчонку, кто отвечать будет?

— Мы ее пододели, Паша, — вступилась Зина.

— Пододели, — буркнул бригадир. А в том, что это и есть бригадир и брат Геннадия, Рита уже не сомневалась. — Женщина на корабле, сам знаешь...

Рита появилась в дверном проеме, плюнув на приличия. Она испугалась, что этот властный человек — такой угрюмый, злой, недоброжелательный, — сейчас разрушит все ее планы, и она останется на берегу.

— Мы же договорились с председателем... Здравствуйте, — Рита сначала вступила в разговор, а уж затем поприветствовала начальство бригады.

— О чём?

— О том, что я поеду с вами.

— Председатель пусть у себя в Совете распоряжается. А тут я командир, — все еще грубо ответил Павел. И тоже вслед за Ритой добавил: — Здравствуйте.

— И вы не согласны?!

Видимо, в голосе ее было столько отчаяния и ужаса, а в глазах такая растерянность, что Павел промолчал.

— Да согласен он, согласен, — миролюбиво поставил точку на разговоре Геннадий.

— Не своевольничай. Я своего слова еще не сказал, — решительно остановил его старший брат.

— Вы понимаете, у меня задание редакции, — пустилась в объяснения Рита. — Мне нужно обязательно ехать с вами.

— А если утонешь? — не сдавался Павел.

— Я умею плавать, — возразила Рита.

— Разве в такой воде выплыvешь? Шуга уже идет.

Других веских доводов на ум не приходило. И Рита молча смотрела в глаза Павлу. Хотелось кинуться ему в ноги, но гордость не позволяла. Почему-то вспомнились слова Алексея: за тобой сейчас наблюдают...

— Знаете что? Если вы меня не возьмете, я сама... Сяду в лодку, и поборите вытащить, — решительно выпалила она.

Тут пришла очередь Павла удивиться. Он пристально взглянул на упорную девочку, но так просто не сдался.

— Смотри, Генка, берешь ее под свою ответственность. Я ни за что не отвечаю, — и вышел, хлопнув дверью.

Несколько минут никто не произнес ни слова. Рита решилась первая.

— Ох, и сердитый же у вас братец.

— Он просто боится за тебя, — сказала Зина.

— Я обязуюсь вести себя очень хорошо.

— Ладно. Хватит стоять, пошли, — бросил Гена.

Дорогой инструктировал:

— Как сядем в лодку — замри и не шевелись. Одно неосторожное движение и перевернемся. Пашка чего еще боится: волна большая на Оби. Гребешки белые, лодку захлестывает. Сами и то рискуем, а тут ты еще...

— Честное слово, с нами ничего не случится. Я — счастливая, — попыталась пошутить. Она уже поверила, что все будет хорошо.

Переоделась на берегу. Стараясь быть половчее, смело прыгнула в лодку. Ее укрыли брезентом, почти лишив обзора. Рита осторожно исправила положение, открыв лицо.

— Ничего, сейчас сама закроешься, как только отчалим, — заметил-таки Геннадий ее хитрость.

— А сколько будем ехать? — спросила.

— Не ехать, а плыть... Долго.

Рыбаки быстро погрузили все необходимое. Без лишних слов, без суеты. Отчалили.

* * *

Она дошла до гостиницы.

В двери была записка: «Ключ под ковриком». Открыла. Дохнуло теплом. Кто-то позаботился. И посуду убрали. Хотелось чаю, но еще больше хотелось спать.

Риту трясло. Промерзла она до костей. Правы были мужики, когда предупреждали ее о том, что их ждет на реке.

«Ничего-ничего, — думала она удовлетворенно, — зато репортаж получится классный... Все записала, что задумывала».

Несмотря на то что печь еще была теплой, Рита никак не могла согреться. Раздеваться не стала, достала одеяло и, укрывшись им, свернулась на кровати клубочком.

Честно признаться, надеялась сразу же по возвращении увидеть Алексея. Он сам говорил, что будет жить в гостинице. Но не остался. Впр

чем, он знал, что ее нет, она — на песках. А когда вернется, этого никто предположить не мог. Еще только пять утра, а она уже дома.

Рита почувствовала боль в горле. Этого только не хватало. Обычно ангина у нее начиналась всего за несколько часов, а длилась бесконечно долго. Мысль, что она может заболеть в чужом поселке, пугала ее больше, чем волны Оби. По реке действительно уже шла шуга... Трамвай должен был подойти к одиннадцати часам.

— Успею отдохнуть, — подумала она, — лишь бы заснуть; прямо сейчас, немедленно.

И она заснула. И снились ей крутые черные волны, бородатые лица, плещущаяся рыба... Низкие, тяжелые тучи.

— Ты не заболела ли? — чья-то холодная рука накрыла лоб. От этого прикосновения было очень приятно, но очень хотелось пить.

— Ты кто? — спросила слабым голосом, не открывая глаз.

— Твой покровитель.

— И только?

— А тебе этого мало? — в его голосе прозвучало победное удивление.

— Уже мало. Я хочу, чтобы ты был еще и доктором. — Она открыла глаза и чуть не застонала. «Господи, до чего же он красивый!»

— Это мы запросто, — голос прозвучал обрадованно.

Алексей вышел из комнаты. Рита спрятала лицо под одеяло и снова закрыла глаза.

Сколько же времени? Может, уже пора на берег? Идти далеко, и опять — по кромешной грязи...

Об обратной дороге она думала с отвращением.

Алексей тем временем накрыл стол на кухне и позвал ее завтракать. Рите сейчас ничего не хотелось, только — пить, но забота его была приятна.

— Это мы сейчас поправим. Аппетит восстановится.

На столе появилась бутылка водки, рюмки. У Риты расширились глаза.

— Я не пью.

— Пить и не предлагаю. Тебе надо лечиться.

— Никогда водкой не лечилась, — запротестовала она. — Меня мама молоком с медом лечит или малиновым вареньем.

— Меда нет, молока не надоили. Мамы нет. Здесь только я. Так что, будьте любезны. Как умею, так и лечу. И не сметь возражать! — Заметив ее протестующий жест, добавил уже строже Алексей.

— Слушай, я же опьянею.

— Ты что, до сих пор никогда не пила? — В его голосе прозвучало удивление.

— Пила... Вино. Но водку?! Не приходилось.

— Вот сейчас и попробуешь.

— Я боюсь, правда... — в ее глазах застыла мольба, но Алексей оставался непреклонным. Наполнил две рюмки. В ее рюмку насыпал перцу. — Пей.

— Не буду.

— Пей! Иначе силу применю. Пей... Потом спасибо скажешь.

И она выпила. Закусила жареной рыбой. Быстро согрелась. Алексей налил еще. Подчиняясь ему, выпила. Раскраснелась. Вспомнила, что скоро придет речной трамвай.

— Спохватилась, засмеялся Алексей. — А знаешь, который теперь час? Рита взглянула на часы — двенадцатый.

— Какой кошмар! — Она вскочила. — Что же теперь делать? Как я доберусь до дома? Ты специально меня заговорил! — Она сорвалась с места, ринулась в комнату, схватила портфель, стала лихорадочно надевать куртку. Замок не слушался, тогда начала натягивать свои сапожки.

— Да куда ты! — не выдержал Алексей. — Ну, чего всполошилась?

— Я что теперь, до зимы здесь останусь? Ты тут рыбу жарил вместо того, чтобы меня разбудить к приходу трамвая! Как ты мог?! — Рита была в бешенстве. От ее слабого голоса ничего не осталось. Она кричала, не чувствуя боли в горле.

— Да погоди ты! — Поняв ее состояние, Алексей попытался остановить Риту, но та заверещала:

— Не дотрагивайся до меня!

Он вдруг быстро взял ее за плечи и встряхнул. Она только тогда и замолчала, но посмотрела ему в глаза сердито, почти с ненавистью.

— У-у! Злюка... — улыбнулся он. И быстро, зажав ее лицо в своих ладонях, жадно впился в губы. Рита попыталась вырваться, но потом приятная истома разлилась по телу. Было так хорошо! И голова закружилась...

Так же резко он отпустил ее, и Рита чуть не упала. Она качнулась, Алексей поддержал. Он снова улыбнулся: «Вот так».

Рите хотелось, чтобы он еще ее поцеловал, но она опять вспомнила про трамвай и вздохнула.

— Да не переживай ты. Нет сегодня трамвая. Засел на мели между Октябрьским и Березово. По радио сообщили. Раньше завтрашнего утра не жди.

Эта весть обрадовала Риту. Она бы захлопала в ладоши, но сдержалась и теперь вообще не знала что делать. Первым нашелся Алексей.

— Пойдем, доедим все-таки. Кстати, за рыбу не беспокойся, я ее вспорол, вымыл и подсолил. Ты, какую рыбу любишь? Соленую?

— Малосольную. — Подталкиваемая Алексеем, она прошла на кухню, села за стол. Он вышел в сени и тут же вернулся с рыбиной.

— Нельма. Очень хороша под водочку.

— Я больше пить не буду, — как можно категоричнее сказала Рита.

— Конечно, не будешь. Вот только эту маленькую, ага? Во-первых, Бог любит троицу, а во-вторых, ты еще не долечилась, хотя голос у тебя уже прорезался.

Ей стало неловко за свою истерику.

В самом деле, ну кто она такая, чтобы Алексей заботился о ней, предугадывая, что ей надо и чего не надо. Сама не маленькая, должна была и проснуться вовремя, и добраться до трамвая.

— Извини, так получилось, — она «спряталась» за ресницы. Так было удобнее. Боялась, что глаза выдадут ее сейчас, и он все поймет.

Алексей тем временем нарезал рыбу тонкими пластами, аппетитно разложил на тарелке. Первым поднял наполненную рюмку. Рита заметила, что сейчас он налил себе водки значительно больше, чем раньше.

— А ты не опьянеешь? — спросила с опаской.

— Не бойся. Я — мужик.

— Ха-ха! Мужик! — на нее вдруг напал смех. — Ну и сказанул!

— Ладно, хватит смеяться. Давай лучше выпьем за твоё здоровье.

Рита отчаянно морщилась, но выпила, и закусила горечь рыбой, изредка поглядывая на Алексея.

— Слушай, а почему ты вместе с ребятами не живешь? Бригада там, а ты здесь. Несправедливо получается.

— Почему несправедливо? Они приехали подзаработать...

— А ты?

— И я тоже. Гос-ти-ни-ца — это только сейчас. Раньше тут наше семейство жило: отец, мать и я.

— Почему — жило?

— Потому что уже не живет.

— Уехали?

— Нет. Мать болела сильно. Три года назад умерла. Сердце у нее было больное. Отец ее сильно любил. Не выдержал, напился с горя, сел в лодку и давай гонять по Оби. Ну и... перевернулся.

Рита почувствовала, как у него горло перехватило от волнения. Не стала дальше расспрашивать. Только в глазах ее появилась такая печаль, что и Алексею стало жаль себя еще больше.

— Да, не смотри ты на меня так, не рви душу...

Встал, закурил. Собрался с духом и продолжил:

— Похоронил я их рядом. В институте тогда только начинал учиться, на инженерно-строительном факультете. Когда уезжал, сказал председателю, чтобы дом наш забрали под гостиницу или еще под что-нибудь подходящее. А сам я, дескать, не вернусь сюда больше. Тогда я в это верил. Вот они и оборудовали здесь гостиницу. Да только не смог я не приехать. Строим теперь с ребятами жилье для рыбаков. Уже третий сезон. Три года подряд строим. Роман Николаевич потому и ключ мне от дома отдает — живи... Они здесь только в одной комнате убрали. А во второй все наше, домашнее, по-прежнему хранится. Только я туда не хожу. Не могу... Однако, наверное, скоро придется. На следующий год закончу институт и вернусь на Плес. Раньше не понимал, что не смогу без этой реки, без людей, которых знаю с детства. Я же вырос у них на глазах. Народ здесь суровый, но... уж, какой есть... Я так полагаю — настоящий.

Рита слушала, чертя пальцем по скатерти. Теперь ей стало понятно, откуда он появляется здесь, когда она спит, закрывшись на замок.

— Рита, тебе сейчас надо лечь под одеяло, погреться, — после долгого молчания проговорил он.

— А ты к ребятам?

— Да. Надо сходить посмотреть, как они там. Хоть сегодня и воскресенье, но они работают. Дом под крышу надо подвести. Уезжаем скоро. Занятия в институте начинаются.

Рита взялась за тарелки, намереваясь убрать со стола. Алексей остановил:

— Не надо. Это успеется. А тебе надо хорошо прогреться. Пойдем, я тебя укрою.

Подчинилась. На одеяло Алексей набросил шубу, и подоткнув со всех сторон, бросил: «отдыхай». Вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Проснулась она от его нежных осторожных поцелуев. Он, едва касаясь, целовал веки, брови, щеки, лоб. Не хотелось открывать глаза, так было приятно.

Алексей сразу понял, что она уже не спит. Это придало ему смелости. Он запустил руки в гриву ее шелковистых волос, разметавшихся по подушке, и страстно поцеловал. А когда оторвался от губ, то в уже настежь распахнутых глазах Риты прочел волнение, нежность, удивление и желание. Ее глаза притягивали магнитом.

— Господи, разве так бывает? — зашептал он почему-то.

— Что? — она тоже перешла на шепот.

— Вот так: увидел совершенно случайно. Ведь я не уехал вовремя. Задержался, опоздал на трамвай и поехал именно на том, где ты. А когда увидел тебя, понял: никуда я от тебя не денусь теперь.

— Тебе так кажется, — прошептала Рита.

— Нет. Видимо, порода у нас такая — однолюбы. Отец мой тоже в мать с первого взгляда влюбился. И умер через день после похорон. Совсем как в сказке: они жили долго и умерли в один день.

Рита хотела сказать, что она-то не любит его. Еще не любит так, как ему хотелось бы. Но именно в этот момент не могла произнести ни слова. Если не любит, то почему же ей так хорошо сейчас? Почему так хочется, чтобы он еще целовал ее? И, словно читая Ритины мысли, он целовал...

* * *

Когда в дверь заколотили ногами, они не сразу поняли, что происходит. Алексей вышел на шум. В приоткрытую дверь Рита услышала звук пощечины и разъяренную женскую брань.

Она села на постели, тряхнула головой, пытаясь привести в порядок волосы. Они рассыпались волнами по плечам, как раз в тот момент, когда Марина вбежала в комнату.

— Ах, ты тварь городская! Не успела приехать, уже захомутала парня! Тебе что, городских кобелей не хватает?! В деревню приехала искать! —

Она бы еще кричала и кричала, но Алексей, зайдя следом за нею в комнату, резко дернул ее за руку, повернул к себе.

— Если ты сейчас же не уйдешь, я с тобой больше никогда не заговорю, — сказал он тихо, но в голосе было столько металла, что верилось: именно так он и сделает.

— Алеша, миленький, да чем же она тебя присушила? Ведь скелет ходячий! Да и не пара она тебе вовсе, Алеша! Ты — мужик, а она корреспондентша. Она с тобой поиграет и бросит. Нужен ты ей, деревенский парень? Лешенька, миленький, да кто ж тебя будет любить сильнее, чем я? Сильнее не бывает, Лешенька...

— Марина, уйди, я тебя очень прошу, — все еще спокойно проговорил он.

— А как же наша свадьба, Алеша?!

— Уйди!!!

Прикрыв рот ладонью, чтобы не закричать, Марина со слезами выскочила из комнаты. Хлопнула яростно входная дверь. Рита искала глазами его глаза. Он понял. Открыто посмотрел на нее, потом бросился к ногам, обхватил колени, зарыдал.

Рита гладила его непокорные волосы и не знала что сказать. В его лукавство не верилось. И эта девушка... Такая несчастная...

— Рита, Рита, Маргарита, зачем я тебя встретил?.. На беду свою, чувствую. Марина права: зачем я тебе...

Наверное, он ждал, что она начнет его переубеждать. Наверное, ждал хоть каких-нибудь ободряющих слов. Но они не прозвучали. Она просто гладила его волосы, вместо слов говорили руки. Они утешали, но ничего не обещали...

Потом, успокоившись, он курил на кухне, а она сидела напротив, накинув шубу на плечи, и смотрела на него, запоминая каждую черточку его лица.

— У вас что, действительно скоро свадьба? — выдавила она с трудом.

— Да несерьезно это все, Рита. Так... В поселке нас уже давно поженили. Но это нас чужие языки соединили, а не мы сами. Ну, ходили, гуляли, все как обычно и как у всех... — И тут он заспешил, заторопился в своих объяснениях, чтобы она поверила, поняла, — но ты понимаешь, я только сейчас, вот за эти сутки понял, что такое любовь. Это — боль и счастье, Рита... Рита... — Он прильнул к окошку. — Прости меня, прости за Марину. Не будет у нас с ней свадьбы, даже если мы с тобой никогда больше не встретимся.

— Не бросайся словами. Я уеду, ты уедешь. Где наши дороги еще пересекутся, кто его знает, — голос ее был трезв и размерен. Она очень старалась не выдать боли, и своей столь стремительно растущей привязанности к нему.

— Пересекутся, если ты захочешь. Я могу приехать в ваш город после окончания института. Хочешь?

— Ты с ума сошел! Так надолго загадывать?!

— Рита, Рита... Вот и ты струсила. Слушай, а может быть и у тебя кто-то есть? Конечно! Я — болван! Сразу не спросил. Не может так отчаянно мне повезти. Чтобы у тебя... да никого не было? Не поверю!

— Были, — ответила сердито. — Табунами ходили. И сейчас ходят.

Что-то проявилось в ее голосе такое, отчего он сразу понял: наговаривает. Специально врет, чтобы он в себя пришел.

— Не злись. Какое это теперь имеет значение, если мы все-таки нашли друг друга.

Она промолчала. Достала блокнот, ручку, написала домашний адрес, имя и фамилию.

— Вот мой адрес. Захочешь — найдешь, — вырвала листок, отодвинула от себя.

— И ты про меня запиши.

— Не надо. Даешь знать сам, если понадобится.

— Обязательно напишу, а лучше приеду и разыщу тебя. Можно?

— Можно.

— Ты... не веришь, — не спросил даже, а произнес с расстановкой Алексей.

— Верю.

И потому, как были сказаны Ритой эти слова, Алексей понял: не поверила. Ему не хотелось, чтобы она запомнила его слабым. Он ощущал, что таким не нравится ей. Обожанием сияют ее глаза, когда он — сильный, уверенный.

— Надо узнать, сошел или нет трамвай с мели, — заговорил деловито, по-домашнему.

— Надо узнать.

— Я пойду. Скоро вернусь.

— Ага. — Внутри все окаменело. В голове засела мысль: встретила и — опоздала...

— Так я пошел, — Алексей топтался на месте, не зная как уйти, оставив ее одну.

— Иди, — она даже не взглянула в его сторону.

— Рита, — подошел, обнял нежно. И она почувствовала, что теряет власть над собой. — Рита, — шептал он, целуя ее волосы на своих ладонях, — я не могу от тебя уйти. Не могу!!! Не знаю, что со мной, — полуслепотом говорил он.

— Я тоже.

— Наверное, я влюбился в тебя с первого взгляда, может, ты колдунья? Но теперь я буду знать, что ты есть. С этой мыслью будет легче жить на свете. Я так люблю тебя...

— Я...

Он не дал ей договорить. Всю свою страсть вложил он в долгий поцелуй. В какой-то миг они оба оказались на полу, не отрываясь друг от друга, катались, распаленные неведомым ранее чувством. И только ког-

да руки Алексея заблудились на ее теле, Рита дернулась. Он замер. Сделал еще одну попытку погладить ее маленькую грудь, но цепкие пальцы ухватили его за руку и отвели в сторону. Он оторвался от нее, умоляюще посмотрел воспаленным взглядом в ее глаза, весь дрожа, прерывисто проговорил:

— Ну, почему?

— Не надо. Слышишь? Не надо. Я тебя умоляю...

Он сделал над собой невероятное усилие... Встал, поднял Риту на руки, отнес на постель. Поцеловал уже почти спокойно.

— Полежи. Я сейчас вернусь. — И быстро вышел.

Рита тут же встала, в кухне на столе нашла оставленные сигареты. Закурила. Раньше просто баловалась с девчатами, а сейчас ей неудержимо захотелось покурить. Пускала дым и думала о том, что произошло. Теперь все это казалось ей отвратительным: слабость, истощенный крик Маринки, очевидно, расстроенная по ее вине, свадьба...

Она пыталась оправдывать себя и не могла. Виновата. Кругом виновата... И никуда от этого не денешься.

* * *

Алексей быстро вернулся.

— Трамвай уже идет. Через час будет здесь. Одевайся, — заявил прямо с порога. Рита сидела, не шелохнувшись, смотрела на него. Уезжать не хотелось.

— Ты плакала? — он приблизился, взял ее лицо в ладони и внимательно посмотрел в глаза. Они действительно повлажнели от слез.

Упрямо покачала головой.

— Плакала! — Он бешено стал целовать ее лицо, глаза и быстро-быстро, между поцелуями, шептал:

— Птичка ты моя залетная, красивая девочка, слабенькая, обиженная, любимая моя...

Рита не сопротивлялась. Из глаз выкатились две крупные слезинки, и Алексей подхватил их губами.

— Ну, что ты? Это же не навсегда. Мы обязательно увидимся. Увидимся же? Увидимся. — Спрашивал и сам отвечал торопливо, боясь не досказать всего, что накопилось в душе. — Я, как приеду в Тюмень, сразу напишу. Будешь ждать?

Рита мотнула головой — да.

— Ну, вот и умница. А теперь одевайся. Лодка у берега ждет. По грязи больше не пойдем.

Оделась, он взял портфель. Потом поставил его.

— Погоди, в последний раз... — и снова страстно поцеловал ее.

На улице уже стемнело. Дорогу освещал прожектор. Он висел высоко, и его хорошо было видно из любого уголка поселка.

Шли быстро. Рита едва поспевала за ним, иногда переходя на бег.

На берегу действительно ждала лодка. Трамвай уже подходил к тому месту, где двое суток назад высаживал пассажиров.

— Давай, быстрее, — крикнул какой-то парень, заводя мотор.

Алексей подал ему портфель. Затем легко поднял Риту над водой, поставил на нос, оттолкнул лодку и прыгнул сам.

Мотор взревел, и лодка помчалась. На корме горел красный фонарь. Алексей сел рядом, распахнул свою куртку и укрыл Риту, крепко прижав к себе.

Говорить было бесполезно, а кричать не хотелось.

К трамваю добрались, когда уже шла посадка. Так же быстро Алексей спрыгнул на берег, принял портфель, вновь подхватил на руки Риту и пошел через илистую грязь к судну. Люди, стоящие на берегу, засмотрелись на него.

— Кого это ты, Алеша, так нежно? — громко и не без ехидцы спросила крупная женщина. — Уж не корреспондента ли?

— Ее самую, — спокойно ответил он.

— Молодец, знай наших! А то городские думают, что у нас одни мужланы здесь живут.

Он поставил Риту на трап. Она протянула ему руку:

— Спасибо. До свидания.

— До свидания, — ответил тихо, многозначительно.

— Девушка, поспешите, посадка заканчивается... Разрешите, помогу? — матрос взял портфель в одну руку, а другой, приобняв ее, подтолкнул вперед. Рита оглянулась на Алексея. Он смотрел на нее призывающе. Матрос торопливо шел по трапу вперед и увлекал за собой Риту.

Уже из окошка Рита увидела: Алексей стоит с одной из провожавших кого-то женщин и кивает, слушая ее. Потом, уже, видимо, не надеясь разглядеть ее в окне, махнул рукой на всякий случай, и пошел к лодке.

Трамвай отчалил.

«Вот и все, — потерянно думала Рита. — Все. Марина, конечно, от него не отстанет. Поженятся. И будут они жить долго и счастливо, и потом умрут в один день».

В салоне было по-прежнему накурено и грязно. Риту начало трясти. Она не знала: от холода или от волнения ее стало лихорадить.

А она все смотрела в окно. Неужели прошло всего трое суток?! Не может быть!.. Ведь важная страница ее жизни была написана за эти семьдесят часов! Встреча с незнакомым миром... Средоточие холода, доброты, пугающих волн, обретенной нежности... чужая человеческая драма... собственная боль... и неизвестность... Все вместили эти мгновенно пролетевшие часы и сутки. Кажется, целая жизнь... Та жизнь, от которой ее сейчас уносил маленький, упрямый речной трамвайчик... Долгий Плес исчез в дали. Что же в сердце-то останется...

КОМУ НУЖНА ЗВЕЗДА УДАЧИ

Раньше Алексей редко слушал радио. В основном – известия, музыкальные передачи, реже – «Театр у микрофона», спектакли которого шли вечерами в часы его одиночества. Обычно не различал, чьи это были программы: московские, областные или окружные. Главное, чтобы было увлекательно и помогало скротать время. Встреча с Ритой все изменила. Теперь само понятие «эфир», «радио» вдруг обрели для него особый смысл. Теперь он посвящал им каждую свободную минуту и слушал все подряд: новости, репортажи, интервью... И, конечно же, жаждал услышать любимый голос. Ждал этого мгновения и... боялся... Вдруг она что-нибудь перепутает – фамилии, имена, неправильно воспользуется рыболовецкими терминами или не сможет разобраться в специфике производства.

Он ухитрился изучить даже сетку вещания окружного радио. И теперь точно знал, какое время определено для выхода его передач в утренние, дневные и вечерние часы. И старался именно в эти минуты находиться у радиоприемника.

Наконец – дождался: Ритин репортаж появился в эфире через неделю. Назвала она его «Хроника одной тони». Сначала метроном отступал секунды, потом зазвучал голос Риты. Он был узнаваем, но в нем ощущалась некая отстраненность, что ли... В эфире звучал уверенный голос старательно выполняющего свою работу человека. Что-то чужое для Алексея было в этой уверенности.

* * *

Из репортажа Риты Васильевой.

«10 октября. 23 часа 30 минут.

Речной трамвай, уходя, дал прощальный гудок, и снова наступила такая тишина, что слышно стало журчание ручейка. Рыбацкий поселок Долгий Плес. Смотрю на небо. Там мириады звезд. Выбираю пять самых ярких из разных созвездий. Это – звезды рыбаков звена Ярковых, к которым я сегодня приехала. Ведь недаром поется: «У рыбака своя звезда».

Пробую выделить звезду звеньевого. По-моему, она должна быть самой яркой. Она просто не имеет права излучать слабый свет. И нахожу – вот она – звезда Сириус.

Никого нет, только я, звезды и маленький ручеек, рассказывающий свою бесконечную историю...»

«Интересное начало, — оценил Алексей. — Только про меня почему-то ни словом не обмолвилась, — шевельнулась внутри обида и тут же угласла: не про него речь, про звено рыбаков Ярковых».

«11 октября. 18 часов. Минута в минуту. Все в сборе. Сразу едем к плашкоуту. Быстро темнеет. Сильный, озорной ветер пробивается поверх стекла, треплет волосы. Чувствую, как поднимается настроение от бурно разыгравшейся стихии. Перед глазами расстилается простор, уже наполовину скрытый сумерками, но я его ощущаю в мятущемся, злом ветре. Думаю, как все-таки здесь здорово! И можно ли привыкнуть к разнообразию и богатству природы...

В каюте плашкоута жарко натоплено. Рыбаки переодеваются и, снося в путь, уже на мотобударке и неводнике. Плашкоут не может подойти к берегу, там слишком мелко. Едем к тоням. Тони — это места, расчищенные от коряг. Начало и конец каждой отмечены вешками. Бударку ведет Геннадий Ярков. Он очень легко и быстро ориентируется в темноте и точно приводит лодку к первой тони. Мотор выключен. Слышится, как плещется вода и свистит сильный ветер.

Мы находимся на рыболовецких песках под названием «Ермак». Они представляют собой своеобразную косу на изгибе реки, куда речные волны годами наносят песок. В результате получается промысловая тонь. Берег здесь илистый, ноги проваливаются в вязкую жижу. На одном месте стоять нельзя, засосет. Но, собственно, рыбакам стоять некогда. Двое — Саночкин и Светлолов — вылезают из лодки и в лучах прожектора, установленного на плашкоуте, тянут невод вдоль берега. На профессиональном языке их называют пятовщиками. Они-то и держат конец невода, который должны привести к так называемой притони. Павел Ярков и Анатолий Вершинин садятся в мотоневодник и сбрасывают другой конец невода в реку. Для непосвященных объясняю: мотоневодник — это небольшой катерок, который идет вдоль берега на замет. А мы с Геннадием Ярковым, продолжая сидеть в бударке, потихоньку продвигаемся вперед».

— Во, дает! — удивился Алексей. Неужели можно вот так, сходу, включить магнитофон и говорить, не останавливаясь, несколько минут!?

Между тем Рита продолжала:

«Работают в звене братьев Ярковых очень быстро и споро. Никому не нужно объяснять, что и как делать. Каждый знает свое место, свою работу.

После того, как невод спущен в воду, Анатолий Вершинин переходит в нашу бударку, а Павел Ярков начинает править невод.

Сильный ветер пронизывает все тело, небо заволокло тучами, но, говорят, по такой погоде лучше ловится рыба».

Метроном вновь отстучал секунды. Рита продолжала репортаж:

«21 час 20 минут.

Двигаемся вперед. Продолжительность пути зависит от размера тони. Наконец, бударка идет к берегу. Анатолий Вершинин выпрыгивает из лодки и начинает вытаскивать невод. Делает он это мастерски, остальные рыбаки подходят к притони и начинают выбирать рыбу в большую широкую лодку. Сегодня это уже третья тоня.

— Ну, как, сейчас больше рыбы?

— Побольше, — соглашается Анатолий. (Видимо, он не поворачивается к Рите и потому его голос звучит глуховато.)

— Сколько тут центнеров примерно?

— Два с половиной центнера будет».

Сышен шум голосов. Мужики шутят: «А если в килограммы перевести, то 250, а в граммы — и того больше». По специальному звуку Алексей понял — в катерке бьется рыба.

Снова отбил метроном и снова заговорила Рита:

«12 октября. Первые минуты нового дня.

Мы сидим в плашкоуте, ужинаем за общим столом, обжигаясь, пьем чай. За ночь нужно выловить восемь центнеров рыбы. За пять притонений выловлено почти семь. Удивляюсь. Вроде бы все видела собственными глазами. Видела, как четко отработаны движения каждого рыбака, и все-таки хочу найти еще какое-то объяснение успеху. Ведь до конца рабочей смены еще уйма времени.

— Значит, вы снова перекроете план? Как же это у вас получается?

— А мы приезжаем на плашкоут, смотрим, в какую сторону ветер дует, на каких тонях рыба сегодня будет».

Алексей узнал голос Светлолова. «Шутник нашелся», — беззлобно подумал про себя.

«В звене его называют Василек», — сообщила слушателям Рита. А тот продолжал чудачить: «Молитву читаем. Рассказать?»

В ответ раздался дружный смех. Видимо, никто из рыбаков и предположить не мог, что корреспондент включит этот фрагмент в передачу.

По мнению Алексея, Рита все излагала правильно. Последовательно и четко хронометрировала работу рыбаков.

«Пока отдыхали, вспоминали забавные случаи, любимые кинокомедии, — донесся до него голос девушки. — Я чувствовала себя так, будто попала в хорошую, дружную семью. С одним из ее членов я вас познакомлю поближе. Юрий Петрович Шишkin. Его рыболовецкий стаж сорок лет. Согласитесь, это же целая эпоха!»

— Юрий Петрович, с чего начинался трудовой путь?

— Ой, — тяжело вздохнул Шишkin, — с тринацати лет меня в рыбалку вперли. Отец на фронт ушел. Нас шестеро, детишек-то, у матери осталось. Я — самый старший. А младший, седьмой, уже после войны народился, в 45-м. Вот мне как старшему и досталось всего хлебнуть. С лихвой нахлебался.

— Кто же был вашим первым учителем в рыболовецком деле?

— Учителем? — удивился рыбак. — А чего тут учить-то? Дедушка-рыбак, отец-рыбак и мне досталось это же... В тринадцать лет на Сулецкой уже коней гонял.

— Это как? — не поняла Рита.

— Да вот так, девка. Этой-то техники, какая сегодня у рыбаков, не было в те времена. Невода конями тянули. Вот я пацаном коней тех и гонял. Пять лошадей стояло в "воротах". Стало быть, их запрячь нужно было и гнать вдоль берега. Да-а, во время войны "ворота-то" конями тянули, невода, то есть. — Помолчал немного, снова вздохнул. Рита не прерывала старого рыбака. Но Юрий Петрович недолго держал паузу:

— А потом подрастал, подрастал — подборы стал брать. Сила появилась — стал брать подборы и кидать, то есть невод-то этот. Потом меня в армию забрали, четыре года отслужил и обратно вернулся. Звеньевым поставили.

— А когда легче стало работать?

— Я не скажу когда, однако, и сейчас на рыбалке нелегко. Маленько полегче, конечно, стало. Вон, какая техника работает, и то руками тянут невода. Да, на рыбалке — оно легче и не будет! Холод, смотри, какой! А они в воде по колено! Шугу уже несет. Отсюда и болезни всякие. Тяжелый труд рыбакский, что и говорить... — опять вздохнул Шишкин».

Алексей поймал себя на том, что слушает с интересом. Ведь Юрий Петрович столько лет рядом с ним прожил в одном поселке, дружил с его родителями, вместе на рыбалку ездили. И не знал Алексей, что вот такая непростая судьба у Петровича.

«Вы ведь уже на пенсии. Могли бы не работать, — отвлек его от воспоминаний голос Риты. — Многие ждут — не дождутся, когда можно не работать. А вы...

— А я не могу! Не привык сидеть дома. Скучаю как-то. Весной уезжаю с конями рыбоучастками на весновку. Весну с конями. Приезжаю с весновки, мужики собираются на рыбалку, и я с ними опять еду.

— Юрий Петрович, 40 лет проработали, а что заработали?

— Заработал? — вновь удивился Шишкин. — Да вот, что на мне, то и заработал. Болезней кучу... Ноги болят... — Снова вырвался вздох из груди рыбака. — Да, вообще-то, чего жаловаться? Дом сам построил. Тогда еще отец — ныне покойный — помогал. Раньше ведь как? Домишко задумал строить — вся деревня бежит. Раз-раз — и домишко твой готовый. А сейчас не так, народ не тот стал...

— А что самое тяжелое в рыболовецком деле: найти счастливый, "золотой" песок, где рыбы много или что-то другое?

— Много лет надо поработать, чтобы рыбку хорошо ловить...

— Все-таки какой-то секрет в этой профессии есть?

— Есть, я думаю, но сказать не скажу.

— Я вот вас слушаю, и мне показалось: вас не покидает чувство оби-

ды. Обиды на что? На долю свою или на время, в котором жили? Или на конкретных людей?»

«Ну, дотошная! – восхитился Алексей. – Это ж надо, такие вопросы задавать!»

«– Все бывало, – откровенничал Шишкин. – Иногда увезут нас на три месяца на пески, мы там с голоду пухнем. Хлеба не привезут и мы комбикормом-то весь у лошадей съедим, потом лошадь пристрелим, ее тоже съедим. Домой приедем – нам эту лошадь на счет поставят и опять мы в авансе у конторы. И всю жизнь так в авансе и проживаем... Если б не баба моя, с голоду бы померли... Она у меня в торговле работала. Так за счет бабы и прожил, считай... Здесь вон какие тонны рыбы ворочаешь, а придешь к кассе – 150–170 рублей не больше... выдадут. Живи как хочешь».

Несколько секунд в эфире длилось молчание. Словно Рита не знала, о чем дальше говорить. Наконец, нашлась:

«– Неужели все так плохо?

– Сейчас-то нет. Нормально сейчас за рыбку платят, хорошо даже, можно сказать. Работаем не скучно.

– Сколько же вы получаете помимо пенсии?

– Я? – удивился Шишкин. – Что ты, девка! Я приехал на отдых. Я не в бригаде. Приезжаю к своим ученикам, как к сыновьям. И все. Поеду домой – полмешка муксуна положу, и покатил к внукам. Мне предлагают: дед, ну давай мы тебя в бригаду оформим. – Ни в жисть! Зачем? Мне 120 рублей в месяц государство пенсии платит, да бабка моя пенсию получает. Нам хватает со старухой. Зачем мне нужны лишние деньги? К чьему они мне? Ни грамма мне не надо! Вот пойдет народ на отдых зимний, и я с ними пойду. Отдохнем – и по весне снова на рыбалку.

Немного подумав, Юрий Петрович добавил:

– Тяжело рыбаком быть, а все одно – без этой работы я жить не могу».

Метроном вновь отбил время. Рита продолжала свое повествование. А Алексей подумал: «Все-таки, она прекрасная девчонка... и талантливая. Надо обязательно позвонить и сказать ей об этом».

И снова Ритин голос:

«– Всё сейчас мотоневодник уже подошел к берегу. Рыбаки все еще выбирают из невода рыбу. Ее очень много. Или мне так показалось? Этот вопрос я задаю звеньевому Павлу Яркову.

– Нет, не показалось. Улов сегодня, действительно, хороший, – подтвердил, нисколько не тушуясь старший из братьев».

Это Алексей сразу отметил, потому что братьев Ярковых знал тоже с малолетства и дружил с обеими семьями.

«– Павел Иванович, самая сложная операция из всей этой технологической цепочки – какая?

– Самое сложное – там, где тяжелый физический труд. Невод у нас 450 метров, и он практически выбирается вручную. Лебедки у нас очень слабенькие, а самая тяжелая операция – это набор невода.

— Чем можно облегчить труд рыбаков при механизированном вылове рыбы?

— У нас неводной лов. Считается, что он на 80 процентов механизирован. Но это только так считается. Надо усовершенствовать неводные лебедки. На новом мотоневоднике — там все это продумано. Три барабана. И рыбакам не приходится гнуть спину. Они свободно берут невод.

— Оправдана ли добыча рыбы в любую погоду? Ведь сегодня уже шуга идет по Оби.

— Оправдана. Вот летом работать приятно и легко. Природа красива, да и тепло. Даже искупаться можно... Бывает такое время».

«Прямо поэт, — почему-то с завистью подумал Алексей. — Интересно, а как бы я ответил на вопросы корреспондента? Засмущался бы, наверное. А может, наоборот, речь потекла бы красивой песней, вдохновленная удивительной девушкой с "репортером" на хрупком плечике. Коробка эта почти семь килограммов весит. А Пашке что? Он ее даже не пожалеет. Поди и не помог, когда из лодки выбиралась».

Неподдельный интерес Риты к рыболовецкому промыслу и к людям, с которыми она беседовала и о которых рассказывала в репортаже, почему-то вызвал зависть в душе Алексея. Ему захотелось быть в эти минуты рядом с ними, чтобы показать, каков он, Алексей Серебряков — потомственный рыбак, с малолетства привыкший и к непокорной реке, и к тяжелому труду, и к самостоятельности, так необходимой в мужском деле.

«—А когда начинается осень, — продолжал между тем бригадир, — надо где-то в течение часа держать холодную подбору в руках. Подбора — это невод, из которого выбирают рыбу. Наш термин, — пояснил для Риты или для радиослушателей Ярков. — Тяжело, конечно, но план есть план. Его надо выполнять в любую погоду.

— Я обратила внимание, что пятивщики, прежде чем пойти по берегу, успели искупаться в ледяной воде, выпрыгнув из катера. Думаю, радиослушателям понятно, насколько тяжела и в какой-то степени даже опасна для здоровья такая работа.

— Да, вымокнуть в начале замета неприятно, конечно, но что поделаешь? Вода есть вода.

— Вы пятилетку выполнили за два с половиной года. Что помогло этому?

— А-а, это — мужики, — Ярков с гордостью и явным удовольствием, проявившемся в голосе, начал рассказывать какие люди в его бригаде работают — богатыри! Каждый с детства к рыбакскому делу приучен, места знают. А главное — не ленятся и не пьют. На это наложен запрет категорический».

Серебряков знал: это — правда. В поселке по праздникам выпивали, а на рыбалке — ни-ни!

«— Помните, в песне поется: "У рыбака своя звезда..." У вас есть такая звезда? — поинтересовалась Рита.

— Раз здесь работаю, значит, нашел свою звезду.

— А что лично вам нравится в вашей тяжелой работе?

— Да все. Посмотри, как красиво вокруг! Река свинцовая, луна оберегает нас постоянно, звезды наблюдают за нашей работой. Люди рядом надежные. Такие не бросят в беде и подлянку не сделают. Мы ведь друг друга знаем как свои пять пальцев. В деревне, а тем более на рыбалке, не скроешься. Тут — только настоящие мужики. Это же тяжелейший физический труд!»

«Молодец! — отметил про себя Алексей, — правильно сказал».

А Рита вела репортаж дальше.

«— В чем же ваше рыбакое счастье?

— Чтобы понять рыбакое счастье, надо быть рыбаком...

— И все-таки? — настаивала она.

— Если говорить о счастье, это — богатый улов. Вся эта живая рыба, живая работа — вот это счастье. Конечно, у нас еще много сложностей. Допустим, любой другой пришел на свое рабочее место и примерно знает, к какому результату придет к концу дня. У рыбаков этой определенности нет. Что может случиться с ними в следующую минуту, никто не знает. Вот такая наша жизнь... разнообразная...»

Метроном отстучал еще несколько ударов.

«Пять часов 25 минут. Ночь позади. На реке особенно прекрасен рассвет. Здесь он как-то ярче: половина неба светлая, половина еще темная.

Сдаем последнюю рыбку. С интересом слежу, как быстро рыбаки разгружают бударку, таскают на носилках рыбу на весы, взвешивают и сбрасывают ее на лед и в трюмы плашкоута».

В звонком голоске корреспондента появилась хрипотца. Видимо, холод совсем достал ее. Начала замерзать и сипеть.

«Хоть бы в рубку зашла и оттуда дальше вела свой репортаж. Все равно не видно, где она и откуда говорит», — посетовал про себя Серебряков. Он не знал, что девушка, которая так понравилась ему с первого взгляда, не умеет и не желает хитрить. Сейчас, слушая передачу, он отчаянно волновался за ее здоровье. Хотя знал, что все уже позади, и это он лечил Риту от ангины... Алексей невольно отвлекся, вспоминая как все было в ту ночь.

«Результат работы превзошел мои ожидания: нынешний улов — шестнадцать центнеров семьдесят килограммов. Более чем в два раза перекрыли план! Но Василек улыбается: "Бывает лучше". Погода, как вы уже поняли, не преграда для сильных и мужественных людей. Лов не прекращается ни в дождь, ни в снег. Надо заметить, что в невод часто попадают коряги, бревна. Приходится вытаскивать их из воды, фактически чистить реку. А потом, уже на берегу, производить мелкий ремонт невода.

...Последние дни путины самые сложные. Идет снег. За ночь вода покрывается корочкой льда. Но рыба продолжает поступать в прием-

ные пункты рыбоучастка. Перерыва нет. Разве что самый маленький: до наступления зимы, когда начнется подледный лов.

И снова мы мчимся навстречу ветру и солнцу, в поселок, домой... Закончилась ночная смена, завершилась и моя командировка в рыбакский поселок Долгий Плес. Думаю, что встреча эта не последняя. Звено молодое. Значит, впереди новые рассветы и закаты на красавице Оби, новые достижения, рекорды, потому что впереди — вся жизнь.

А мне снова в путь! Меня ожидают новые встречи с замечательными людьми, которыми так богат наш суровый край... А Долгий Плес и его рыбаки займут в моей памяти и в моей душе свое особое место».

Голос Риты затих. После мгновения эфирной тишины, диктор объявил другую передачу... Алексею же казалось, что он все еще слышит чуть хрипловатый голос Риты... И звук ее голоса сейчас удерживало не его сознание, а любящее сердце.

* * *

На работу в этот день Алексей Серебряков пришел в особом настроении. Председатель сельсовета уже был в кабинете и встретил его как родного.

— Ну, поздравляю, — пожимая руку Алексею, восторгался «пред».

— С чем? — сделал вид, что не понял.

— Как с чем? С репортажем! Надо же, какая девчушка попалась нам! И ты с такой подружился, а?! Молодец!

— Да что вы, в конце концов, Роман Николаевич! — смущился Алексей.

— Знаю, знаю, — самодовольно улыбался тот. — Позвони ей. Поблагодари. Она же, небось, телефончик оставила?

— Нет.

— Как так? Не может быть! Давай в редакцию позвоним, сами узнаем.

— Не надо.

— Ну, если ты не хочешь, я сам позвоню.

Иванов стал искать на столе окружной телефонный справочник. Алексей почувствовал, как сильно забилось сердце. И зачем соврал? Ведь только ради этого и зашел к председателю, чтобы позвонить Рите. Вот сейчас пройдет несколько минут, и он услышит ее голос. Какое счастье!

* * *

В это время года утро наступало рано. Оно тихо вползало в комнату серыми рассветными тенями, вычерчивая тусклыми контурами мебель. И уж потом едва видимые силуэты превращались в ясные и точные очертания предметов и вещей. Тишина, таявшаяся за окном, медленно разрушалась. И словно завершающий аккорд в окно врывался оголтенный птичий хор. Утро...

Сегодня голоса птиц Риту разбудить не могли. Накануне она допоздна читала, легла спать около двух часов ночи. И проснулась лишь от настойчивого трезвона. Телефон установили только вчера, она еще, собственно, ни разу не слышала его звонка, поэтому не сразу сообразила: откуда доносится это требовательное треньканье.

На ощупь, не открывая глаз, побрела к столу, подняла трубку.

– Привет! Ну, ты даешь! Весь поселок на ушах стоит!

– Кто это? – спросила сонно.

– Не узнала? Эх, ты...

Это был Алексей. Как же он узнал номер домашнего телефона?

– Алеша, ты? В такую рань?

– Какая рань?! – подхватил он. – У нас рабочий день в разгаре. А я из кабинета председателя посовета звоню. Сегодня на утренней планерке только про тебя и говорили. Вернее, про твой репортаж. Все-таки, здорово получилось! По-серъезному.

– Спасибо. – Она улыбнулась, и он будто увидел это.

– Все нормально? – спросил на всякий случай, заранее зная ответ.

– Нормально. У меня тоже планерка будет, в девять часов.

– Понятно. Как же без планерок?.. У нас без этого ни шагу. Ты там своим передай, что нам твой репортаж понравился. Даже очень!

– Я не могу этого сделать.

– Почему?

– Есть такое понятие – скромность. Так вот, мне о своем материале говорить неэтично. Коллеги должны высказать свое мнение. Понимаешь?

– Понимаешь... – с некоторым сожалением повторил он. – Тогда мы сами сообщим твоему редактору. И тоже выскажемся. Имеем право.

– Кто это «мы»? Ты? Не надо этого делать, очень прошу тебя!

– Ну, если и не я, так начальство позвонит.

– И этого тоже не надо!

– Почему? – нарастило удивление в его голосе.

– Не надо и все, – упрямо повторила она.

– Ну, знаешь... Хочешь – не хочешь, а мы сделаем так, как считаем нужным. Пока.

И положил трубку.

«Вот упрямый! Ведь и правда может позвонить», – подумала она и с досадой хлопнула трубкой. Но злости не было. Опять проявление его твердого мужского характера вызвало чувство уважения. В конце концов, почему он не может сделать так, как хочет? Почему должен подчиняться только ее желанию?

Думать над этим было уже некогда. Надо поторопиться.

На планерку она все же опоздала. Владимир Ковеленов, делающий обзор творческих работ коллег за неделю, как всегда разложил микрофонные папки по стопочкам: это – новости, это – тематические передачи. Он уже успел дать общую оценку работы коллектива.

— Извините, — пролепетала Рита, усаживаясь осторожно на краешек стула, стоящего у двери. Никто не посмотрел в ее сторону. Главный, обычно не терпящий опозданий, на этот раз отреагировал совершенно спокойно.

Вслушалась в то, что говорил Ковеленов. Как всегда его разбор был обстоятельным. Рита затаилась. Она боялась и того, что про ее репортаж уже все сказали, и того, что о нем вообще ничего не скажут. Это было бы сокрушительным ударом по самолюбию. «Пусть уж лучше разнесут в пух и прах, нежели промолчат». И тут же услышала:

— Хочу отдельно сказать о первой серьезной работе нашей новой сотрудницы Риты Васильевой, — говорил Ковеленов. Сердце вздрогнуло и ушло в пятки. Побелело лицо, руки похолодели. Рита вцепилась онемевшими пальцами в стул.

— Не скрою, — вещал между тем Ковеленов, — располагая столь живописными материалами, я бы этот очерк сделал по-другому. Может быть, кто-то из нас распорядился бы информацией о завершении пятилетнего плана в два с половиной года более основательно и нашел бы сугубо деловой или партийный подхода. Действительно, есть о чем рассказать. Но Васильева нашла свой, оригинальный ход и сделала передачу очень человечной. Этим привлекла внимание радиослушателей. Уже получены хорошие отзывы, а таких откликов добивается не каждый журналист. Тем более, после первой же передачи. Есть чему позавидовать. И есть за что поблагодарить молодого корреспондента.

«Все-таки позвонил», — с досадой подумала Рита. Почему-то сейчас ей было это особенно неприятно, даже стыдно. Как будто она нарочно договорилась с Алексеем.

— А кто звонил? — спросил Николай Алипов, редактор тематических программ. — Из поселка?

— Нет, не из Долгого Плеса. Звонили из промышленного отдела окружкома партии, — ответил Ковеленов. — Им понравилось. Так и сказали: зрелая передача.

— Ничего себе! — не сдержал кто-то удивления.

— Давно такого не бывало, — заметил Николай.

— Я надеюсь, что вы тоже слушали передачу. И, думаю, согласитесь с моим предложением: лучшим материалом недели признать репортаж с Долгого Плеса. Автор — Рита Васильева.

Проголосовали единогласно. Спеша в редакцию, она ожидала чего угодно, но только не этого. Наверное, поэтому бледность лица мгновенно сменила пунцовость щек. Внутри все ликовало. Она пыталась сдерживать себя, но все же... расплылась в сияющей улыбке, озарив ею сумрачный кабинет Главного. И коллеги заулыбались, пожимая ей руки и поздравляя.

Планерка закончилась. Начался обычный редакционный день.

В коридоре она повстречала собственного корреспондента областного комитета по радиовещанию Валерия Константинова.

— Рита, вы могли бы переписать свой репортаж для нас, — предложил он. Константинов раньше работал в штате окружной редакции. Но когда в области решили, что должен быть в автономном округе их собственный корреспондент, его пригласили на эту должность. Был он не в пример своим местным коллегам очень скромным незаметным человеком с тихим голосом и всегда старался держаться в тени.

Сначала Рита никак не могла совместить все эти качества с обязанностями собственного корреспондента области. Ей казалось, что человек на этой должности должен быть активным, постоянно «вгрызаться» в выявленные недостатки и критиковать местные органы власти, быть у всех на виду и непременно вызывать чувство зависти у местных коллег. Как-никак работает на область.

— Репортаж? — повторила она, словно не поняла. — Да-да, конечно, — поспешила согласиться, но вдруг засомневалась: — А что, он действительно тянет на область?

— Тянет, тянет, — уверил ее областной собкор, стеснительно улыбаясь.

Через день репортаж прозвучал по областному эфиру в прямом эфире.

Но Рита Васильева к тому времени была уже поглощена совершенно другими заботами.

ОЖЕГ НА БЕРЕНДЕЕВОЙ ТРОПЕ

Редакция готовилась к очередному всенародному празднику. Для творческих коллективов это самое трудное время. Нынешний канун торжеств исключения не составил: предстояло организовать задел на несколько дней вперед по тематическим передачам. Часть сотрудников отвлекалась от текущих программ на подготовку специальных репортажей прямого эфира во время демонстрации в окружном центре. Кто-то работал над сценарием этой трансляции, кто-то подбирал музыкальные врезки, песни, стихи... Словом, забот и переживаний хватило всем. За этой суетоложкой никогда было подумать о себе. Как всегда самый большое напряжение было в «Новостях». Работа эта требовала постоянного присутствия. Утром — заказ телефонных номеров по межгороду — поиск информации в глубинках округа. Хорошо, если в местных газетах копились новости окружного значения. Это был самый легкий путь добычи. Гораздо труднее искать привлекательные сюжеты на предприятиях. Рита еще плоховато знала специфику этой работы. К тому же, в плановых отделах, где ей посоветовали брать информацию, подолгу допрашивали по телефону: кто она, откуда, по какому поводу звонит и какие конкретно данные ей нужны.

Трудно было скрыть досаду на себя и на своего собеседника на другом конце провода, хотя Рита старалась вести переговоры в сдержанном тоне. Иногда вместо добротной информации общение приносило лишь чувство раздражения, и бывало это гораздо чаще, чем хотелось бы.

Напротив Риты за соседним столом работала Нина Нестеровна Семенова. Рассказывали, что ей было уже за сорок, когда она вдруг решила сменить профессию и перейти из сельхозотдела окружкома партии в редакцию информационных программ окружного радио. Ее «труды» беспощадно редактировал Главный. Написанные Семеновой информационные материалы машинистки чуть ли не со стоном перепечатывали по пять раз. Однако это обстоятельство ее мало смущало. Перед Ритой Нина Нестеровна держала марку бывшего журналиста, хорошо изучившего округ и его людей, знающего толк в промышленности и сельском хозяйстве гораздо больше, нежели коллеги.

Нина Нестеровна, чтобы придать некий объем редким волосам, подкрашенным хной, прибегала к химической завивке. Глаза она не

подводила, но на веки накладывала густые голубые тени, а губы красила только ярко-красной помадой. Этот образ, ежедневно маячивший перед Ритой, раздражал ее до такой степени, что хотелось попроситься в другой кабинет. Но редактор уверил девушку, что «Новости» для нее – это ненадолго, что она непременно должна пройти эту трудную, но весьма полезную школу и, закончив ее с «отличием», двинуться дальше.

Утешая себя этой надеждой, Рита искала и находила своих авторов – надежных и умных корреспондентов из глубинки. Нину Нестеровну слегка бесило то, что у новенькой все получается просто, без особых нервных срывов, без умопомрачающих усилий, которые приходилось затрачивать ей, опытному человеку, изо всех сил стремящемуся встать в один ряд с известными коллегами-журналистами.

Знала Рита и о том, что Семенова однажды попробовала самостоятельно сделать целевую передачу. Даже на радиоочерк замахнулась. Попытка эта была единственной. Тот же Володя Ковеленов на планерке раздергал ее произведение на цитаты, а потом со смаком, с нескрываемой издевкой все проанализировал: от замысла, используемых эпитетов и образа героя – до стилистики и грамматики… Это был незабываемый разбор «художественного произведения». После такого, вероятно, нужно было признать собственную несостоятельность и уйти. Но куда? Место в отделе сельского хозяйства было уже занято другим специалистом, а оказаться не у дел за четыре года до пенсии Нине Нестеровне не хотелось.

Вот она и решила во что бы то ни стало удержаться хотя бы здесь – в отделе информации – и уйти на заслуженный отдых с достойной уважения должности творческого работника. Хотя именно таковым она никогда не была и шансов наверстать упущенное не имела. Может быть, другой человек и добился бы своего, но ей это было не дано. Так они и смотрели украдкой друг на друга: одна – с завистью, другая – с сожалением.

За неделю до празднования очередной годовщины Октября из Москвы пришла телеграмма: «День округа на ВДНХ состоится 15 ноября. К этой дате следует подготовить разноплановую часовую передачу, в которой необходимо представить материал о промышленности и сюжеты об отдельных людях. Подчеркнув особую, руководящую роль партийных органов на местах и в целом».

Главный собрал срочное совещание. Когда прочитал текст телеграммы, все ахнули.

– Ни фига себе! Когда же всем этим заниматься?! – выдохнул Ковеленов. – Они там что, с ума посходили, что ли?!

– На бесполезные комментарии нет времени, – остановил его Гельберт, – будем искать выход. Ваши предложения, коллеги?

Начали судить да рядить. Вскоре всем творческим работникам определили темы и количество минут. Общий сценарий должен был написать Ковеленов. Ему же поручили контролировать подготовку отдельных разделов передачи.

Получила задание и Рита. Ей предстояло срочно выехать к лесникам. Встретиться с бригадиром, которому на днях должны были присвоить звание Героя Социалистического Труда. Об этом в окруж сообщили из Москвы, естественно по секрету. И дали понять, что в передаче на ВДНХ сюжет об этом человеке должен быть непременно.

Схема командировки традиционна, проста и лихорадочна. Два дня на дорогу. Один день в бригаде. День на подготовку материала. Все! Режим цейтнота.

— Поешь с инструктором окружкома партии Петром Филаретовичем Недригайло. Он как раз в тот район отправляется по своим делам. А для нас, сама понимаешь, самое сложное — транспорт. Туда только на на УАЗике и можно добраться. Наша машина не доедет. Вот телефон инструктора, о встрече с ним договоришься сама, — Главный протянул листочек с номером телефона.

Рита позвонила сразу же, выйдя из редакторского кабинета. Боялась не застать партаппаратчика. И правильно сделала. Петр Филаретович уже собирался уйти, так как завтрашний выезд был назначен на раннее утро. Договорились, что он заедет за Ритой ровно в шесть.

Вопрос решен. С легким сердцем пошла к коллегам уточнить ситуацию.

— Вы, хотя бы, расскажите, что это за бригада, — попросила она.

— Бригада известная. Несколько лет соревнуется с другой, не менее знаменитой, — начал ленивое повествование Ковеленов. — Единственная будет трудность — записать голос бригадира. Эти люди не привыкли говорить в микрофон. А запись нужно сделать во что бы то ни стало. Без нее не возвращайся. Сама понимаешь — задание сверху. — Помолчал и добавил: — Тем более из Москвы.

— Опять страсти-мордасти, — самоуверенно высказалась Рита.

— Ты знаешь, если честно, мне даже странно, что посылают туда именно тебя.

— Почему? — удивилась девушка.

— А потому, что в этот коллектив кто только ни ездил. И я в том числе. Но никому еще не удалось записать на пленку бригадира Павла Попова.

— Не пугай, — улыбнулась Рита.

— Может, Главный решил тебя подставить, — не слушая ее, продолжал размышлять вслух Владимир.

— Зачем это ему надо? — встрял в разговор Николай Алипов.

— Да черт его знает. Меня лично это задание удивило. Ведь понимает же, что новенькая, опыта никакого. А с Поповым не договоришься.

— Да и сроки напряженные, — подхватил Николай.

Они рассуждали так, будто Риты не было в кабинете — между про-чим, сами с собой.

— Да, бросьте вы, ребята! — не выдержала Рита.

— А может, он строит свой расчет именно на том, что она — женщина, и прехорошенская...

— Как перед такой можно показаться слабым... — подхватил Николай.

— Да-а, не завидую я мужику...

— В сложном положении окажется, если не согласится на запись, как было с нами.

— Ну, все, разыграли как по нотам. Молодцы! — поставила она точку в разговоре. И засобиралась домой.

— Удачи тебе. Там поймешь, о чем мы глаголили.

* * *

Петр Филаретович оказался крепким, среднего роста мужчиной с пухлыми губами, которые он постоянно облизывал. Он указал Рите место на заднем сиденье, сам по-хозяйски расположился спереди, расстегнул дубленку — знак принадлежности к особому номенклатурному сословию, — и сняв шапку из ондатры, пригладил редкие волосы на одну сторону. Рита заметила, что этим движением он пытается замаскировать наметившуюся лысину.

На заднем сиденье она обнаружила еще одного спутника. Мужчина выглядел чуть постарше, черты лица были правильными и приятными.

— Знакомьтесь, директор строящегося деревообрабатывающего комбината Николай Иванович Кирпичев.

— Рита Васильева, — с любопытством глядя в большие серые глаза, припущенные по-женски густыми ресницами, улыбнулась и протянула на всякий случай руку. Кирпичев привстал, развернулся и пожал ее руку. Пожатие это было равнодушным, так, дань этикету, не больше.

Еще не рассвело. В ноябре на севере шесть часов утра — темная ночь.

— Как долго будем ехать? — спросила весело у мужиков — так она окрестила всех троих. Третий был водитель — пожилой седовласый человек, который назывался просто Васей.

— Если к ночи доберемся, то хорошо, — ответил шофер. Включил зажигание, и УАЗик рванул с места.

— Не лихачь, — заметил Петр Филаретович, — дорога длинная. Успел вчера техосмотр пройти? — спросил он командным голосом.

— Конечно, — буркнул тот, находясь уже во власти дороги.

Даже ухабы зимника, на который они свернули буквально через полчаса, не помешали Рите досмотреть цветные сны. Снилось ей что-то интересное, грезилась встреча с Алексеем. Некогда было в последнее время думать о нем. К тому же после того утреннего звонка, перед редакционной планеркой, он больше не звонил. Прошел почти месяц, а она не знала, где он: по-прежнему ли в Долгом Плесе или уже в Тюмени грызет гранит науки на последнем курсе своего строительного института.

Весь прошедший месяц она изучала округ по «Новостям». Работала от звонка до звонка. Подругами не обзавелась, да особо и не стреми-

лась. Раза два-три заходили ребята — Николай и Володя — посмотреть, как устроилась, советовали прикупить кое-что из мебели. А что прикупишь, если то немногое, что подходило для ее маленькой квартирки, можно достать лишь по блату. А то, что стояло в магазинах, покупать не хотелось. Так и жила: стол, телефон, раскладушка, чемодан, вешалка, лампа, стопка книг, блокноты, ручки...

Кухня в однокомнатной малосемейке деревянного дома была просто игрушечная. Ребята принесли две грубо сколоченные, обшарпаные табуретки. Полка для посуды осталась от старых хозяев. На ней стояли две чашки, две тарелки, два блюдца. Ложки-вилки — в баночке на крохотном столике, который тоже оставили за ненужностью прежние жильцы. На электроплитке — кастрюлька. Стол выделили в редакции. Матрац кто-то принес. Постельные принадлежности привезла с собой. Единственное, что она купила сама, — раскладушка.

И все же эти бытовые несообразности не раздражали. Понимала — жизнь только начинается. Обрасти вещами — дело нетрудное. Зато пристор в комнате восхищал — ничего лишнего.

Большая рытвина, занесенная снегом, заставила всех спутников в машине проснуться. За окном уже было светло.

«Зимой даже хвоя становится не такой зеленою», — подумала, глядя в окно. Унылая картина оптимизма не прибавила. Вновь задремавшие мужчины показались ей неприятными.

Рита любила менять обстановку. И нынешняя командировка ее, в принципе, даже обрадовала. Целый месяц отсидки на «Новостях» показался ей бесконечным.

— Где мы? — спросила у водителя.

— Не так далеко, как хотелось бы, — охотно вступил в разговор Василий. Видимо, сонное царство ему надоело. В дальних поездках водитель любил поговорить. Время идет быстрее и путь кажется короче.

— К обеду будем в ближайшем поселке. А до районного центра еще далеко, девка. Спи, — разрешил он.

— Не хочется уже, — она вглядывалась в дорогу впереди. — Вы сказали, мы едем по зимнику, а что это такое?

— Зимник? Дорога зимня. Значит, только зимой по ней и можно ездить.

— А кто ее строит?

— Дедушка Мороз. А люди помогают. В трудных, болотистых местах отсыпают песок, кладут хлысты — это деревья, значит, без сучков. По-перек кладут и снова песком засыпают. А где нет болот, бульдозерами пройдутся, сравняют маленько, если надо. А потом смерзнется все — вот и дорога.

— А летом?

— Нет, девка, летом это все в кашу превращается. Только на ГТТ проехать можно. Тяжелая гусеничная техника, она же как танк прет по бездорожью.

Замелькали делянки с поваленными деревьями — предвестники близости населенного пункта. Никто на них не работал, техника стояла.

— Почему не работают, черти?! — вдруг проворчал спросонья Петр Филаретович.

— Так обед, наверное, — предположил Вася.

— У них всю жизнь обед! План годовой к чертовой матери летит, а они себе обед устроили, — возмущенно продолжал Недригайло.

Рита украдкой посмотрела на часы. Было без пятнадцати час.

— Действительно, время обеденное, — подумала вслух.

— Ладно, разберемся. Гони к конторе, — буркнул Петр Филаретович.

Конторой служило баракного типа одноэтажное здание. Сруб, еще не обветренный и не пропитанный дождями, указывал на то, что административный корпус построили недавно, от силы года два назад. Рите хотелось пить, да и поесть бы не помешало.

— Сидите здесь, я сейчас выясню обстановку, — буркнул инструктор и хлопнул дверью. Рита вздохнула.

— Здесь можно где-нибудь попить? — спросила водителя.

— Конечно! Иди в приемную. У девчонок должен быть чай, — по-отечески тепло посоветовал Василий.

Она выползла из машины. Ноги показались деревянными. Поплелась к конторе, потянула на себя дверь и сразу услышала крик и перебранку, доносившиеся из глубины помещения. Поскольку света в коридоре не было, потихоньку двинулась на звук голосов.

Дверь в комнатку-приемную была приоткрыта. Рита осторожно заглянула туда. Женщина с перепуганными глазами, видимо, секретарь-машинистка, прислушивалась к тому, что происходило в кабинете начальника леспромхоза. Недригайло не потрудился поплотнее ее закрыть, а секретарь просто побоялась. Вот теперь и дрожала как осиновый лист в осеннюю пору. Сорвет ветром или еще некоторое время продержится она у родного благодатного и такого надежного ствола?

Похоже, что начальник ее сейчас находился в таком же положении: уволят — не уволят...

Его ответы на грозную речь представителя из округа были больше похожи на блеяние овцы. Разнос Недригайло «вел» умело и, чувствовалось, привычно.

Рита не стала вслушиваться.

— Здравствуйте, — сказала тихонько. — Дайте, пожалуйста, попить. Дорога такая длинная, а напиться негде.

Секретарша быстро сообразила, что эта модно одетая девица не местная и, скорее всего, прибыла сюда вместе с высоким гостем. Попспешно вышла из-за стола, уронив урну с бумагами, стоявшую под ногами. Шепотом выругалась, подошла к столу с графином.

— У нас только вода. Правда, она поганая, с реки. Отстаиваем, кипятим, да и пьем. Ты откуда? С ним? — кивнула на кабинет начальника.

— Ага...

— Ох, беда! Что будет?.. — вздохнула, посмотрев на дверь, за которой все еще бушевал Недригайло. — Снимут, однако, нашего начальника...

— Похоже, могут снять... — согласилась Рита.

— Хороший человек! — снова вздохнула секретарша.

— Может быть, — в перерыве между глотками согласилась Рита. Всё действительно оказалась дрянной. Если бы не хотелось так сильно пить, она бы не заставила себя сделать даже глотка.

— Так за что же снимать-то? Люди обедать ушли, а он... Имеют же право на обед? — посмотрела вопросительно на Риту.

— Имеют, — снова согласилась та. — А вы почему не ушли?

— Так, мы вас ждали. Вернее, Его. Который сейчас бушует в кабинете. Нам же позвонили, сказали, ждите, едет. Вот и дождались.

— А план как? Выполняете? — осторожно осведомилась, вспомнив возмущение Недригайло в машине.

— Сейчас, вроде, выполняем. Даже с опережением идем.

— А у меня другая информация, — удивилась Рита.

— Так, правильно, — у вас другая. Летом-то мы не выполняли. Заготовку вели, а вывезти лес не смогли. Техники не хватало, дороги дождями развезло. А сейчас зимник встал, начали потихоньку лес на нижний склад вывозить. До Нового года выправимся.

По обстоятельности рассказа, Рита поняла, что секретарша здесь работает давно, дела леспромхоза знает.

— А вы кто, экономист, член комиссии? — спохватилась вдруг женщина.

— Нет, я не член комиссии.

— Тогда кто ж такая? — в голосе прозвучали любопытство и тревога.

— Я — корреспондент окружного радио. — Рита заметила, что фраза эта у нее прозвучала несколько торжественнее, чем требовала обстановка.

— Батюшки! Это как же!? Настоящий корреспондент? Первый раз вижу, сколько здесь живу. Это за что же вы к нам? Потому что начальники приехали снимать? — зачастila секретарша.

— Да что вы, нет! — убедительно прошептала Рита. — Я проездом, в другой леспромхоз.

— Слава те, Господи! А я уж испугалась.

— Спасибо за водичку. Скажите, а столовая у вас есть для гостей непрошеных?

— Да что вы, какая столовая в деревне, кого здесь обслуживать? — переходя на «вы», начала объяснять хозяйка кабинета. — Лесники — так они у себя в вагончиках кушают. Повариха там у них своя есть. А конторские питаются дома, чай, не баре.

— Понятно, — с сожалением вздохнула Рита. Ей так хотелось есть, что начинало подташнивать.

«Эту ситуацию следовало предвидеть, — ругала себя. — Как же, барышня городская! У каждого пенька пирожки ей настяпали!»

Почему именно пирожки, она и сама не знала. Но мысль о них ей понравилась.

➤ Вышла на улицу. Кирпичев бродил возле машины — разминал ноги после длительной езды.

— Напоили? — почему-то улыбнулся он.

— Напоили. Зайдите, там в приемной у секретаря вода кипяченая есть.

— Да-да, сейчас, — ответил спутник, не делая никаких телодвижений в сторону конторы.

Рита огляделась по сторонам. Поселок состоял из одной улицы, растянувшейся, как она поняла, вдоль таежной речушки километра на полтора-два. Может, меньше. На фоне приземистых домишек выделялись добротные, недавно выстроенные коттеджи. Стало быть, какое-нибудь строительство все же ведется в этом, Богом забытом, местечке.

Она не успела додумать, как дверь конторы резко распахнулась, и оттуда шумно вывалился Недригайло. Лицо его пылало.

— Поехали! — резко скомандовал он и решительно двинулся к машине. Рита и Кирпичев поспешили занять свои места.

— В бригаду Волгина, — распорядился инструктор.

Водитель, видимо, уже неоднократно ездил сюда и знал, по какой дороге нужно гнать свою технику. Минут через десять Петр Филаретович успокоился и пояснил: там пообедаем.

— Это можно, — обрадовался за всех Вася. — У Волгина лучшая повариха во всем леспромхозе. Да, и бригада недалеко от трассы: всего-то час езды.

— Ты понимаешь в чем дело? — повернувшись к спутникам, Недригайло обратился персонально к Кирпичеву. Риты для него словно не существовало. Она поняла, что инструктор окружкома партии принадлежит к тем мужчинам, которые думают, что производственные проблемы — не женского «куриного» ума дело.

— План по сдаче древесины не выполняет только потому, что не может потребовать нормальную технику.

— У кого? — спросил Кирпичев.

— Ну, в конце концов, в промышленный отдел, к нам бы обратился.

— А у вас что, лишняя техника есть? — Рита заметила ехидцу в голосе Кирпичева.

— Техники у нас вообще никакой нет, но вопрос бы решили, — не чувствуя подвоха, все еще находясь в возбужденном состоянии, убедительно сказал Недригайло.

— Каким образом?

— Забрали бы в других леспромхозах, где ее навалом.

— А такие есть?

— Наверное...

— А почему такая ситуация могла сложиться? В этом леспромхозе техники мало, да и та старая, а в другом — «навалом» и новая?

— Да потому, что он тюфяк! — разозлился Петр Филаретович. — Надо уметь требовать, а он довольствуется тем, что дают! Пришел бы, стукнул по столу, и баста!

— По какому столу? По вашему? — В голосе директора будущего комбината обозначилась явная усмешка.

— Да хотя бы и по моему, что тут такого?

«У тебя стукнешь», — подумала Рита.

— Как же вы допустили, что такая ситуация сложилась? — дотошничен Кирпичев.

— Какую вы имеете в виду?

— Несправедливую... Непонятную. В чем они конкретно виноваты?

— А пусть требует! Руководитель должен уметь требовать и заботиться о выполнении государственного задания! — поставил точку в разговоре Недригайло.

Кирпичев промолчал. Остальную часть дороги так и проехали, про себя толкая ситуацию каждый по-своему. Недригайло — довольный собой. Кирпичев — в сомнении. Рита — в полной уверенности, что Недригайло не прав ни по сути, ни по форме. Она-то слышала, КАК решал сегодня местные вопросы высокий гость из округа, и прониклась к нему неприязнью.

Последний участок пути — сплошные ухабы. Подбрасывало так, что они почти касались головами потолка салона УАЗика.

Наконец, добрались. Столовая и правда помещалась в вагончике. Заметила, что на столах, а их было всего три, стояли простенькие вазочки с хвойными веточками. Было тепло и уютно, пахло пирожками.

Рита улыбнулась повару — полной женщине в белом халате не первой свежести, но в хорошо накрахмаленном кружевном колпаке, — и как доброй знакомой сказала: «Здравствуйте».

Порции были большими, рассчитанными на взрослых, работающих физически, мужчин. Рита не справилась ни с первым, ни со вторым. Но, на всякий случай взяла в дорогу пирожков. Чтобы не зависеть ни от настроения, ни от аппетита Недригайло. Мало ли что он еще задумает. До двенадцати ночи далеко. А раньше, как сказал Вася, они и не доберутся. Запаслась и соком. Глядя на нее, то же самое сделал и Кирпичев. Недригайло, видя все это, скомандовал:

— А ну-ка, положи-ка нам на дорожку котлет и еще чего-нибудь. — Помолчал и добавил: — На всех.

Его широкий жест заметили, но промолчали. Повариха обрадовалась такой оценке ее мастерства высоким начальством, захлопотала с кастрюльками, соображая, во что же уложить еду. Наконец, нашла что-то подходящее и набила целый пакет котлетами и пирожками, булкой хлеба...

— Пожалуйста, угощайтесь. Вдруг не покормят в райцентре. Приедете туда уже поздно, все будет закрыто. А так поужинаете в дороге.

Когда вышли из столовой, подошел бригадир. Широкая спецформа делала его приземистым и неуклюжим. «Вряд ли в такой удобно валить лес. Но, может быть, этот бригадир вовсе и не валит лес, а только следит за тем, чтобы члены бригады делали это быстро и грамотно», — подумала Рита.

У Недригайло после обеда настроение было благодушное. Он, широко улыбаясь, пожал крепко бригадирскую руку, спросил о плане, о настроении людей, о том, какова производственная выработка на сегодняшний день.

Бригадир отвечал обстоятельно. Дела здесь шли хорошо, а значит и бояться выволочки было не за что. Они разговаривали, курили, а Рита любовалась деревьями. Три вагончика бригады окружала густая тайга. Сосны как на подбор: высокие, ровные. Добротный лес! Такой как раз в переработку и годится.

— Ну, всего, — попрощался Недригайло с бригадиром и скомандовал: — В дорогу!

* * *

Из тайги выехали, когда начали опускаться сумерки. На основной трассе крутила поземка. С каждым часом ветер становился все сильнее, скорость — все меньше. Были и такие участки дороги, где снег лежал уже сугробами. Встречных машин мало. Совсем мало. Несколько раз приходилось останавливаться и расчищать дорогу. Пурга набрала такую силу, что уже лопата рядом с сугробом выглядела игрушечной. В машине заметно похолодало. Ноги мерзли, и Рита ждала очередной остановки, чтобы выйти и попрыгать. Мгла была настолько плотной, что становилось непонятно, по трассе или по бескрайнему бездорожью идет УАЗик.

Успокаивало, что сильные морозы уже в конце октября сковали болота. Не каждый год в эту пору 35–38 градусов бывает. Возникала надежда, что даже если сбились с пути, то не провалятся в болотную трясину.

Рита как раз подумала об этом, когда машина, дернувшись, остановилась. Вася, уже не стесняясь девушки, рутнулся, выскочил из машины и исчез в темноте. Рита высматривала его в окно. Ничего, кроме неистово бушующего снега. Открыв дверцу, она буквально захлебнулась порывом ветра. Он проникал сквозь ватин ее зимнего пальто с лисьим воротником. Хорошо еще шапка из чернобурки надежно прикрывала лоб и уши. Да и ее чуть было не сорвало с головы.

Придерживая руками шапку, проваливаясь на каждом шагу в снег, Рита с трудом подошла к освещенному фарами месту и ужаснулась. Вся дорога впереди, сколько выхватывалось из темноты, была одним сплошным сугробом.

— Вот это да!!! — вырвалось у нее. Вася пробирался по снегу вперед, пытаясь определить, где начинается нормальная дорога, если она, конечно, еще есть. Вернулся он через несколько минут.

Остальные тоже вышли из машины. Недригайло вновь ругался. Теперь его бранчливое неистовство вызвала непогода. Бессилие перед разбушевавшейся природой приводило его в большее негодование, чем срыв годового плана. На этот раз он разразился такими витиеватыми ругательствами, что если бы Рита услышала их сквозь ветер, то не сдержала бы возмущения. Но до нее долетали только отдельные звуки и грозные интонации.

Мужчины собирались у снежного заноса, Рита наблюдала за ними из-за капота.

— Есть еще одна лопата? — донеслось до нее. Вася мотнул головой, пошел к машине и вернулся с двумя лопатами. Вместе с Недригайло они принялись разбрасывать снег. Через полчаса было ясно — это «марышкин труд». Но так, хотя бы, можно было согреться.

Инструктор и директор будущего комбината снег кидали по очереди. Вася работал без перерыва. Рита тоже хотела подключиться к аварийным работам, но водитель тоном, не допускающим возражений, крикнул: «Иди немедленно в машину, простишь! Без тебя здесь обойдется!»

Прошел час. За это время удалось немного продвинуться вперед, но положения это не изменило. Надежда оставалась на попутный транспорт или, что кто-нибудь направит на трассу снегоочистительную технику, но в такую пургу это было маловероятно.

И вдруг впереди забрезжил свет. Робкие блики то появлялись, то пропадали. Мужчины глядывались в темноту: действительно приближалась машина.

— КАМАЗ, — определил Вася.

Томительные минуты ожидания, и вот встречная машина вгрызлась в сугроб с подветренной стороны. Натужно урча, она поравнялась с УАЗиком. Водитель КАМАЗа, не останавливаясь, выкрикнул через открытое окно: «Не могу остановиться, иначе вместе сядем. Доберусь до места... Вышли подмогу!»

Это малоутешительное обещание вселило некоторую надежду: узнают о том, что УАЗик с людьми застрял по дороге в райцентр, — помогут. А пока решили передохнуть. Забрались в машину. Поскольку Рита заняла место Недригайло на переднем сиденье, чтобы было удобнее наблюдать за борьбой со снегом, тот сел на заднее сиденье рядом с Кирпичевым.

— Сиди, там теплее, а мне и без того жарко, — сняв шапку, он снова пригладил мокрые волосы. Но теперь этот жест не показался Рите таким уж смешным, как в начале поездки.

— Бензина хватит? — спросил Петр Филаретович.

— Смотря сколько стоять будем. Я две канистры-десятилитровки прихватил на всякий случай.

Рита впервые с ужасом оценила ситуацию: одни среди снежного беспредела. Сколько километров до ближайшего населенного пункта, никто не знает. Дорогу замело, транспорта нет. Холод собачий. Бензин когда-нибудь кончится. Значит, ни тепла, ни света...

«Ой, какой кошмар! – екнуло что-то внутри. – Вот, попала! Ничего себе, Берендеево царство!»

В лучшем случае их обнаружат завтра, ближе к обеду. За это время они успеют замерзнуть. Машину окончательно завалит снегом. Если кто-нибудь и останется в живых, то руки-ноги от обморожения вряд ли удастся спасти...

Воображение рисовало картинки одну страшнее другой. Паническое настроение гасило привычный оптимизм и подавляло самоуверенность. В эти минуты ей вспомнился почему-то разговор в редакции и слова Володи Ковеленова о том, что редактор решил испытать ее на прочность. За что? Повод отдельаться от нее? Но почему?! Чем руководствовался Главный, посылая ее в командировку перед самым праздником? В такой дальний путь, да еще вот в такой компании!? Может, он сам никогда здесь не бывал и не знал, что придется испытать Рите...

– Ну, кажется, наступил критический момент, – сказал вдруг Недригайло.

– Что вы имеете ввиду? – спросил Кирпичев.

– Пора согреться другим способом, – Петр Филаретович вытащил из портфеля бутылку спирта.

– 95 градусов, – весело сообщил он. – После такого не сразу замерзешь.

Водитель достал две кружки. Остальные – закуску. Постелив бумагу, разложили припасы на том же портфеле.

– Машина «оборудована», – заметил Недригайло. – Это правильно. Мало ли что может в дороге приключиться. Вот, как сейчас, например. Сколько придется ждать помощи – неизвестно.

– Может, она совсем не придет? – осторожно спросила Рита.

– Да ты что, девка, вроде как приуныла? Испугалась, наверное? – ободряющее вступил в разговор Вася. Кирпичев промолчал. Видимо, его тоже обуревали невеселые мысли.

Между тем кружки заполнились огненной жидкостью. Одну из них протянули Рите.

– Пила когда-нибудь спирт? – спросил Недригайло.

– Не-ет!

– Это ничего. Сейчас научим. Его, и правда, надо уметь пить. На севере многие женщины умеют спирт пить, не говоря уже о мужчинах.

– И все-таки, сначала вы, – попросила умоляюще Рита.

– Ну, ладно, смотри. Главное – не дышать. А потом, сразу занюхать хлебушком. Надо обязательно закусывать или запивать. Причем, хорошо закусывать. Ноги-то, небось, ледяные?

— Да-да, почти... — Рита лукавила. Ног она давно уже не чувствовала.

Недригайло выпил, занюхал хлебушком, крякнул смачно: — Хорошо пошла! Наливай!

Вася налил, протянул кружку Рите. И тут все обратили внимание на Кирпичева. Он так и сидел в нерешительности, держа в одной руке алюминиевую кружку, а в другой — кусок хлеба.

— Ну, а ты чего? — спросил Петр Филаретович.

— А я тоже никогда спирт не пил, — признался Кирпичев.

— Что, в Москве спирта не подают? — жуя, панибратски заметил инструктор. — Привыкай. Здесь это не пьянство, а необходимость. Еще не тому научишься.

— Вообще-то у меня коньяк есть, — заметил Кирпичев.

— На хрен здесь твой коньяк, оставь его до гостиницы. Там и отмечим, — он сделал паузу, словно задумавшись: что же там можно будет отметить, а потом невесело закончил: — Если дотянем до гостиницы.

У Риты дрогнула рука, в которой она держала кружку со спиртом. Кирпичев с тревогой в глазах посмотрел сначала на Недригайло, потом на корреспондента.

— Ну, будем живы, — с неизвестно откуда взявшейся храбростью, произнес Кирпичев и, чокнувшись с Ритой, опрокинул содержимое в рот.

Рита последовала его примеру, однако пила маленькими глотками.

— Да ты быстрее, быстрее пей! — посоветовал Вася.

Ощущение было такое, что спирт лился мимо рта. Дыхание перехватило, но девушка справилась со своим состоянием. Почему-то вспомнилось студенческое: журналист должен, должен, должен... Про спирт обычно не говорилось. Оказывается, его тоже надо уметь пить.

У Кирпичева засияли глаза. В полумраке их блеск казался магическим. Пошли по второму кругу. А потом по третьему... Рита попросила, чтобы ей наливали по одному глотку. Только после третьей начали согреваться ноги. Стало веселей. Мысли о стоявшей там за окном, в пурге, Смерти с клюкой отступили за болтовней ни о чем. Время летело под аккомпанемент дорожных баек, которых у Недригайло и Васи оказалось несчетное количество.

Шли часы. Свет в машине не выключали. Разговор тихо иссякал. Спирт кончился... Холод вновь начал подступать к ногам, к рукам. Поднявшееся было настроение медленно перерастало в отчаяние. Наконец, мужчины задремали и кто-то даже захрапел. Накатила дрема и на Риту. Ей снился Алексей. Он, большой и сильный, пробирался сквозь пургу. Его светлые кудри припорошил снег. Был он почему-то без шапки. «Почему? — думала Рита во сне. — Наверное, ветер сорвал ее и унес, а он торопится спасти Риту, и поэтому не стал искать свою потерю в темноте...»

«Он же простудится! — забеспокоилась она так, что мгновенно проснулась. По-прежнему завывал ветер. Снег кружил и кружил. На капоте уже лежал целый сугроб. Но это уже не тревожило Риту. Она была уве-

рена, что подмога выехала, и их непременно спасут. Успокоилась и снова уснула.

Разбудил стук дверцы. Водитель вышел, впустив в машину холод. Показалось, что он слишком долго не возвращается. Обернулась назад. Мужчины спали, а в заднее окошко был виден свет приближающейся техники.

— Ну, вот, дождались, — радостно закричала она. — Смотрите! Кто-то к нам пробирается! Мы спасены!

Это был вопль жизни. Мужчины разом проснулись. Посмотрели туда же.

— Минут через тридцать здесь будет, — со знанием дела, заявил Недригайло. — Наконец-то!

Он немного ошибся — ГТТ подъехал несколько раньше. Вася уже хлопотал с тросом для буксировки.

— Все, все, ребята, спасены, — суетливо сообщил он. — Теперь-то уж точно доедем. Тягач — техника военная, везде пройдет.

* * *

В дверь деревянного здания Дома приезжих пришлось долго стучать. Хозяйка открыла с готовым оправданием: ждали с вечера, а уже утро. Но гости были настолько возбуждены и радостны, что не обратили на это никакого внимания. Их ждал горячий чай, кровати с белоснежными простынями, и пусть непродолжительный, но сон.

— Туалетные комнаты внизу. На втором этаже холл, телевизор, диван и ваши спальные номера, — поспешила сообщить хозяйка.

Видимо, Дом приезжих был предназначен не для всякого путника, а только для высокопоставленных гостей. К такому выводу пришла Рита, оглядев добротную и практически новую современную мебель и ковровые дорожки, лежавшие везде, даже на лестницах.

Вода в кране была желтая, но все равно Рита получила огромное удовольствие от умывания. Как будто сбросила с себя всю тяжесть сложного и длительного пути по заснеженному и насквозь промерзшему Царству берендеев. Будь они трижды неладны!

Когда она поднялась на второй этаж, стол уже был накрыт. Свежие булочки, сыропеченая колбаса (редкость для простых советских граждан), черная икра, малосольный мускус, она научилась распознавать эту рыбу не только по виду, но и по запаху.. Голова закружилась от такого изобилия. По рюмкам разлили коньяк. Красочная бутылка с импортной наклейкой возвышалась на столе как символ жизни и власти на земле.

Ее слабый протест против этого пиршства утонул в оптимистических возражениях людей, почувствовавших себя счастливыми оттого, что вырвались практически из рук смерти и остались невредимыми благодаря Его Величеству Случаю. Они, казалось, только сейчас поняли,

что находились на грани жизни и смерти. Победа над природой разбудила в них стремление взять сегодня и сейчас от жизни все, что могло остаться «за бортом» бытия, если бы...

Рите быстро передалось их возбужденное состояние. До нее тоже, наконец, дошел истинный смысл того, что пережили они за эти долгие, показавшиеся вечностью часы напряжения, борьбы с пургой, медленного возвращения из безлюдной снежной пустыни в поселок, в тепло и уют, к столь обильному и роскошному застолью. Рите было приятно и то особое внимание, которое уделяли ее персоне эти взрослые влиятельные люди. Нравилось даже то, что никаких соперниц рядом не было. А главное, она, наконец, осознала в полной мере, что осталась жива. Вырвалась из кромешного холода, из-под власти ветра и снега...

Задумавшись об этом, Рита потеряла нить разговора. А когда включилась в него, не сразу сообразила, о чем идет речь.

Оказывается, Недригайло приехал в районный центр для расследования особо опасного идеологического преступления. Кто-то (фамилии не назывались), будучи в командировке, привез из-за границы порнографические журналы. Недригайло говорил об этом с откровенным возмущением. Рита поняла: виновному не сдобривать. Самое малое, что грозило возмутителю нравственности таежной глубинки – строгий выговор по партийной линии. Но, судя по настроению инструктора, этим дело не ограничится.

Кирпичев молча соглашался со всем, что возбужденно излагал Недригайло. Кивал в ответ и маленькими глоточками пил коньяк, смаковал. Риту почему-то это молчаливое согласие раздражало. Ей не верилось, что будущий директор деревообрабатывающего комбината такой же, как Недригайло. Что именно не нравилось ей в посланце окружкома, она еще не поняла, но чувство неприязни нарастало. Вот возникла некая интуитивная настороженность – и все. Ничем не объяснимая неприязнь. Она росла постепенно, весь день накапливаясь, и сейчас подступала словно тошнота.

Где-то она соглашалась с пафосом Недригайло. И все же весь его облик вызывал раздражение. Сознание противилось принимать его правоту. Копаясь в собственных ощущениях, не заметила, как ушел в свою комнату Кирпичев, а Недригайло вытащил из толстого портфеля несколько журналов и подал их Рите. Она машинально начала листать страницы одного из них и ужаснулась.

– Зачем вы мне это дали?! – вырвалось у нее.

– Ты смотри, смотри... Учись... В жизни пригодится. Думаю, что ты еще неискушенная в этом деле девочка. Как? Впечатляет?

Его цинизм, подкрепленный порнографическими фотоснимками, привел в бешенство. Она подняла глаза и увидела над собой лицо Недригайло. Он склонился над креслом, в котором она сидела. Плотоядные полные губы потянулись к ней, руки поползли по плечам...

— Немедленно прекратите! — тихо, голосом, который сама не узнала, проговорила Рита.

— Дурочка, ты еще не понимаешь, что такое наслаждение. Смотри!

Он схватил один из журналов и стал лихорадочно листать страницы. Нашел нужную фотографию и приблизил к ее глазам. Тыча пальцем, горячо прошептал:

— Смотри, смотри, вот как надо делать, чтобы получить наслаждение...

Рита машинально подчиняясь, взглянула и не сразу поняла, что это было в женских губах... Недригайло, уже не справляясь с собой, навалился на нее всем телом.

— Мерзавец! Подлец! — откуда только силы взялись. Рванулась из кресла так, что неудачливый ловелас отлетел к столу, зацепился за него и повалился от неожиданности, ухватившись за скатерь. Посуда с грохотом полетела на пол, следом за упавшим Недригайло.

— ...Дура! — смачно выругавшись, заключил инструктор. — Ты могла бы в масле кататься, в шампанском купаться! А теперь... А теперь я тебя сгною, тварь! За оскорбление личности при исполнении...

— Это при каком исполнении? — взорвалась Рита. — При рассмотрении порнографических журналов?!

— А я скажу, что я это у тебя их конфисковал, — все еще сидя на полу и стряхивая с костюма закуску, выпалил Петр Филаретович.

У Риты даже дыхание перехватило от возмущения:

— У меня-а?! Эти... журналы?!

— Да, да, детка! И попробуй, докажи, что это не так. Не отмоешься! — Он уже начал успокаиваться. Ему самому понравилась эта идея.

— Да как вы смеете?! Вы — коммунист! Инструктор окружкома партии! Да я всем расскажу, как это все было!

— Дурочка ты еще. Ты кто? Малышка! А вот если я скажу, что ты шлюха, мне все поверят. МНЕ поверят! И никто не подтвердит твоих слов, поняла? Никто! Так что в твоих же интересах заткнуть язык в жопу и молчать. А пикнешь — уничтожу...

В его голосе прозвучала такая решимость, что не поверить в угрозу было невозможно. Но возмущение и отчаяние было настолько сильным, что Рита не смогла сдержаться.

— Вы не посмеете. Вы не переступите через свою партийную совесть. — В тот момент она горячо верила в то, что говорила.

— Совесть?! Ты меня не совести, шлюха! Ишь, совратила мужика, а теперь про совесть заговорила?! Запрещенную литературу с собой по командировкам таскаешь, да поклев на честных людей наводишь, — он начал подниматься с пола, и в голосе его уже звучала полная уверенность в том, что он говорил правду.

— Я сейчас позовоню кому следует, только пусть на работу придут, разновато еще, восьми нет.

— Никуда вы не пойдете, — рядом вдруг раздался голос Кирпичева. — И никому звонить не будете.

— А-а, это ты, — словно от мухи отмахнулся Недригайло. — Слышал, небось, как эта шлюха ко мне приставала? — и выразительно посмотрел на будущего директора.

— Я ВСЕ слышал, — спокойно ответил тот, выделив голосом это самое «все». — И советую вам вести себя пристойно. Не оскорблять в моем присутствии ни девушку.. ни партию.

— Ха! Девушку! Да ты посмотри, что я у нее обнаружил. Смотри! — Недригайло схватил журналы и стал кидать их в сторону Кирпичева.

— Эти журналы вы привезли из окружного центра. Вы сами мне об этом говорили еще до того, как в машине появилась эта девушка.

Видимо, все-таки, тихий решительный голос Кирпичева привел в чувство партийного функционера. Тот понял, что поддержки он не найдет. Остается только одно: обеспечить защиту. Иначе... Иначе вся карьера, так хорошо начавшаяся несколько лет назад, полетит к чертовой матери.

И все же он еще раз попробовал, теперь уже по-другому повернуть фортуну лицом к собственной персоне.

— А ты-то что возникаешь? Иди, спи. Мы тут сами договоримся. Еще один правдолюбец нашелся! Места своего хочешь лишиться? Так я тебе это быстро устрою. Будешь ты у меня директором, как же!

— Ничего вы уже не устроите, — вступила в разговор Рита. — У меня все это время, пока мы тут дискутировали, был «репортер» включен. И все ваши речи теперь зафиксированы на пленке.

Как ее посетила эта отчаянная идея соврать, сама не могла понять. Но сказанное произвело такое сильное впечатление на Недригайло, что он в лице изменился.

— Да ладно, всякое бывает, — обмяк инструктор. — Ну, погорячился. Ну, прости. Прости, если что не так... Хмель в голову ударили...

Не дослушав, Рита взяла сумку с аппаратурой и вещами и быстро удалилась в свою комнату.

«Выжила», — сделала заключение она. Легла спать и быстро заснула, вполне удовлетворенная развязкой. А когда проснулась, Недригайло уже покинул гостиницу. Кирпичев пил чай. В холле было убрано и ничего не напоминало о недавнем скандале. Рита тоже не стала напоминать о случившемся. Ее занимали теперь совершенно другие мысли: как попасть в бригаду Попова?

* * *

Молчаливое чаепитие прервал шум на первом этаже. Консьержка не пропускала кого-то на второй этаж. Кирпичев спустился вниз, что-то сказал, и наверх поднялся огромный мужчина в спецовке. Рита внимательно рассматривала его унты, ушанку, телогрейку... Черты лица были

словно вырублены из монолита — настолько крупными показались ей на первый взгляд нос, губы, глаза.

— Вы Рита Васильева? — спросил тот громогласно.

— Я, а что?

— Меня прислали за вами.

— Я никого не жду, — еще сомневаясь, проговорила Рита.

— Ну и что? Мы просто знаем, что вы приехали в нашу бригаду. Начальник леспромхоза прислал за вами меня. Собирайтесь, поехали.

— Куда?

— Как куда? В бригаду.

— Да что вы!?

Рита обрадовалась, кинулась в комнату, схватила сумку, быстро покидала в нее свои вещички и через две минуты уже стояла в холле, готовая к отправке в дальний путь.

— Вы, правда, из бригады Попова? — вступил в разговор Кирпичев.

— Конечно.

— А откуда вы знаете, что к вам приехал корреспондент окружного радио?

— Да кто ж этого не знает? — удивился гость. — Уже весь леспромхоз в курсе, — как само собой разумеющееся, подтвердил лесоруб. А в том, что он действительно был лесорубом, никто уже не сомневался.

— Вам что, Недригайло позвонил? — на всякий случай спросил Кирпичев.

— А кто это такой? Никакого Недригайло мы не знаем. Поехали. Вы что, тоже в нашу бригаду? — обратился гость к Кирпичеву.

— Нет, я совершенно в другую сторону. — В тихом голосе прозвучало откровенное сожаление. Но Рите было не до душевных тонкостей.

— Я готова, — произнесла она. — До свидания. — Кивнула Кирпичеву. — И спасибо за все. — Этую фразу мог понять только он.

— И вам спасибо, — прошептали его губы.

* * *

В начале ноября снега в лесу было уже много. Почти по колено.

Рите показали место рубки, и она пошла по сугробам. Вроде бы и не-далеко, но упыхтелась. Может быть, от недосыпа устала больше, чем предполагала. Бригадир валил крупное дерево отчаянно визжавшей пилой «Дружба». Крепкий, не очень крупный, но сильный и ловкий Попов показался впечатлительному корреспонденту лесным богатырем. Несколько минут она просто любовалась им. Пока не поняла, что дерево скоро рухнет. И только тогда завертела головой, потому что не знала, в какую сторону упадет сосна и куда надо бежать. Тропинок для этой цели никто не протоптал, и быстро бежать по высокому снегу было невозможно. К тому же заметила, что работает не один бригадир... Стало быть, деревья начнут валиться со всех сторон. Их много, а она — одна...

И тут Рита решила, что самое безопасное место рядом с Поповым. Попыталась, утопая в сугробах, подойти ближе, но это было не просто. Он же ее не замечал. Руки выбрировали вместе с пилой. Они «дружили» против дерева, которое должно было вот-вот рухнуть.

И в тот момент, когда верхушка закачалась, ствол застонал, посыпался лавиной снег, Попов и увидел девушку. В ее глазах были страх и беззащитность. Он почему-то крикнул: «Ложись!», но она лишь присела. Ее придавил летящий сугроб. Когда весь снег осыпался, и все стихло, Попов посмотрел на Риту и одарил ее белозубой улыбкой. Наверное, это было действительно смешно. Рита напоминала заснеженный стожок сена, но с крупными блестящими глазами и непрерывно моргающими ресницами.

— Ты откуда? — спросил он.

— Из редакции.

— Из какой?

— Из окружной.

— Ко мне из окружной редакции уже приезжали, — самодовольно сказал Попов. — Причем совсем недавно.

— А я из другой окружной редакции, — пытаясь выбраться из-под снега, и поняв, что он имел ввиду газету, уже настойчиво сказала Рита. Он протянул руку. Большую, теплую, без меховой варежки. Выдернул девушку из сугроба, посмотрел на часы. До обеда еще было время. Кому-то что-то крикнул, и они пошли. Шаги у Попова были размашистыми. Его один — два Ритиных. Пока выбирались на дорогу, она все боялась отстать, прилагая массу усилий, чтобы не показаться слабой и жалкой. В свои двадцать с лишним лет она выглядела девчонкой. И всегда боялась, что ее не примут всерьез.

Так, гуськом, они и дошли до вагончиков, где в перерывах грелась бригада. В одном из них разместилась столовая.

Попов разделся, по-хозяйски сдвинул железные кружки со стола, вытер тряпкой старую kleenку.

— Садись, — указал на рубленую скамейку.

Рита разделась. Достала «репортер». Установила микрофон. Попов внимательно следил за каждым ее движением и, может быть, тоже любовался, как это у нее ловко получается. Она была в своей стихии.

— Это что? — поборов оцепенение, спросил бригадир.

— Магнитофон.

— Зачем? — в его голосе прозвучал испуг.

— Записывать, — произнесла она спокойно.

— Кого? — прозвучало удивленно.

— Вас, — Рита очаровательно улыбнулась.

— Меня?! — он почти выкрикнул. Она напряглась и немного испугалась.

— Да, вас. Я специально приехала для этого.

— Ну, уж нет! — голос Попова прозвучал более чем решительно.

— Почему?

— Я не умею, — сдался он. И, тяжело вздохнув, положил огромные натруженные руки на стол.

— Никто не умеет, — обнадежила его Рита. Это была ее вторая командировка и она понимала, что если не выполнит ответственное задание, то сидеть ей до пенсии на «новостях». А они ей за последний месяц до чертиков надоели! Так что от Попова сейчас зависело ее будущее. В прямом смысле этого слова. Судьба: или — или... И она решила бороться за то «или», которое ей больше по душе.

— Я не знаю о чем говорит.

Рита объяснила.

— Хорошо, включай свою машинку, — с улетучивающейся в голосе уверенностью, сказал он.

Включила.

Он сказал одно предложение: «Мы и наша бригада валим лес».

«Что за ерунда», — возмутилась Ритина душа. Со всем, что он сказал дальше, было еще хуже. Она нажала на кнопку и выключила «репортер». Попов тоже понял, что несет какую-то несусветицу.

— Я не могу... — произнес с безвольностью слабого человека.

— Можете, — Рита перешла в наступление. — Можете!!!

Она не верила, что такой большой, сильный, сероглазый будущий Герой Соцтруда не может продержаться пяти минут, чтобы толково рассказать о своей родной бригаде. Она почувствовала, что должна вдохнуть в него свою уверенность.

Про бригаду Рита Васильева знала практически все. Готовиться к командировкам было правилом. Добрый, очень полезный. Прежде, чем куда-то ехать, каждый корреспондент редакции знакомился с «предметом» будущего репортажа, очерка, корреспонденции и т. д. Если материала не было в газетах, узнавали друг от друга — кто что знал. Нужную информацию получали и в окружкоме партии. Особенно помогал Владимир Ковеленов. Он был вообще ходячей энциклопедией автономного округа.

Итак, о Попове Рита знала, может быть, даже то, чего он о себе и сам не знал. Но в данном случае все это не имело особого значения. В московской передаче должно было прозвучать его выступление. Его живой голос, а не рассказ о нем.

— Мне нужно, чтобы вы говорили о бригаде и о себе. О том, как вы добились успехов, за счет чего... — Рита пошла в атаку. — Это же ваше, родное. И это так просто!..

Попов вспотел. Достал платок, вытер лоб. Кажется, убедила.

— Ну, давай еще раз... — пробормотал обреченно.

А потом был еще раз. И еще раз...

Наконец, бригадир не выдержал:

— Миленьевская, Риточка, золотая моя девочка! Напиши, что надо ска-

зать! Я прочитаю. Я постараюсь, — умоляющим голосом попросил корреспондента.

— У нас так не делается, — гордо заявила Рита. — Подделки не принимаем: это — правило. Вы же не нарушаете своих правил?

— Не нарушаем, — нехотя согласился он. И, вздохнув, добавил: — Но я не могу... Ты же видишь. Полтора часа прошло. Ничего не получается! Скоро бригада придет, на смех поднимут. При них вообще ни одного слова из себя не выдавлю. Словом, выбирай: или ты сама напишешь, а я прочту, или уедешь ни с чем...

Опять «или — или». И Рита выбрала первое... Она написала речь Попову минут на пять. Хорошую, красивую, как «надо» для Москвы. Он прочитал и пришел в ужас:

— Я же так никогда не говорю! Наши услышат — всю жизнь краснеть придется!

И они еще полчаса подрабатывали речь под его стиль, заменяя все «красивое» на «простое». И потом еще пять дублей записи сделала Рита со своим героем, потому что время от времени чувствовалось, что человек читает, а не рассказывает.

«Репортер» был выключен вовремя. Не чувствуя удовлетворения, Рита складывала микрофон. В это время шумно, запуская клубы морозного воздуха, в вагончик ввалилась бригада. Все уже были сыты, веселы и довольны.

— О-о! Тут откровенный разговор идет, — произнес один из лесорубов.

— Да, — тяжело вздохнула Рита.

— А нам можно что-нибудь сказать? — спросил один из них игриво.

— А сможете? — вопрос прозвучал безнадежно.

— А что? Давай, попробуем.

Лесорубы расселись вокруг стола. Рита быстро поставила микрофон в центр, села во главу угла и начала:

— Мы находимся в бригаде одного из лучших бригадиров округа Павла Васильевича Попова. Только что у лесорубов закончился обед, и они пришли в «красный уголок», чтобы отдохнуть и поговорить о наболевшем. Чем вам хочется сегодня поделиться?

— Да, проблем особых нет, если честно, — начал говорить один из присутствующих. Причем так сказал, как будто всю жизнь выступал перед микрофоном. — Работа лесорубов тяжелая, сами видели. Особенно зимой. Тут мороз не дает выложиться. А с другой стороны — летом комарье; вывозить лес на нижний склад сложно — бездорожье кругом. Технику бы нам покруче, чтобы облегчала труд лесорубов. Мы бы тогда здесь таких дров наломали, что страна никогда не нуждалась бы в столярных изделиях, в сырье для химической промышленности, для производства бумаги, в дровах для крестьян и прочее...

— А чем привлекает вас эта работа?

— Да что ты, милая, это же просто сказка! У нас свой поэт есть.

Он стихи пишет. Если бы в этой работе не было поэзии, разве родились бы у него такие строки! Ну-ка давай, почитай, Федя.

...И они полтора часа, пока не закончились катушки с пленкой, читали и рассказывали Рите взахлеб о своей работе. О том, какой красивый у них поселок и как весело они живут в нем практически одной семьей, помогая друг другу, деля беды и радости. Они читали стихи, пели песни...

Выключив с большим сожалением «репортер», Рита вспомнила, что ей нужно решить еще один очень важный вопрос: как вернуться в окружной центр, не обращаясь за помощью к Недригайло.

— Какие проблемы?! — вступил в разговор Попов. — Сейчас я напишу записку. Ты в поселке обратишься на вертолетную площадку к моему другу. Он тебя обязательно отправит. Не бойся, не опоздаешь.

...Первая фраза, которой ее встретил редактор, была:

— Ты Попова записала?

— Да.

— Молодчина! У нас уже все готово, только твой Попов оставался.

Она легкой, энергичной походкой пошла по коридору в монтажную аппаратную, думая про себя: «Знал бы ты, КАКАЯ я МОЛОДЧИНА!»

Рите было стыдно признаться в том, как она добывала свою запись. Но от оператора скрыть сие обстоятельство невозможно. Она попросила Петью Аниксина остаться в обеденный перерыв, чтобы никто не слышал, как идет монтаж злополучных пяти минут выступления знатного бригадира лесорубов. Опытный Петя все понял сразу. И они целый час выбирали из пяти дублей буквально по предложению, чтобы, соединив их, наконец-то получилось более-менее...

Передача была отправлена на ВДНХ, прошла по всесоюзному радио и получила хорошую оценку. К этому времени Павел Попов действительно был удостоен звания Героя Социалистического Труда, а Рита поклялась себе, что больше никогда в жизни не станет записывать людей «по бумажке».

О конфликте с Недригайло она рассказала один на один лишь Ковленову. Не скрыла, что намерена обратиться в окружком партии, но тот остановил ее:

— Тут надо все обмозговать хорошенъко, у тебя нет еще достаточно авторитета в округе, чтобы объявить войну работнику партаппарата. А он ведь и вправду может тебя уничтожить, как козявочку.

— Ты мне не веришь?! — изумилась Рита.

— Дело не в этом, — задумчиво произнес Владимир. — Ты еще так молода, успеешь дров наломать. И я совсем не уверен, что Кирпичев встанет на твою сторону и будет свидетельствовать против инструктора окружкома. Да еще в столь щепетильном деле. Ему тоже не захочется терять место директора комбината. Не для того он сюда ехал из самой Москвы.

Рита прикусила губу. Было больно слышать эти речи именно от Ковеленова. Ей казалось, что этот честный, смелый и принципиальный человек готов за правду пойти даже на плаху. Может, ей все это только казалось, или очень хотелось верить именно в такого человека — редактора, который учит ее жить и работать. Должен же хоть кто-нибудь быть именно таким...

Жизнь, словно бы, обожгла ее там, на Берендеевой тропе. Впервые. И сразу по-настоящему. Сколько их еще будет — таких ожогов... Никому это неведомо. Но теперь она знала: жизнь не так проста, как ей казалось раньше. Даже неделю назад. Значит, надо учиться держать удар, который может нанести и смертельный холод, но и человеческая подлость.

РАДИОДОМ: БУДНИ, ПРАЗДНИКИ, ПРОБЛЕМЫ

В слух об этом обычно не говорят, но каждый в редакции был уверен: в их деле, подчас, можно обойтись без редактора, а вот без грамотной и аккуратной машинистки – ни – за – что! Ибо все информации в эфир дикторы читали «с листа», в бухгалтерию на оплату гонораров тоже требовались стандартно оформленные тексты передач. А сколько документов надо печатать?!.. Тем более перед праздничком, когда в банке пытались получить какие-нибудь деньги, чтобы предстоящее торжество не превратилось в стихийное бедствие. А «перехватить» до получки у кого-либо в коллективе было просто невозможно: все жили от зарплаты до зарплаты. Таковы уж оклады творческих работников...

В этой лихорадочной атмосфере и разгорелся в редакции скандал.

Нина Сизова, 35-летняя одинокая женщина, зато квалифицированная машинистка, много лет проработавшая на радио, отпросилась к зубному врачу. Полгода она ждала момента, когда подойдет, наконец, ее очередь к стоматологу. Отсутствовала Сизова почти два часа. Прибежав из поликлиники, заметила, что напарница сидящая за машинкой, не печатает, а преспокойно читает какую-то модную книжонку.

– Неужто, работы нет? – удивилась Нина. Она не могла поверить, что машинисткам, да в праздничную пору, нечем было заняться.

– Есть, – невозмутимо ответила Любовь Григорьевна. Отложила в сторону книгу и, поправив лист, вставленный заранее в машинку, начала печатать.

Любови Григорьевне было уже за сорок, когда она впервые устроилась по блату на работу в редакцию. Машинопись она не знала, работала кое-как. Печатала в домашней обстановке мужу доклады, которые он сочинял перед очередным отчетом. Но... должность председателя профкома геофизического треста, занимаемая супругом Любови Григорьевны, произвела поистине магическое действие на главного редактора. Тот сразу же сориентировался в обстановке и сделал вывод: трест – самое крупное в городе предприятие, иметь в нем «своего» человечка – шанс быть обеспеченными любым дефицитом. А дефицитом в те времена было практически все.

Алексей Александрович Гельберт не ошибся в расчетах. Муж Любови Григорьевны Матошкиной, действительно, довольно часто помогал коллективу выстоять в трудные дни и побаловать сотрудников в праздничные. Что же касается супруги профсоюзного деятеля, она за полтора года так и не научилась печатать быстро и грамотно. Просто-напросто, отбывала свое время в редакции, чтобы к пятидесятилетнему возрасту уйти на отдых с достойной пенсиею в 120 рублей. На эти деньги в те советские времена можно было жить вполне безбедно. То, что она с двумя дочками все предыдущие годы сидела на шее мужа, ее николько не смущало. Ведь воспитание детей, содержание домашнего очага и забота о кормильце — тоже работа, да еще какая! Следовательно, совсем не обязательно горбатиться с юных лет, вкалывая на производстве по восемь часов, чтобы под конец жизни больной и смертельно усталой получать эту самую пенсию.

Вконец изработавшейся ее назвать было никак нельзя. Выглядела Любовь Григорьевна на тридцать лет «с хвостиком». И звали ее в коллективе просто и мило: Любаша.

— Любаша, это срочно!

— Любаша, это очень срочно!!!

Но для той — что «срочно», что «очень срочно» — роли не играло. Ибо быстрее, чем два листа в час она печатать все равно не успевала или не хотела. Спешка ее очень раздражала: надо постоянно напрягаться и дергаться. А во имя чего? Не для себя же.

Потому, когда Сизова ушла в поликлинику, она тут же поступила согласно своему разумению: если одна где-то ходит, почему другая должна отдуваться за двоих. Ну, а то, что другая работает раза в два быстрее, Матошкину вообще не волновало.

Вот с этого все и началось. Нина возмутилась с присущей ей открытостью: «Столько работы! Выпуск новостей через два часа, а ни одной информации не готово! Иду к Главному. Все ему выскажу».

Так и сделала. Высказала.

Алексей Александрович выслушал ее сентенции молча. А когда лавина обжигающе обидных выражений у Сизовой иссякла, спокойно обронил:

— Иди и работай.

— А я тоже буду так делать! — выпалила Сизова.

— Как?

— А вот так... Моя коллега печатает через пень-колоду — по два листочка в час, боится ручки натрудить! Я буду печатать ровно столько же... И ни страницей больше.

Нина Сизова говорила бы еще долго. Волна возмущения захлестнула ее, что называется, с головой. Остановил Главный:

— Иди, печтай, и не вздумай обижать Матошкину, — строго произнес он.

— Да пошел ты!.. — сгоряча выпалила Нина, поняв, что справедливо-сти у главного редактора она так не найдет. — Увольняюсь! Меня давно уже приглашали в «белый дом». Все вас жалела. Столько лет отгорбатила и вот — заслужила! Даже понять не хотят!

— Ну иди... куда хочешь! — не выдержал ее напора Главный. — Без тебя обойдемся.

— Обойдется? Посмотрим!

Через несколько минут Нина Сизова принесла заявление по собственному желанию.

— И учтите, у вас я с завтрашнего дня не работаю. Подпишите вы мое заявление или нет — это роли уже никакой не играет. Все!

И вышла.

Поскольку стены в радиодоме были тонкими, шумный разговор у Главного быстро стал достоянием редакции. Правда, многие надеялись, что Сизова просто погорячилась. Успокоится, одумается, все пойдет по старому. Вышло, однако, иначе.

В те годы окружной центр постоянно испытывал нужду в квалифицированных кадрах. Чего бы это ни касалось. А опытные машинистки находились на особом счету... И воплощали собой определенного рода... дефицит. С той лишь разницей, что здесь, подчас, даже стопроцентный блат не помогал: грамотную машинистку нужно учить годами. И то не у всех получалось. Любовь Григорьевна хоть и научилась мало-мальски печатать, но заменить Нину Сизову не могла ни по каким параметрам.

Алексею Александровичу это было тоже хорошо известно. Потому и не подписал заявления. Но когда на следующее утро Сизова не пришла в редакцию, а потом выяснилось, что она действительно уже работает в одной из приемных «белого дома», ему стало не по себе. Через час-полтора в кабинет один за другим стали входить редакторы и зав. отделами с одним и тем же набором выражений: «Любаша не успевает. Что делать?»

— Пусть печатает только новости. Потом — все остальное, — буркнул Гельберт.

— Так она и новости не успевает, — раздраженно сказал Владимир Ковеленов.

— Что значит: «Не успевает новости печатать»? — Главный посмотрел на своего зама поверх очков с откровенным удивлением.

— А вы что, первый раз слышите об этом? Она же печатает в час по чайной ложке.

— Сами печатайте, — в сердцах посоветовал Главный.

— Мы уже посадили за машинку одну... Тыкает пальчиком по клавишам, но это же не выход!

— Ладно, что-нибудь придумаем.

— Побыстрее придумывайте, Алексей Саныч.

Тот подпер голову руками: положение становилось, действительно,

критическим. Перед праздником все передачи монтировали в задел — на четыре дня. Если их не подготовить, о каком заделе можно говорить?! Скандал!

Лихорадочно стал набирать телефонные номера знакомых, друзей. Звонил в соседние редакции, в типографию... Во что бы то ни стало надо было найти машинистку. Или хотя бы «занять» на несколько «горячих» дней. Но перед праздником об этом и речи быть не могло. Отказывали вежливо, смеясь:

— Что вы, дорогой! Работы у самих — завались, все машинистки заняты.

— Черт! — хлопнул трубкой по аппарату Гельберт.

Ничего не получалось. А вроде бы такой пустяк. Подумаешь — машинистка. К этому времени у Главного уже сформировалось определение, которым он мог бы в эту минуту наградить Любовь Григорьевну, но вслух ничего не произнес. Понимал: еще два дня, и можно самому писать заявление по собственному желанию, потому что после дневного выпуска «Последних известий» из окружкома партии уже позвонили: диктор два раза запнулась в эфире.

— Она что?! Совсем читать разучилась? — грозно вопрошали сверху. — Безобразие! Безграмотность какая!

— Учтем, поговорим, — смиренно ответил Главный, а сам подумал: «Хорошо хоть только два раза запнулась, а не десять. С такими правками можно было бы вообще отказаться читать тексты в прямом эфире. А через полчаса — следующий выпуск новостей. Что же будет!?

Было даже хуже, чем Главный предполагал.

В пять часов вечера Любовь Григорьевна Матошкина встала из-за стола и начала собираться домой. Николай Алипов весь день ждал, когда она, наконец, отпечатает его передачу, которую он занес в машбюро еще три дня назад. Поэтому намерения Матошкиной его более чем удивили.

— Вы уже уходите? — изумился он.

— Да, — очень спокойно, с чувством исполненного долга ответила Любаша.

— А моя передача? Вы ее, наверное, уже отпечатали?

— Нет, — ответ прозвучал как само собой разумеющееся.

— Но ведь завтра монтаж!

— Я устала. Мне положено каждый час делать перерыв по десять-пятнадцать минут, а я сегодня вообще спины не разгибала. До свидания.

Она оделась и быстро выскользнула за дверь. Алипова буквально столбняк охватил. Даже не заметил, как подошел Ковеленов.

— Куда это она? — спросил у Алипова.

— Домой, — прощедил сквозь зубы Николай.

— Домой?! В пять часов!?

— Говорит, устала.

— Чер-те что творится в этом доме! — буркнул Володя и в очередной раз отправился к Главному.

— Саныч, машинистка ушла, — с порога объявил он.

— Почему?

— Устала.

— Кто отпустил?

— Никто, — пожал плечами Ковеленов.

— Тогда на каком основании она сократила свой рабочий день?! — голос у Алексея Александровича задрожал от гнева.

— Про это основание я и хотел у вас спросить. Горим... Надо что-то делать...

— Что?! Я уже всех, кого мог, обзвонил. Может, у тебя кто-то есть на примете?

— Надо подумать...

— Так думай быстрее! Черт!.. Надо действовать. Звони!

— Кому? — Владимир беззащитно уставился на Главного.

— Кому можешь! — Гельберт пододвинул телефон к краю стола. — Ну!

— Да не знаю я никого! — шарахнулся Ковеленов. Но телефон в этот момент сам о себе напомнил: опять звонили из «белого дома». Неприятный голос ворчливо произнес:

— Что это у вас творится в редакции, Алексей Александрович? Опять ваш диктор запинается в эфире! Вы это хотя бы сами слушаете?

Гельберт совсем забыл, что хотел послушать вечерний выпуск новостей. Прижав трубку рукой, он шепотом попросил Ковеленова: включи радио погромче.

Новости еще не закончились, а ему уже звонили. Видимо, кураторам из отдела пропаганды не терпелось высказать свое возмущение. Завтра пыл остынет, и замечание о недостатках в работе окружного радио примет более лояльный характер.

— Понимаете, тут не диктор виноват.

— А кто? Вы?

— Наверное, я, — шумно вздохнув, признался Алексей Саныч.

— Вы что, сами лучше прочитали бы выпуск «Последних известий»? — съязвил инструктор.

— Не в этом дело. От нас ушла квалифицированная машинистка, — стал по-мальчишески оправдываться главный редактор.

— И что же? — раздалось в трубке.

— Печатать тексты некому... Читаем в эфир с листа.

— Зачем же вы разбрасываетесь кадрами? — резонно заметили с противоположного конца телефонной линии. В голосе говорящего Главный услышал насмешку и еще раз тяжело вздохнул. Хоть и произвучала эта фраза издевательски, пришлось согласиться: разбрасывается кадрами.

Обойдись он с Сизовой иначе, сейчас бы этих неприятностей не бы-

ло. А он даже не сделал попытки ее остановить. Не поверил ее угрозам? Нет, скорее всего, испугался, что иссякнет источник, обеспечивающий коллектив, да и его лично, благами, к которым они в последнее время попривыкли.

Между тем начальствующий собеседник продолжал любопытствовать:

— Куда же ушла машинистка? Почему вы ее отпустили?

— К вам и ушла, в одну из приемных окружкома партии.

В трубке немного помолчали.

— И все равно, это вас не оправдывает. Мы не позволим, чтобы окружные новости выходили в эфир в безграмотном виде. Ошибки здесь недопустимы. Немедленно ищите выход из положения.

Раздались короткие гудки. Саныч положил трубку и сел. Он и сам не заметил, как встал при разговоре с начальством.

— Кто звонил? — спросил участливо Ковеленов.

— Да все тот же. Не пойму я его... на мое место, что ли, метит? Все передачи чуть ли не с карандашом в руках прослушивает. Ни одной ошибки не пропускает и обо всем тут же Третьему докладывает.

«Третьим» они между собой называли секретаря окружкома партии по идеологии.

— Да-а... — Владимир не стал утешать Саныча. Да и что тут скажешь? Он знал, что скоро их руководителю исполнится 55 лет, и он уедет в свой родной Ленинград, откуда прибыл пять лет назад... зарабатывать «северную пенсию». Знал он и о судьбе этого рано поседевшего и очень больного человека. В начале пятидесятых он возглавлял редакцию одной из ленинградских газет. В одном из номеров рассказывалось о Стalingрадской битве. Корректоры, как говорится, просмотрели ошибку, да еще какую! Слово «Стalingрад» шло с переносом на другую строчку. А линотипист (надо же такому случиться!) пропустил букву «Р», получилось: в одной строке «Сталин», в следующей «гад»...

Все дальнейшее разворачивалось по четко разработанному и беспощадному сценарию: процесс, десять лет строгого режима. Два года Гельберт отсидел в тюрьме. В 1953-м вождь всех народов умер. Таких, как Саныч, амнистировали. Страх, однако, амнистировать нельзя. Он остался с ним навсегда. Поэтому Гельберт не допускал не то что ошибок в тексте, даже двух исправлений на одном печатном листе! Что при этом происходило с Матошкиной, представить не сложно. Она постоянно боялась ошибиться. И... ошибалась вновь и вновь... Исправляла и опять ошибалась.

Горестные раздумья прервал новый звонок.

— Ну, началось, — прошептал Главный. Он подумал, что куратор уже успел об их проблемах доложить Третьему, и теперь ожидал очередной выволочки. — Слушаю.

Ковеленов следил за выражением лица руководителя.

— Да, что ты! Так. Так... И кто? Адрес?! Записываю, — он лихорадочно черкнул что-то на листочке и просиял: — Ну, спасибо, удрожил!

— Что? — спросил Ковеленов.

— Друг один звонил. Говорит, есть машинистка. Квалифицированная. Из Тюмени к родителям приехала. Правда, не знает надолго ли. Но нам хотя бы до праздников продержаться...

— Кто такая?

— Настя Яновская.

— Полячка?

— Да, откуда я знаю?! И какая разница! Лишь бы печатать умела. По-русски... И без ошибок. Иначе я не только еще больше поседею, но и лысым стану от огорчений. Машина на месте? — засуетился Главный, одеваясь.

— А куда она денется? Стоит, — успокоил Ковеленов.

— Я прямо сейчас к ней и поеду. Чтобы завтра с утра вышла на работу.

* * *

Дверь Гельберту открыла девчушка небольшого роста. Хрупкая до невозможности, казалось, дотронься — и сломается. Так он и думал, пока проходили в полумраке по коридору к выключателю. А когда под потолком загорелась лампочка, редактор заворожено остановился.

— Вам кого? — глаза с любопытством уставились на незнакомца.

— Настю.

— Это я.

— Ты?!

— Да.

— А другой Нasti здесь нет?

— Нет. Может, вы не туда попали? Я вас не знаю.

— Я вас тоже. Давайте, однако, объяснимся... — И начал сбивчиво, как мальчишка, излагать ситуацию, сложившуюся неожиданно в редакции. Закончил тем, что спросил:

— А вы, правда, умеете печатать? — перейдя на уважительное «вы», спросил Гельберт.

— Умею. А почему вас это удивляет?

— Сколько же вам лет?

— Девятнадцать.

— Девятнадцать?!

— А что?

— Не похоже.

— Почему?

— Я думал, вам лет четырнадцать...

Настя рассмеялась, да так звонко и заразительно, что Алексей Александрович невольно засмеялся вместе с ней. Теперь он понял, что его так поразило в ней в первые минуты. У девушки при темно-кашта-

новых волосах волнами, спадавшими на плечи, были совершенно голубые глаза.

— Я согласна, но при одном условии, — еще улыбаясь, сообщила Настя.

— При каком? Я на все, впрочем, готов.

— Вы меня возьмете с испытательным сроком.

— Так ты не умеешь печатать?! — испугался Саныч, невольно перейдя опять на «ты».

— Испытательный срок в другом смысле. Хочу быть журналистом. Но вы же знаете, чтобы поступить на журфак требуется два года рабочего стажа. Нужна также подборка творческих работ для конкурса. А у меня всего одна заметка и есть — в окружной газете. Да и та написана полтора года назад, сразу же после школы. Вот я и хочу, чтобы вы дали мне возможность проявить себя. Вдруг из меня и правда получится журналист. А я давно мечтаю об этом...

Главный обрадовался.

— Обещаю: возможность такую я тебе предоставлю. Только на работу нужно выйти завтра же, к девяти утра.

В этот момент он мог пообещать ей все что угодно.

— Хорошо, — легко согласилась девушка. — Я вам верю. Завтра в девять буду в редакции. А где это?

Он объяснил.

Выйдя из квартиры, остановился на крыльце, с облегчением вздохнул. Кажется, камень с шеи свалился. «Посмотрим еще завтра, на что она способна», — мелькнуло в голове.

Что-то не отпускало его сейчас от этого дома. Он и сам не мог понять, что именно. «Какая девчушка! Это да!!!» — ворвался в мысли невольный восторг. — «Не знаю, не знаю, что будет в редакции, поселись такая красота в нашем деревянном сарае. За ней глаз да глаз будет нужен... И за всеми мужиками тоже», — озабочено завершил внутренний монолог Саныч.

Он вдруг заметил, что луна, рассеивая свой таинственный свет, засвистала над крышами домов, отгораживающих двор от центральной улицы. Показалось, даже звезды над головой улыбаются, радуясь чему-то. Подумал, как давно не рассматривался в небо, не замечал чарующей красоты зимней, северной ночи. На фоне черноты небосклона посеребренные крупным инеем ветки деревьев воспринимались как неземные. Нарисованым выглядело все это с крыльца Настиного дома. Глаз отвести невозможно.

«Что это со мной? — удивленно подумал Алексей Александрович. — Лирики захотелось? Смешно, стариk... Поздненько спохватился...»

Но даже эти печальные мысли не испортили настроения. Пошел вдоль дома к машине. Под ногами гулко скрипел снег. К морозу! Чувство легкости наполнило все его, с утра еще болевшее, тело. Будто молодость вернулась на несколько минут...

Утро. Первое, что сделал Гельберт, тут же отправился в машбюро. С удовлетворением отметил: Настя на работу пришла вовремя.

— Зайди ко мне, — кивнул ей.

— Это куда?

— Иди за мной.

Настя послушно последовала за Гельбертом. Тот торопливо разделся и поспешно положил перед девушкой чистый лист бумаги.

— Пиши заявление.

— А вы меня не обманите? — вопрос прозвучал так неожиданно и не-привычно для него, что Алексей Александрович недоумевающе уставился на новую сотрудницу.

— В чем я могу тебя обмануть?

— Ну, в том, что когда-нибудь предоставите возможность поработать не только машинисткой, но и творчески?

— А-а, в этом... — он уже забыл про свое обещание. Сейчас ему было совершенно не до проверки ее творческих способностей. — Только не теперь. Давай попозже вернемся к этому разговору. До Нового года, честно признавшись, такой возможности совершенно не будет. Сейчас праздники. Затем месячный, квартальный, годовой отчеты, новогодние программы — сама понимаешь, — сказал так, будто Настя всю жизнь только и делала, что работала в их радиодоме. Она по-детски вздохнула глубоко и огорченно, но согласилась. После паузы:

— Хорошо, — и опять добавила эту фразу: — Я вам верю.

Заявление написано. Жизнь продолжается. Главный редактор занялся своими текущими делами, предупредив на всякий случай новеньку машинистку: новости печатать в первую очередь.

Через некоторое время по редакции пронесся шумок. То один, то другой, пытаясь убедиться в добрых переменах, шли в машбюро посмотреть, КАК печатает новенькая.

Настя, между тем, занималась своим делом. Печатая, практически не смотрела на клавиатуру — только в текст. Каретка то и дело с шумом отправлялась справа налево и снова к началу строки. Редактор новостей вглядывался в текст, ища ошибки. Но их — не было! Новенькая печатала грамотно, без опечаток, несмотря на потрясающую скорость.

Через сорок пять минут она встала, подошла к окну и ровно 15 минут наблюдала за тем, что творится на улице. Ничего особенного там не происходило. Просто летел снег. Ветер гнал его по земле, не давая осесть на одном месте. Даже из теплых объятий комнаты чувствовалось, как он резок и колюч.

Любовь Григорьевна тоже перестала печатать. Производственный перерыв, установленный правилами для их профессии, она соблюдала свято.

— Быстро работаешь. Где научилась? — решила нарушить молчание напарница.

Девчушка эта по возрасту годилась ей в дочери, а печатала прямо-таки виртуозно. Такое Любаша видела только в кино, но уже не помнила в каком именно.

— В Тюмени, — не оборачиваясь, ответила Настя.

— И долго училась?

— Целых три месяца.

— Три месяца?! — удивилась Любаша. В ее голосе прозвучал завистливый восторг.

— На спецкурсах. Учили хорошо. К тому же, у меня пальцы сильные, я музыкальную школу закончила. На «фоно».

— И после этого — в машинистки? Дальше не захотела учиться? — съязвила Любаша, внутренне гордясь тем, что обе ее дочери учатся в высших учебных заведениях и поступили туда сразу после окончания средней школы.

— Хочу, но... не берут. На будущей год буду поступать.

— Куда же?

— На журфак.

Перерыв закончился. Снова затрещали машинки.

Коллектив наконец успокоился: передачи будут отпечатаны вовремя. В это теперь поверили все. Народ вздохнул с облегчением.

* * *

За день до праздников в редакции появилась миловидная женщина. Пройдясь по кабинетам, она остановилась у приоткрытой двери машбюро и, начала внимательно разглядывать Настю.

Поглощенная текстом, Яновская не обратила внимания на странного наблюдателя. Через два часа, однако, повернулась в сторону двери и спросила:

— Вы тоже ждете какую-то передачу?

— Нет, — вымученно улыбаясь, ответила незнакомка.

— Тогда почему стоите здесь?

— Смотрю.

— Интересно?

— Очень! — это было сказано уже с вызовом.

— Что ж тут интересного? — пожала плечами Настя.

— Да вот ты и есть — интересная, — с явным ударением на последнее слово звенящим голосом ответила женщина.

Настя прервала работу и с откровенным любопытством уставилась на незнакомку. Поношенная меховая шапка, пальто, давно вышедшее из моды, неуклюжие валенки, ярко накрашенные губы, слипшиеся от дешевой туши ресницы.

— Не поняла, — удивленно протянула Настя. — Пояснить можете?

— Чего объясняться?! — незнакомка повысила голос. — Не успела на работу устроиться, а уже мужика захомутала!

— Что значит «захомутала»? Какого мужика?! Вы кто? — она беспомощно повернулась к Любаше, ища объяснения и защиты.

— Это жена Ковеленова, заместителя главного редактора, — пояснила та.

— Но я-то здесь причем?

— А при том! — переходя на вульгарный крик, женщина выплескивала слова, словно помои в лицо: — Два дня только о тебе и говорит: ах, какая машинистка! Ах, какая красавица! Ах, какая молоденькая.. Молоденькая, молоденькая, а туда же, за женатыми мужиками в погоню!

— Ни за кем я в погоню не пускаюсь. Бред какой-то! Не мешайте работать! — Настя тоже повысила голос. Но жену Ковеленова успокоить оказалось не так-то просто. Только Настя об этом еще не догадывалась. На девушку обрушился яростный град двусмысленных оскорблений, каких она сроду и не слышала. Любаша не выдержала и встряла:

— Татьяна! Успокойтесь, пожалуйста. Девчонка здесь причем?!

— Ты тоже хороша! Покрываешь эту соплюху! Им что, вот таким? Подолом потряснут, семью разобьют, а я останусь с четырьмя детьми. Вот уж, хрен вам с маком!

Она бы еще долго кричала, распалия самою себя, но по коридору уже бежал Ковеленов. Схватив за руки супругу, он решительно вытолкнул ее из машбюро. Однако, она не утомнилась. Видимо, началась потасовка, потому что старые стены буквально задрожали.

— Это он ее?.. — предположила испуганно Настя.

— Как бы не так! Это Татьяна ему выволочку устраивает, — уверенно заключила Любаша.

— Почему вы так думаете?

— Знаю. Не впервые.

— Боже! Неужели такое возможно?! Противно же.

— Живут. Куда деваться?

— У него что, действительно четверо детей? — прислушиваясь к происходящему в коридоре, спросила Настя с повышенным любопытством.

— Две девочки и два мальчика.

— А с виду не скажешь — выглядит молодо.

— Так он и есть молодой. В шестнадцать лет «залетел». Татьяна забеременела от него, когда ей шел двадцать первый. В деревне жили. Ни от кого ничего не скроешь. Вот и пришлось жениться. А она потом решила его покрепче привязать. И привязала. Последнему ребенку годика три...

— А старшему?

— Дочке около десяти.

— Ничего себе! Темпы! — ахнула Настя. — Она что, каждый год рожала?

— Не каждый год, но через год точно.

— Не пойму только, я-то тут при чем?

— Вот такая она у него... дура, — нашла определение Любаша. — Она и меня по первости приревновала к своему Ковеленову. Слава Богу, узнала, что я на пятнадцать лет старше его, успокоилась.

Помолчала и добавила:

— Разберется. Только жизнь ему с ней очень долгой покажется.

Володя через несколько минут вернулся. Шепотом проговаривая нецензурные слова, быстренько пробежал по коридору в свой кабинет и до вечера оттуда не выходил. Утром следующего дня причина уединения стала понятной: три багровые полосы украшали левую щеку Ковеленова. В таком виде перед коллегами щеголять неприятно. Даже если это происходит не впервые.

Подобные вылазки в радиодом Татьяна Ковеленова делала регулярно, с периодичностью раз в полгода. Сценарий был один и тот же: скандал, затишье, очередной приступ подозрительности, нашествие в редакцию, скандал... Чаще всего с мордобитием. Ибо она всегда находила очередную жертву для предъявления претензий. И обрушивала их сначала на предполагаемую виновницу семейного разлада, потом — на супруга. Видимо, тем самым ища выход накопившейся обиде и тоске по молодости, которая промелькнула незамеченной. В такие «критические» дни Татьяна вспоминала всю свою жизнь. В этой жизни, как ей казалось, кроме обременительных забот о семье и домашнем хозяйстве, ничего и не было. Она — старшая дочь, главная помощница матери — Бог знает с каких лет возилась с сестренками и братишками, которых было пятеро. Убирала в хате, обстирывала всю семью. Кормила свиней и кур, доила корову... И все это изо дня в день, без промежутка. Казалось, что конец такому существованию никогда не наступит.

Случай, однако, распорядился иначе. Появился молодой супруг, а затем последовал переезд в город. Удача. Даже счастье. Потому что полюбила она своего мальчика до безумия. И видела в нем не только мужа и отца своих детей, но и человека, который наконец-то освободил ее от оков прежней жизни. Спас от засасывающих забот по хозяйству, по дому, от братьев и сестер, от родителей и соседей, от надоевших деревенских жителей.

Когда родился второй ребенок, Владимир был уже корреспондентом окружного радио. Рано проявившиеся способности, трудолюбие и стремление вырваться из самых низов куда повыше помогли его быструму профессиональному росту. Закончил журфак при Высшей партийной школе, вовремя вступив в партию, быстро стал подниматься по служебной лестнице. Он был упорным парнем.

Жизнь в окружном центре, где каждый друг о друге знал практически все: о состоянии дел, привязанностях, слабостях и достижениях — его не угнетала. Он давно привык к сплетням и правдивым рассказам о себе и о других. Верил же сам только в то, чему был свидетелем и что знал наверняка.

Татьянины причуды переживал с болью, с ощущением стыда и горечи. Они никогда не ходили вместе в гости, потому что он боялся, и не безосновательно, ее беспринципных выходок. Поздно Ковеленов понял, что «скандальная баба» — это приговор на всю оставшуюся жизнь. Понял, что ни при каких условиях она его не отпустит, поэтому и детей столько нарожала. Возрастающая с каждой новой должностью зарплата никак не могла покрыть постоянно растущие потребности семьи. Даже в отпуск за пределы области они ездили. Не хватало денег. Единственное, что могли себе позволить, это отправиться в деревню к родителям: и недалеко, и недорого.

...На следующий день после скандала Ковеленов выбрал момент, когда Настя осталась в машбюро одна, и зашел к ней.

— Ты... извини за вчерашнее, — неловко начал он.

— Что? — не поняла Настя. Перестала печатать и внимательно посмотрела на заместителя главного редактора. Сквозь треск машинки она не расслышала его слов.

— Извини, говорю, за вчерашний инцидент... с Татьяной, — уже более твердо произнес Владимир. — Так-то она не плохая женщина, но вот иной раз несет — не остановишь.

— Перевоспитывай, — Настя и сама не заметила, как заговорила на «ты» с человеком, который был гораздо старше ее годами. За три предыдущих дня она успела заметить, что Ковеленова почему-то никто не называл в редакции по имени-отчеству. Объяснить, почему сложилось именно такое отношение к заму, никто не мог. Для всех он был просто Володя и обращались к нему на «ты». Возможно, это были издержки редакционного уклада, свойственные провинциальному городку, решила про себя Настя. А возможно, что так принято относиться друг к другу вообще в той среде, куда стремилась попасть Настя Яновская. Ведь она считала, что любая редакция — это всегда нечто особенное. И люди здесь должны быть удивительными, не такими, как все. Ибо это они просвещают и даже воспитывают народ! Узнают и первыми рассказывают о том, чего еще никто не знает...

Словом, отношение к журналистам и их ремеслу у Насти было самое восторженное. И вдруг этот кошмарный случай! Натуральная бытовуха. И что же теперь прикажете делать с этими романтическими представлениями? Какая же это элита, если ее представителям чуть ли не на глазах у всего честного народа бьют «морду лица»?! В кровь расцарапывают щеки одному из самых уважаемых в коллективе сотрудников!

Он как раз сейчас и стоит перед нею... объясняется.

— Знаешь, я бы предпочла, чтобы вы свои разборки устраивали дома, — сказала то, что думала, не сообразив, как ему больно слушать столь жесткое пожелание именно от нее. — Хоро-о-ош! Позволяешь лупить себя женщине. Ты же руководитель!

Вот этого Ковеленов уже никак не ожидал. Никто никогда не посмел

ему вот так просто высказать правду в глаза. Все обычно после очередных разборок понимающие кивали, сочувствовали. Дескать, чего уж там... Всякое бывает в жизни. А вот эта девчушка взяла да и осмелилась произнести то, что, очевидно, давным-давно было на уме у каждого. И о чем, вероятно, шушукались в каждом кабинете все эти годы.

Владимир почувствовал, как кровь ударила в лицо.

— Извини, — проговорил он и тут же вышел.

А Настя спокойно заправила в машинку очередной лист бумаги и продолжила работу. Она, почему-то была уверена, что больше подобных скандалов в редакции не будет.

* * *

Утро последнего перед праздником дня было загружено до предела. Настя печатала то, что было смонтировано, перемежая тексты передач с текущими информациейми. К четырнадцати часам нужно было все закончить.

В редакции, между тем, уже царило веселье. «Пахота» продолжалась лишь в машбюро да в службе информации. Остальные пребывали в праздности и выжидали времени, когда Главный будет поздравлять коллектив.

От безделия что только не взбредет в голову? Ковеленову, например, взбрело устроить маленький спектакль. В подсобном помещении он поймал мышь. Не то, чтобы сам подобно коту высиживал несколько часов около дырочки в покосившемся полу. Просто зашел туда зачем-то и увидел мышонка на половой тряпке в ведре с водой. Баба Соня, уборщица, приходившая обычно после окончания рабочего дня, перед праздником решила сделать уборку пораньше и приготовила ведро для мытья полов. Пошла предупредить о неурочной уборке, да заболталась. Тем более, тема для сплетен была самая свежая — недавний скандал супругов Ковеленовых.

Обнаглевшие мыши, привыкшие к постоянному гомону в редакции, не боялись людей и шмыгали по полу когда заблагорассудится.

Баба Соня, как и все женщины, мышей боялась. Она давно просила разрешения у Гельберта принести в редакцию кота, но Алексей Александрович их терпеть не мог, поэтому категорически запретил. Баба Соня же, прежде чем зайти в подсобку — единственное безлюдное место, нарочито громко шумела ведрами, разговаривала вслух сама с собой, отпугивая совершенно не боявшихся ее грызунов.

Когда в подсобку заглянул Владимир, мокрый, жалкий мышонок отчаянно пытался удержаться на половой тряпке, еще не погрузившейся полностью в воду. Идея пришла моментально. Ковеленов взял мышь в руки, слегка обсушил ее полотенцем, которым баба Соня вытирала после уборки руки. Мышонок дрожал, но пищать уже перестал. Засунув грызуна в карман пиджака, Володя пошел за подмогой.

Для осуществления задуманного понадобилась кое-какая мелочь: тоненькая палочка и нитки. Последнее взял у запасливой Нины Нестеровны, народ знал, что у нее можно найти все необходимое на непредвиденный случай. Так было и на этот раз.

Семенова была занята подготовкой вечернего выпуска «Последних известий», поэтому, ни о чем не спрашивая, одной рукой вытащила из ящика нитки и положила на стол. В другой руке она в это время держала телефонную трубку и сосредоточенно кивала головой, молча соглашалась с собеседником на другом конце провода.

Володя, тоже молча, одной рукой взял нитки. Другая придерживала в кармане тепленький комочек — мышонка. Кивнул в знак благодарности и исчез за дверью.

Зайдя в свой кабинет, Ковеленов коротко отдал распоряжение Николаю:

— Найди где-нибудь палочку. Небольшую, примерно с метр, но по-тоныше.

— Где я тебе ее найду? — удивленно воззрился на него сквозь очки-линзы Алипов.

— Да где угодно.

— Например?

— Например, из метлы выдерни. Она в коридоре стоит.

— А почему ты сам этого не сделаешь?

— Не могу. Рука занята.

— Чем?

Владимир вытащил мышь и показал Алипову.

— И что ты с ней хочешь делать? — лицо Николая выражало такую гримасу презрительности, что Ковеленов рассмеялся:

— Иди, иди, сейчас увидишь.

Тот пожал плечами. Вышел. В это время Владимир «захомутал» мышь, обмотав ее шею нитками, сложенными в несколько раз. Зверек постоянно пытался убежать со стола, но не тут-то было. Крупные короткие пальцы Ковеленова пресекали попытки, как только мышонок достигал края стола. За этим занятием и застал его Николай.

— Отлично! — восхликал заместитель главного редактора.

— Шустрый попался! Смотри, как бегает!

Они вышли в полутемный коридор. Володя опустил мышонка на пол и стал с помощью прутика направлять его движение:

— Так, так, отлично, вперед, вперед...

В этот момент из фонотеки вышла ее хозяйка Валюша Федотова. Несмотря на то что Валюша уже родила троих детей, была она миниатюрна, обаятельна и выглядела не по годам молодо. Да и какие годы! Всего тридцать один. Она никогда ни с кем в редакции не делилась тем, как ей живется: хорошо или плохо. Но всегда была в прекрасном настроении, весела и приветлива.

Володя знал, что Валюша (ее все звали только так) просто панически боялась мышей. Неоднократно жаловалась Санычу на то, что в фонотеке скребутся, что она это постоянно слышит и не может сосредоточиться на музыке. Ради ее спокойствия главный редактор отдал распоряжение закупить несколько мышеловок и установить в комнате, где работала Федотова. Может быть, поэтому, а возможно, из-за того, что Валюша большую часть рабочего времени проводила в наушниках, прослушивая новые музыкальные поступления, беспокоить грызуны ее стали меньше.

Сейчас Валя легкой походкой шла по коридору. Несла большую стопку коробок с записями песен и инструментальной музыки. Все это предназначалось для прямого эфира с демонстрации на площади 7 Ноября. Настроение было как всегда хорошее, улыбка не покидала ее лица. Завтра праздник, и она будет целых четыре дня со своими ребятишками. Сколько дел можно переделать за это время!

Вот эти приятные мысли и были прерваны бодрым голосом Ковеленова:

— Вперед, дорогая! Давай, давай! Молодец!

Валюша посмотрела на пол: кем это управляет Ковеленов? Боже! Оказывается, она чуть не наступила... на мыши!

Как очнулась в кабинете главного редактора, потом не могла вспомнить. Как влетела на стол — тоже. Ее крик был таким оглушительным и пронзительным, что все тут же высыпали в коридор.

Гельберт в этот момент подписывал бухгалтерский отчет и ничего не понял: зачем топчет ногами этот документ хранитель фонотеки, издавая дикие звуки?

— В чем дело?! — возмутился он. — Что вы себе позволяете?! — повысил голос, вскакивая.

И в это время в дверях появился Ковеленов. В руках он держал мышь на нитке и прутик от метлы.

— Ты че, испугалась? — невинно спросил он. — Это же маленький мышонок, смотри. — И протянул Валюше мышь. Та и обмякла и плюхнулась в обморок. Прямо на Главного. Тот едва успел поймать женщину, неуклюже обхватил и держал как полено. Правда, тут же сориентировался и крикнул Ковеленову:

— Воды!

Владимир машинально сунул мышь в карман, быстро подошел к тумбочке, где стоял графин с кипяченой водой, налил полстакана, набрал полный рот и изо всех сил брызнул Валюше в лицо.

Она вздрогнула, открыла глаза. Настя, выглядывая из-за плеча Ковеленова, обратила внимание, как побелело лицо молодой женщины, как пытается она понять, что с ней произошло и почему это все столпились вокруг нее.

— Помоги, — попросил Главный. Ему трудно, да и неудобно было держать отяжелевшее тело. Ковеленов взял Валюшу за плечи. Глаза по-

страдавшей метались, словно искали что-то. И тут она увидела совсем рядом, прямо перед собственным носом, ползущую по пиджаку Ковеленова мышь. Крик ее можно было сравнить только с сиреной. Проследив за Валиным взглядом Владимир скомандовал Насте, которая стояла ближе всех:

— Убери!

Сам он двумя руками придерживал тело бившейся в припадке страха женщины.

— Что убрать? — не поняла девушка.

— Мышь! — крикнул в нетерпении Владимир.

— А где она? — Настя все еще ничего не поняла, потому что Ковеленов стоял к ней спиной. Зато лицом к ней стоял главный редактор, у которого от гнева и бессилия тряслись руки, державшие Валюшу ниже талии.

— Да, вот же, вот! — Володя попытался повернуться, но очень тесная комната не позволила этого сделать. Настя сообразила зайти с другой стороны и увидела дрожащую от страха мышь. Зверушка, видимо, тоже страху натерпелась и перестала ползти вверх, к шее Ковеленова.

— Мышь? — удивилась Настя. — Откуда?

— Да, убирай же ты ее скорее, иначе мы все оглохнем!

Яновская спокойно взяла мышь за хвост, с некоторым усилием отодрала ее от костюма заместителя главного редактора и отступила в сторону, освобождая проход к двери.

Валюша снова впала в обморочное состояние. Стало так тихо, что все собравшиеся в полутемном коридоре услышали сопение Главного.

Валюшу устроили, подложив ей под голову чай-то портфель, на старом кожаном диване в комнате, где обычно проходили планерки и представники. Коллеги сгрудились вокруг.

— Надо валокордину накапать, — сообразил кто-то.

— И нашатыря найти, — добавил еще один голос. Но никто так и не шелохнулся.

— Где аптечка? — вдруг гаркнул Главный. — Что вы все тут собирались?!
Нашли, на что любоваться!

Любаша шмыгнула в дверь. Аптечку обычно хранили в машбюро. Минуты через полторы вернулась.

Ковеленов взял нашатырь, открыл ампулу и поднес к носу Валюши. Та довольно быстро начала приходить в себя. В глазах исчезла муть. Ей дали валокордин, разведенный водой.

— Уходите все отсюда, — Саныч раскрыл, словно для широких объятий руки и потихоньку выпроводил своих подчиненных в коридор.

— Сумасшедший, какой-то день, — пробормотал он. — Ковеленов, зайди ко мне. — И вышел.

Володя стоял над Валюшкой, виновато переминаясь с ноги на ногу.

— Тебе легче?

— Пошел отсюда, дурак! — беззлобно ответила та. — Я их до смерти боюсь с детства.

— Прости. Не думал, что это так серьезно. Ходил развеселить...

— Развеселил... — Валюша вздохнула, пытаясь подняться.

— Полежи, полежи, — остановил ее Володя. — Рано подниматься. Вон, какая бледная, — заметил с искренним участием.

— Еще бы! Как я только не умерла от страха?.. — Голос ее был каким-то надломленным, будто усталым. И говорила она сейчас не как обычно, а замедленно, с трудом. Насти стояла в стороне и чувствовала себя очень неловко оттого, что стала невольным свидетелем личного разговора, касающегося только этих людей.

В этот момент напомнила о своем существовании и мышь. Яновская вздрогнула, вспомнив о том, что виновница скандала все еще висит вниз головой в ее руке. Ковеленов, почувствовав присутствие третьего лица, оглянулся и увидел растерянную Настию. А Валюша, думая, что они вдвоем, продолжила вдруг:

— Не ожидала я от тебя такой пакости, Вовка. Именно от тебя — не ожидала... Взрослый же человек, четверых детей нажил, умный, добрый талантливый... — Насти пожалела, что вовремя не ушла. Ковеленов тоже смущился и глазами показал: «Уходи».

Насти тихонько выскользнула в приоткрытую дверь. Та едва скрипнула.

О чем они говорили дальше, никто так и не узнал. Через несколько минут Володя уже зашел к главному редактору, и все затихли в ожидании: пронесется — не пронесется гроза над роскошной шевелюрой Ковеленова.

А Валюша, пошатываясь, ушла в свою фонотеку. Кто-то собрал коробки с записями, брошенные ею в припадке страха, и отнес в аппаратную. Как бы то ни было, большую комнату начали готовить к торжеству. Надеялись, что Гельберт, несмотря на инцидент, все же по традиции поздравит коллектив с наступающим праздником. Женщины собирали на стол немудреную закуску, которую помог достать Любашин муж. Еще через какое-то время оба — Главный и его заместитель — вышли из кабинета.

«Утряслось», — облегченно поняли все.

— Люди! Собрание! — разнеслось по коридору. Под словом «Собрание» подразумевался общий сбор с застольем.

Ковеленов зашел в свой кабинет и увидел Настию. Она стояла у окна, держа за хвост подергивающегося мышонка.

— Ты ко мне? — не заметив грызуна в ее руке, спросил он.

— Да. Тебя жду, — подобно всем остальным Насти тоже стала звать Ковеленова по имени и на «ты».

— Что-то срочное?

— Очень.

— Рассказывай, — Владимир подошел ближе в ожидании еще одного доверительного разговора. Настя подняла мышь на уровне его лица.

— Это куда прикажешь деть?

От неожиданности Владимир вздрогнул.

— Так ты ее до сих пор носишь?! — удивился.

— А куда я ее дену? У нее уже, наверное, кровоизлияние в мозг произошло.

— Ну, ты даешь!!! — Володя так рассмеялся, что Настя перестала злиться. Вошел в кабинет Николай. Увидев эту картину, присоединился к веселью, и вскоре гомерический хохот снова потряс редакционные стены. Вновь повыскакивали из своих кабинетов сотрудники:

— Опять что-то случилось? Это уже — перебор.

Мышь помиловали. Какая разница: одной больше, одной меньше. Только Володя после этого посмотрел на новенькую уже совсем другими глазами. Более заинтересованно. Такого не случалось с тех пор как он был женат.

* * *

Любопытная Настя не ушла, как предполагалось, пораньше домой. Сидела за праздничным столом и во все глаза следила за каждым говорящим. А послушать было что. Ветераны рассказывали о том, как началось окружное радио. Главный уведомил присутствующих, что с января будет открыто финансирование строительства радиодома и в конце года коллектив редакции переселится в новое помещение. Новость тут же воодушевила собравшихся на очередной тост, за который подняли бокалы с удовольствием.

В самый разгар торжества пришел еще один сотрудник. Судя по шумному приветствию, коллеги его любили. Бархатный голос незнакомца сразу поразил Настю. В последствии выяснилось: он только что вернулся из отпуска и решил поздравить родной коллектив. Бархатный голос принадлежал диктору, который иногда готовил сценарии больших городских торжеств и непременно сам же исполнял роль ведущего. Редко, только потому, что отсутствовали квалифицированные кадры, ему поручали готовить передачи в виде интервью и позволяли сдавать микрофонные папки без расшифровки текстов. Настя поняла: берегли его, как зеницу ока.

Ей шепнули на ушко, что этот любимец редакции учился в консерватории вместе с Муслимом Магомаевым, но бросил учебу на последнем курсе. Там, в Баку, вышла какая-то некрасивая история. Некрасивая тем, что он отбил женщину у какого-то очень заслуженного в республике человека. Увел из-под венца и сбежал вместе с нею в Тюмень. Однако союз этот длился недолго... Встретил другую. Очередная, захватывающая любовь загнала его еще дальше на север, теперь уже в столицу автономного округа. Здесь он сначала работал в клубе, пел и пил, за

что и был изгнан. Ценному кадру, однако, не позволили долго простоять, пригласили на радио диктором. Сейчас он живет со второй женой. И снова на грани развода. Говорят, восточные мужчины не могут долго удерживать свой взгляд на единственной, и женщины их привлекают постоянно. В особенности, если они красивы.

Тут же Насте сообщили, что у него есть любовница, и не одна. Жена ревнивая, и небезосновательно. Сын маленький и очень красивый мальчик, весь в отца.

Словом, за полтора часа Настя Яновская много узнала о дикторе с необычным именем – Аскер Керамов.

– Бойся его! – предупредили девушку. – Он же просто жуткий бабник, роковой мужчина.

Настя усмехнулась.

– Он не в моем вкусе. К тому же слишком стар.

Гельберт ушел домой первым, призвав коллектив соблюдать рамки приличия. Что он имел ввиду, Настя поняла поздно, когда опасения Главного уже оправдались. Оказывается, все главные сюрпризы этого дня были еще впереди...

В восемнадцать часов должен был состояться выход в эфир вечернего выпуска новостей. Диктор Тамара Самгина, женщина сорока с лишним лет, очень миловидная, молодящаяся, с хорошо сохранившейся фигурой, прекрасно знала себе цену и при каждом удобном случае подчеркивала свою исключительность. А состояла эта исключительность еще в том, что Тамара Яковлевна имела любовника младше себя на четырнадцать лет. Их связь раскрылась несколько дней назад. Женщине, не стесняясь, стали говорить неподобающие слова, пытаясь разрушить любовную связь, оправдывая свое вмешательство заботой о нравственности. Радетели и блюстители этой нравственности не щадили ничьих чувств. Руководство пока не принимало никаких мер в надежде на то, что оба одумаются. Дело осложнялось тем, что если Тамара Яковлевна была давно в разводе, то ее молодой любовник имел семью – жену и пятилетнюю дочку.

Вот это последнее обстоятельство и толкало жителей городка к беззастенчивому обсуждению чужой личной жизни.

Именно в этот вечер, уже после того, как основные противники любовной истории покинули помещение редакции, Тамара Самгина позвонила своему возлюбленному, пригласив его для последнего, решительного разговора.

Он пришел. Настя узнала, что зовут его Валера. Это был довольно красивый, начинающий полнеть, но все еще довольно стройный мужчина, литературный работник окружной газеты. И без того большой лоб увеличивали залысины – признак незаурядного ума. Оба любовника были членами партии, а это грозило наказанием за безнравственное поведение, что вполне естественным образом тут же сказалось бы на карьере.

Тамара Яковлевна быстро увела любовника в дикторскую, прихватив со стола две кружки и только что начатую бутылку спиртного. Можно было догадаться, о чем шла между ними речь. Через некоторое время красный, вспотевший Валерий вышел из дикторской и, не прощаясь, чтобы, видимо, не привлечь излишнего внимания, исчез. Самгина за столом так не появилась.

Впрочем, особой тревоги у присутствующих это обстоятельство не вызвало. До вечернего выпуска новостей времени еще было достаточно. Основное внимание было направлено на Аскера Керамова, воодушевленного присутствием новенькой сотрудницы. Он был в ударе. Пел для нее романсы, гипнотизировал взглядом, не скрывал своего восхищения, чем вгонял девушку в краску. Выдавал такие красивые, ласкающие душу комплименты, что присутствующие начали подтрунивать над ловеласом.

Настя держала дистанцию от обрушившегося на нее внимание Керамова. Хотя... внимание взрослого мужчины было ей приятно. Но верить всему, что он говорил в ее адрес, не собиралась.

Про Тамару Яковлевну вспомнили за пятнадцать минут до выхода в эфир. Руфина — оператор — зашла в студию и обнаружила женщину в весьма сомнительном состоянии. Тамара Самгина была абсолютно пьяна. Рыдала как девчонка от горя, оплакивая разбитую любовь. Увидев диктора в таком состоянии, девушка обомлела и призвала на помощь, как самого трезвого человека, Настю, которая кроме клюквенного морса ничего не пила. Да и не хотелось Руфине демонстрировать присутствующим мужчинам, как порой из-за них страдают женщины.

Руфина Ковалева в редакцию пришла несколько месяцев назад. Только начинала самостоятельно обеспечивать эфир. Работа ей нравилась, и терять ее даже из-за чьей-то несчастной любви девушке не хотелось. Тем более что в окружном центре устроиться на работу человеку без специальности и протекции было очень сложно. Ей повезло. Продвинули знакомые. Смышленая девушка быстро освоила технику и первый месяц работала в смене по эфиру.

— Тамара Яковлевна, успокойтесь, — пыталась увещевать Руфины диктора. — У нас через десять минут эфир. Вот выпуск новостей, вы хотели бы почитайте предварительно информации!

Но бедной женщине было не до того. Восьмисотграммовая бутылка «огнетушителя», как называли низкопробный портвейн, валялась под ногами. Руфина подняла ее, убедилась, что там абсолютно ничего не осталось, и удивилась:

— Вы что, Тамара Яковлевна, одна ее допили?

— Да! — ответила та с вызовом и почти трезвым голосом, — я ее допила.

Настя раскрыла папку с информацией.

— Это сегодняшний выпуск. Надо читать, — строго сказала она.

— Не могу, — едва выговорила Самгина.

— Надо! — еще тверже повторила Настя.

Руфина уже была в аппаратной, ставила на МЭЗ пленку с записями репортажей.

— Вы готовы? — спросила она через громкоговорящую связь.

— Нет, — ответила Настя, но Руфина ее не услышала. Через минуту появилась в студии.

— Смотри сюда: вот этим тумблером включается микрофон. Вот с этой колонки пойдут позывные. Когда прозвучат, можно начинать выпуск... Тамара Яковлевна, возьмите себя в руки! — раздраженно приказала Самгиной. — Иначе вас с работы уволят!

— Мне все равно, пусть увольняют, — обреченно ответила та.

— Настя, — обратилась Руфина к девушке, — когда начнется запись, вот этот рычажок опустишь вниз. Закончится — поднимешь вверх. Поняла? Я боюсь, что она не сообразит сегодня или напутает чего-нибудь. Сама молчи, тут микрофоны чувствительные, не вздумай чихать или кашлять. Каждый шорох будет слышен в эфире, — проговорила и снова убежала в аппаратную.

Насте стало страшно. Она придвигнула стул с отяжелевшей Самгиной к самому столу. Разложила листочки с информацией в один рядочек, чтобы не шуршать бумажками, и тут же услышала знакомые позывные...

Тамара Яковлевна, собрала, видимо, последние силы и начала читать. Сказать, что диктор едва выговаривала слова, было бы неверным. Но ее чтение было таким, что слушающим этот выпуск новостей сразу становилось понятным: диктор не в порядке.

До первого репортажа было всего две информации. Настя опустила рычажок. И тут голова Самгиной рухнула на дикторский стол.

— Тамара Яковлевна, миленькая, проснитесь, через две минуты репортаж закончится, нужно читать следующую информацию, — она уже не церемонясь, трясла женщину за плечи, похлопывала ее по спине.

Самгина вновь пришла в себя. Продолжила читать с опозданием все-го в несколько секунд, показавшихся Насте вечностью.

— Слава Богу, что только новости идут в прямом эфире, — с облегчением подумала девушка, выключив микрофоны. Она успела это сделать до того, как голова диктора в очередной раз упала на стол. Теперь Самгина уже спала.

Будить ее не стали.

— Ну, как? Все в порядке? — спросил весело Ковеленов, когда Руфина и Настя появились в комнате.

— Ужас! — прошептала Настя.

— Что-то случилась? — испугался заместитель главного редактора, понимая, что он в ответе за все, что сейчас происходило в редакции.

Взял Яновскую за руки, отвел в сторону:

— Говори! — приказал.

— Я не знаю, что будет, — начала Настя, — Тамара Яковлевна спит в студии.

— Она не читала новости?! — Глаза Ковеленова округлились от ужаса и смотрели на Настю поверх очков.

— Читала... Только как? Это кошмар! — тихо сказала и отвела глаза в сторону.

— Не пугай. Этого не может быть. Самгина крепкая женщина, ну... в смысле употребления спиртного. Ей любой мужик позавидует! — уверенно сказал Владимир Ковеленов.

— Иди и полюбуйся на ее крепость. Но главное не это. Что будет, когда узнают, в каком состоянии она выходила в эфир...

— Надеюсь, ты не из болтливых.

Настя увидела, как сощурились глаза Ковеленова, какими они стали маленькими и колючими. Видно было, что он сразу же пропрэзвел.

Быстро пошел по коридору. Убедившись, что Самгина действительно спит, закрыл дикторскую на ключ и положил его в карман. Настя стояла на пороге и все видела. Она не скрывала, что следит за ним.

— Молчи. Все уйдут, я открою дикторскую. Руфину тоже предупрежу. Если проболтаешься, всем не сдобривать.

И пошел к мужчинам, которые разливали остатки вина из последней бутылки.

— Настенька, солнышко, иди к нам, — позвал Керамов.

— Я уже домой ухожу, — ответила та и скрылась за дверью.

Она не успела накинуть шубку на плечи, как подскочивший Аскер начал помогать ей.

— Позвольте, я поухаживаю за вами. Это большое счастье одевать такое очаровательное создание. Можно, я вас провожу, — нарочито на «вы», подчеркивая тем самым исключительность момента, нашептывал Аскер Керамов. Интонации были обольщающими.

— Не надо, я сама добегу, — не очень решительно произнесла Настя.

— Ну, что вы, милая, как можно? Сегодня на улицах полно пьяных. Вдруг кто-нибудь привяжется, не дай Бог, обидит.

Наверное, он бы ее убедил, но тут дверь распахнулась, и на пороге появился водитель редакционного УАЗика — Толик.

— Кто домой следующей партией? — громко, на всю редакцию весело крикнул он.

По коридору уже спешил Ковеленов.

— Как хорошо, что ты приехал! Сейчас повезешь Настю, Аскера и еще парочку прихвати, потом вернешься за нами. Мы пока со стола уберем.

Настя облегченно вздохнула. Ей не хотелось оставаться наедине с Керамовым. Не хотелось, чтобы он провожал. Всяческие слухи о нем заставляли насторожиться. Она почувствовала, что начинает бояться этого человека, его навязчивых ухаживаний и ласкающих слух слов. Не верилось голосу, взглядам, словам. Уж слишком все театрально. В сценах, разыгрываемых Керамовым, Насте совсем не хотелось быть статисткой.

Праздники отгремели. В первый же рабочий день Настю вызвал Главный.

— Садись, — приказал он испуганной Яновской.

Села. Попыталась сосредоточиться, вспомнив слова Ковеленова: «Всем достанется».

— Кто оставался в редакции перед вечерним выпуском новостей шестого ноября?

— Я, — немедленно ответила.

— Еще кто?

— Руфина.

— Я и без тебя знаю, что Руфина. Она дежурным оператором была.

— А кто вас интересует? — голубизной лукавых глаз брызнула Настя.

— Остальные, — с сарказмом парировал Главный

— Ковеленов, — ответила Настя, будто вспоминая.

— И это я знаю. У него должность такая.

— Аскер Керамов, — перечисляла Настя дальше.

— Он-то тут при чем?! — вспылил Алексей Александрович.

— Вы что от меня хотите? — спросила невозмутимо.

— Все хочу! — вспылил Главный.

— А всего я не знаю! — соврала Яновская.

— Ты же была до конца!

— А какой «конец» вас интересует? — голубизна ее глаз воплощала саму непорочность.

Гельберт смущился. Пробормотал:

— Меня интересует вечерний выпуск новостей.

— В каком смысле? — не улыбка, а детская невинность.

— Что там произошло?

— Где? — она «спряталась» за роскошными ресницами. И, если бы главный редактор был искушенным в женских уловках человеком, то сразу бы понял: девочка ведет его по лабиринту лжи. Но он плохо знал женщин. Кроме жены — давно прочитанной книги — у него в жизни никого не было. После того, как Сан Саныча посадили в тюрьму, жена взяла фамилию своих родителей и переписала на эту русскую фамилию сына, чтобы не было неприятностей в дальнейшем. И теперь Алексей Александрович был единственным продолжателем еврейского рода Гельбертов, в душе гордясь тем, что устоял под ударами судьбы.

Но он почему-то боялся, что кто-нибудь придет и начнет задавать ему вопросы: «Ты, почему здесь, в Сибири? Приехал незаслуженную пенсию зарабатывать?»

И еще очень многое боялся Алексей Александрович Гельберт. Вот и Настя — эта маленькая девочка редкостной красоты должна была сейчас либо защитить, либо уничтожить его, потому что от ее ответа зависело: останется он на своем месте или его снимут незамедлительно.

— Ты все прекрасно понимаешь, — произнес он устало. И хотя с некоторых пор его раздражала женская красота, Настя Яновская поразила с первого взгляда. И, может быть, поэтому меньше всего ему хотелось скориться с ней. Тем более сейчас, когда вопрос с машинисткой окончательно не решен. Он еще не забыл эпизода с Сизовой.

— Ничего не надо скрывать, — медленно выговаривая слова, продолжил свои уверения. — Я и без того все знаю. Сейчас меня интересуют детали.

— Какие? — словно брызги синевы расплескались по всему кабинету. Он посмотрел в ее глаза и понял, что она ничего ему не скажет.

— Ты хоть понимаешь, что Самгину уже не спасти? — по-старчески устало поинтересовался Главный, не глядя на Настю.

— Для меня это не имеет значения, — почти решительно ответила та.

— А что для тебя имеет значение?

— То, что правды я вам все равно не скажу.

— Это я понял... — огорченно вздохнул Гельберт. — Но не понял почему? Ты ведь ее совершенно не знаешь... Работаешь всего пятый день. Не вижу смысла в защите чужих людей.

— А у вас что, без моего откровения не хватает компромата и оснований для ее увольнения?

— Не хватает. Мне необходимо подтверждение тех догадок, которые высказали в окружкоме партии.

— И что сказали в окружкоме партии? — спросила она у Главного.

— Там сказали, что Самгина выходила в эфир пьяная, — не замечая подвоха, ответил тот.

— И это подтвердила Самгина?

— Нет. Она принесла справку, что у нее был конъюнктивит. Знаешь, что это такое?

— Болезнь глаз.

— Так вот, эта болезнь, дескать, помешала ей прочитать достойным образом новости в прямом эфире.

— Пусть будет так, — Настя опустила взгляд и начала перебирать тонкими пальцами.

— Но ведь это неправда! — возмутился Алексей Александрович. — И ты это прекрасно знаешь!

— Если вы имеете право уволить Тамару Яковлевну, вы это сделаете и без моего свидетельства, — глаза из голубых стали синими. Показалось, даже в комнате потемнело.

— Да, я вынужден это сделать, — вздохнул Главный и зачем-то признался: — Иначе меня самого уволят. — Помолчал и добавил: — А мне до пенсии осталось всего полгода.

— Делайте, как считаете нужным, Алексей Саныч. Я могу быть свободной? — встала, подождала ответа. Главный не спешил. Смотрел на нее, задумавшись. Настя повторила вопрос.

— Да, конечно, иди. Только запомни: Самгину ты не спасла, а себе навредила.

— Пусть будет так. Может быть, представителям вашего поколения свойственно стукачество. Говорят, это помогало выживать... при Сталине... А я принадлежу к людям иного времени. И моя честь не позволяет мне докладывать начальству то, чего оно добивается, чтобы расправиться с человеком.

Настя была горда тем, что вот так логично и гордо изложила свои мысли и чувства.

— Девчонка! — выкрикнул главный редактор. — Вон из моего кабинета! Во-о-он!!!

Вылетела, пулей промчалась до машбюро, села и быстро стала печатать.

Крик Главного донесся до каждого уголка радиодома. Через несколько минут Владимир Ковеленов зашел к машинисткам, якобы, узнатать: не отпечатана ли его передача, которую он принес утром.

— Нет, — коротко бросила Яновская.

— Ты была у Главного? — спросил он извиняющимся тоном.

— Да, — не поднимая головы от машинки, ответила та.

— Это он на тебя орал?

— На меня. Не на тебя же...

— За что?

— А ты у него спроси.

— Он не уволит тебя? — после паузы тихо спросил Ковеленов.

— Сама уволюсь.

Любаша, услышав сказанное, прекратила печатать:

— Учитите, если Настя уволится, я тоже напишу заявление об уходе. Нашли дуру...

— Да ты-то тут причем? — нервно парировал Ковеленов.

— Ни при чем. Только Гельберту так и передай: он лишится сразу двух машинисток.

— Успокойтесь, никого не уволят, — Ковеленов покинул машбюро в надежде, что все утрется.

А после обеда появился приказ об увольнении Самгиной. На работу вышел Аскер Керамов, и было уже не так страшно увольнять второго диктора. Тамара Яковлевна, пришедшая в редакцию к двум часам, спокойно ознакомилась с приказом и невозмутимо сказала главному редактору:

— У меня еще больничный лист не закрыт. Ваш приказ я буду оспаривать в суде. Хотите неприятностей? Вы их получите.

И ушла домой.

К концу рабочего дня приказ со стены объявлений исчез. По редакции прополз слушок: Главный консультировался с юристом, звонил в окружком партии — если имеете право, увольняйте сами. У него нет

оснований. Человек имеет больничный лист. Читать было некому. Как могла, так и выручила редакцию. Извините мол, что плохо получилось. Но это лучше, чем ничего. Срыв окружных новостей в эфире стал бы вообще событием сенсационным.

Видимо, окружкомовские тоже кое с кем посоветовались и, в конце концов, решили не усугублять ситуацию. Доказательств не было, свидетелей тоже не нашли. Следовательно, и оснований для увольнения нет.

Буря, едва начавшись, пронеслась мимо. Но молний над хорошенькой головкой Насти Яновской просверкали не только для устрашения. Гром все-таки прогремел. Позже.

В то время девушка еще не знала, что не всегда и не всем следует излагать свое сокровенное. Тем более вышестоящему начальству.

Уже потом, анализируя ситуацию, Настя пришла к выводу, что была абсолютно права, не выдав Самгину. Ведь если бы она призналась, то, прежде всего, досталось бы самому Гельберту, а не ей. Его бы уж точно сняли с работы за коллективную пьянку в стенах редакции в рабочее время.

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВСТРЕЧ И РАССТАВАНИЙ

Утром шестого ноября Рита Васильева, благополучно приземлившись в Тюменском аэропорту, ехала из Рошино автобусом к своей однокласснице Людмиле Соловьевой.

Рите предстояло сначала добраться до транспортного агентства на улице Республики, пересесть в другой автобус и проехать еще пять-шесть остановок.

Подготовив материал о будущем Герое Социалистического Труда для Москвы, пережив стресс, вызванный скотским поведением окружного партаппаратчика, она загрустила. Да так, что не смогла больше ни на день оставаться в городке. Ее буквально душила его провинциальность, убогие узкие улочки, заснеженные тротуары наводили тоску... Все это настолько тяготило, что она не выдержала. Пришла к Главному и попросила:

— Отпустите меня на завтрашний день.

— Куда? — оторвавшись от бумаг, спросил Алексей Александрович. Рита опустила голову.

— Что-то случилось?

— Домой хочу, к маме, — пролепетала первое, что пришло в голову. По маме Рита действительно очень соскучилась, но не это было главной причиной бегства. Даже кратковременного. А правду высказать не могла даже самой себе.

— По ближайшим выпускам я уже все сделала. Аж, до следующей недели, — поспешила Рита упредить вопрос Главного. — В понедельник буду на работе. Мне нужен только один завтрашний день. Предоставьте мне отгул или за свой счет... Мне надо непременно уехать! — Это было сказано так убедительно, что Главный только крякнул, растрогавшись. За два месяца работы он видел Васильеву только в хорошем настроении, с огненным блеском в глазах и веселой улыбкой.

«Может, и правда устала с непривычки, — подумал Гельберт. — Соскучилась по близким. Девчонка же еще, сразу после университета работать трудно... Тем более в такой дыре, как наш городишко».

— Хорошо, — согласился он. — Все равно завтра короткий день. Поезжай. И обязательно возвращайся. Не хандри. Всякое в жизни бывает, — добавил напоследок.

Билеты до областного центра и обратно достала с трудом. Помог Ковеленов. Кому-то позвонил, с кем-то побалагурил, и бронь окружкома партии досталась Рите. Она была тронута его участием, но не более того. После разговора о Недригайло какое-то отчуждение возникло между ними. То, что раньше воспринималось как само собой разумеющееся, теперь вызывало сомнение и заставляло настороживаться. Толком она еще никого не успела узнать в коллективе. Так, сплошные верхушечки, то, что лежит на поверхности: обаятельный, привлекательный, талантливый, умный, принципиальный... Эту готовую характеристику Ковеленова, состоящую из нескольких комплиментов, ей пришлось услышать сразу же после у устройства на работу. Два месяца совместной работы это, казалось бы, подтверждали. Но, видимо, так было не во всем и не всегда. Поэтому жизненное кредо каждого коллеги Рита решила изучить сама, на основе собственных наблюдений. И примерять его к своему, а не к чужому кодексу чести.

Дом, где в родительской квартире жила Соловьева, Рита нашла быстро. Он стоял торцом к дороге, совсем рядом с остановкой. Подруга уже ждала, отпросившись с работы. Захлопотала, залопотала, засуетилась... Во всех ее движениях чувствовалась радость: как здорово, что приехала!

Учились вместе в школе всего года два. Жили тогда в глухой деревушке, единственной своей улицей растянувшейся вдоль Оби. Если бы туда не перевели геофизическую экспедицию, Люда и ее родители, очевидно, так и остались бы в ней на долгие годы. Но Сибирь уже встречала очередной десант энтузиастов. Вот они и построили на крутояре целый поселок: в три ряда по тринадцать сборно-щитовых домиков, школу, магазин, клуб, контору... Весь новый поселок был построен буквально за несколько месяцев. Дома были на четыре семьи или на одну – в зависимости от количества детей и занимаемой в экспедиции должности. Вдоль новой улицы пролегли в три доски тротуары, чего в деревне никогда не было.

Через болото, разделявшее нижний и верхний поселки, перекинули деревянный мост, и деревенские ребятишки, в том числе и Людмила, стали ходить в новую школу – восьмилетку. Теперь детей не надо было после четвертого класса отправлять для дальнейшей учебы в районный интернат.

Людмила очень хорошо запомнила, что в седьмой класс в сентябре пришли учиться только поселковые школьники, и было их тогда всего девять человек. Через полмесяца учеников стало шестнадцать, а в ноябре, самой последней, появилась Рита. Новенькие, а их родители работали в экспедиции, хорошо знали друг друга. Совсем недавно они жили в районном центре Березово и почти все учились в одном классе. Так сложилось, что совершенно незаметно Рита стала лидером среди ребят. Такой уж характер! Она и в прежней школе ссыла заводилой. Девчонки подражали только ей, а мальчишки беспрекословно слушались.

Люде очень хотелось сблизиться с Ритой. Через несколько месяцев она подружилась с березовской компанией ребят, но близкими подругами, однако, они не стали. Рита неохотно сближалась с девчонками, ко всем относилась ровно, никого особо не выделяя. Но те, все же, постоянно, по-детски, оспаривали свое особое право на дружбу с Ритой. А Люде Соловьевой и добрых отношений казалось было достаточно.

Вот и сейчас она без умолку болтала о бывших одноклассниках, рассказывала кто и где учился. А Рита, отрешенно улыбаясь, слушала, кивала головой, иногда удивлялась. Но ей все казалось, что она находится где-то совсем далеко отсюда.

— Что с тобой? — оборвав фразу, спросила Люда.

— Ничего.

— Я же вижу, с тобой что-то произошло. Ну?

— Нет, нет, ничего, правда, — неуверенно возразила Рита.

— Ритка, ты что влюбилась?! — воскликнула подруга. — Да, да, влюбилась! А я тут голову тебе морочу рассказами нелепыми о наших общих знакомых. Кто он? Рассказывай.

Рита вдруг почувствовала, что все время ждала этого вопроса. Ей было совершенно необходимо облегчить душу и пооткровенничать. Тем более понимала, что только Люда и может ей сейчас помочь.

И она, конечно, рассказала о том, что во время одной из командировок познакомилась с молодым человеком, который учится в Тюмени и живет, очевидно, в общежитии. Учится в строительном институте. В том же самом, который год назад закончила и Людмила.

— Как его фамилия? Может, я его знаю?

— Фамилия? Боже, какой кошмар!!! — в ее голосе прозвучало столько отчаяния, а в глазах застыл такой ужас, что Люда даже испугалась.

— Что случилось?!

— Мы его не найдем никогда...

— Рита, да приди ты, наконец, в себя! Скажи, что случилось? Тебе плохо?

— Мне плохо, плохо, плохо! Ведь я не знаю его фамилии!

— Ну, ты даешь! Влюбилась, и не знешь в кого! Уж от тебя-то я такого легкомыслия никогда не ожидала.

— При чем тут легкомыслie? — возмутилась Рита. — Ты думай, что говоришь! Я себя забыла, не то чтобы фамилию спросить!

Пауза слишком затянулась. Людмила не знала что говорить, чем утешить. Рита думала про себя: напрасно приехала. Эту же мысль через несколько минут она сказала вслух.

— Почему напрасно?

— Да потому, что не найдем мы его теперь! — она начала горячиться.

— Почему?

— А как?

- Пойдем в институт... на каком он курсе?
- На последнем.
- А факультет?
- Не знаю.
- А по какому адресу живет?
- Не знаю.

Снова наступило молчание. На сей раз его прервала Людмила.

- Одеваемся, едем в институт! Зайду в деканат, может, кого-нибудь знакомого встречу. Пока нет повода для отчаяния.

* * *

В институте Людмила распоряжалась как хозяйка: туда, сюда, налево, направо, стой, идем... Рита шла за ней молча. Сердце колотилось от одной мысли, что вдруг, нечаянно из какой-нибудь аудитории выйдет Алексей. Что она ему скажет, если он ее узнает? Действительно, а что она ему скажет? «Здравствуй, это я»...

А дальше? А дальше как Бог на душу положит. Пусть он сам придумает... по обстоятельствам.

Однако, первая попытка розыскных мероприятий ничего не дала, в институте Алексея они не нашли.

- Идем в общагу, там выясним, – предложила Людмила.
- В какую? – в голосе Риты было нескрываемое отчаяние.
- Их у нас не так уж много. Быть того не может, чтобы мы своего не добились.

Соловьева уверенно потянула за рукав подругу к выходу. Пока они бродили по институту, пошел снег. Он тут же таял под ногами, смешиваясь с грязью.

«Все-таки здесь намного теплее, чем за тысячу километров отсюда», – подумала Рита, глядя на летящие снежинки. От их плотного мельтешения над головой стало темнее, а улица, которая еще утром была по-праздничному солнечной, стала мрачно-серой, под стать настроению.

Тут Рита заметила, что Людмила с кем-то очень мило разговаривает. Молодой человек тоже улыбается, поглядывая на Риту, стоящую чуть в стороне. До ее слуха долетело:

- ...Из Долгого Плеса у нас только один человек.
- Как его зовут?
- Алексей.
- А фамилия?
- Серебряков.
- Его сейчас можно найти? В какой он аудитории?
- Уже ни в какой.
- Почему?
- Ушел. Причем, совсем недавно.
- Прогульщик, что ли? – Людмила точно знала, что лекции еще идут.

— Что ты! Он вообще-то добросовестный парень. Не отличник, но учится неплохо, старается. И ребята его уважают.

— Куда же он ушел?

— А к нему девушка на праздники приехала. Кажется, оттуда же и прилетела, из Долгого Плеса.

Соловьева взглянула на Риту и увидела в ее глазах тревогу.

— А как зовут ту девушку? — спросила она, словно прочитав вопрос в глазах подруги.

— Марина. Ничего девчонка, в самом соку. — Парень улыбнулся и снова посмотрел на Риту, но уже более внимательно и оценивающе. А Рита вдруг почувствовала, как сердце словно вырвалось из груди и плюхнулось, истекая кровью, на землю. Ее лицо стало белым, а глаза потемнели и казались почти черными от боли.

— А куда они могли пойти? Он квартиру снимает? — Допрашивала между тем дальше Людмила своего знакомого.

— Нет, куда ему! На стипендию живет. В общагу он, сама знаешь, где все наши живут... Как у тебя завтра? Может, встретимся по старой памяти, вместе праздник отметим. Ты — с подругой, я — друга прихвачу.

— Ой, сама не знаю. Не могу пока ничего обещать. Позвони вечерком, номер телефона помнишь?

— Помню.

Людмила заторопилась. Необходимое узнали — можно действовать. Подошла к Рите.

— Идем.

— Куда?

— В общагу. Говорят, туда пошел. Сейчас мы его найдем...

— Не надо никого искать, — отрешенным голосом произнесла Рита.

— Да тут недалеко, подумаешь, прилетела какая-то Марина из родной деревни, ничего страшного.

— Люда! — остановила словесный поток подруги Рита. — Едем домой. Марина — его невеста.

— Как невеста?! — опешила та. — Почему невеста? А ты?..

— А я — «командировочный роман», «залетная птаха», «городская соблазнительница», «развратная девица»... Я — все, что угодно, только не невеста.

Рита разозлилась. Теперь на лице заполыхали нервные красные пятна.

Колючие снежинки пытались остудить жар ее щек, но тут же таяли, и вскоре все лицо стало мокрым. Может, от снега, может от слез. В голове проносились вихрем мысли: так вот почему он больше не звонил?! Выходит, помирились, и все у них благополучно. А Рита Васильева просто стала случайным эпизодом жизни Алексея... как его там? Серебрякова! Фамилия-то какая красивая, как назло! А какие слова говорил! «Однолюб»! Хорош однолюб!

Она не замечала, что Людмила почти бежит за ней и что-то говорит, говорит... О чем? Какая разница, все рано не о том. Не о том, что нужно. А что ей более всего нужно в данный момент, Рита и сама не знала.

— Да остановись же ты, наконец! — подруга все-таки догнала ее, дернула за рукав, резко развернув к себе. — Ты не туда пошла, остановка там... — Она махнула рукой в противоположную сторону.

Диалог с самой собой оборвался. В сознание ворвался город шумом автомобилей, голосами людей, пребывающих, кто в предпраздничном настроении, кто поглощенный заботами о хлебе насущном, кто с думами о том, что поставить на стол завтра, 7 Ноября, и к кому пойти в гости...

— Что с тобой, ты плачешь?

Рита уткнулась лицом в шубку подруги. Плечи тряслись, душили рыдания.

Подруга молча гладила ее руку и не находила слов. Она боялась, что любая фраза прозвучит сейчас фальшиво. По себе знала.

Вообще-то Люда Соловьева принадлежала к тем женщинам, которые всегда влюбляются как в первый раз. И всегда им кажется, что — на всегда. Чувство это обычно развивается очень бурно: с приступами ревности, с поцелуями, тайными свиданиями и неизбежным и быстрым охлаждением, а потом — разрывом. С горьким отчаянием и страданиями, а иногда с холодным презрением к тому, кто еще совсем недавно был самым любимым, лучшим, неповторимым...

Но проходило какое-то время, встречался новый обожатель, и все повторяется снова.

Люда, конечно же, не думала, что то же самое переживает сейчас и ее подруга. Ибо Рита всегда была серьезнее в отношениях с юношами. Да и был ли у нее кто-нибудь раньше, из-за кого можно вот так страдать? Девушка не знала, но думала, что вряд ли.

Вскоре Рита успокоилась. Они молча доехали до дома, молча разделись, сели у телевизора. Томительное, неуютное для Людмилы молчание нарушил телефонный треск. Звонила Галя Колмогорцева, еще одна одноклассница. В их школе она появилась почти через год после Риты. В те времена где-то наверху — в Тюмени или в Москве — решили тянуть трубопровод. Вскоре к поселку геофизиков прибыл строительно-монтажный поезд, родители Галины как раз работали в одном из его подразделений. Жила семья в вагончике, было это очень необычно, и девчонки часто собирались у новой одноклассницы.

Галя Колмогорцева была удивительно красивой девочкой, с греческим профилем и прямыми длинными черными волосами почти до пояса. Закончив торговый техникум, она работала товароведом на какой-то престижной базе. И, как сообщила Люда, имела доступ к таким «тряпочкам», о которых многие могли лишь мечтать. Родители купили единственному ребенку однокомнатную квартиру, что было верхом мечтаний абсолютного большинства советской молодежи. С помощью родительских денег и собственных связей она обставила свое гнездышко самой современной мебелью. Одевалась модно и дорого, и со вкусом. Ее цветущую молодость украшали великолепные бриллиантовые сер-

ги и сияющий всеми цветами радуги перстень с зелеными гранатами и бриллиантовой россыпью. Откуда такая роскошь, Людмила не знала, хотя девушки считались лучшими подругами и жили по соседству.

— Вы где шляетесь? — начала с претензий Галина. — Я уже часа два называю. Что, Ритка приехала?

— Приехала.

— Что делать собираетесь?

— Не знаем еще...

— Что-то я не слышу в вашем голосе праздника, — видимо, у Галины было хорошее настроение. — Выпить есть?

— Нет пока...

— Ладно, подождите малость. Сейчас приеду. Тут у меня ухажер задержался, подвезти обещает. — И бросила трубку.

— Она сейчас приедет, — растерянно сказала Люда.

Рита пошла в ванную комнату, зажурчала вода.

«Умывается, — догадалась Людмила. — Это хорошо».

Галина вносила в жизнь Людмилы сплошной раздрай. Она всегда налетала как вихрь, подавляла и подчиняла. Колмогорцева умела это делать. Захочет — и Люда независимо от собственного желания вместе с ней идет в кино, захочет — в гости, в ресторан, в цирк... У Галины ближе Людмилы никого не было. У Людмилы была Рита, но далеко на севере.

Многочисленные ухажеры Колмогорцевой не раздражали Соловьеву. Галина развлекалась с ними как умела и хотела. Были среди поклонников совсем молодые, были люди в летах, солидные... С положением и без оного... И со всеми Галина играла словно кошка с мышкой, эксплуатируя их преданность и влюбленность. Позволяла себя обожать. Принимала только дорогие подарки. Накрывала своей когтистой лапкой пытавшегося вырваться из ее нежного плена очередного обожателя, пока он не надоедал ей самой.

И так уж вышло, что именно на сегодняшний день все недавние поклонники Галины получили отставку. Подоспел срок «охоты» на новую жертву. Поэтому после равнодушных приветствий и дежурных фраз про жизнь и про дела, ответа на которые она и не собиралась дожидаться, сразу скомандовала:

— Девчонки, идем в ресторан.

— В ресторан?! — изумилась Рита. До этого она несколько раз ходила в кафе. Но в ресторан — никогда.

— Одни? Без парней? — изумилась и Людмила.

— А это еще зачем? Там найдем! — уверенно произнесла Галина.

— А вдруг кто-нибудь опять пристанет. Пьяных-то на улице сколько, — засомневалась Людмила.

— На этот счет у меня есть палочка-выручалочка. Один звонок — и он у наших ног. Доставит в лучшем виде. Я сейчас только предупрежу его, чтобы не выпил раньше времени. Пьяный за рулем нам не нужен.

Рита, не общавшаяся с Колмогорцевой в течение многих лет, не встречала в разговор. Ей было все равно: в ресторан — так в ресторан. Может быть, это поможет ей, отвлечет от тягостных мыслей.

— А куда? Сегодня, наверное, везде битком...

— Не бойся, у меня все схвачено.

И Галина начала звонить. Что-то кому-то пообещав с базы из новых поступлений, довольная, положила трубку.

— Все, девочки, столик на троих обеспечен.

* * *

...Ресторан действительно был заполнен до отказа. Гремела музыка, подвыпившие пары отплясывали шейк или что-то на него похожее.

Галина восседала за столом величественно, словно коронованная особа. Она не поворачивала своей прекрасной головки. И только глаза выдавали ее любопытство к аудитории: налево, направо, на Людмилу, на Риту и снова в зал — налево, направо... Она была похожа на хищницу, выбирающую очередную жертву.

Людмила, наоборот, крутила головой, ища хоть одно лицо, которое бы ее чуть-чуть заинтересовало.

А Риту совсем не волновала окружающая публика. Ее вообще ничего не интересовало... В принципе, ей было не до ресторанных роскошеств и его посетителей.

«Что же ты расстроилась, дорогая моя? — утешала она себя. — Ведь еще совсем недавно ты даже себе самой не могла с уверенностью ответить: любишь ли ты его. Очевидно, если бы Алексей, как и прежние ухажеры, поддавшись твоему очарованию, бегал за тобой, не возражал бы тебе, делал бы все, что именно тебе хочется, ты бы прошла мимо, не удостоив его вниманием...»

Беспощадность самобичевания взбудоражила: «Стоило приглянувшись тебе парню не подчиниться твоей воле, и — какая трагедия! Надо же! А если бы он был в институте и один, без Маринки, выказал бы тебе свою тоску и страдания, то снова бы посмеялась над ним! Уж ты-то себя знаешь...»

Первый раз в ее жизнь вошел человек, который тронул... так тронул ее душу! Растирал лед, пробудил любовь, почему-то долго дремавшую, словно специально поджидавшую момент, когда можно будет отомстить за все переживания и слезы парней, мимо которых она проходила в этой жизни с гордо поднятой головой.

«Ну, что? Теперь, поняла, как это больно — оказаться отвергнутой?! — зудел внутренний голос. — А самое страшное, если он придет и кинется в ноги, подобно остальным, он ведь снова не будет нужен. Сегодняшние твои переживания не что иное, как минутная блажь обиженнего ребенка. Не больше»...

Это внутреннее «я» почему-то было абсолютно уверено в поставленном

диагнозе. Она не хотела с этим соглашаться, старалась думать о себе лучше и главное — быть лучше. «Нет! Она не позволит»... А вот чего она не позволит, Рита так и не успела осознать. У стола появился официант и, словно фокусник, ловко переставил с подноса на их столик бутылку шампанского, потом положил ананас и три шоколадки. Девчонки переглянулись.

— Мы этого не заказывали, — первой пришла в себя Галина.

— Я знаю, — загадочно улыбаясь, ответил официант. — Это вам подарок с соседнего столика прислали.

— С какого? — оглянулась Людмила. По правую сторону — две пары молодых людей. Этим явно не до них. За спиной Галины какие-то ветераны. Рита, сидевшая у окна, заметила поодаль веселую компанию мужчин. Те чему-то смеялись, поглядывая на девушек.

— Да, да, — перехватив ее взгляд, продолжая улыбаться, сказал официант. — Это именно они.

— А кто это? — Галка внимательно посмотрела на тот стол.

— Буровики. С севера. Что-то отмечают. То ли чай-то день рождения, то ли уже праздник. А может, отпуск, — высказал свою догадку официант и поспешил уйти.

— Девчонки, это же здорово! — пришла в восторг Людмила.

— Неплохо, — Галина тоже не скрыла своего удовольствия. — Я слышала, они зарабатывают большие деньги, — разглядывая бутылку заметила она.

— Один ананас сколько стоит! Знаешь?! — беря шоколадку, восторженно сказала Людмила.

— Знаешь, знаешь... — иронично ответила Галина. — Это ты у Ритки спроси, знает или не знает. А мне такие вопросы можешь не задавать, — в ее голосе сквозило самодовольство.

— Вам уже можно наливать? — Официант появлялся так же неожиданно, как из исчезал.

— Конечно, чего тянуть? — приняла решение за всех Галина. — А наш заказ скоро будет готов? — спросила по-хозяйски.

— Да, да, скоро. Извините, народу сегодня много.

— У вас всегда причина найдется, — ворчливо, беря в руки бокал, произнесла Галина, — то народу много, то повар заболел, то посуду мыть некому...

Видимо, она здесь была не первый раз, и официант это знал. Молча разлил шампанское и опять исчез.

— Хорошенько начало, — усмехнулась Галина — ну, давайте, девчонки, за встречу!

* * *

Рита еще не успела допить бокал, когда у столика появился мужчина. Светло-голубая рубашка с распахнутым воротом, темно-синий костюм, большие синие глаза... Видимо, молодой человек хорошо знал, какой цвет одежды делает его глаза привлекательнее и ярче. Широкая

улыбка продемонстрировала ровный ряд крепких белых зубов. Уверенный в себе, он стоял перед девушками как давний знакомый. «Этот не привык к отказам», — подумала Рита, разглядывая незнакомца.

— Можно вас пригласить на танец? — он смотрел ей в глаза прямо и открыто.

— Меня? — удивилась Рита. Сейчас ей меньше всего хотелось танцевать.

— Да, именно вас. Хотя вы все здесь одна другой краше, — его улыбка стала шире.

— Ну, так и пригласите кого-нибудь другого, — пожав плечами, усмехнулась Рита.

— А мне хочется танцевать именно с вами...

Людмила толкнула ее под столом ногой: не дури, здесь это не принято. Галина тоже осуждающе уставилась на школьную подругу.

Нехотя поднялась, медленно вышла из-за стола. Незнакомец привычно взял за локоть партнершу, вывел в центр зала, положил одну руку на талию, другую — ладонь в ладонь — и уверенно закружил в вальсе.

Вел он легко, Рита чувствовала каждое следующее па. Он вальсировал то слева направо, то справа налево, кружил, взял ее за руку — это вынуждало быть начеку, чтобы не сбиться с ритма и не показаться неловкой.

— А вы прекрасно танцуете, — раскланиваясь при последних аккордах, все так же очаровательно улыбаясь, сказал незнакомец.

— Стараюсь... не отстать, — неулыбчиво ответила Рита.

— Вы всегда такая строгая?

Они уже сквозь толпу пробирались к столику, когда музыканты заиграли очень модное танго — «Маленький цветок». Рита любила эту мелодию. Незнакомец то ли почувствовал это, то ли ему хотелось еще потанцевать с ней:

— Подарите мне еще один танец. Пожалуйста!

Рита повернулась к нему лицом: в конце концов, почему бы и нет? Тем более, этот — не самый худший среди присутствующих в зале. Можно сказать, весьма симпатичный мужчина. И она доверительно положила руки на его плечи.

— Можно вопрос? — он торопился завязать беседу.

— Пожалуйста, — вяло разрешила она.

— Но сначала познакомимся...

— Рита, — ответила нехотя.

— Евгений.

— Работаете или учитесь?

— Работаю.

— А где, если не секрет?

— В школе, — ляпнула первое, что пришло в голову. Зачем? Сама не поняла. Так проще.

— Учительница? — Евгений почему-то обрадовался. По голосу поняла.

Рита кивнула.

- Хотите, угадаю, какой предмет преподаете?
- Попробуйте, – пожала плечами.
- Русский язык и литературу, – он был доволен своей догадкой.

Она не стала его разочаровывать, согласно кивнула головой. Отступать было некуда, вспомнила, что еще дома с девчонками договорились что каждая придумает себе легенду. Чем эта хуже других? Пусть думает как хочет. Но та откровенная радость, которая отразилась на лице Евгения, почему-то развеяла паршивое настроение. Ответно улыбнулась и задала свой вопрос:

- Это вы прислали за наш столик шампанское?
- Вам не понравилось? – вопросом на вопрос ответил мужчина.
- Почему же, вкусное. Вы всем делаете такие дорогие подарки?
- Нет, только тем, кто понравился, – не остался в долгу молодой человек.

Рита усмехнулась и вдруг поняла, что ее начинает увлекать этот малозначительный разговор.

- А вы, правда, буровик? – спросила непроизвольно.
- Откуда вам это известно?

Она почувствовала, что краснеет.

- Вы уже успели поинтересоваться?

– Это не я... – испуганно пролепетала Рита, чем привела Евгения в полный восторг.

- Вот вы уже и оправдываетесь, – лукаво улыбнулся он.
- Да, причем тут это... – разозлилась девушка.
- Нет, нет... Я действительно буровой мастер.
- А разве такие молодые люди бывают буровыми мастерами? – удивилась она.
- Бывают! – окрыленный ее заинтересованностью, подтвердил Евгений.

Рита словно забыла о своей душевной ране. Увлеклась разговором. От Евгения она узнала, что буровая вахта едет в отпуск, и их задержала нелетная погода. А тут еще у одного из бурильщиков день рождения. Решили отметить в ресторане аэропорта, но там встать негде, не то чтобы сесть. Вот и поехали в город. А мастер, находящийся в главке в командировке, тоже не смог вылететь в свою brigadu из-за отсутствия билетов на Север.

Молодой человек был весьма откровенен. О себе рассказывал с удовольствием. Рита не заметила, как они протанцевали еще два танца. Евгений был готов и дальше держать ее в своих объятиях, но Рита взмолилась:

- Знаете, я очень голодна. С утра ничего не ела.
- Ну, тогда я вас отпускаю. На некоторое время, – уточнил он, подводя к столу. – Ваша подруга очень хорошо танцует, – поделился он с девушками своими впечатлениями, помогая Рите сесть.
- Она у нас такая, – слегка кокетничая, заявила Людмила.

— Какая? — в тон ей задал вопрос буровой мастер.

— Особенная...

— Это я успел заметить, — серьезно подтвердил он и направился к своему столику.

Компания зашумела. Мастеру налили шампанского. Рита сидела так, что могла наблюдать за буровиками, не боясь упрека в проявлении чрезмерного интереса. Евгений возглавлял стол, сидя у противоположной стены зала. Подметила, что все пили водку, он один из всех сидящих за столом — шампанское. Иногда их взгляды встречались. В них было любопытство, которое оба старались скрыть от посторонних. Он — чтобы не было ненужных разговоров среди коллег. Она — чтобы Евгений не подумал ничего лишнего и не подогревал себя напрасной надеждой.

Да, сегодня он ее развлек. Но... не больше.

Между тем, столики «подружились». Да так, что ближе к закрытию ресторана буровики уже стали напрашиваться в провожатые, но девушки категорически запротестовали: нас подвезут. Белая «Волга» подъехала к самому крыльцу ровно в одиннадцать часов.

— Девчонки, где мы еще с вами встретимся? — крикнул один из буровиков.

— Нигде, — категорически рассмеялась Галина, усаживаясь на переднее сиденье.

Евгений взял Риту за руку:

— Давай еще встретимся?

— Где? Да и зачем? — она посмотрела ему в глаза. Они потемнели. В их теплоте и блеске плавало ее отражение.

— Зачем мужчина встречается с женщиной? — не отпуская ее руки, продолжал он.

— А я еще не знаю «зачем».

— Правда? — удивился.

— Да.

— Я тебе расскажу, — уверенность в его голосе начинала бесить Риту.

— А если я не захочу...

— Так ведь это «если»...

— Не хочу. Может, кто-нибудь другой расскажет.

Он не понял, как серьезно она это произнесла. Другим были заняты его мысли в этот момент.

— Так ведь это «может». А может, лучше я все-таки...

Это уже была откровенная наглость. Она решила его наказать.

— А чем вы лучше другого? Тем, что буровой мастер? Не слишком ли вы самоуверенны для начала знакомства?

— Я готов познакомиться с тобой еще раз. Только скажи где и когда, — Евгений попытался обратить серьезный разговор в шутку.

И тут Рите пришла в голову шальная мысль.

— Ваша командировка когда заканчивается? — вопрос прозвучал неожиданно иронично.

— Уже закончилась, — ответил растерянно.

— Думаю, что наша встреча может состояться в декабре.

— Где?! Здесь?

— Нет, в вашем городе, — теперь она играла в невероятно рискованную для себя игру.

— Ты приедешь ко мне!?! — удивился он.

— А что? Испугались? — улыбнулась, подтрунивая.

— Н-не-ет, — неуверенно выговорил Евгений.

— Тогда что же? Где вас искать? Жена дома — там нельзя. Значит, в гостинице встретимся? — Это уже было наглостью, но Рита не могла теперь остановиться.

— А ты позвони, — обрадовался Евгений. — Запиши мой номер и позвони. Он очень простой: 2 — 3 — 4 — 7 — 9.

— Говорят, буровики люди богатые, но все равно, копите деньги! Учитите, наше новое знакомство вам дорого обойдется, — ее ироничная злость показалась ему некстати. Он сильно сжал ее руку, прекрасно понимая, что делает больно.

— Зачем ты так?.. — прошептали губы. — Ты же не такая...

— Какая — «не такая»? — удивленно вскинула брови Рита.

— Ну, не такая, какой хочешь показаться. Не такая, как эта... твоя модная подруга, например...

— А вот этого не надо. Вы ее совершенно не знаете.

— Все видно и без особого знакомства, — уверенно сказал мастер. — И в ресторане ты первый раз. Правильно? — он старался поймать ее взгляд.

— Ну и что?

— Ничего. И не замужем ты. Так ведь?

— Ну и что?! — ничего не понимая, упрямо продолжала возражать на всякий случай. — Почему вы так решили?

— Потому, что замужние женщины одни по ресторанам не ходят...

— И порядочные — тоже... — досказалася она совершенно зло.

— Правильно, — ничего не подозревая, подтвердил он.

— Зато женатые, вроде вас, ходят по ресторанам в поисках легких развлечений. Например, как сегодняшнее...

— Почему ты решила, что я женат? Я не говорил.

— А мне этого и говорить не надо! На лице все написано. — И добавила: — Все вы холосты вдали от жен. Вернетесь в семью и будете снова притворяться влюбленными в свою единственную... И убеждать ее в своей непоколебимой верности до гробовой доски.

«Почему ты, дорогая, так разозлилась?» — насмешливо заметила она.

— Противно! — выговорила брезгливо. Ему или себе — сама не поняла.

— Ты — злая... Я действительно женат. Но что плохого в том, что мы потанцевали? Разве женатым это запрещено?

— Нет, конечно, — согласилась Рита. — Но зачем же тогда ищите продолжения сегодняшней встречи?

Он вздохнул:

— Мне бы не хотелось так с тобой расставаться, — грустно произнес мастер.

— Это пройдет, — в ее словах проскальзывала злость. — Завтра сядете в самолет и забудете обо всем, что говорили сегодня...

— Зря ты так... — он снова вздохнул. Помолчал и продолжил: — Кто ж тебя так сильно обидел, Рита? — по-мужски властно развернул ее лицом к себе.

— Никто, — с упрямством капризной девчонки ответила и прикрылась ресницами.

«Дура, дура!» — пронеслось в голове. Вся боль прошедшего дня обрушилась на плечи и придавила к земле. «Зачем тебе нужен этот разговор? Чтобы отомстить первому попавшемуся мужчине за растоптанное самолюбие?»

— Рита! — услышала спасительный зов Галки. — Скоро вы там... разберетесь? — нашла, наконец, нужное слово Колмагорцева. Рита отодвинулась от Евгения.

— Береги себя, девочка, — сказал он. — Ты себе цены не знаешь!

— А вы так быстро во всем разобрались! Прямо провидец какой-то... Может, ваша бабушка колдуньей была? — смягчила вариант ответа кокетливо.

— Эх, ты... — с сожалением вздохнул Евгений. — Ладно, до свидания. Жду звонка.

— Прощайте.

Его губы коснулись ее лба.

— Береги себя... — прошелестело тихо.

Она пошла к машине понурив голову, но уверенная в своей правоте. Настроение вновь упало.

— Здорово ты ему заморочила голову! — заметила Галина, когда Рита захлопнула дверцу машины.

— Ой, правда, Ритка, он на тебя так смотрел, так смотрел! — поддакнула Людмила. — Парни из бригады рассказывали, что это лучший мастер у них!

— Ну и что? Не понимаю, — вяло сказала Рита. Но уже почувствовала, как отступает накатившее было отчаяние. «Зачем-то взяла и нахамила хорошему человеку. Может, даже обидела. И все потому, что тебе кто-то больно сделал. Ох, и тварь же ты, Рита — ругала себя молча. — Впрочем, все забудется, — решила она. — Подумаешь, встреча в ресторане»...

* * *

И все же ей удалось увидеть Алексея. Седьмого ноября рано утром ее разбудила Людмила. Вставать не хотелось. После ресторана снится какой-то удивительный сон, главным действующим лицом которого был буровой мастер Евгений, фамилию которого она так и не спросила. Сладкие грезы были разрушены голосом подруги. Осталось только томительная притягательность этого человека. А в чем она заключалось, так и осталось по «ту сторону ночи». Утро сохранило лишь приятное ощущение, исходившее от облика этого человека и воспоминание о его светящихся влюбленностью глазах.

— Если мы еще хоть немного задержимся, — предупредила подруга, — на площадь уже не попадем.

Вяло откинула одеяло, с большим трудом подняла голову. Волосы густой завесой прикрыли обнаженную грудь. Идти никуда не хотелось. Все ее существо сопротивлялось предстоящему.

Людмила самозабвенно заботилась о Рите, стремление вывести подругу из состояния оцепенения, казалось, было на сегодняшний день главным делом ее жизни. Она надеялась, что Алексей будет проходить в колонне Тюменского строительного института как один из лучших студентов. И они сумеют его увидеть. А дальше — как Бог даст... И не ошиблась. Они стояли невдалеке от трибуны и наблюдали движение демонстрантов, как вдруг Рита сильно сжала локоть подруги, напружинилась вся и побледнела.

— Что с тобой?

— Это он...

— Где? Который?

Не ответила. Глаза были устремлены на высокого молодого человека со вьющимися волосами соломенного цвета. Алексей счастливо улыбался. Шел он с Мариной, которая буквально висела на его руке, опьяневшая своей влюбленностью и тем, что самый главный в ее жизни человек сейчас идет рядом. И он что-то говорит, спрашивает, улыбаясь. О чем? Да какая разница! Он рядом и это — счастье.

Рита все увидела и поняла по-своему: значит, они оба любят друг друга, и она, Рита Васильева, — третий лишний. Он целый месяц ей не звонил, значит, не нуждался в общении. А с Мариной... пара. Счастливая, влюбленная пара.

— Уйдем отсюда, — потянула Людмилу за руку.

— Да ты что! Сейчас самое интересное начнется! Производственные коллективы пойдут! — сопротивлялась подруга. — Знаешь, какие красивые колонны!

С трудом выбрались из толпы и побрели в сторону дома. Оцепление еще не сняли. Участники демонстрации тайком пили водку, пряча бутылки в карманах, и кричали «Ура!» в ответ на официальные лозунги и призывы. Непонятно было: почему люди радовались. Тому, что, наконец,

дождались своей очереди пройти мимо трибуны; тому, что десятки лет назад «кто был ничем, тот стал всем», или возможности лишний раз встретиться с друзьями и коллегами в тесной компании, согреваясь к тому же от холода горячительными напитками. Все это уже не занимало внимания подруг. Людмила была удручена настроением Риты.

— Ты что, ЕГО увидела? — спросила, когда они выбрались из толпы.

— Да.

— Ну, и что? Почему не окликнула?

— Он с Мариной.

Дальнейшие вопросы были излишними. Некоторое время шли молча. Попавшаяся на глаза вывеска вынудила заговорить.

— Смотри, гавайская гитара. Концерт завтра в филармонии. Давай, сходим. Ты же любишь гитару, — пыталась растормошить подругу Людмила.

— Люблю, — машинально ответила Рита, — я очень люблю гитару...

— Ну, вот и хорошо!

Они пошли к кассе. Помещение было разгромлено: разбитые стекла, выбитые двери.

— Что тут произошло? — удивилась Рита.

— Это к нам Жан Татлян приезжал недавно. Не успели, видимо, еще как следует отремонтировать.

Билеты купили на завтра, 8 ноября.

— А сегодня что будем делать? — обречено вздохнула Людмила, пряча билеты в сумочку. Ей совершенно не светило весь день провести под аккомпанемент хмурого состояния подруги.

Но с Ритой что-то произошло за эти несколько минут. Людмила даже не поняла. Только настроение резко изменилось:

— Гулять — так гулять! — бесшабашно произнесла она.

— Вот это мне нравится! — радостно подхватила подруга.

И они загуляли.

Сначала бродили по городу, затем веселились у знакомых Люды, где в шумной компании Рита наконец-то совсем задушила свою боль. На последок взяли бутылку шампанского и распили ее дома уже двоем.

Люда не узнавала подругу. Собственно, такой она ее никогда не видела: горящие глаза, бесконечные танцы, искрометное остроумие, зарядительный смех...

Не одному парню она сегодня вскружила голову. Многие пытались продолжить знакомство и узнать номер ее телефона. Но Рита всем без разбора отказывала, кокетливо смеясь:

— У меня и телефона-то нет! А на свидания я не хожу.

— Почему? — удивлялись парни.

— Боюсь, — ослепительная улыбка доверщала ответ.

— Чего?

— Влюбиться... — Впрочем, последнее было абсолютной правдой.

* * *

Он пришел утром следующего дня. Рита на кухне варила дефицитный, добытый стараниями Галины, кофе. Голова ее слегка кружилась от вчерашнего. Людмила, может быть, уже не спала, но, по крайней мере, из своей комнаты еще не выходила. Поэтому, когда раздался требовательный звонок в дверь, Рита, не стесняясь своего льняного халатика, расшитого собственноручно цветными нитками «ирис», открыла входную дверь, даже не произнеся элементарного «кто там?»

Но когда увидела Алексея, не удивилась, словно ждала.

— Проходи.

— Здравствуй, — взволнованно проговорил он.

— Здравствуй, — ответила Рита совершенно спокойно.

Дверь захлопнулась. Они прошли в кухню. Он — неуверенно — за ней.

Повисла неловкая пауза. С каждой минутой атмосфера сгущалась, молчание становилось каким-то липким и осязаемым. Помешивая ложечкой кофе, она даже не смотрела на него.

Серебряков тоже не знал с чего начать, переминался с ноги на ногу, неотрывно глядя на Риту.

Вскинула ресницы:

— У тебя ко мне дело? — пришла все-таки она ему на помощь.

— Да, — почти запинаясь, произнес он.

— Я слушаю, — разрешила она.

— С чего начать?

— Ну, к примеру, с того, как ты меня нашел? — подсказала продолжение темы.

— Я увидел тебя вчера на демонстрации.

— Разве это повод для встречи? Тем более что ты был совершенно очарован другим человеком.

— Рита, я ее не звал в Тюмень. Сама приехала! — в его голосе звучала скорее мольба, чем оправдание.

— И что? — Это было похоже на допрос.

— Она приехала, соскучилась, — брякнул он. — Попросила показать город. Я показал... она уже уехала, — попытался поставить точку в ситуации Алексей.

— Это для тебя имеет значение, а мне все равно: уехала она или за этой дверью стоит. Ты с ней счастлив, и я это поняла вчера. Видела, как ты сногшибательно улыбался и радовался ее присутствию, держа свою возлюбленную за руку...

— О чём ты, Рита?! Что же мне было делать? Идти на демонстрацию и плакать?

— Я не знаю, что тебе вчера следовало делать. Это твое личное, персональное дело. — Она так всегда и говорила: «личное, персональное», когда очень злилась. — Ты вел себя так, как посчитал нужным. Причем здесь я?

— Но ведь ты не сообщила мне, что приезжаешь!!! — уцепился он как за соломинку.

— А зачем? Как и куда я могла сообщить о чем-либо, если ты даже не удосужился известить меня о своем местонахождении. — Это уже были претензии жены, а не «командировочной» пассии.

— Так сложились обстоятельства, — пробормотал он. Чувство вины парализовало его. Таким она его не видела, не знала и не желала знать и видеть. В нем ей нравилась мужская сила, способность решать и действовать по-своему, самостоятельно.

— Рита, нам надо серьезно поговорить, — после продолжительной паузы выдавил он.

— О чём? И когда? Послезавтра я уезжаю. Сегодня у нас билеты на концерт...

— Какой концерт? — он не понимал как можно вести речь о концерте, когда они, наконец, встретились! Не умел он оправдываться. Марина действительно свалилась на голову, как снег в июле. Не мог он ее не принять. Односельчанка. Потому и водил два дня по городу. В том, что она на самом деле не уехала, Алексей боялся признаться Рите. Он отвел Марину к родственникам, которые жили на окраине Тюмени.

Вчера, когда в толпе наблюдающих он увидел Риту, даже глазам не поверил. Ее отчаяние и боль вынудили его оглянуться. Иначе он просто ничем не мог объяснить, почему именно в этот момент посмотрел вправо. Не на Марину, а на людей, стоявших вдоль дороги за оцеплением милиции. Он сразу ее узнал, несмотря на незнакомую одежду. Шапка и воротник из чернобурки — мало кто из молодых девушек мог себе позволить такой роскошный наряд. Но не в этом дело. Ее глаза пронесли через расстояние свой призыв, свое отчаяние, свою любовь — так ему показалось вчера. И он это почувствовал. Он даже хотел крикнуть, выбраться из колонны, но ему не позволили. Прежде всего, Марина, потом друзья, потом представители власти.

— Что с тобой? — изумилась Марина. — Тебе плохо? — Она так ничего и не поняла.

После демонстрации, сославшись на предстоящую сессию, Алексей проводил Марину к ее родственникам и на обратном пути словно на счастье встретил знакомого Людмилы, который и подсказал ему, где исказать Риту.

И вот сейчас он стоит перед ней с виноватым видом, с трудом узнавший в этой неприступной девушке свою робкую возлюбленную. Ведь там, в Долгом Плесе он не знал, что она бывает и такая. А после того, как послушал ее передачи, стал просто робеть перед ее талантом, способностями, знаниями... Все это мешало ему сейчас вести себя, как раньше. Там, в милой сердцу деревне, она была просто очаровательным созданием...

— О каком концерте ты говоришь, Рита? — повторил он свой вопрос.

— Гавайская гитара. Я очень люблю гитару. — Она открыто издевалась. — А ты умеешь играть на гитаре?

— Нет, — машинально ответил.

— Ну, вот видишь. Стало быть, ты не сможешь заменить исполнителей и удовлетворить мое желание послушать настоящую гавайскую гитару. А это просто изумительно! Я уже сейчас предвкушаю удовольствие, которое получу вечером.

— А если я научусь? — с отчаяньем спросил он.

— Ну, вот когда научишься, тогда и поговорим. Позвонишь. Телефон еще не забыл? Впрочем, я ведь тебе его не давала, ты сам нашел. Когда захотел, — она отвернулась к плите.

— Рита! — он плюхнулся на колени. — Прости! — За что — он и сам пока не понимал, но чувствовал себя все же виноватым.

Его кудрявая голова была совсем близко. Очень хотелось дотронуться до его волос. Она поборола в себе это искушение и резко отвернулась.

— Встань! Сильным ты мне нравился больше. — Сказала, как отрезала. И закусила губу, чтобы он не догадался, как ей сейчас больно.

Алексей вскочил. Лицо его покраснело, а в глазах отразилась такая печаль! Но Рита не видела. Несколько секунд Алексей ждал, что она обернется. Не дождался. Не попрощавшись, вышел. Резко хлопнула дверь.

От этого звука Рита вздрогнула, словно ее ударили. Опустилась на табуретку и заплакала. Этот разговор отнял у нее столько сил, что сдержать свои эмоции она уже не могла.

Кофе убежал. Дым заполнил кухню. Но до кофе ли тут, когда жизнь ломается...

ЗАИМКА

Зима набирала силу. Редкие оттепели все чаще сменялись свирепыми метелями. Уже в ноябре морозы доходили до 35 градусов. Снег больно слепил глаза. Солнечные лучи отражались в мириадах снежинок, которые прочно и надолго укрыли плотно землю холодным пуховым покрывалом. Они искрились и подбадривали, улучшая настроение, вселяя надежду на будущее.

— Поедешь в командировку... В деревню, — сказал Гельберт, вызвав Риту к себе сразу же после возвращения из Тюмени. Он словно почувствовал, что ей необходима встряска.

— В какую? — вяло отреагировала она. В деревню не хотелось. Вот если бы в какой-нибудь город съездить. Туда, где кипит настоящая жизнь. В Нижневартовск, в Сургут, в Нефтеюганск... В деревне в эту пору совсем уныло.

— Нужен материал о первых комсомольцах. — Наставлял ее между тем Главный.

— Они еще живы? — удивилась Рита, сама не ожидая от себя такой реакции.

— О тех, кто «еще живы», уже давно написано. Надо рассказать об Анне Кайдаловой. Она погибла во время кулацко-эсеровского мятежа. Выяснишь все, что нужно. В подробностях. Может, очевидцев найдешь. Может, кто-то ее еще помнит. В общем, попробуй собрать материал. В декабре — юбилей округа. Часовую передачу предстоит подготовить. Я даже не знаю, ездил ли в эту деревню когда-нибудь хоть один журналист. Но самолеты туда летают...

Рита вздохнула. Ну, что ж, может хоть командировка отвлечет ее от грустных мыслей. Тюменская встреча с Алексеем по-прежнему лежала на душе тяжелым грузом.

* * *

Вечерело. Бледный, почти прозрачный месяц лениво поднимался над горизонтом. На западе солнечные лучи, угасая с каждой минутой, уходили в другие края, сдавая свои позиции ночи. На востоке быстро темнело. Голубой цвет постепенно становился серым, а затем синим.

Над лесом, призрачные еловые шпили которого врезались в горизонт, уже почти почернело. Еще немного — и небосвод сольется с деревьями. Неуютом и тревогой веяло от всего и вся.

— Может, здесь переноочуете? — спросил хозяин заимки.

— Нет-нет, — поспешно отказалась Рита. — Мы в поселок поедем. Завтра самолет, надо возвращаться домой. — Она даже представить себе не могла, что останется на ночь с этим человеком. Страшным и жалким в одно и то же время. А тот заботливо спросил:

— Дак, в ночь ехать — не боишься ли?

— А чего бояться? — рассмеялась девушка. — Сами говорите: лошадь резвая, быстро довезет.

— Резвая-то резвая, да волки у нас тут объявились. В последние дни частенько примечал их следы. — Зацепила его эта молоденькая корреспондентша, приехавшая специально к нему из окружного центра. Давненько он не видел не то чтобы женщин, а вообще людей. Да и разговор с ней получился тяжелым... К тому же, своей искренностью, бесшабашной какой-то смелостью напоминала она ему юность, давно припорощенную временем, куда сам, без побуждения из вне, не хотел он ни ступить своими старыми больными ногами, ни вспоминать о ней.

— Не пугайте, Василий Васильевич, — заулыбалась Рита. — И что это за манера у вас, взрослых, пугать нас, молодых. — В ее голосе зазвучал иронический упрек.

— Ну, смотри, не пожалей потом, — вздохнул Василий Васильевич. А возницу предупредил:

— Ты-то хоть в оба смотри. Если что — у Силиных заночуете. Зря не рискуйте. Ружье-то с собой?

— Взя-а-л. Как же без ружья-то?! — поправляя подпругу, весело ответил старичок. Был он бородат и низкоросл, и оттого подшитые валенки на ногах казались ему великоватыми. Старенькая шапка-ушанка была лихо сдвинута на бок.

Хозяин подстелил в сани свежего сена, положил гостинцев: молока, черного хлебушка, кусок горячего вареного мяса, которое все то время, пока Рита была на заимке, варилось в русской печи. Все он делал не спеша, деловито, основательно.

А Рита следила за неторопливыми движениями возницы. Ей казалось, тот нарочито красовался перед городским корреспондентом. Может, больше никогда и не представится такая возможность: подвезти такого представительного человека. Гордясь выпавшим ему столь важным поручением, он будто со стороны любовался собой.

— Поехали, — скомандовала Рита. — А то и правда ночь надвигается.

— Ниче, успеем, девка, — засуетился возница.

— Вас как зовут?

— Дак, Михалыч!

— А имя?

— Како имя? Михалыч и все тут. Уж сколько годов так величают. И ты так зови, коли приспичит. Садись! — скомандовал он привычно.

Рита забралась в сани. Заметила, что сено покрыто каким-то стареньkim одеялом. «Пальто мое пожалели», — подумала про себя. А вслух сказала:

— Спасибо!

Михалыч приволок огромный тулуп и стал тщательно укрывать Риту.

— Не беспокойтесь, я не замерзну... — начала она.

— Ты, девка, молчи. Тут я — командир. Пятнадцать верст никак, поедем. Лошаденка у меня хоть и резвая, да с характером. Бежит под настроение. Да и старенькая, под стать мне.

— Других-то не было? — ворчливо заметила, предчувствуя долгую дорогу.

— А где их взять, других-то? Ладно, хоть эту нашли. Остальные работают, при деле... Навоз вывозят на поля. Сено с лугов завозят. Зима, девка, зима... — вздохнул тяжело, словно только что на себе вывозил и сено, и навоз.

«Можно подумать, я сюда бездельничать приехала», — пронеслось укоризненно в голове. Но вслух только вздохнула. Разве они понимают ее работу? Видят только то, что на поверхности: приехала, включила какую-то штуковину, позадавала вопросы, выключила — и вся работа! Подумаешь! Это не навоз таскать. И не за скотиной убирать...

Под мерный цокот копыт и с однообразной картинкой бегущих над головой гребешков леса перед глазами Риту сморило. Спрятав лицо в свалившийся мех тулупа, она задремала.

Ей приснился рассказ Василия Васильевича Тютюнова, к которому она и приехала из своего далекого-далека. Сначала на самолете АН-2, который летал всего два раза в неделю, до села, затем на лошади до заимки, где и жил этот самый дед, помнивший девушку-комсомолку, в числе первых вступившую в ряды молодежной организации.

...Могила её на самом крутояре. На сером камне надгробия красовалась алая звезда. Видимо, летом здесь росли цветы, потому что, когда Рита вместе со старостой поселка пришла посмотреть на могилку, из-под снега торчали сухие веточки и листья. Селяне знали: тут похоронена комсомолка Анна Трофимовна Кайдалова, год рождения 1901, год смерти — 1921. И все. А больше никто ничего и не знал. Староста рассудил:

— Разве что Василий Васильевич знает, он коренной житель этих мест. Только в селе он уже давно не живет. Приезжает, может, раз в год, а то и реже — муку купить да по хозяйству что-либо... Нелюдимый человек. У себя на заимке коротает свой век.

— Мне надо обязательно с ним встретиться. Понимаете, задание редактора — к юбилею округа написать о первых комсомольцах.

— Так пятнадцать верст ехать надо. И дорога там такая... Одно название. Да и захочет ли он с тобой поговорить! Ведь совсем, наверное, одичал.

— Надо ехать! — настояла Рита.

— Ну, что ж, надо — так надо. Придется лошадь где-то искать... Поискал и нашел. Вот этого чудо-старичка, словно специально для нее возвращенного из крестьянского прошлого. Однако Михалыч в село приехал уже после кулацко-эсеровского восстания в Сибири, перед Отечественной войной. А Василий Васильевич Тютюнов жил здесь еще до революции. В то время в селе на крутояре стояло всего несколько домов. В самом большом здании размещался приемный пункт пушнины, склад для рыбы и дикоросов, которых сдавали местные жители. Здесь же — магазин. Продавали в нем самые необходимые продукты, привезенные по сибирскому тракту из Тобольска. Всему купец был хозяином. На средства купца была построена и деревянная и церковь.

— Сейчас в ней детишки учатся. Купола снесли и школой назвали, — бедседу с Ритой Василий Васильевич Тютюнов начал с рассказа о селе.

— А Анна Трофимовна Кайдалова кем была?

— Аннушка-то? — очень тепло прозвучало это имя в тишине избы. Свет керосиновой лампы, стоящей в центре стола, блеснул в глазах Тютюнова. Задумался, помолчал, уйдя в воспоминания. Рита не торопила. Она очень хотела, чтобы он вспомнил подробности... Ну, хоть что-нибудь вспомнил!

— Аннушка была в батрачках у купца, — вздохнув, произнес хозяин.

— Как это? — удивилась Рита.

— Дак, полы мыла, убирала, с его детишками няньюкалась. Богато у него детишек-то было. Однако, штук семь-восемь. Одни, которые — побольше, а малые — горох, последыши. Один за другим появлялись, мал мала меньше. Поднимала тех сначала, что постарше. А самой-то лет 12–13 было, когда ее купец взял в батрачки. Отец — Кайдалов Трофим — охотник и рыбак. Приехал сюда из-под Тобольска что ли... Пока жив был — сам семью кормил. Потом утонул. А у них, у матери Анны-то, тоже мальчиконка еще был помладше. Кормить надо было. Вот мать-то и уговорила купца помочь — взять старшую дочку в дом. Уговорила...

Снова замолчал, погладил бороду в раздумье.

— Справлялась? — осторожненько подсказала нужный ход мыслей.

— А куда деваться? — оживился дед. — Покуда неправлялась, так стегали ее прутьями. Воспитывали, чтоб не спала, когда дите плачет среди ночи. За косы таскали... А косы у нее славные были — во-от такие, — показал на кисть руки, — соломенные, ниже колен, — вздохнул. — Сейчас такие не носят. Где-е там! — вновь ожил несколько. — Она даже в комсомол когда записалась, не обрезала их. Девки некоторые обрезали, а она — нет.

— Вы помните, как в комсомол принимали?! — начала Рита оживлять вопросами неспешный рассказ Тютюнова.

— А как же?! Приехали из района, собрание устроили, созвали нас всех — взрослых, детей — поагитировали. Молодой парень и девка с ним

стриженая в красной косынке, и мужик еще — постарше. На лодке приплыли. Стали рассказывать, че в мире деется. К нам сюда революция долго добиралась. Купец-то наш не стал ждать, когда его пришлют здесь. Собрал семью — и в лодку. С тех пор никто его не видел.

— Разве это не он убил Анну?

— Нет, не он. Он, вообще-то, ничего так мужик был. Хлебушко в долг давал. Охотникам — боеприпасы под запись не жалел. Потом они с ним рассчитывались шкурками. А так, с голоду никому умереть не давал.

Рита смотрела на Василия Васильевича во все глаза. Ей думалось, что Тютюнов должен был нарисовать образ злодея, потому что со школьной скамьи внушалось, что богачи — эксплуататоры, враги народа, кровопийцы... А этот дед сидит себе, спокойнехонько комплименты говорит классовому врагу и не испытывает к нему никакой ненависти.

— Вы говорили, били ее хозяева, — подсказала она вариант.

— Били. Так за дело поди... Хлеб-то надо отрабатывать. Мать-то не работала, болела. Не охотилась, не рыбачила. Девчонка всю семью кормила своим трудом. Ртов-то три было, а работала одна. Где проспит, где не успеет... Вот и получала. И хозяин ее разглядел скоро, приставать начал...

— Бывало... — вдруг неожиданно для себя сделала вывод Рита.

— Приходилось... — И снова блеснул в глазах огонек закопченной лампы. Старик опустил руки на kleenку, что-то стряхнул со стола. — Мы ведь любили друг друга... — признался тихо, как выдохнул.

— Да, что вы! — вырвалось нечаянно. Как будто в начале века в тяжелые времена становления Советской власти на Севере и любить нельзя было. — Как же получилось, что ее так зверски убили?!

В этом вопросе Василий Васильевич почувствовал невольный упрек: дескать, ты-то жив остался!

— А я не был комсомольцем. Не вступил... Струсили... Так и запиши... — словно прочитав ее вопрос, ответил обреченно.

Она не знала, что сказать, как расценить его признание. Что это? Позднее покаяние и откровение, рожденное долгой молчаливой жизнью на зaimке? Может, потому он здесь и живет один, что вину свою себе не может простить?

— Никому не говорил, тебе сказал, — продолжал хозяин. — Теперь уж все равно. Пора в путь собираться... Недолго век осталось коротать. Вот-вот уже... Думал, больше никого не увижу — из людей-то. Ты приехала — облегчил душу...

А погибла она и правда — страшно. В двадцать первом, когда появились в наших краях эсеры, начали зверствовать. Красных баржами целыми топили... Так рассказывали люди, кто с района приезжал. Могла бы отсидеться. В тайгу бы ушла на зимовье — там бы никто не нашел! А через наше село раньше тракт сибирский проходил. Это сейчас все дороги мимо идут. А тогда здесь зимой коней меняли, летом — продуктами запасались. Наше село вроде перевалочной базы было.

...Не ушла. Уговаривал – не ушла!

Потрескивали дрова в печке, словно злились на хозяина или на девушку Анну Кайдалову, которая много лет назад не послушала любимого человека, не сбежала с ним в тайгу. Старик тем временем продолжал свое грустное повествование.

– А ночью эсеры нагрянули. Повязали всех и увезли. Куда? Никто толком не знал. Я наутро поехал в район. Там тоже ничего не знали... Сколько дней прошло – не помню. Метался, как зверь в клетке. А потом уж, после мятежа, привезли ее в село. В воде выловили... У нее... – помолчал тяжело, но договорил: – живот вспорот был и соломой забит...

Тяжелые мужские кулаки взметнулись выше головы, обрушились на столешницу. Пламя вырвалось из лампы и затрепетало. Рита вздрогнула. Мурашки побежали по коже.

– За что?! Она же никому никакого вреда не сделала! Только работала!!! А в комсомол записалась, еще толком про него ничего не зная!!!

...Он плакал. Положил обросшую, давно немытую голову на кулаки и рыдал. Рита выключила магнитофон. Отложила микрофон и сидела тихо, слушала ворчанье печки, наблюдала, как мечутся отсветы керосиновой лампы по бревнам избы. Захотелось выйти на воздух, но она удерживала себя. А Тютюнов ушел. Шаркая валенками с калошами, прошел мимо, не глядя. Как тень, как старость... Тяжело, с усилием передвигая ногами.

Через несколько минут зашел Михалыч. Один.

– Че, девка, наговорились? – спросил, ничего не подозревая о случившемся.

– Наговорились, – повторила она как эхо. – Пора обратно ехать.

– Мне че? Как скажешь. Пойду запрягать.

Он вышел, а у Риты в глазах так и стояло: берег реки, разметавшиеся русые косы и торчащая из живота солома...

Она даже вздрогнула от ужаса пригревшейся картины. Было уже совсем темно. Сначала не поняла: по лесу или по лугу бежит их старенькая лошаденка, цокая копытами, снег из-под которых иногда попадал и на Риту. Вдруг ее внимание привлекли маленькие зеленые огоньки, заильявшие вдали с обеих сторон дороги. Они надвигались все ближе и ближе. Их магический свет притягивал, вгонял в озnob, страшил.

– Михалыч! – крикнула она, – посмотрите, что там светится?

Старичок повернул голову назад и витьевато выматерился. Видимо, он тоже задремал, надеясь, что умная лошаденка, верный друг, и без по-нужданий доставит их до дома. Схватил кнут и стал отчаянно хлестать им животное.

– А-а! Твою мать, кляча!!!

– Что это? – забеспокоилась Рита.

– Волки это, девка, волки! Твою мать!!! Не повезло... – Почему не повезло, она так и не поняла. И думать некогда было.

С ужасом следила за множеством зеленых огоньков, догоняющих сани.

— Держи вожжи! — рявкнул дед. Рите трудо было выбираться из тулу-па, который так заботливо подоткнул со всех сторон Михалыч перед отъездом. Но ситуация вынуждала ее быть резвой, она быстро выбра-лась из-под тяжести меха и подползла к Михалычу. Лошадь, почуяв вол-ков, занервничала, захрипела, от страха ускорила бег. От неожиданнос-ти Рита чуть не вывалилась из саней.

Старичок отдал ей вожжи и распорядился:

— Не тяни токмо.

А сам начал искать в соломе ружье. Нашупал, взвел курок.

— Ну, я вас сейчас если не убью, так хоть напугаю! — и пальнул в тем-ноту раз, второй...

Глаза уже привыкли к темноте. Рита поняла, что едут они по засне-женному лугу. Лес остался где-то далеко в стороне.

— Ну, тряпки, мать! — снова выругался Михалыч.

— Что случилось? — попыталась оглянуться Васильева.

— Да патронов мало взял! — бросил ружье, толкнул ее на тулуп. Сам схватил вожжи: — Ну, давай, давай, родимая, выручай! Тут где-то близко Силины должны быть. Смотри внимательно по сторонам. Волки совсем близко будут — кричи. Еще постреляю.

Волки, испугавшись ружейного грохота, сначала немного поостали, но через некоторое время в отдалении снова замаячили страшные зеле-ные светляки.

— Мамочка! Ой, мамочка! — шепотом кричала Рита, — что же теперь будет...

Сколько длилась эта погоня, она не знала. Казалось — вечность. Уже вполне различимы стали на белом снегу темные силуэты зверей. Их бы-ло семь-восемь. Не больше. Но и этого количества хватило бы им с де-дом Михалычем и старенькой лошаденкой, чтобы проститься с жизнью.

— Не тужи, девка, — вдруг радостно заорал Михалыч словно подслу-шав ее мысли. — Я свет вижу впереди. Однако, это зимовье Силиных. Слава те, Господи! Держи!

Она снова схватила брошенные стариком вожжи. Тот расстрелял ос-тавшиеся патроны и, когда взмыленная лошаденка подвезла их к воро-там зимовья, хозяин с ружьем уже стоял на крыльце.

— Че палишь? — крикнул он с порога Михалычу.

— Да, волки, тряпки, мать, целое стадо! Чуть не сожрали!

— Ты кто? — голос хозяина был строг.

— Да, Михалыч я, слышь-ко? Ружье-то свое убери, да ворота от-крои.

Забор у Силиных был добротный, высокий, на цепи лаяли огромные собаки. Они были похожи на волков, только те бежали молча, а эти чуть цепь не срывали от злости, показывая крепкие клыки.

— Не боись, — успокоил гостей хозяин. — Ты с кем?

— Дак, девка у меня тут, корреспондентша. Везу вот, от Тютюнова, — с нескрываемой долей гордости произнес дед.

— Жив еще? Тютюнов-то? — поглядывая в сторону Риты, продолжал допрашивать хозяин.

— Жив, жив, еще поживет... — и добавил: — Может... Как Бог распорядится...

— А чего у него ночевать не остались? На ночь глядя, по пустынной дороге шастать — не умно. Неужто Тютюнов не предупредил, что волки появились?

— Дак, говорил, как не говорил... Дак, торопимся мы, самолет завтра, — распрягая лошадь, сутился Михалыч.

Рита заметила, что тулуп у хозяина накинут на голое тело. Только трусы до колена чернели.

— А разорвали бы — и самолет не нужен стал бы... — резонно заметил тот, закрывая на тяжелый засов ворота. — Че стоишь? — повернулся он к Рите. — Иди в дом, — приказал. — Мы тут и без тебя управимся...

Девушка едва нашла в соломе свою сумку с «репортером». На негнувшихся ногах поднялась по высоким ступенькам крыльца. Ее тряслось, а зубы до сих пор стучали от пережитого страха.

И уже потом, лежа на широкой теплой печке рядом с хозяйствкой, она подумала: «Тебя только хотели разорвать, и ты тряслась, аж ноги занемели от страха. А что испытывала та девушка, Анна Кайдалова, которой вспороли живот и еще живой, все чувствующей, набили его грязной соломой?! Ужас!!!»

* * *

...Из командировки Рита приехала напуганной и усталой. Впервые не смогла, как обычно, сразу взяться за материал. Что-то постоянно стопорило ее работу.

Отчаянная откровенность Василия Васильевича Тютюнова не давала ей внутреннего права обнародовать исповедь старого человека. Что мучило ее: сомнение в том, что гибель Анны Кайдаловой была неизбежным героическим поступком в той ситуации... или собственная неподготовленность к смерти во имя идеи?..

Она так или иначе примеряла на себя жизнь своей героини. Стала сопоставить свою веру и знания с совестью.

Не складывалось... Не получалось гармонии. Одно из звеньев непременно выпадало. И тогда образ распадался на кристаллики, каждый из которых был по-своему интересным, но... слишком мелким. Неярким был его свет. Незначительным...

А ей необходимо было представить характер человека идейного, способного отдать самое дорогое во имя революции...

Промучавшись несколько дней, пошла к Ковеленову.

— Не могу... не знаю... не сумею... — расписалась в собственном беспомощности всегда уверенная Рита.

Ковеленов, как всегда, читал чью-то передачу. Поднял глаза, в которых сквозило недоумение.

— Ты про что?

— Я — про Кайдалову. Не знаю, что писать... — Помолчала, с надеждой ожидая подсказки. Владимир устремил свой внимательный взор на молодую сотрудницу. Что-то произошло с ней в Тюмени. Он еще не понял. Себя потеряла? Или кого-то другого?..

После некоторого молчания все-таки посоветовал:

— Сходи в музей. Там найдешь, что ищешь... — и снова углубился в чтение, отогнав от себя все посторонние мысли.

Пошла. В тишине пустынных залов застыла история. Ей даже показалось, что она пахнет кровью и потом, слезами и бедами, когда сын мог пойти против отца, а брат — убить брата. Она погрузилась в это «краснознаменное» время, глядя сквозь стеклянные витрины на пожелтевшие документы, через несколько минут ощутила себя босоногой девочкой, бегущей по травянной дороге черемуховой улицы вместе со всеми. Туда, к главному зданию деревни, где должны собраться все селяне для важного сообщения приехавших из губернии каких-то большевиков...

Два часа пролетели как мгновение. Она поняла, что это было за время, словно приподняла его завесу и вступила в прошлое на несколько минут, ощущив все его трагическое могущество.

И Анна Кайдалова, девятнадцатилетняя батрачка, вступившая в комсомол в смутное время, стала ближе и понятнее. Будто жила где-то рядом, на соседней улице, но... полвека назад.

Рита позавидовала той вере, во имя которой погибла эта девушка, так и не познавшая любви и счастья, но принесшая себя в жертву. Ценой этой жертвы оплачены любовь и счастье других. И ее, Ритины, тоже...

Записанный рассказ экскурсовода дополнил образ, который уже сложился в голове. Небольшой, но емкий очерк получился настолько красноречивым, разносторонним, сжатым во времени и пространстве, напряженным по чувствам, что, слушая его в эфире, Рита сама не удержала слез.

И снова ее передача прозвучала не только в окружном, но и в областном эфире. Рита очень надеялась, что Алексей Серебряков слушал ее очередную передачу. «Пусть поймет, кого он променял на какую-то деревенскую пышку», — досадливо думала она, вытирая слезы, катившиеся по бледным щекам.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПУСК

Ковеленов с утра не пришел на работу. Рожденный на севере, он, как и все пацаны в его деревне, в детстве практически не страдал от простудных недугов. Были или нет в его организме какие-либо болячки, не знал, потому что в больницу никогда не обращался, с врачами не советовался. И вообще, дороги в поликлинику не знал.

До десяти часов мало кто заметил отсутствие Ковеленова. Потом начали интересоваться: на какое задание, а главное – надолго ли ушел заместитель главного редактора. Работа, между тем, шла своим чередом. И вскоре на столе у «зама» уже лежало несколько микрофонных папок, которые ожидали его редакторского вмешательства.

Ближе к обеду отсутствие Владимира обеспокоило и Главного. Позвонил домой, однако на звонки никто не ответил: дети были кто – в школе, кто – в детском саду. Рабочего телефона его супруги Татьяны Саныч не знал. Впрочем, поначалу он вообще не был обеспокоен всерьез. Мало ли что...

Одно плохо: срочные материалы пришлось редактировать самому. Расстроенный объемом дополнительной работы и отсутствием своего главного помощника, он поехал на обед. Устало плюхнулся на заднее сиденье редакционного УАЗика и, вздыхая, заложил таблетку валидола под язык.

– Ох-хо-хо-о... – протянул раздраженно.

– Ты че, Саныч? – спросил водитель. Он хотя и был намного моложе своего руководителя, но обращался к нему на «ты», а Гельберт и не возражал. Или делал вид, что не замечает фамильярности. Ведь кто-то, а уж Толик-то Богатов был для Гельберта палочкой-выручалочкой во многих житейских вопросах. Не просто увезти-привезти на работу и с работы. Толик возил его в рабочее и нерабочее время, ждал в гостях, ездил на базы и отоваривался там за него по запискам, полученным от немых ответственных лиц... Словом, без Толика – как без рук.

Еще раз тяжело вздохнув, решил-таки поделиться:

– Куда-то Ковеленов подевался: ни дома, ни на работе. Планерку пришлось перенести на вторую половину дня.

– Звонил Татьяне?

- Дома никто не отвечает.
- Так на работу.. — подсказал Анатолий.
- Рабочего телефона не знаю.
- Сейчас отвезу тебя и сгоняю к нему домой. Может, кто объявился, — услужливо предложил водитель. Гельберт, озабоченный своими мыслями, не заметил излишней заинтересованности в голосе подчиненного.

Ковеленов жил в двухэтажном кирпичном доме в трехкомнатной квартире. На частые настойчивые звонки в дверь никто не ответил. Анатолий, не долго думая, поехал на работу к жене Ковеленова. Там сказали, что она на сегодняшний день взяла отгул. А на вопрос: «Почему ее нет дома?» — пожали недоуменно плечами.

Анатолий встревожился и не случайно. Он знал обстоятельства, предшествующие понедельнику.

Дело в том, что в пятницу, в двенадцатом часу ночи, Татьяна сама ему звонила. Спросила в своем обычном стиле обиженной и оскорбленной невинности:

- Володька у тебя?
 - Нн-ет, — недоуменно ответил Анатолий.
 - А где он?
 - Я-то откуда знаю? Мы вообще спать уже с Ленкой легли.
 - Где он может быть? Я спрашиваю!
 - Да иди ты... — в сердцах выкрикнул Анатолий.
 - Слушай, — голос в трубке стал не таким напористым, а почти извиняющимся. — Мы с ним поссорились...
 - И что? Впервые, что ли...
 - Нет, ты не понял... Мы так поссорились, что я его... Из дома выгнала.
 - Куда?
 - Вот, я и хотела у тебя узнать, куда он может пойти.
 - Если его хорошо послать, то он далеко пойдет, — съязвил Толик.
 - Остряк-самоучка, я с тобой серьезно разговариваю! Где он может быть в такое время?!
 - И я серьезно... А куда ты его послала?
 - Адрес назвать или сам догадаешься?
 - Назови...
 - Туда, куда вас всех, кобелей, посылают!
 - Понятно... Ну, Тань, ты от меня-то чего хочешь?
 - ...
- Немного посопев в трубку, она расплакалась. Потом продолжила:
- Он что-то про деревню говорил... Ну, про ту, куда то и дело шастает.
 - Так это почти в тридцати километрах от города!
 - Вот и я думаю, неужели он туда ушел.? Без шапки, без шарфа, а мороз сегодня уже под сорок! Толик, поезжай, может, на дороге где до-

гонишь. Я уже всех друзей обзвонила, всех знакомых! Он в таком состоянии ушел, что, я думаю, и в деревню уметелить дури хватит.

Толик смахно выругался, бросил трубку. А когда раздался очередной телефонный звонок, уже нахлобучивая шапку на голову, выходил из дома.

Хорошо, что гаража теплого в редакции так и не построили и машина стояла во дворе дома Богатова, а то бы пришлось шлепать среди ноги в редакцию.

...Догнал он Ковеленова в пятнадцати километрах от города. Белая от инея шевелюра угрожающе блестела, а ресницы покрылись инеем.

Не обращая внимания на сигналы автомашины, он шел по середине дороги размашистыми шагами, без рукавиц, в распахнутом полушибке.

Перегородив ему путь своим УАЗиком, Анатолий выскочил из машины:

– Володька, ты что?! Остановись!

Но Ковеленов оттолкнул его с такой силой, что Толик отлетел на несколько метров к обочине.

– Ты что, с... сдуруел?!! – И затем посыпался град таких заковыристых слов, какие знал в редакции только он – Анатолий Богатов. Откуда в нем силы взялись, и сам не мог потом понять. Вскочил, догнал этого упрямого бугая Ковеленова, сшиб с ног, и они несколько минут молотили друг друга не понятно из-за чего.

– А ну, садись в машину, – наконец, одержав верх, гаркнул Богатов. – Замерзнешь, кто будет отвечать? Под суд меня хочешь подвести?! Не позволю!!!

Что еще говорил Толян тогда Ковеленову, слышали только угрюмые заснеженные сосны, сонно стоявшие по обеим сторонам дороги. Но Ковеленов все-таки внял уговорам и в машину сел.

Около дома Владимира Богатов дождался, когда тот войдет в подъезд, и не отъехал пока в окнах не загорелся свет.

И вот – новость: на работу не вышел, дома нет. Куда мог деться заместитель редактора за два выходных дня, Анатолий знать не мог, но чувство тревоги с каждым часом нарастало. Привезя материалы с «лито», он, положив микрофонные папки на стол Главного, сел напротив, виновато вздохнул.

– Что? – поднял взгляд поверх очков Алексей Саныч.

Рассказал все, что знал и чему лично был свидетелем.

– Поезжай еще раз к нему. Возьми кого-нибудь из мужиков для поддержки, – распорядился взволнованный Гельберт. – Дети-то уже должны быть дома.

– Хорошо, я Алипова возьму. Он не из болтливых.

...На этот раз Татьяна оказалась дома. В детской комнате старшая

дочка учила уроки. Хозяйка хлопотала на кухне. Тишина, спокойствие.

— Где Володька? — с порога спросил Анатолий. — Пришел?

— А он никуда и не уходил, — невозмутимо отпариowała Татьяна.

— Где же он?

— Там, в комнате лежит, — пробуя с ложечки варево, она даже не повернулась к вошедшим.

— Можно к нему? Он что — заболел?

— А хрен его знает, уже третий день лежит. Не встает.

— Врача вызывала? — снимая обувь, беспокойно спросил водитель.

Он-то хорошо знал, что Владимир Ковеленов просто так лежать не будет. Не тот он человек.

— Обойдется...

Лицо Ковеленова было, казалось, белее простыни. Характерные пятна обморожения неестественно алеали на щеках. Бетховенские кудри грозно разметались по подушке. Одна рука свисала с кровати, другая неловко подвернута под спину. Живые так не лежат.

Анатолий кинулся к кровати, запнулся о половицок, выругался и чуть не упал на Ковеленова.

— Живой, — прошептал, прикоснувшись к его телу.

— Глянь, — тихонько обратил внимание Николай Алипов на разорванные бумажки от лекарств. Их было много. Они валялись на полу, на тумбочке, на одеяле.

— Что это?! — тоже шепотом прокричал Богатов.

— Мне кажется, он отравился.

— Вызывай врача, «скорую», быстро! Может, еще успеем...

Когда дверь за носилками закрылась, Анатолий не удержался:

— Ну и сука ты, Танька! Мужик двое суток здесь подыхал, а ты даже врача не вызвала!!! Учи, если что, я сам тебя урою. Или под суд пойдешь. И дети не спасут.

— Не пугай, — вдруг взорвалась Татьяна. — Пуганые мы, понял?! Вали отсюда! Защитничек нашелся! Знаем мы вас, кобелей. Вместе, поди, по бабам шастаете!!!

Ее понесло... Анатолий опешил. Он не мог достойно отбить эту атаку разъяренной женщины, пораженной синдромом патологической ревности.

Николай не выдержал. Всегда сдержаный, застенчивый, живший в мире книжных героев, их судеб, их любви и ненависти, он никогда и ничего подобного в жизни не встречал. И, вероятно, оттого столкновение с откровенным цинизмом его просто потрясло. Молча подошел к Татьяне и наотмашь ударил ее по щеке. Та взвизгнула и замолчала.

Не дожидаясь второй волны подзаборного воя, оба покинули квартиру. На улице их догнала волна истеричных рыданий, доносившихся из открытой форточки.

— Поедешь в Сургут, — с порога начал Алексей Саныч. — Эту командировку мы планировали Ковеленову, но...

— Что? Он отказался? — Рита еще ничего не знала о случившемся. Зато знала другое: Ковеленов всегда с радостью уезжал в командировки.

— Нет, заболел. Лежит в больнице, а время не терпит. Тема для тебя новая. Да, собственно, она для всех нас новая. Уточнил: — Для всей Западной Сибири. Энергетика. Сделаешь передачу, если получится. На худой конец обойдемся интервью. Тоже ничего страшного. Самое главное — пробиться к руководителям. Но помочь тебе в этом может только Первый секретарь горкома партии. Я уже позвонил туда, предупредил о твоем приезде. Гостиница заказана.

— Алексей Саныч, а что там? — умоляюще пропела Рита.

— Там ГРЭС строят! Великое дело начали, — с гордостью сказал Гельберт. — Это — основное. Кроме того... — и Гельберт начала перечислять, что кроме того... Передач на пять хватит. — Так что, бери командировочные и... вперед!

...В аэропорту ее действительно ждала машина. «Гельберт позаботился», — с благодарностью подумала Рита о Главном. Разговорчивый водитель всю дорогу балагурил, рассказывал о своем городе, о том, что делается и что ожидает впереди. Рита слушала, с любопытством глядя в окно.

Устроившись в гостинице, на той же машине поехала в горком партии. Ожидал ее Второй секретарь. На вид еще молодой мужчина, но с заметной проседью в волосах. Корреспондента окружного радиовещания охватил взглядом, как обнял, и сразу оценил, какую дистанцию следует соблюдать.

Рита, представившись, перешла к делу:

— Мне так много тем поручили, что даже не знаю, с чего начать, — располагаясь за столом, она включила микрофон. На всякий случай достала блокнот. — Надеюсь, вы мне поможете, Юрий Николаевич.

Тот с большим воодушевлением стал рассказывать о том, что собой представляет город, как мощно и быстро развивается нефтяная отрасль, как замечательно работают здесь люди. Причем по всем направлениям: добыча нефти, строительство жилья, возведение ГРЭС и линий электропередачи...

Говорил просто, понятно, даже красиво.

— Вы так вдохновенно обо всем рассказываете, что создается впечатление полного благополучия. Неужели у вас действительно все так хорошо? — Рита посмотрела в глаза секретарю, и он увидел в них задорное лукавство.

Юрий Николаевич Решетников особо не распинался перед заезжими корреспондентами. Может, потому, что не так уж много их встречал на своем веку. На этот раз поработать с журналистом из округа ему поручил Первый секретарь горкома партии. Поскольку слово «корреспон-

дент» мужского рода, они ожидали приезда умудренного жизненным опытом журналиста, хорошо знающего промышленность и людей. А тут приехала девчушка — красивая, очень любопытная и весьма подкованная... Или хитрая? Пока не разобрался. Но вот... увлекся, поддавшись обаянию гостьи. Брала гордость за свой город и специалистов, которые приехали сюда и продолжают приезжать со всех концов Советского Союза, чтобы сделать эту точку на карте в бескрайних просторах Западной Сибири самым прекрасным и важным местом для всей территории, хлынула через край.

— Что вы! — артистически воскликнул Решетников. И замолчал. — Можно закурить? — попросил разрешения и, не дожидаясь ответа, взял со стола пачку «Бонда». Рита такие увидела впервые. В редакции самыми ходовыми были «Шипка» без фильтра и «Лайка» с белым фильтром. Иногда из Тюмени или из Москвы кто-нибудь в подарок привозил болгарские «Родопи» или «Опал». Ну, это уже был подарок судьбы, и пачка расходилась за один перекур.

Заметив интерес, Юрий Николаевич запросто предложил: — Курите... — словно совершенно определенно знал, что она курит и не откажется.

— Знаете, я не то чтобы особо курю, но от таких сигарет просто грех отказаться, — оправдала себя Рита. Где-то внутри промелькнула предостерегающая паническая мысль: что ты делаешь? Женщине курить в горкоме партии не полагается. Но... соблазн был так велик, что Рита тут же позабыла всяческие страхи и не позволила им помешать наслаждению. Когда еще представится такая возможность?..

Решетников ловким щелчком выстрелил сигарету из пачки. Успешно поднес зажигалку.

— Хорошо живете, — выпуская дым, заметила Рита и улыбнулась.

— Вы по сигаретам судите или вообще? — съехидничал хозяин кабинета и тоже улыбнулся.

— Надеюсь, это — не единственная роскошь в вашем городе. — Глубоко затянувшись, перевела дыхание. — И гостиница у вас неплохая. Кажется, «Канадка» называется.

— Да-да... А вы знаете, она у нас пока единственная. Отсутствие гостиниц — одна из многочисленных, к сожалению, проблем нашего города. Кстати, в «Канадке» сейчас живут довольно высокие гости из Москвы и областного центра. Так что учтите, какое вам гостеприимство оказывает наш горком... — Помолчал и добавил: — Наш Первый вообще-то журналистов уважает. Думаю, вам с ним обязательно надо встретиться. Тем более что человек он очень интересный.

— Вы не хотите продолжить перечень проблем? — вернула Решетникова к деловому разговору Рита.

— Ах, да! Я готов. — Рита с сожалением посмотрела, как он затушил недокуренную сигарету, прежде чем начал рассказывать с не меньшим азартом и интересом о том, в чем сегодня остро нуждается город и его жители.

— Так вот, чтобы развеять создавшееся впечатление благополучия, скажу откровенно: его нет. Пока, — уточнил он, — благополучия нет. Есть только стремление сделать город удобным для жизни.

Главное — катастрофически не хватает жилья. Люди строят времянки, живут в балках, в вагончиках — и это считают за благо. Квартиры сейчас даем на две, на три семьи! Другого выхода нет. И они живут. Живут!.. — Помолчал. Взял новую сигарету, покрутил ее и отбросил в сторону. — Сколько лет продлится такое положение — загадывать не берусь. Но все мы, от кого зависит решение этого вопроса, стараемся максимально сократить эти сроки. Поэтому сейчас на самом высоком уровне ведется речь о домостроительном комбинате.

Другой немаловажный вопрос — не хватает больниц, детских садов, магазинов... В некоторых школах есть первые классы с порядковым номером «М». Это двенадцатая буква алфавита! Дети учатся в три смены. Вы знаете, что это такое? Вижу, не знаете. Вы так не учились. Но в городе сейчас практически половина населения — дети. Средний возраст жителей 25–27 лет. Представляете?! Я уже не говорю о спортзалах... Их практически нет.

В магазинах — очереди. Склады работают с колес. Летом хоть с машин можно торговать. А зимой овощи разве продаешь в такой мороз! В общем, не успеваем обеспечивать соцкультбыт. Поэтому многие приедут, поживут несколько месяцев и назад, на Большую землю. Скучают люди по балетам и филармониям... А на строительство клубов, гостиниц, дорог и прочего у нас не хватает ни средств, ни ресурсов, ни людей. А вы говорите — благополучие...

Он тяжело вздохнул и снова потянулся к пачке. Теперь закурил, уже не обращая внимания на то, что пленка крутится и запись продолжается. Несколько раз сильно затянувшись, продолжил:

— Слишком высокие темпы взяли нефтяники! Им тоже не сладко. Нефть, нефть, нефть — любой ценой и как можно больше. Это — государственная валюта, это — политика, это — благосостояние страны. И наше с вами благополучие, в конце концов. — И без перехода: — А хотите, проедем по городу? По ходу и поговорим.

— Хочу! — искренне обрадовалась Рита.

Нажав на какую-то кнопочку на столе, Решетников вызвал из приемной секретаря.

— Леночка, каким временем я располагаю?

Очаровательная молодая женщина с гладко зачесанными длинными волосами, собранными заколкой на затылке, в строгом, но дорогом костюме перелистала блокнот.

— До обеда у вас ничего не намечено. В 14 часов — совещание, в 15.30 — встреча с представителями Министерства энергетики, в 17.00 — планерка у Первого секретаря, в 18 часов — встреча...

— Стоп, стоп, понятно, — произнес Решетников. — Вы свободны, Ле-

ночка. Машину к подъезду. Я еду в город. Если Первый спросит, свяжитесь со мной по радио.

Через пять минут они уже катили по улицам города. Решетников показывал и рассказывал, где что есть и где что будет построено. Рита не все запомнила. Поняла одно: город разделен на микрорайоны, существующие пока сами по себе. Единого генерального плана застройки нет. Геологи пришли — построили свой поселок. Нефтяники — свой. Строители, газовики и энергетики последовали их примеру.

И все-таки от увиденного осталось замечательное впечатление. Жизнь кипела, бурлила, а не волочилась по деревянным тротуарам в старых башнях, как это было в окружном центре. Ей захотелось жить здесь, в этом переполненном проблемами и энтузиазмом городе молодых. В нем столько интересного, что жизни не хватит рассказать обо всем.

— Ваши дальнейшие планы? — спросил в конце поездки Решетников.

— Хочу встретиться с энергетиками.

— Это — завтра. Там намечается большое событие. А во второй половине дня сегодня советую посетить нашу библиотеку и полистать подшивку городской газеты. Может, что-нибудь любопытное для себя найдете. Если будет нужна машина, позвоните Леночке в приемную. Она поможет.

— Газеты — это, конечно, хорошее дело. Но я хотела бы съездить на строящуюся станцию. — Упрямо посмотрела ему в глаза.

— Там сегодня, насколько я знаю, идут пусковые операции первого блока. Не до вас, извините.

— Так это же здорово! Вы даже не представляете, как это важно для меня! — вскричала Рита.

— Но... пуск может затянуться. Это ведь целый комплекс работ, рассчитанный, может быть, на несколько суток.

— Юрий Николаевич, я не из пугливых. Мне именно в такой момент очень важно оказаться среди энергетиков! Это же историческое событие, насколько я понимаю!

— Вы и без того будете среди главных действующих лиц. После пуска состоится митинг. Его сроки определяются буквально в ближайшие дни. Мало ли что может произойти... Все-таки — первый блок... Тут столько руководителей самого высокого ранга понаехали! Даже среди них не каждогопускают на станцию. Ждут особого часа. А ты хочешь... Нет-нет!

— Ну, Юрий Николаевич... — От ее жалобно просящего голоса ему стало не по себе. — Вы же все можете, — сподхалимничала она. — Я просто не поверю, чтобы вы, персонально отвечающий за промышленный комплекс города, не смогли помочь бедному корреспонденту оказаться в нужное время в самом нужном месте. Вы же все можете!

Решетников вздохнул тяжело, словно согласовывал риск с последствиями. На станцию он позвонил из своего кабинета. Видимо, там не

пришли в восторг от предложения Второго секретаря. Начал убеждать. В конце концов просто отдал распоряжение: примите корреспондента окружного радио и обеспечьте всей доступной информацией. И точка.

— Какая раскладушка? — вдруг спросил Решетников и посмотрел вопросительно на Риту. Прикрыв трубку рукой, полушепотом спросил: — Ночь, а может, и дольше придется провести на станции. Сдюжишь?

Та согласно закивала головой.

— Ну, если понадобится раскладушка, обеспечьте раскладушкой, чтобы она смогла хоть где-нибудь прикорнуть час-другой. Не всю же ночь интервью брать.

Рита ликовала! Вопрос решен!

— Ну, смотри, если что — сама понимаешь: рот на замок и ничего лишнего в эфире.

— Понимаю, понимаю, — снова закивала головой.

— В десять часов вечера к гостинице подойдет машина. Я с тобой съезжу. Заодно посмотрю, как там у них... Начнется... Блок под нагрузку ставят в течение нескольких часов. Пока котел разогреют... Словом, это все специфика, с которой познакомишься, если потребуется. Но главное, мне кажется, надо обратить внимание на людей. Кто бы то ни был: строители, монтажники, наладчики, эксплуатационники... — там все герои. Времени у них нет, чтобы все сделать как положено. И никто им этого времени не даст.

Конечно, все понимают, чем чревата такая торопливость и какие могут быть последствия. Но... Ничего не поделаешь. ГРЭС необходима как воздух. Ее пустят, и появится мощная энергетическая база для развития нефтегазового комплекса, который в конечном итоге сам явится плацдармом для успешного развития социализма и для того, чтобы весь Советский Союз мог жить за счет нефтедолларов.

И если быть до конца откровенным, эти люди сегодня совершают трудовой подвиг. Потомки осознают это, конечно, не сегодня и не завтра, значительно позже, лет через десять—двадцать. А пока... Пока люди просто работают и выполняют правительственные задание.

Ну, все. Иди в библиотеку. Леночка проводит.

* * *

Газета действительно оказалась весьма полезной для воссоздания окончательного образа города. Расширила представление о том, чем живут его люди. И все же Рита решила посетить своих коллег, посмотреть, в каких условиях работают журналисты промышленного центра. На всякий случай спросила: далеко ли от горкома партии находится редакция.

— Минут пятнадцать ходьбы, — пояснила заведующая партийной библиотекой. Это была пожилая женщина в очках, с пучком седых волос, в строгом черном костюме, который украшал роскошный белый

вязанный воротничок. Про таких говорят: «Учителка». И всем кажется, что портрет суповой консервативной блюстительницы порядка и нравственности готов. Такой в средней школе, где училась Рита, была преподавательница географии, очень любившая свой предмет, а заодно и свою любовь к этому предмету, но мало заботившаяся о тех, кому преподавала свои знания.

«Видимо, у этой не получилось в школе нести "луч света в темное царство" детских душ», — подумала Рита.

— Перейдете площадь — будет улица. В самом ее конце по левую сторону увидите деревянное строение. А хотите, машиной воспользуйтесь. Такой холод! Можно лицо обморозить.

— Я постараюсь поберечься, — успокоила Рита сердобольную женщину и отправилась пешком.

Сразу за площадью панельные дома закончились и началась обыкновенная деревня, с курящимся дымком из труб, поленницами дров и расчищенными тропинками к каждому крылечку, сарайчику, туалету.

«Поистине, город контрастов», — подумала Рита. Пожалуй, она так и назовет свой материал.

Увидев вывеску на здании, остановилась. «Да-а, не блеск, — вздохнула про себя. — Очень похоже на наш радиосарай. Чуть-чуть получше: его не подпирают бревна...»

Из здания напротив выскочила легко одетая девушка и пробежала мимо Риты в редакцию. В руках — полосы газеты. На самом пороге, уже открыв дверь, задержалась:

— Вы к нам? Заходите, не бойтесь, — и распахнула по шире дверь, пропуская гостью. Медлить было невежливо. Рита проскочила вперед и сразу остановилась. Тусклое освещение после мерцающего на солнце белого снега вызвало эффект затмения.

— Осторожненько, вы, наверное, к редактору. Идите за мной.

Кабинет редактора был игрушечным. Два стола, поставленных буквой «Т», ряд стульев, настольная лампа, телефон, стопка бумаг...

— Вот, к вам гости, Николай Иванович.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — кивнул на стул. — Подождите немного. — И, обращаясь к своей сотруднице, спросил: — Ну, что? Последнюю правку сделали?

— Да, можно подписывать в печать.

— Ну-ка... — Николай Иванович внимательно сверил две страницы газеты. Видимо, уже не первый раз смотрел на них. Затем размашисто подписал: «В печать». Поставил свою подпись и время: 16 часов 05 минут.

Пока он все это проделывал, Рита чувствовала на себе оценивающий взгляд сотрудницы редакции. «Видимо, корректор», — предположила она. Как только страница была подписана, девушка, почти выхватив её из рук редактора, упорхнула.

— Одевайся, когда в типографию бегаешь, — крикнул вдогонку Николай Иванович и, наконец, обратил свой взор на нежданную гостью. Протянул руку, представился.

— Окружное радио, Рита Васильева, — услышал в ответ.

— А-а, так это ты мне звонила по поводу информаций?

— Я... Когда Нины Нестеровны не было. Она вас никому не отдает. — И улыбнулась, как умела, мило и очаровательно.

— Я и передачи твои запомнил. Хорошие материалы. Садись.

Рита не заметила, как встала, протягивая руку для пожатия. Смутилась, порозовела. Это развеселило редактора. Было ему около тридцати лет. По крайней мере, на столько, по мнению Риты, он выглядел. Волосы русые, вьющиеся, непослушные. Все время падали на лоб. Николай Иванович то и дело убирал их рукой, стараясь выглядеть взросле и солиднее. Но потом перестал обращать внимания на свой внешний вид. Увлекся беседой о новостях в столице округа или захотел казаться моложе... Ему это удалось.

Неожиданно в дверях остановился молодой мужчина.

— У нас гости? — спросил, глядя в упор на Риту.

— Да. — У Николая Ивановича было явно хорошее настроение. — Ташчи, что там у вас есть...

— Так... ничего не осталось. Но... не вопрос. Сбегаем.

— Беги, чего стоишь?

— Уже убежал, — не двигаясь с места, произнес вошедший.

— Это Рита Васильева из округа. Коллега с радиовещания.

— Очень приятно, Рита Васильева, — все еще не отрывая от нее глаз, произнес сотрудник и добавил, протягивая обе руки: — Виктор.

Рите ничего не оставалось делать, как вложить в его ладоши свою руку. Виктор задержал ее дольше, чем позволял этикет. Она растерялась и взглядом попросила помощи у редактора.

— Беги, беги, не задерживайся. Ох, шельмец! — И пояснил: — Не может мимо красивых девчат равнодушно пройти.

— Зачем мимо, если красивые, — заулыбался еще шире подчиненный. И, отпустив руку гостьи, выразительно потер пальцами.

— Я сейчас, — мигом понял жест редактор.

Оба вышли. А через несколько минут Риту позвали в другую комнату, где уже накрывали стол. Такого горячего приема она никак не ожидала. Но было приятно, что ее особе уделяют повышенное внимание в совершенно незнакомом коллективе.

«Может, к лучшему, — подумала, — теперь сюда придется ездить часто. Надо устанавливать связи с коллегами. Их помочь пригодится».

* * *

В гостиницу ее привезли на попутной машине. Переполненные автобусы устало проползали мимо остановки.

«Вот и еще одна проблема быстро растущего города», — отметила для себя. Но Виктор ее успокоил:

— Наш секретарь горкома партии вместе с председателем горисполкома распорядились всему транспорту брать попутчиков. Особенно в сильные морозы. Чтобы люди не мерзли.

— Здорово! — оценила Рита.

Вообще, он был очень веселым человеком, этот Виктор. Без конца балагурил. Сегодня это не мешало Рите. Наоборот, создавало какой-то особый настрой от общения со «своим человеком». С ним было легко. Он быстро подхватывал и развивал разговор в своем игривом тоне. И рот не закрывался, и темы не иссякали...

Поэтому в «Канадку» она приехала в возбужденном состоянии, хотя, несмотря на теплую дубленку, все же успела продрогнуть.

— А чайку где-нибудь можно раздобыть? — спросила у дежурной.

— Конечно! У нас столовая-буфет есть. Вот здесь, направо.

Раздевшись в номере, Рита пришла в столовую. Небольшое помещение, столов семь, не больше. Солидные люди сидели основательно, если со вкусом, курили с наслаждением.

Подошла к буфетной стойке. Не успела открыть рот, девушка в нарядном белом колпачке, похожем на корону, вежливо указала на свободный от посетителей стол:

— Присаживайтесь.

— Мне бы чайку... — неуверенно проговорила в ответ.

— Ужинать не будете?

— Нн-нет, пожалуй, — еще больше засомневалась. Ведь придется всю ночь провести на ГРЭС.

— Подумайте, у нас очень вкусно готовят, — улыбаясь, убеждала буфетчица.

— Дорого? — почти прошептала, наклоняясь к стойке.

— Что? — удивилась девушка.

— Ну, ужин? — в редакции она только слегка закусывала рыбными консервами, а ароматы столовой вызвали зверский аппетит.

— Что вы! Все гости в эти дни у нас питаются бесплатно. Меню на столе. — И отвернулась, наполняя тарелку.

Рита вполне уверенно заняла за столиком место у окна. Развернула меню... Чего там только не было!

«Боже! — удивилась она. — Неужели это все возможно?! Бесплатно! И сейчас...»

Она с любопытством углубилась в чтение и оторвалась только тогда, когда, шумно двигая стульями, за столиком стали усаживаться трое мужчин. Распаленные спором, каждый, видимо, пытался завершить его собственным аргументом и поставить точку в бесконечном разговоре о строящейся станции.

— Я уверен: он не приедет завтра, — убежденно говорил высокий седовласый мужчина с правильными чертами лица.

— Ну, почему? Первые блоки не каждый день пускают! — не соглашался другой — лысеющий маленький пухлячок. — Станция уникальная в своем роде. Под нее создан целый институт. Собрали мощные умы со всей страны — коллектив единомышленников, который работал не за страх, а за совесть и был связан общей идеей. Впервые в неосвоенном, необжитом районе Крайнего Севера, без железных дорог, без производственных баз Министерства энергетики мы смогли в кратчайшие сроки приступить к выполнению задания партии и правительства по созданию надежного источника энергетического снабжения! — Человек говорил очень горячо, как на трибуне. — Люди, можно сказать, подвиг совершили! За такой короткий срок корпус воздвигли!

— Да, какой там корпус?! — не унимал своего раздражения Высокий. — Вместо окон — фанера, кругом неразбериха сплошная! Грязь! Лишь бы отрапортовать и галочку поставить, что именно в этом году дали электроэнергию!.. Пуск еще, кстати, не состоялся.

— А вы знаете, что это значит для такого региона, как Тюменская область?! — вспыхнул Маленький. — Это новые скважины, это дополнительная нефть. В конце концов это валюта!

— Да и сделано уже немало, — вступил в разговор Третий. Из-за своих опущенных пушистых ресниц Рите было очень удобно незаметно наблюдать за спорщиками. Она старалась запомнить каждую фразу, каждый факт, который мог пригодиться в передаче.

Оказывается, станцию стали строить при полном бездорожье. Пришлось соорудить сразу два большегрузных речных порта — в Омске и здесь. Установить 250-тонный кран под разгрузку. Потом выложить дорогу из железобетонных плит на вечной мерзлоте, чтобы по ней к будущей станции доставить из Ленинграда генератор. По пути следования проверили все мосты, тоннели. Челябинский завод изготовил специальные трейлеры, чтобы протащить по дорогам 250 тонн ценного груза.

Рита забыла про меню и про все вкусности, которые хотела попробовать.

— Вы же знаете, что сам Косыгин распоряжается этими трейлерами...

— Ну, знаю, знаю, — согласился Высокий и нервно забарабанил пальцами по столу. — Их в стране всего пять штук на всех. А еще БАМ строится, КАМАЗ... И везде тяжелая техника нужна.

— Игорь Олегович, ну, вы согласитесь, чтостройка уникальная! — напирал Третий. — Много вы знаете таких строек? То-то же, — ответил удовлетворенно сам себе и продолжил, боясь, что его нечаянно сбьют с мысли.

А Рита, пользуясь случаем, в это время пыталась запомнить факты: уникальный проект, выбор места с использованием космических аппаратов, специальный фундамент, несоизмеримое по объему с ранее существующими станциями оборудование... Так, так... Люди со всего Советского Союза, базы для хранения, оборудование завезли практически сразу для двух блоков...

Третий говорил уверенно. Был он молод. «Оттого и смел», — подумала невольно Рита.

— Да вы хоть на три блока завезите оборудование, но если не закончены отделочные работы, в турбинном цехе собачий холод, полы в таком состоянии, что страшно и даже опасно ходить, — о какой готовности станции к пуску идет речь?! Тем более о визите в таких обстоятельствах председателя Совмина?! И давайте, на этом закончим, — устало произнес Высокий и обратил, наконец, свой взор на сидящую за столиком Риту.

— Можно познакомиться с меню? — спросил, решительно протягивая руку. Рита только теперь сообразила, что все еще держит в руках изящно папку с листочком меню. Смутившись, поспешила отдала.

— Пожалуйста...

— Тут, понимаешь, такая симпатичная особа сидит, а вы все о производстве, — укорил присутствующих. — Девушке, наверное, скучно нас слушать, — разглядывая меню и бросая исподлобья взгляды на Риту, продолжал Высокий.

— Что вы, — поспешила успокоить его Рита, — мне даже очень интересно.

— Интересно? — удивился Маленький. — А вы, собственно, кто?

— Я?! — Она растерялась. Ведь предупредил же ее Юрий Николаевич Решетников, что в гостинице живут высокопоставленные люди из Москвы и из области. И ее, Риту Васильеву, поселили среди них в порядке исключения.

— Вы, наверное, чья-нибудь дочка? — подсказал вариант ответа Третий.

— Или... — начал было Маленький.

— Нет-нет, — поспешила откликнуться, — я не дочь и не «или». Я сама по себе.

Мужчины переглянулись. В этот момент к столику подошла официантка.

— Что будем кушать сегодня? — очень вежливо, но без улыбки спросила она, готовясь записывать в блокнотик пожелания гостей.

— Сегодня мы будем рыбу, овощи, икру черную и фрукты на десерт.

— Коньяк? — вопрос лишь на несколько секунд повис в воздухе, и тут же прозвучал решительный ответ сразу троих:

— «Армянский».

— А девушке... — начал было Высокий.

— А мне кофе и салат, — опередила Рита.

— Шампанское и шоколад, — досказал за нее Высокий.

— Что вы! — она совсем растерялась.

— Мы ведь должны познакомиться, — широко улыбаясь, Высокий уже крепко держал инициативу в руках. Маленький и Третий не возражали против его хозяйствского поведения. Видимо, он имел на это право.

— Вы, как я понял, еще не ужинали, — констатировал Высокий. — Девушке рыбку, как и нам. Она, наверное, не знает, как хорошо вы умеете готовить сибирскую рыбу. Ели когда-нибудь запеченную осетрину?

— Н-н-ет, — пролепетала Рита.

— То-то же, а хотели отказаться.

Он уже не обращал внимания на официантку и был весь поглощен присутствием Риты.

— Так кто вы такая, милая девушка? Какие заботы привели вас в этот край? — спросил Высокий, когда заказ был завершен.

— Я — журналист, — с гордостью ответила та.

— О-о-о! Как же я сразу не понял! Вы, очевидно, ради предстоящего события прилетели?

— Да, — твердо сказала и впервые прямо посмотрела в глаза этому самоуверенному человеку.

— Стало быть, нас свели здесь одни и те же обстоятельства.

— Выходит, так...

Официантка накрывала очень быстро. Рита поняла: очередь дошла до их столика. На нем уже появились холодные закуски. Коньяк и шампанское сразу налили в рюмки.

— Ну, что ж, за знакомство... — поднимая хрустальную рюмку, Высокий посмотрел с любопытством на Риту. — Из какой вы газеты?

— Я из окружного радиовещания. Рита Васильева.

— А-а... — разочарованно протянул Высокий и, кажется, тут же потерял к ней интерес. Видимо, он думал, что журналист прибыл, по меньшей мере, из области. В лучшем случае — из центральной прессы, то есть из столицы. А тут... Местных корреспондентов высокопоставленные особы не жаловали.

Несколько минут ели молча, лишь стук вилок о тарелки выдавал совместное присутствие и кое-как сближал. Не спас и дежурный тост «За присутствующих дам». Рита почему-то почувствовала себя виноватой в том, что не является представителем московской прессы. Только после третьей рюмки и утоления голода мужчины вновь заговорили, но общего разговора не получилось. Она так и не поняла: кто эти люди. Должностей своих они не назвали. Высокий представился просто Игорь Олегович, Маленький, последовав его примеру назвался Леонидом Викторовичем, а того, кого она в мыслях окрестила Третьим, звали Аркадием Ивановичем. Ей ни одно из этих имен ни о чем не говорило.

Рыба, действительно, была очень вкусной. Быстро допив кофе, Рита успешила распрощаться со своими новыми знакомыми и, пожелав приятного аппетита, удалилась в свой номер. Ей предстояла тяжелая пусковая ночь и первое знакомство со станцией.

* * *

Решетников подъехал ровно в десять. Она уже стояла в фойе, чтобы не заставлять ждать Второго секретаря, а то еще передумает. Рита вообше очень волновалась, боясь попасть впросак. Про энергетику она ни-

чего практически не знала. Информация, услышанная невольно в гостинице, хоть и была интересной, но как ею воспользоваться в передаче, она пока представления не имела, понимая, что все негативное «зарубит» ЛИТО. А чтобы цензура пропустила, придется пройти через лабиринт завуалированных фраз, чтобы и правду сказать, и избежать неприятностей. Сделать это можно, только заручившись мнением авторитетных лиц. А она интервью с ними не записывала.

Судя по телефонному разговору, который произошел днем в кабинете Второго секретаря горкома партии с кем-то из руководителей станции, энергетикам было нежелательно ее присутствие, и они могут просто проигнорировать журналиста, ссылаясь на занятость. Наверное, они правы, но что ей-то делать? Не вправе она вернуться в редакцию, не побывав на станции в такой значительный момент!

Покровительство и защита Юрия Николаевича вселяли некоторую надежду. Но будет ли такой «принудительный» разговор интересным, эмоциональным, заслуживающим доверие радиослушателей?.. Ответ на этот вопрос можно получить только непосредственно на станции. Обо всем этом она думала, пока «Волга» катила по бетонке.

Строительная площадка была ярко освещена прожекторами. Решетников галантно открыл перед ней дверь машины, протянул руку, помогая выйти, и решительно направился к корпусу. Рита поняла: Юрий Николаевич здесь не гость, бывает часто и знает все.

— Здравствуйте, — сказал бодро и весело, словно и не ехал всю дорогу до станции молча с устало закрытыми глазами. — Знакомьтесь, Рита Васильева, окружное радио. Ну, что? Нашли ей раскладушку?

Рита вскинула брови. Днем она подумала, что это веселая шутка.

— Конечно, — ответил высокий русоволосый человек, — я ей свою презентую. Нам сегодня не до сна будет.

— Вот так, Маргарита... как по отчеству?

— Павловна, но можно просто Рита, — подсказала и почему-то покраснела. Ее никогда не называли по отчеству.

— Вот так, Маргарита Павловна, начальник цеха обещает отдать свою раскладушку на всю ночь. Смотри, здесь собрался весь цвет местной энергетики: строители, монтажники, наладчики, эксплуатационники. Они тебе все расскажут — как строили, как вели пуско-наладочные работы, ну, и о том, естественно, как проходит пуск блока.

И уже обращаясь к директору станции, произнес тихо:

— Как? Все нормально идет?

— Не слазьте, Юрий Николаевич, — прозвучало в ответ.

В помещении, где располагался блочный щит управления, было много людей. Мужчины с сигаретами сразу удалились в курилку. На щите светились таблички с многочисленной информацией, понятной только специалистам.

Рита присматривалась. Она не знала с чего начать. Она вообще ни-

чего не знала. Ей стало страшно от этих сосредоточенных лиц, не обращающих на нее внимания. Как будто ее не было здесь вовсе.

Решетников тихо беседовал с директором станции. Тот что-то ему показывал, называя какие-то параметры. Второй секретарь внимательно слушал, кивал головой, смотрел на приборы, что-то говорил сам.

Из отдельных фраз, доносившихся до ее слуха, уловила: котел греется, «набирает пары».

— Давай, пройдемся, — скомандовал Решетников. Мужчины вышли из помещения, Рита с «репортером», по обыкновению висевшему на шее, последовала за ними. Внушительные габариты металлоконструкций станции поразили воображение. Такого она еще не видела. И оттого, что все это — рукотворный венец стараний тысяч людей, в душе зарождалась гордость. Прежде всего за людей, потом за тот край, куда забросила ее судьба. Ведь не каждому журналисту выпадает счастье попасть в такой круговорот событий, чтобы было что потом рассказать другим. И, наконец, гордость за страну, в которой она родилась и работает.

— Здорово! — восхитилась Рита, когда директор станции спросил о впечатлениях. Она только сейчас начинала понимать и оценивать значение сделанного ими. Мысленно собирала обрывки услышанных фраз, пытаясь сложить мозаику общего предпосыпкового напряжения.

Лето. Работа в самом разгаре. Катастрофически отставала строительная часть. Людей тасовали, как карты в колоде, практически ежедневно перебрасывая хороших специалистов то на один, то на другой участок, тем самым усиливая наиболее важные звенья.

Сентябрь. Завершен монтаж котлоагрегата. С этой задачей бригады справились менее чем за месяц. Выдержать высокие темпы работ помогла не только собранность, коллективная ответственность и грамотность монтажников. Здесь впервые был применен метод укрупненной сборки.

Октябрь. Закончилась установка основных узлов машины на фундамент. Монтаж турбогенератора идет круглосуточно. О сменной норме никто не ведет даже речи! Но дотошные сотрудницы из отдела труда все же ухитрились подсчитать, что каждый человек из бригады монтажников-турбинистов Александра Максимова выполнял задание на 230 процентов! Практически люди приходили домой только ночевать, а в этот предпосыпковой период многие по несколько суток даже не уходили со станции. Вот почему слово «раскладушка» из уст горкомовца было воспринято вполне серьезно.

Рите удалось записать разговор об этом секретаря и директора станции:

— Вы помогите журналисту, — вернулся к сказанному Решетников. — Я здесь долго не буду. Надо отдохнуть перед завтрашним днем. Не высыпаюсь последнее время, — пожаловался как-то совсем по-бытовому. — Все некогда. Конец года — с ума можно сойти...

— Не волнуйтесь, Юрий Николаевич, все будет в лучшем виде, — успокоил Головин.

Они снова вернулись на блочный щит управления. Волнение и тревога отражались на лицах людей.

— Что-то случилось? — догадался Решетников. Головин кивнул:

— Программа испытаний котла завершена, вышли на проектные параметры, — пояснил директор. — Сейчас идет паровое испытание турбины, вывод ее на обороты, и затем, венец всему — подключение генератора к сети.

— Сколько делятся комплексные испытания? — видя, что Рита записывает разговор, спросил Юрий Николаевич.

— Обычно, в среднем, где-то часов восемнадцать. Это по моей предыдущей практике. А тут — не знаю, как пойдет, загадывать не буду.

На щите управления замигала какая-то лампочка. Тут же последовал звуковой сигнал. Начальник смены схватил телефонную трубку, что-то начал тревожно говорить своему невидимому собеседнику. Услышав сказанное им, многие из стоящих вокруг него, тут же выскочили из толпы, исчезли.

— Что такое?! — заподозрил недобродел Решетников.

— Сейчас выясним, — Головин поспешил отошел от Решетникова. Вскоре вернулся: — Вибрация повышенная...

— Этого еще не хватало! — заволновался Второй секретарь горкома партии. — Черт знает, чем может кончиться! — Он вынул из кармана пачку «Бонда», сунул сигарету в зубы, похлопал себя по карманам, ища зажигалку. Сообразил, что курить здесь нельзя, сломал сигарету, выбросил в урну, стоявшую у стола начальника смены.

— Вот чем обворачиваются рекордные сроки строительства и монтажа! — сказал в сердцах.

Начальник смены Игорь Грибов одной рукой держал трубку, отдавая какие-то срочные распоряжения, другой доставал из кармана носовой платок. На лбу выступила испарина, а по вискам уже струился пот.

— Это, конечно, неприятно, но не очень страшно, — попытался он успокоить партийного руководителя. — По нашей классификации, вибрация хоть и повышенная, но не грозная. Сейчас отрегулируем. Бывает хуже, но реже, — завершил успокаительную речь неловкой шуткой.

Решетников, обратив внимание на то, что пленка в «репортере» крутится, бросил решительно:

— Выключи! — и после паузы, миролюбиво. — Пойдем, прогуляемся по станции.

Рита не посмела возразить в этот момент, хотя командный голос Решетникова был ей неприятен. Но «репортер» выключила. Пошла следом. Дорогу показывал Головин.

На площадке, расположенной на уровне машинного зала, их приняла в свои объятия ночь. Решетников закурил с наслаждением, глубоко затягиваясь дымом. Потом, словно вспомнил, что Рита тоже курит, предложил ей «Бонд». Молча взяла сигарету, затянулась тоже с удоволь-

ствием, до головокружения. Почувствовав, что молчание становится тягостным, спросила:

— А в какой стороне город?

— Да вот он. Видишь? — показал Головин.

— Спят уже все, — констатировала Рита. — Огней совсем мало. Звезды и то ярче... — фраза прозвучала, как укор. Решетников воспринял его как личный.

— Ой, и заноза же ты, Рита Васильева! Ничего. Блок запустим, и вокруг сразу посветлеет. А когда станцию построим, весь город, всю территорию осветим. И не только вокруг нашего города — везде в Среднем Приобье! — настроение у Решетникова начало повышаться. Или он хотел вселить уверенность в корреспондента окружного радио, что все закончится благополучно.

— Вы поезжайте, наверное, Юрий Николаевич, домой, — предложил ему Головин. — Вам и без нас забот хватает.

— Куда уж ехать! Теперь я точно никуда не уеду до утра! Пойдем к музыкам... Главное сейчас с вибрацией разобраться.

Рите показалось, что Головина тяготит присутствие Второго секретаря горкома партии. Поэтому то и дело напоминает ему, что пора бы и отдохнуть от трудов праведных. Но Решетников упорно не замечает завуалированной заботы директора станции, словно тот пытается что-то скрыть от партийного руководства. Наверное, прав Решетников. В конце концов он отвечает за экономику города и за пуск блока тоже.

Вернувшись на блочный щит, Головин подвел Риту к начальнику цеха (чтобы ничего лишнего не записала — поняла она). Тот нехотя отошел от кучки людей:

— А чем я собственно могу вам помочь? — спросил. В голосе — откровенное раздражение: «Только тебя здесь сейчас и не хватало!»

— Я хочу, чтобы вы мне про все рассказали... Если, конечно, найдете время.

— Что — все? — не понял тот.

— Все, по порядку. Про себя...

— Это неинтересно. Да и некогда, видите, запарка у нас.

Она все понимала, но только не знала, как ей-то выполнить свое задание.

— Вы же все равно стояли, ничего не делали, — заметила начальнику. — А мне тоже работать надо. Я буду задавать вам вопросы, а вы — отвечать. Хорошо? — И, не ожидая согласия, тут же включила «репортер». Ее настойчивость покорила молодого специалиста. Он понял, что кто-то сейчас и этим должен заниматься.

— Давай, давай, — подтрунивали окружающие, — выполни ответственное задание. Это тебе не в блоке ковыряться. — В усталых глазах проявились смешины.

Отошли в сторонку, чтобы им не мешали, но все равно разговор не клеился. Отвечал Владимир Григорьев односложно, все время огляды-

вался на своих коллег. Но постепенно воспоминания захватили и понесли его по волнам памяти. И Рита, слушая, представила, как он идет по пыльным улицам города, с каской, со связками книг, привезенных из родного города. Как поразили его тогда маленькие домишкы, деревянная пожарная каланча, конюшня, бесчисленные своры собак... Они были такие наглые – вообще, ничего не боялись. Бесстрашно лезли в машину, прыгали в кузов. Видимо, считали себя хозяевами и желали сопровождать гостей повсюду.

Очень многие, живущие в этом крае, жаловались ей на обилие комаров. Но Владимир Григорьев не просто произнес слово «уйма», а рассказал, как в столовой приходилось накрывать тарелку, чтобы комары не плавали там в качестве особой приправы.

Когда он улыбался, в светлых глазах его прыгали смешины. Как и многие специалисты, Владимир Григорьев приехал на станцию в соответствии со строгой разнарядкой.

– Поселили в общежитии, – рассказывал. – Как всех. Там никто и не знал, что среди простых рабочих рядом на койке спит начальник цеха станции, которую еще предстоит построить. Очень удивлялись, что привез с собой столько книг. Принимали за профессора. Интересовались: надолго ли? Интеллигенция здесь не задерживалась. Я и сам тогда не знал, как долго тут буду работать.

– А теперь знаете? – перебила Рита.

– Конечно! Теперь уже думаю так: пока не построим станцию – отсюда никуда! Азарт появился, одержимость какая-то. Хочется увидеть ее в работе. К вашему сведению: она ведь у нас уникальная; в металлическом варианте будет выполнена. Здесь облегченные панели, колонны из сверхпрочных сталей. Аналогов таких станций в Союзе нет. По температурным режимам нашего региона здесь только этот, пока неиспытанный вариант и подходит.

– А остальные станции из чего сделаны?

– Как обычно – из железобетона. К тому же, наша станция будет работать на попутном нефтяном газе. В этом тоже ее уникальность. Нет таких станций еще. Поэтому и гордимся, что пытаемся идти неизвестными дорогами.

– Говорят, темпы тут взяты невиданные, – проявила свою осведомленность Рита.

– Жизнь заставляет... Мы бы, может, и не торопились... Но нефтяники торопят, министерства наседают, правительство требует... Сама послужи: полгода назад начали рыть котлован под первый блок, а сегодня мы его уже пускаем в эксплуатацию. Конечно, трудно!..

Рита почувствовала, что за спиной снова забегали, засуетились.

– Опять что-то случилось?

Григорьев не ответил, отстранил ее и пошел к рабочим. Рита за ним. Оказалось, бригадиру наладчиков стало плохо. Тот уже трое суток не спал, принимая участие в испытаниях.

— Медика сюда! — скомандовал Решетников, отстранив всех от лежащего без сознания человека. — Где у вас аптечка?!

Кто-то из мужчин выскочил из помещения.

— Может, «скорую» вызвать, — предложил начальник смены.

— Ты занимайся своим делом, — почти рявкнул Решетников. — Нам всем надо своим делом заниматься... Хотя бы, помочь при случае оказывать.

Головин достал из внутреннего кармана валидол, протянул ему. Тот взял, но не представляя, как положить бесчувственному человеку таблетку под язык, вертел ее в руках. — Приподнимите голову, — попросил рядом стоящих.

Прибежала с аптечкой женщина, достала нашатырный спирт, помотала пузырек перед носом бригадира, тот медленно начал приходить в себя.

— Ну, вот, молодец, — похвалил Второй секретарь очнувшегося наладчика. — Болит где? Сердце? Голова?

Но тому уже накапали волокордина, и подносили к губам стакан.

Решетников отошел, понял, что его помочь уже не нужна. Таблетку, которую он так и держал в руках, отправил к себе в рот, начал сосать.

— Что? Тоже прихватывает? — тихо спросил Головин.

— Да, что-то... — не стал вдаваться в подробности Юрий Николаевич.

— Надо было все-таки вам домой поехать, — заметил Головин.

Решетников промолчал.

— Право, поезжайте. Сейчас уже все нормально будет. Вы же сами видели: все механизмы, вся аппаратура, все защитные устройства работают надежно. Вибрация уже не превышает 35 микрон. И то только на одном подшипнике. На всех остальных и того меньше. Это хороший показатель. В особенности для первого блока. Котел работает надежно, турбина устойчиво держит нагрузку. Поезжайте, Юрий Николаевич.

Решетников повернулся и чуть не наткнулся на Риту. Она стояла за его спиной.

— Ты что? Все записываешь? — спросил грозно.

— Уже нет, — она выключила «репортер».

— Смотри! Мы же договаривались, — напомнил ей об уговоре.

— Помню, — улыбнулась та.

Решетников уехал. Головин облегченно вздохнул:

— Понимаете, первый блок для всех станций самый трудный. Ведь к нему требуется подвести коммуникации, построить водохранилище, дымовую трубу, дороги, жилье, больницу, школу... Скорости ввода и освоения заданы раза в три превышающие нормативы. И все потому, что стране нужна нефть — «черное золото», как ее здесь называют.

— Василий Петрович, а когда я вас буду записывать? — обратилась к Головину.

— Подожди, дай передохнуть. Пойдем лучше чайку попьем, а то что-то ноги уже не держат.

Пришли в кабинет директора станции. Выглядел он очень скромно. Несмотря на открытую форточку, здесь сохранялся запах сигаретного дыма. Та же самая женщина, что прибежала с аптечкой, налила им чаю, принесла печенье и конфеты на блюдечках.

— Бутерброды?

— Не откажусь, — усмехнулся Головин. — Мне кажется, я даже не ужинал еще. А может, и не обедал. Не помню.

Они пили чай и разговаривали. Рита только сейчас увидела, что глаза у директора станции красные от усталости. Видимо, тоже не спал несколько суток.

— Может, вы тоже отдохнете? — спросила участливо.

— А я уже отдыхаю, — усмехнулся Василий Петрович.

Рита поняла, что может воспользоваться этими минутами.

— Говорят, что энергетики — люди особенные. А вы как думаете? Что это за профессия?

— Энергетика — это не профессия, — прихлебывая чай, начал говорить Головин. — Это образ жизни, образ мышления, я бы сказал, житейская мудрость. Наверное, каждый гордится своей профессией и мы не исключение. Но это, я считаю, действительно особые люди. Точнее, люди особой закваски.

— Почему?

— А потому что это очень сложная профессия. Она включает в себя помимо инженерных знаний — долг, чувство высокой ответственности перед людьми. Для настоящего энергетика основное — это чувство преданности своей работе. Они понимают, что свет и тепло очень нужны. Обычно энергетики редко меняют свою профессию. Если уж вступил на эту стезю — то все, до пенсии.

«Как же он устал! — промелькнуло в голове. — Даже по голосу чувствуется». Но она уже поняла, что спать директор ни за что не пойдет. Поэтому сидела и постепенно, не навязчиво вытягивала из Головина необходимые сведения и факты. Он даже не заметил, что она снова включила «репортер».

* * *

...Все на этой земле взаимосвязано. Пришли геологи — открыли месторождения. Пришли нефтяники — им потребовалась электроэнергия. Приехали люди — им необходимо жилье и все остальное...

Впервые речь о развитии энергетики края повели в шестидесятых годах. После того, как специалисты института Гипротюменьнефтегаз сообщили о своих смелых прогнозах по поводу ближайшего будущего и более дальних перспективах в развитии промышленного потенциала Западно-Сибирского региона. Смысл сводился к тому, что уже к 1980-му году уровень добычи нефти здесь может составить 300–400 миллионов тонн.

А это означало максимальное повышение энергетических нагрузок. Ибо с дизельными электростанциями поставленную задачу выполнить было невозможно.

Как только Совет Министров дал «добро» на строительство ГРЭС, сформировали первый десант энергостроителей. Было их всего тринадцать человек. Этим тринадцати и предстояло заложить фундамент гигантского строительства. Разместились они в небольшом помещении, предназначенному под штаб стройки. Несмотря на символическую цифру — «13», им, можно сказать, повезло. Эти люди оказались просто уникально работоспособны. Все — яркие личности, дерзкие в мышлении, грамотные инженеры, выдающиеся организаторы производства, преданные своему делу до самозабвения.

Начинали очень сложно. По зимнику отправляли автомобильную технику. С помощью авиации завезли кран, бульдозер, единственный экскаватор. Этой техники было мало, конечно, но она давала возможность начать работы. И только с открытием навигации в адрес будущей ГРЭС пошел непрерывный поток грузов. Вскоре он дополнился людским потоком.

С уникальной скоростью закипела работа.

И вот — пуск. Самый напряженный период, когда уже не расчет, не график, а человеческая воля, стойкость и выносливость держат экзамен.

— А вы знаете, — улыбнулся Василий Петрович, и в его голосе зазвучала нескрываемая гордость, — мы ведь собственную электроэнергию получили гораздо раньше. В прошлом году 22 декабря, в День энергетика, первый турбогенератор был поставлен на холостой ход. Его мощность — двенадцать тысяч киловатт. Так называемая пуско-резервная ТЭЦ. Вот она-то и обеспечила нам сегодняшний день.

— Наверное, тоже не просто было?

— Конечно! — Помолчал. — Даже очень, — сказал раздумчиво. — Люди тоже работали на износ. Сколько требовалось, а не по восемь часов. Слишком велика была ответственность. Слишком не подготовленным оказался этот край к таким грандиозным новостройкам. Ведь до прихода сюда геологов, здесь проживало, если мне не изменяет память, тысяч пять-шесть. В основном коренные жители: ханты, манси, зыряне, ну и потомки казаков, которых царь направил 350 лет назад для покорения Сибири.

Может быть, потому символическим и стал тот факт, что топку первого котла станции доверили разжечь человеку, рожденному и выросшему на этой земле, то есть коренному жителю. Так сказать, сын северной земли зажег факел, чтобы дать источник, первую искорку будущей большой энергетики Сибири.

— Что сегодня является самым сложным?

— Самым сложным? — повторил вопрос Головин. — Было и остается пока самым сложным собрать коллектив единомышленников. Это

очень важно при сооружении объекта особого государственного значения. Потому что на станции работают представители семидесяти четырех национальностей. Со всех концов страны приехали люди! И надо их сплотить. Родился лозунг: «Даешь Родине электроэнергию!» Эта идея, надеемся, объединит, заразит общим энтузиазмом, поможет сделать невозможное.

А еще большая сложность заключается в том, что этим людям не созданы пока элементарные условия для жилья и быта. Отсюда – наши первостепенные задачи: строить, строить и строить. Дома, школы, детские сады, спортзалы...

– Вы хотите превратить этот город в город-сад? – улыбнулась Рита.

– Да! – убежденно ответил Головин. – Кое-кто считает, что это – не государственный подход. А нам, энергетикам, кажется, что именно такой подход и является государственным. Чтобы требовать с людей, надо их обеспечить необходимым. Пока – самым необходимым, а там посмотрим. Мы так считаем. Кое-что уже сделано, благодаря тем могучим людям, которые заряжают своим личным примером, и о которых я уже вам говорил. Да, вы побеседуйте с ними сами. Они смогут вполне толково дополнить мой рассказ.

И они дополняли. Рита была потрясена размахом сделанного и предстоящего, условиями труда и быта, настроением и уверенностью людей в том, что они справятся с задачами, поставленными правительством.

– Может быть, вы отдохнете? – обратилась к Рите после всех бесед девушка в спецовке. – У нас тут кабинет есть небольшой, пойдемте, я вас провожу.

– А как же пуск?

– Не волнуйтесь, без вас он просто не состоится, – пошутила та весело.

Прошли по машинному залу к пуско-резервной ТЭЦ, где были расположены несколько небольших кабинетов. В одном из них действительно пристроили раскладушку, уже заправленную верблюжьим одеялом.

– Это для вас.

Галина Петрова – так звали новую знакомую – приехала на стройку по комсомольской путевке, и Рита не удержалась – включила «репортер».

– Не надо меня записывать, я не из тех, кто подвиги трудовые совершают, – сначала отмахнулась скромно та, но потом все-таки, присела. Любопытно. – Ничем я не отличаюсь от других. Сбежала от родительской опеки, из теплых краев. Семья обеспеченная. В смысле, денег хватало. Но больше не хотела жить под родительским крылом. Тут как раз ЦК комсомола клич бросил: в Западной Сибири вас ждет стройка века. Испытайтесь себя делом, молодые! Вот мы и собрались – пять человек нас – и поехали. Мама плакала: медведей кормить едешь! А мы, вроде, «за туманом поехали» одержимые... Была идея – проверить себя в чем-то... настоящем.

— Проверили?

— Проверяли. Мало времени прошло для поведения итогов. Но некоторые уже уехали, не выдержали. А я здесь первый раз снег увидела. Представляете?! В декабре приехали. Пока из аэропорта добрались до общежития энергетиков, все уши обморозили. Вот такое первое впечатление было...

— Чем занимаетесь?

— Мы все пятеро — турбинисты по специальности. Наша задача — принимать оборудование, ревизировать его. Здесь ведь как? Первыми геологи пришли, за ними нефтяники. Энергетики — это новая социальная высота в развитии города. Мне так кажется.

Рита смотрела на Галину удивленными глазами. Она и сама приехала в этот край из Свердловска после окончания университета, но никогда не думала, что совершают подвиг. А эта девушка уже оценивает свой поступок, соотнося его со временем, сквозь призму новейшей истории, которую пишут приехавшие в этот край люди.

— Ну, а туманом успели надышаться?

— Знаете, потом поняли, что туман — это только предлог. Песня очень уж понравилась. Ее здесь часто поют. А по настоящему-то понимали, что едем комаров кормить да грязь месить. Еще я думаю: мой поступок — мой личный подвиг перед самой собой. Горжусь этим.

Вот так, ни больше — ни меньше.

Галина деликатно вышла из комнаты, а Рита прилегла на раскладушку. Она мысленно уже начала работу над будущим репортажем. В нем она, конечно же, расскажет о том, что могучая энергетическая река начиналась практически с ручейка, под названием речка Черная. Многие века она несла свои воды в могучую Обь. На ее берегах когда-то селились люди, и вряд ли кто-нибудь из первых поселенцев мог предположить, что пройдут годы и над этой рекой с мрачным названием вспыхнет свет такой яркости и силы, что хватит его на всю огромную территорию Западной Сибири. Что поднимутся здесь корпуса станции, которая будет питать своей энергией крупнейшие месторождения нефти и газа, города и деревни, стройки и предприятия Сибири, Урала, а может, и за его пределами...

...Все-таки она немного поспала. Разбудили ее в пять часов утра. Галина Петрова, которая тоже с нетерпением ждала пуска первого в ее жизни энергоблока, дотронулась легонько до плеча:

— Рита, пора, — шепнула радостно.

Направляясь к блочному щиту управления, Рита пыталась представить себе, как все будет происходить. Но реальность поразила своей прозаичностью. Множество специалистов ожидали того момента, когда простым нажатием кнопки пустят турбину, и она примет на себя полную промышленную нагрузку. Загорятся еще несколько табло на блочном щите, указывая параметры, понятные только специалистам. А ей останется записать в репортаж громкоголосое «Ура!!!» довольных

успешному пуску людей. Усталые лица засветились улыбками. Откуда-то возникло специально заготовленное по такому случаю шампанское. Его наливали, чокались, пили, поздравляли друг друга с успехом, а она записывала это многоголосье радости, торжества, победы. Настоящей победы людей над собой, над природой, над обстоятельствами – всем, что могло помешать им выполнить особое задание правительства. Они выдержали первый экзамен.

– Какое чувство вы сейчас испытываете? – сунулась с микрофоном к Головину.

– А вы как думаете? – ответил довольный директор. – Конечно, это только начало. Таких темпов страна еще не знала. И, может быть, именно эта поспешность в строительстве скажется в дальнейшей работе эксплуатационников. Но мне хочется верить сегодня, что все будет хорошо!

Пронзительный звонок телефона ворвался в утро, как будильник. Он звенел противно и настойчиво, призывая к ответу. Но для этого нужно было встать, подойти к столу и поднять трубку.

Не хотелось. Веки слепил сладкий сон и трудно было открыть глаза. А ноги уже искали тапочки, шаря под кроватью.

– Это я, Виктор! – радостно сообщил голос в трубке. Ресницы, начиная с конца, разомкнулись, и она увидела перед собой стрелки настенных часов. Они показывали семь тридцать две.

– Ты уже проснулась? – продолжал чему-то радоваться литературный сотрудник городской газеты.

– Что случилось? – на всякий случай спросила Рита.

– Как что? Утро пришло! – и рассмеялся таким бодрым жеребчиком, что возмущение тут же охватило ее.

– И что?! – в голосе нарастила угроза.

– Ничего, – не унимался Виктор. – Я хотел тебя поздравить с этим добрым утром и с хорошим днем. Знаешь, как в песне поется? – и вновь идиотский, как показалось Рите, смех.

– Нашел время! Еще раньше не мог позвонить? – ворчливо спросила коллегу.

– Мог, – в голосе зазвучало удивление. – Я посчитал, что раньше – неудобно.

– А в половине восьмого вполне удобно? – заключила со злостью.

– Ты что, расстроилась? – еще больше удивился голос на другом конце провода.

– А ты как думаешь? Еще можно было два часа спать. Митинг назначен на двенадцать!

– А выезжать надо в десять тридцать. Я хотел спросить – за тобой заехать? Могу машину подогнать. Все равно, я туда еду.

– Даже не знаю, как тебе сказать по интеллигентнее, – промямлила Рита.

- Сильно хочется? – посочувствовал себе Виктор.
- Не то слово! Я совершенно не выспалась, а мне весь день работать.
- Ну, так и мне работать. А после митинга сразу отписываться надо, чтобы в завтрашний номер попасть. Так, за тобой заехать или нет?
- Заезжай! – раздражение не оставляло.
- Во сколько?
- Как скажешь, я все равно уже не усну.
- Хорошо. В начале одиннадцатого подскочу.

Он понял, что испортил настроение и себе и ей. «Доброго утра» не получилось, а так хотел...

На север Виктор Семушкин приехал из Москвы. Отучившись год в университете на журфаке он решил больше не обременять родителей затратами на свое вольное, беспечное прожигание жизни и перевелся на заочку. Родители было возмутились, но быстро смирились, единственный ребенок привык диктовать свои условия всей семье. Если сказал: буду учиться заочно, значит, так и поступит.

Следующее его решение огорчило их значительно больше: ненаглядный сынок решил покинуть родной город и уехать на север, в тымутарakanь, покорять Сибирь и умы тамошних жителей своими исключительными, как они полагали, литературными способностями. Ни истерика матери, ни ворчание отца не смогли остановить двадцатилетнего отпрыска. Он слишком уже привык к самостоятельности и так уверовал в свою звезду, что все попытки родителей были тщетными. И вот уже три года Виктор Семушкин осваивал территорию края, поражал неординарным мышлением свое руководство и читателей газеты. Очень быстро стал популярным и авторитетным, а в коллективе его настолько полюбили за веселый нрав, остроумие и обязательность делового человека, что уже и представить было невозможно, что когда-то редакция жила без этого обаятельного сотрудника.

Ничего удивительного не было в том, что очень скоро он очаровал и добрую половину женских сердец... Да и сам Виктор не прочь был пофлиртовать. Делал он это с такой же искренностью и увлечением, как писал свои материалы.

Появление Риты Васильевой в редакции совпало для Виктора Семушкина с разрывом отношений с очередной пассией. Как только он начинал понимать, что его хотят на себе женить, продолжать какие-либо отношения считал бессмысленным. Причем, оборачивал это все в шутку: повеселились и хватит.

Ибо никому и никогда ничего серьезного на будущее не обещал. Он просто любил и позволял себя любить.

Молодой литературный сотрудник жил в общежитии. У него была совсем крохотная, но своя комната с общими кухней и туалетом, которые он делил с еще одним жильцом. Редактор твердо пообещал: как только женишься, получишь квартиру. Но даже это обстоятельство не

могло заставить Виктора надеть хомут на шею. Знал: если зарегистрируется, то придется остынеться, прекратить знакомства с очаровательными девчатами и молодыми женщинами. Такими разными в своей не-поддающейся пониманию женской логике. Он изучал их и находил в этом искреннее наслаждение. Ему было интересно жить именно так...

Знакомство с Ритой вызвало закономерный интерес. Во-первых, по его мнению, она была чертовски хороша собой. Привлекало ее умение держаться в обществе. Обворожительный, чистый, глубокий голос, коммуникабельность, простота и легкость, с которой она общалась со всеми, делало ее, казалось, близкой после нескольких часов знакомства.

«Жаворонок» по натуре, он едва дождался утра, чтобы позвонить Васильевой. Виктор, воспользовавшись своим служебным положением, узнал ее телефон через администратора гостиницы, и вот — результат...

А ведь вчера, грешным делом, самоуверенно подумал, что не отразим, что эту залетную птаху ему сходу удалось покорить своим остроумием, в котором, как никогда, упражнялся ныне свободный от женских чар, блестящий журналист Виктор Семушкин.

Не повелась...

— Ну, что же, — не огорчился ухажер, — еще не вечер.

И он расстарался: договорился с редактором по поводу машины, надел самую лучшую рубашку, привезенную из Москвы. Даже дорогой французский одеколон, используемый в исключительных случаях, достал из загашника. Словом, решил произвести впечатление на приезжающего корреспондента.

В начале одиннадцатого редакционный «козлик» уже стоял у ворот гостиницы в ожидании непрошеноей, но желанной гостьи. За воротами, у крыльца, выстроился ряд белых и черных «Волг» для высоких гостей. Им проезд на территорию гостиницы был разрешен.

Рита вышла ровно в десять тридцать. Виктор уже видел ее белозубую улыбку, которая, он был уверен, покорила уже не одно мужское сердце.

— Вот она, — сказал, обрадовано шоферу. — Скажи?!

— Да-а, — согласился тот. Это — «Да-а...» означало для немногословного водителя вершину восторга.

Виктор выпрыгнул из машины и пошел навстречу.

И тут его сердце екнуло. Из черной «Волги» вышел Второй секретарь горкома партии Решетников и тоже шагнул навстречу Васильевой, которая уже подходила к его машине. Они поздоровались, и Юрий Николаевич распахнул перед Ритой дверцу, куда она, не оглядываясь, а следовательно, и не раздумывая, нырнула.

Такого пассажа редакционный сердцевед не ожидал.

Вернувшись к своему разбитому «козлику», угрюмо пробормотал: «Поехали!»

Владимиру ничего не нужно было объяснять. Все произошло на его глазах. После продолжительного молчания, во время которого Виктор

беспрестанно вдыхал сигаретный дым, водитель не выдержал и подвел черту:

— Че, расстроился... А что бы ты на ее месте сделал, если сам Второй в машину позвал?

— Пон-я-ятно, — согласился, почти утешившись, Семушкин.

На станцию приехали раньше высокопоставленных гостей. Но как только Виктор увидел, что Рита осталась на мгновение одна, тут же подошел, как ни в чем не бывало поздоровался. После этого гордо произнес:

— Вот, наша станция, — как будто сам строил.

— Впечатляет, — оглядывая корпус, произнесла в ответ. И ничего больше.

...Журналисты шли следом за гостями, среди которых были и вчерашие Ритины соседи по столику. Что объясняли и о чём рассказывали гостям начальник стройки и директор станции, они не слышали. Но Виктор, побывавший здесь неоднократно, восполнил этот пробел, охотно показывал и детально комментировал обстановку со свойственным его характеру юмором.

По договоренности с Решетниковым, Рита даже вида не подала, что ночью уже побывала на пуске энергоблока. Юрий Николаевич попросил не распространяться на эту тему в общении с местными журналистами. Обидятся, дескать. Никого из них не допустили на пуск блока.

— А почему фанера вместо стекол? — поинтересовалась.

— Не успевают, — пояснил коллега. — Ты понимаешь, сроки настолько ужали, что люди просто выдыхаются. Ведь прежде, чем использовать какую-либо деталь, ее нужно отревизировать, то есть проверить годность и качество.

Так они и прошли в хвосте за толпой представителей Министерства энергетики, уральской энергосистемы, руководителей обкома и горкома партии, специалистов многочисленных строительных подразделений монтажников, наладчиков, эксплуатационников.

На улице их ждали рабочие и специалисты — непосредственные исполнители всей этой внушительной конструкции из бетона и металла.

Рита заметила, что лица у людей усталые, но какие-то просветленные ожиданием значительного события, причастность к которому ощущал каждый из них. Может быть, они торопили его, спеша, наконец, выпиться и отдохнуть...

Но вот, на сооруженную наспех трибуну начали подниматься высокопоставленные деятели всех степеней и рангов. Рита поспешила протолкнуться через толпу поближе к микрофону, чтобы включить «репортер». И оказалась среди тех, с кем накануне сидела за столиком в столовой.

Ветра не было, но сорокаградусный мороз очень быстро стал по ногам подбираться к телу. Речей, хоть и довольно коротких, было много. Каждый хотел войти в Историю красным словцом по такому важному поводу, как пуск первого энергоблока, первой на севере Западной Сибири уникальной станции.

Они говорили, говорили и говорили... А пленка наматывала эту Историю десятками метров. Сменяя очередную катушку, Рита заметила: есть километр пленки! Руки уже едва подчинялись. Замерзли и устали. Ведь свой микрофон ей приходилось держать на весу напротив губ каждого говорящего. И если она хоть немного отодвигалась назад, оратор тут же приближался и говорил в ее микрофон, забывая о том, который стоял на трибуне, видимо понимая, что именно Ритин микрофон для Истории важнее.

Когда выступал Первый секретарь обкома партии, ко вчерашнему Высокому подошел кто-то из специалистов ГРЭС и что-то шепнул на ухо. Лицо гостя мгновенно омрачилось. Он даже выругался шепотом. Ничего не подозревающий Первый, воодушевленно хвалил строителей и определял руководящую роль партии во всем этом очень важном и очень нужном для страны деле.

Высокий вместе с директором ГРЭС быстро сошли с трибуны. Митинг свернули, словно желающих выступить и войти в Историю больше не оказалось. Тревога, обуявшая «высоких» гостей тут же отразилась на лицах всех остальных.

— Что произошло? — спросил Виктор, когда Рита, спрятив «репортер», приблизилась к нему. — Что-то серьезное?

— Мне кажется, да. Слышно было: что-то с трансформатором.

— У-у... — с пониманием протянул Семушкин. — Это надолго. Похоже, сегодня пуска не будет.

Они даже не уловили того мгновения, когда рядом остались только представители прессы... журналист из областной газеты и фотокор центральных «Известий».

Не успели они обменяться мнениями, как к ним подошел секретарь горкома партии по идеологии.

— В связи с непредвиденными обстоятельствами пуск энергоблока перенесен на неопределенное время. В прессе об этом говорить не рекомендую. Иначе будете иметь большие неприятности.

— А что, собственно, произошло? — все-таки спросил московский фотокор.

— Мы еще не выяснили до конца. У кого нет машины, черная «Волга» ожидает у входа. Поезжайте в гостиницу или еще куда. Словом, решайтесь. Пять минут у вас есть.

Секретарь горкома так же быстро исчез, как и появился.

— Вы с нами? — спросил фотокор у Риты. Она не успела ответить, как Виктор решил за нее.

— Нет, мы в редакцию поедем, — Рита удивленно подняла на него глаза. Тот поспешил оправдаться: — Я прозвоню по своим каналам, может, что-то удастся прояснить в ситуации.

Она молча согласилась, хотя ей очень хотелось пообщаться с представителем столичной прессы. Но и от услуг Семушкина не могла отказаться: вдруг он и правда выяснит почему не состоялся пуск блока.

— Вы где поселились? — спросила.

— В «Канадке», наверное, поселят, где здесь еще можно поселиться, — пояснил на ходу москвич. — Мы только сегодня утром прилетели. Сразу же на станцию поехали.

— Так вы же из Тюмени, — заметила Рита другому коллеге.

— Верно. Но самолет-то через областной центр сюда летит из Москвы.

Все встало на свои места. Двое уехали на «Волге» в гостиницу, Рита с Виктором тряслись в редакционном «коэзлике». Она только сейчас поняла, как замерзла. Зубы стали постукивать, дрожь не унималась. Спала мысль, что ехать все же не так далеко.

В редакции Семушкин привел Риту в свой кабинет. Попасть в него можно было через проходную комнату, в которой сидели три женщины: завотделом и две литеатрудницы. Он был крохотный, но отдельный.

Виктор засуетился. Быстро извлек из стола чашки. сахар, печенье, включил в розетку электрический чайник.

— Ничего, — успокоил, — сейчас чайком согреемся. Я что-то тоже прородил до костей.

В кабинет то и дело заходили, что-то спрашивали, чем-то интересовались, но по взглядам, которые женщины бросали на Риту — она все еще сидела в дубленке и шапке — было понятно, что центр внимания это она, а не те события и факты, о которых они интересовались у Семушкина.

Вскоре зашел и редактор. Посовещались: к кому и когда лучше обратиться, чем заткнуть первополосную «дыру», оставленную для несостоявшегося репортажа. Чувствовалось, тревожная новость всерьез огорчила и озабочила местных коллег. Да и в Ритиной небольшой практике такого тоже еще не было.

Виктор без конца звонил. Николай Иванович ушел к себе. Рита углубилась в чтение свежей прессы. Прошло два часа. Семушкин честно пытался добить информацию. Наконец, понял, что это бесполезно. По крайне мере сегодня.

— Поеду я к себе, в гостиницу, — вздохнула Рита. Ей жутко хотелось спать.

— Что ты! — испугался Виктор. — Подожди еще чуть-чуть. — Он выскочил из кабинета. В проходной комнате уже никого не было: кончил дело — гуляй смело! Николай Иванович никого не держал до восемнадцати ноль-ноль. Сдал строчки — иди, добывай новые. Тем более что в помещении не всегда было тепло. В крепкие морозы и метели жар батарей улетучивался на глазах при каждом открытии двери. Теплый воздух мчался вначале по длинному полутемному коридору, а затем вылетал на улицу, чтобы клубами пара обогреть хрустальный воздух и раствориться в нем.

Ей так и не удалось согреться. Но Виктор вернулся быстро и не один. Вместе с редактором, корректором и ответственным секретарем. В руках у каждого была закуска. Семушкин достал из полушубка бутылку «Плиски».

— Сейчас согреемся, — обнадежил он суетясь. Стол в мгновение ока был накрыт. Немудреная закуска заполнила все свободное от бумаг пространство, и это было как нельзя кстати, ведь пообедать им так и не удалось.

Только разогрелись немного, раздался долгожданный звонок. Виктор схватил телефонную трубку и приглушенно сообщил всем:

— ГРЭС на проводе.

Компания притихла. Семушкин закивал головой, как будто собеседник сидел напротив.

— Да, да, так... Ох, ты! Ну и ну... И что теперь? Понятно... Нет-нет, писать ничего не буду. Спасибо! Привет!

И ко всем присутствующим:

— Трансформатор взорвался. Заводской брак, говорят. Будут документы в Москву оформлять.

— И что теперь? — вырвалось у Риты.

— А ничего. Другой поставят. Оборудование-то сразу на два блока завезли. Этот, бракованный, демонтируют, новый поставят.

— Но головы чьи-то полетят, — вступил в разговор редактор. — Может быть, не здесь, на ГРЭС, а на заводе-изготовителе. Но министры, которые сюда приехали ради этого события, не простят виновникам такого срыва.

— И много времени займет эта переустановка трансформаторов? — спросила Рита озабоченно.

— Кто его знает? — пожал плечами редактор. — Дней десять-двенадцать. Как сработают. А, если честно, все зависит от того, какую задачу поставят. Скажут — за десять дней. Десяти хватит. Скажут — за два месяца. И в два месяца управятся... Скажут — завтра... Утром снова на пуск отправитесь.

Эта последняя фраза редактора почему-то развеселила всех. Напряжение начинало спадать. Рита почувствовала: пора возвращаться в гостиницу. На следующее утро она должна была вернуться в окружной центр и сделать передачу об энергетиках. Что она будет в ней рассказывать — еще не знала. Ведь пуск не состоялся. Километр записанной на морозе пленки можно сразу отправлять в архив. Вся работа наスマрку.. Задание, хоть и не по ее вине, сорвано.

* * *

Всю дорогу до гостиницы думала о том, как выйти из ситуации. В голову ничего не приходило. Сидела и размышляла: где и когда просчиталась. После митинга все разбежались, ловить было некого. Да и вряд ли кто-нибудь рискнул давать интервью при сложившихся обстоятельствах.

Усталость валила с ног. Но в столовую все-таки пошла, надеялась встретить там своих коллег, обменяться информацией. И не ошиблась. Они сидели вдвоем, неспешно попивали водочку, закусывали деликатесной рыбкой. Увидев Риту, столичный фотокор махнул рукой, приглашая за столик.

— Давайте познакомимся, а то утром сегодня как-то не до того было, — предложил москвич.

Был он почти седым, достаточно полным человеком с резкими складками морщин на лбу. Говорил тихо, внятно и только по делу. Изредка оглядывал присутствующих в столовой гостей.

— Вы здесь кого-нибудь знаете? — спросила на всякий случай Рита.

— А тебе кто нужен?

— Мне редактор дал задание взять у кого-нибудь интервью по энергетике Западной Сибири. Правда, я сегодня ночью записала директора станции и еще нескольких человек во время пуска турбины, но разговор шел с учетом сегодняшней ситуации. Теперь, в связи с аварией на ГРЭС, мне этого недостаточно для передачи. А поговорить после случившегося взрыва трансформатора ни с кем не удалось. Сами знаете, как все произошло...

Она с надеждой посмотрела в глаза фотокора и поняла, что вместе с тюменским коллегой они уже не мало «приняли на грудь», но Геннадий — так он представился — решил выручить молодого корреспондента местного производства.

— Хочешь, я тебя с самым главным из всех присутствующих здесь познакомлю? — спросил, выпуская сигаретный дым.

— Хочу! — загорелась Рита. — Только мне надо «репортер» принести.

— Сюда?! Нет, позовешь его к себе в номер. Тебя же не устроит этот всеобщий гвалт. Радиослушатели сразу поймут, что запись ведется в увеселительном заведении.

Рита покраснела. И сама могла бы про фон сообразить.

Она не успела отужинать, как Геннадий уже решил все ее проблемы.

— Допивай свой кофе и на второй этаж в люксовый номер вместе с «репортером». — Деловито сказал и снова налил себе в рюмку. — Выпьешь?

— Нет-нет, — поспешно отказалась.

— И правильно, а то они там тоже... слегка поддатые сидят.

— Они согласились записаться? — уточнила Рита.

— Конечно. Я тебя так расхвалил, что им просто любопытно стало...

Какова ты на самом деле.

— А кто это будет?

— Министр энергетики Игорь Олегович Непомнящий.

Рита поперхнулась от неожиданности. Она рассчитывала, конечно, что это будет не простой специалист, но чтобы такого уровня...

— Что? Испугалась? Привыкай... — усмехнулся Геннадий.

— Можно я тоже послушаю? — подключился к разговору и Виталий.

— А тебе не помешает?.. — Геннадий кивнул на пустую рюмку, в которой еще две минуты назад была водка.

— Буду нем, как рыба. Ну, может, пару вопросиков задам, если потребуется.

Рита вспомнила, где она слышала это сочетание — Игорь Олегович.

Да, вчера, здесь же. Значит, она сидела за одним столиком с министром энергетики и не воспользовалась этим обстоятельством. Мало того, для себя нарекла его «Высоким», второго собеседника — «Маленьким», а третьего — просто «Третьим». Кто же они? Его замы?

Когда представители средств массовой информации зашли в «люкс», вчерашние гости в полном составе сидели в удобных креслах и о чем-то привычно спорили. На журнальном столике стояли рюмки, почти пустая бутылка армянского коньяка, лимон, сыр, шоколад...

— А эту милую девушку мы знаем, — весело приветствовал вошедших Игорь Олегович. Видимо, сегодня ему уже было все равно кому давать интервью — местной или столичной прессе.

В процессе разговора выяснилось, что Игорь Олегович и фотокор Геннадий Журавлев давно знакомы, часто сводят их судьба в поездках по стране на различные пусковые события.

— Так что вас интересует, Рита Васильева? — спросил министр.

«Он даже имя мое запомнил», — удивилась Рита, а вслух сказала:

— Все! — И добавила: — Все, что касается развития энергетики в нашем крае. — И включила «репортер».

Игорь Олегович даже не посмотрел на микрофон. Он был уверен в себе.

— Необходимость в широкомасштабном развитии электроэнергетики в Западной Сибири возникла, как вы понимаете, с открытием нефтяных и газовых запасов. Причем в таких объемах, каких нет пока нигде в стране. Вот этим и определяется высокая скорость строительства ЛЭП и станции, которую мы сегодня строим в этом городе. Да, уже построили! И об этом можно говорить смело.

Причем, здесь мы решаем две задачи: не просто обеспечиваем электроэнергией нефтяные промыслы, но и используем попутный нефтяной газ для нужд станции. Учтите также, что подобных объектов еще не возводили в Советском Союзе. Поэтому возникает много сложностей. И сегодняшний случай — тому подтверждение. И как следствие... — повышенные темпы строительства и монтажа оборудования. Научимся. Ничего!

Вы, наверное, знаете, в настоящее время в факелах сжигается десять миллиардов кубических метров попутного газа! Цена одной тысячи кубометров — пятьдесят долларов. В переводе на советские деньги это 25 миллиардов в год...

Много еще интересного рассказал Игорь Олегович Непомнящий. Рита не могла нарадоваться: вот так повезло! Если она привезет интервью с министром, коллеги с ума сойдут от зависти. А Ковеленов неизменно снова похвалит. Ей сейчас не задевала даже нарочито бархатная поза развалившегося в кресле министра, не возмущал несколько снисходительный тон его речей. Главное, он говорил основательно, уверенно и по делу. Из этого можно будет сделать интересную передачу не

только об отдельно взятой территории, но и об энергетике всей страны. Вот в этом и заключалась значимость и необычность материала, который она подготовит к эфиру уже через несколько дней.

Душа ликовала: задание редактора будет выполнено!

Творческий коллектив редакции состоял из пяти человек. По штату полагалось на три единицы больше. Но... Не хватало специалистов. И взять их было негде. Вот и тащили весь объем, как могли, те, кто есть. Потому и ценил Гельберт каждого сотрудника.

История с Ковеленовым ввергла его в паническое состояние: кто заменит? Ну, ладно, редактировать будет сам. Но ведь помимо этого Ковеленов раз в неделю готовил еще и одну тематическую передачу. Кому его «минуты» отдать? Алипову? Но тот никогда не занимался промышленностью. Попросить Константина? Так он ему не подчиняется — собкор областного вещания. У него своей работы по уши. Светлана Перевалова с серьезной тематикой вообще не справится. Нина Семенова — на «Последних известиях». Оттуда нельзя забирать человека. Надежда Гурина — часто болеет, собирается на пенсию. Галина Владимирова в декретном отпуске. Остается Рита Васильева. Перспективная. Это видно. Но... потянет ли двойную нагрузку?

Вызвал к себе.

— Рита, ты понимаешь... — начал неопределенно, подыскивая нужные слова.

— Да, Алексей Саныч...

— Что «да»? — удивился Главный.

— Понимаю, — вздохнула обреченно.

— Яснее, что «понимаешь»? — почему-то начал раздражаться Гельберт.

— Понимаю, что некому работать, — спокойно сказала, глядя в глаза Рита.

— Хорошо. — После паузы: — что понимаешь... — и снова помолчав, заговорил: — С заданием ты справилась, — подыскал нужное слово: — Просто здорово! Спасибо тебе за это. Не каждому журналисту на своем веку удается записать ministra. Тебе повезло. Думаю, что это не случайно. И передачу написала быстро и грамотно, интересно. Вот и Константинов на нее обратил внимание, уже разговаривал со мной, чтобы забрать ее на область. Она стоит того. Я очень рад за тебя, — вздохнул. Начал перебирать бумажки на столе.

— Алексей Саныч, да вы не тяните, — подтолкнула Рита, — говорите, что надо. Снова в командировку?

Гельберт даже обрадовался догадливости своей сотрудницы.

— Да. Ты уже все отписала?

— В принципе, все оперативное, — она была слишком спокойна. Готовность Васильевой к новым заданиям очередной раз удивила и восхитила. Ее работоспособность не поддавалась никаким объяснениям: молодая — погулять бы. Нет, никого ей не приписывали местные языки

Иначе уже «обсосали бы все косточки». Ох, и любят в провинции о чужих делах посплетничать!

К удивлению местных, к Рите ничего не прилипало. Даже ловеласа Керамова бортанула так, что он после первых же попыток приуныл и приотстал. Надолго ли? Ведь не привык отступать. Или уже другую цель наметил?.. Словом, Рита Васильева ему утерла нос. А уж как ей это удалось сделать, знают только двое: она и Керамов.

— Сама знаешь, в какое тяжелое положение попала редакция после болезни Ковеленова. Много говорить не буду. Его нагрузку можно распределить, на мой взгляд, только между мной и тобой. Больше никого не вижу. Константинов обещал помочь, но лишь когда сможет. Ситуацию изложил ясно?

Рита согласно кивнула головой:

— Что нужно сделать?

— Опять в командировку. В Нижневартовск. Там бригада Леонида должна вот-вот установить рекорд по проходке. Надо сделать репортаж в новогоднюю программу.

Гельберт передохнул и снова стал перекладывать бумажки на своем столе. Он понимал, что требует почти невозможного, но другого выхода у него не было. Эфирное время распределено по темам и циклам. И вот — спецзадание окружкома партии. В еженедельной программе репортаж о Нижневартовском рекорде должен прозвучать уже в следующий понедельник. Если учесть, что само событие произойдет в среду, то Васильевой потребуется расшифровывать пленки в пятницу, в субботу написать материал, а в воскресенье смонтировать программу. Утром в понедельник в шесть часов десять минут... прозвучать по радио. В таком ритме предстоит работать, пока не выйдет с больничного Ковеленов. Либо не появится откуда-нибудь с Большой земли залетная одинокая, брошенная или наоборот, улетевшая птица, чтобы здесь залечить свои обгоревшие крылья, избавится от душевных ран и приступов одиночества и, может быть, остаться на более продолжительное время.

Алексей Саныч знал: в такую глушь настоящие специалисты могут приехать только по несчастью. Даже ежемесячные объявления в таком профессиональном издании как «Журналист» о вакансиях в окружной редакции радиовещания никого пока еще не привлекли.

Человек, не однажды битый жизнью, он вполне реально оценивал обстановку. Нет жилья. А какой нормальный специалист поедет в «никуда» без обеспечения жилплощадью? Так оно и происходило. На тщетные призывы никто из здравомыслящих не откликнулся. Квартир не выделяли, общежития не обещали. А работу требовали. И объемы вешания с каждым годом увеличивали. Хочешь — не хочешь — будешь энтузиастом. Вот, как эта девочка! Несколько месяцев уже работает после окончания университета. Нашли ей крохотную квартирку в старом неблагоустроенном доме, помогли старые связи Ковеленова. Она и довольна!

Готова днем и ночью пахать за эти квадратные метры, не зная ни отды-ха, ни выходных, ни праздничных дней, за которые ей никто не собирается приплачивать. Не предусмотрено. У журналистов — ненормированный рабочий день. Хочешь — работай. А хочешь — не работай! Но потом пеняй на себя... А уж за что попенять — всегда найдется.

Безотказную Риту Гельберт боготворил. Он понял, на что она способна, убедился на деле и, по необходимости, эксплуатировал с размахом. Ничего страшного. Пока молодая, без семьи, без детей — это даже полезно. Обрастет всем этим — не до творчества будет. А может, и совсем интерес к творчеству пропадет. Смотря какой муж попадется. Ну, а если не обрастет, тогда, что ж, тогда... Тогда из нее получится настоящий журналист.

— Надо так надо. Рассчитывайте на меня. — Сказала Рита и вышла из кабинета.

* * *

Ковеленов выжил. Эта весть мгновенно разлетелась по уголкам радиосарай и обрадовала коллег. Из реанимации его перевели в обычную палату, разрешили свидания.

Валюша Федотова, как председатель профкома, тут же предложила навестить больного, но ни у кого не нашлось времени. В редакции и без того не хватало людей, а с выходом из строя самой боевой единицы — Владимира Ковеленова — на плечи остальных сотрудников легла его работа. Поэтому, когда Федотова предложила Рите Васильевой сходить вместе с ней в больницу, та ничего другого произнести не могла:

— Завтра в командировку еду. Срочно. Подготовиться надо. Возвращусь — сходим. Можно так?

— Можно... — А что на это могла еще ответить Валюша?

Сделала же по-своему. Пошла одна.

Лицо у Ковеленова было землисто-желтым. У нее от жалости все перекривнулось внутри. Владимир отреагировал немедленно:

— Что, совсем плохо?

— Ничего. Уже лучше, — ответила, проглотив слезы, как будто знала, в каком состоянии он был до этого. — Я вот тут тебе яблок принесла и сок морковный.

— Ничего не надо. Давай, рассказывай, как дела в редакции. — Глаза загорелись. Видно было, что интерес к жизни возвращался. Он снова готов окунуться в водоворот проблем, заданий, событий, фактов, интриг, командировок — всего, чем наполнена жизнь редакционного коллектива.

— Нормальные дела. Тяжеловато без тебя приходится, конечно. Но ничего, справляются.

— На пуск блока кто-нибудь ездил?

— Ездила Ритка, да пуска-то не было.

— Почему?! — это обстоятельство настолько удивило Ковеленова, что он даже привстал.

— Успокойся ты! — Валентина уложила его на подушку, поправила наволочку. — Там авария какая-то произошла. — И добавила поспешно: — Без жертв... Новый год без тебя придется встречать. Как всегда, подарки друг другу будем дарить. Мне по жребию ты выпал. Я принесла. — Покопалась в сумке, достала сувенир. — Это хантыйский оберег. Пусть на тумбочке постоит. В головах. Говорят, помогает.

— Против чего?

— Да, от всякой пакости и нечисти. Может, и дурь всю выведет из твоей буйной головушки. Ишь, что удумал...

— Молчи, — попросил тихо. — Сам не рад. Не знаю, что нашло. Наваждение какое-то... Да, что теперь об этом говорить. Выжил, значит, не время к праотцам отправляться.

Помолчали.

— В редакции подробности уже знают? — спросил почти шепотом.

— О чем? — не поняла Валентина вопроса.

— Ну, о причинах... болезни...

— Нет. Никто не знает, кроме тех, кто «скорую» вызывал: Богатов да Алипов. Ну, Алексей Саныч, наверное, тоже знает.

— А тебе кто сказал?

— Я к твоей Татьяне ходила...

— Ой, только про нее не надо! — Он даже сморщился, как от зубной боли. — Я ее видеть не могу! И слышать о ней тоже ничего не хочу. Врачам сказал, чтоб не пускали ее сюда.

— А дети? — осторожно спросила.

— Дети тут причем? Светка уже прибегала сегодня. Вон, тоже яблок принесла да апельсин один из новогоднего подарка. На работу хочу, — вздохнул тяжело. — Надоело валяться. Все бока отлежал.

— Лежи, лежи, поправляйся. У тебя цвет лица еще не вполне здоровый. Надо бы тебе свежего воздуха побольше, а то у вас в палате духота невозможная. Столько человек здесь, задохнуться можно.

В палате было четыре кровати. Ровно столько, сколько можно было разместить. Большое окно капитально упаковано к зиме.

— Хоть бы форточку открыли, — заметила Валюша. — Тут и здоровому тошно станет.

— Да, ее, видимо, летом закрасили, теперь открыть не могут. Вот и мучаемся, — встрял в разговор сосед по палате.

Ковеленов посмотрел на Валентину, и такая тоска отразилась в этом взгляде, что ей стало страшно. Засобиралась, засуетилась, упаковывая сумочку.

— Посиди еще, — попросил умоляюще. — Ты — как лучик из другого мира. Пришла и осветила нашу тоску... И даже при такой духоте свежим воздухом пахнуло, дышать захотелось....

И Валентина забыла про то, что уже семь часов вечера, что муж и трое детей ждут ее к ужину. А его еще приготовить надо. И домашнее за-

дание у ребятишек нужно проверить. И постирать кое-что... Да, мало ли дел у матери такого семейства?! Но она не смогла отказать больному коллеге. Человеку плохо, и он нуждается в ее участии, сочувствии. Тем более что рана у него душевная, зализывать ее придется долго...

ПРОХОДКА... ОТ РЕКОРДА ДО ЛЮБВИ

— **К**акие еще корреспонденты!? — раздраженно произнес Евгений. — Все в напряжении... Бурим последние метры в счет обязательств. Не до них.

— Потому и пресса, что идете на рекорд. Сам должен понимать, не маленький. Никто вам не будет мешать. Бурите на здоровье. А освещать это событие все одно надо, — спокойно и убежденно выговаривал начальник управления буровых работ Иван Павлович Полищук. — Такого результата в стране еще никто не показывал. Так что и журналисты будут, и местное руководство. Целый автобус повезут на месторождение. Начальство из Главка приложалово. Столовую заказали. В общем, праздник.

— Уж побили бы рекорд, а потом и праздник устраивали, — не сдавался мастер. Не хотелось ему бестолковой суэты и многолюдья праздного на буровой именно в этот день, 29 декабря. Новый год на носу... А вдруг что-нибудь случится? Морозы стоят за сорок, на месторождении и того холоднее... Градусов на пять—семь, как минимум.

— Ты, брат, не возражай. Поезжай сейчас на буровую, возьми мою «Волгу», чтобы быстрее добраться. Посмотри там внимательно все. Проследи, чтобы везде порядок был. А передовики — они как маяки. На них все равняться должны. Пора к ситуации привыкнуть. Не впервые.

Действительно, для Евгения Леонида, очередное рекордное достижение было далеко не первым. Став буровым мастером еще на Большой земле он старался не пропускать впереди себя никого. Чаще всего получалось. А вскоре и поощрения как из рога изобилия посыпались. Заметной фигурой в бурении стал. Авторитет заработал. В Сибирь отправился не один, а вместе с бригадой. Всего несколько месяцев потребовалось коллективу, чтобы изучить местные недра, особенности технологии и организации работы, понять, какой состав химических реагентов позволяет максимально увеличить скорость проходки, приспособиться к местным условиям.

Постоянно боролся он за сокращение простоев, которые сильно влияли на производительность труда. Вплоть до того, что устанавливал личные контакты с нужными людьми, старался материально заинтересо-

совать их в конечном результате работы буровой бригады. Естественно, тратил на это собственные деньги.

Возможно, и другие мастера делали то же самое. Но у Евгения Леонидова все это получалось как-то проще и быстрее, чем у других. Он практически не выезжал с буровой, особенно в последние месяцы года, когда мороз крепчал. Хотя и в распутицу было не проще: то трубовозы застрянут по бездорожью, то тампонажники задержатся в соседней бригаде, то в техотделе волынку закрутят... Вот и приходилось изворачиваться, решать вопросы, зачастую не входящие в компетенцию мастера. Но поскольку проходка значила много и для него лично, и для бригады, то он ни с чем не считался: надо — трактор посыпал, чтобы вытащить застрявшую технику, надо — дороги подсыпали своим транспортом, надо — конфликтовал с начальством... Но своего добивался. Одним словом, был наорист, упрям, придирчив. А потому далеко не все его жаловали.

Однако многое сходило с рук. Лидер! Такому что не простишь? Бригада Евгения Леонидова не однажды показала: как надо работать и сколько при относительно нормальной организации работ можно построить эксплуатационных скважин в год.

Машина начальника управления — новенькая, белая «Волга». Слава Богу, что Его Величество Дед Мороз настроил дорог, и люди бульдозером выровняли их до самой буровой. Можно за два часа добраться на такой «ласточке». Она спокойно идет девяносто километров, а в некоторых местах и побольше можно скорость развить. Так что, вскоре был на месте.

В бригаде все шло своим чередом. Чувствовалось, что настроение у ребят прекрасное.

Евгений поднялся на площадку. Бурильщик Геннадий Вохминцев, щеголявший в новенькой спецовке по случаю предстоящего события, улыбаясь белозубой улыбкой, тут же упрекнул мастера:

— Ну, куда ты при полном параде на буровую-то забрался! Без тебя, что ли, не обойдемся...

— Сколько? — не реагируя на его слова, спросил Евгений.

— Считанные метры остались. Все, мастер, — победа! Нас никому уже не догнать. Хоть и тяжело было нынче, а все равно опять всех обставили. Начальство приедет, а у нас уже рекорд!

— С каждым годом все большее количество бригад на пятки наступают, — заметил мастер. — Краску приготовили?

— Конечно. Трафарет еще два дня назад вырезали, чтобы «нули» писать.

Убедившись, что на буровой порядок, Леонидов спустился в свой вагончик: надо заказать геофизиков. Скважину скоро добурят. Пока они сюда доедут, в самый раз будет.

У рации сидел его помощник Владимир Лобов. Геофизиков он уже заказал.

— Слыши, сейчас корреспонденты приедут, займись ими, — сказал Евгений.

— Ты, что, Жека! Это — твоя забота. Они всегда у тебя интервью берут.
— Да их столько понаедет, на каждого члена бригады хватит! Кстати, новая вахта когда приехала?

— С полчаса назад. Разбрелись по вагончикам, ждут своего часа. Там уже профсоюз подарки завез, выставили целую кучу коробок. Кажется, опять хрусталь.

— Хрусталь тоже дефицит. Заелись... Вам только машины подавай, — проворчал беззлобно.

— А за что же еще жилы тут рвать?! За хрусталь, что ли?! Машины, квартиры — вот достойная награда за нашу работу! — разгорячился Лобов.

— Будут тебе и машины, и квартиры. Но не сегодня. В условия социалистического соревнования, сам знаешь, в этом году все, что нужно, вписали. Посмотрим, как выполнят.

Открылась дверь, в вагончик заглянул профсоюзный лидер.

— Поздравляю, — пожал крепко руки обоим. — Тут корреспондент хочет с мастером познакомиться.

— Что? Автобус уже приехал? — удивился Евгений, глянув на часы.

— Этого мы сами привезли.

— Иди, Славка, ты, — кивнул помощнику Леонидов.

— Этому корреспонденту только мастер нужен, — настаивал председатель профкома Яков Степанович Гульков.

— Вот ведь незадача! Терпеть не могу я этих интервью и «...два слова для прессы» — заломался Евгений.

— Иди-иди! — подтолкнул профорг. — Не пожалеешь. — В автобусе ждет... В нашем... — И заулыбался во весь рот.

Куртка нараспашку, толстый серый свитер, прикрывающий шею до подбородка, шапка из ондатры — новая, пушистая... Он знал, что выглядит прекрасно. В самый раз для объектива, который, конечно же, не раз будет сегодня на него нацелен. И для телевидения, наверное, снимут. И речи произносить заставят...

«Уже заставили», — усмехнулся.

Подходя к автобусу, кивнул водителю — открой. Яков Степановичшел первым. В салоне сидел всего один пассажир. Над сиденьями торчала шапка из чернобурки. Лицо уткнулось в книжку.

— Ну, вот, как и обещал — доставил, — весело сообщил Гульков. — Герой у микрофона.

Лицо приподнялось, и из-под висящего длинного ворса шапки на Евгения уставились знакомые глаза: большие, глубокие, манящие...

— Знакомьтесь, буровой мастер — Евгений Леонидов. Главный виновник нынешнего события. А это Рита Васильева — корреспондент окружного радио.

— Как, корреспондент?! — растерялся мастер. — Это же преподаватель русского языка и литературы!

Рита отложила книгу, взяла с сиденья заранее подготовленный «репортер» и пошла навстречу.

— Вы хотели познакомиться со мной еще раз, Евгений Константинович. Я обещала, что приеду для этого специально. Вот и приехала... — заговорила Рита официально. Полуштливый тон только подчеркивал официальность отношений. Всем своим видом Рита дала понять: работа есть работа.

Совершенно ошарашенный неожиданной встречей, Евгений не мог найти нужных слов. Но Рита быстро пришла ему на помощь.

— Евгений Константинович, вот-вот будет установлен очередной рекорд по проходке недр на территории Западной Сибири. Хотелось бы попасть на буровую и присутствовать в этот момент именно там.

— Не боитесь испачкаться? — спросил, не скрывая злой усмешки.

— Нет. Я постараюсь быть осторожной. Надеюсь, в лучшей буровой бригаде на мостках не очень грязно, — отпарировала Рита.

— Я понял так, что вы уже где-то встречались, — смущаясь в свою очередь Гульков.

— Мы уже один раз знакомились, — прыгая со ступеньки автобуса, подтвердила его догадку Васильева.

— Ну, я-то на буровую не пойду, мне там делать нечего, — поспешил раскланяться председатель профкома. Ему совсем не хотелось подниматься на площадку. — Я вам не нужен? — спросил с надеждой.

— Вы мне будете нужны чуть позднее, — уверенно ответила Рита.

Шли молча. Евгений спешил. В голове носились вихрем встревоженные мысли.

Надо признаться, в последнее время он довольно часто вспоминал о Рите. Правда, только в минуты краткого досуга. Иногда в полусне возникали ее глаза — грустные, тоскливы, но такие манящие, что сердце заходилось.

Значит, при первой встрече она его обманула. Может, она вообще не тот человек, за которого он ее принял?

— Осторожнее, на лестнице скользко. И рукавицы возьми, — сунул ей новые брезентушки, чтобы не испачкала перчатки о перила крутой лестницы. Сам взял магнитофон. Она не возражала.

Послушно надела огромные грубые рукавицы. Поднималась за ним, не спеша, но и не отставая. Вскоре они уже были у пульта.

— Корреспондента привел, — пояснил бурильщику Геннадию Волхминцеву, стараясь пересилить рев буровой, — расскажешь, если о чем спросит.

И снова поинтересовался:

— Сколько?

— Последний метр пошел.

Рита заметила, что на площадке стоят еще несколько буровиков. На всякий случай включила «репортер».

Леонидов исподтишка наблюдал за ее действиями. А та, не обращая внимания на множество устремленных на нее глаз, начала репортаж.

— Мы находимся на одном из крупнейших в Западной Сибири нефтяных месторождений. В бригаде бурового мастера Евгения Леонидова. Через несколько минут здесь произойдет событие особой важности: будет установлен новый рекорд по абсолютной проходке. И помешать этому уже ничто не сможет... Инструмент фактически на заданной отметке.

У пульта лучший бурильщик — именно так представил его мастер, — Геннадий Вохминцев, хотя, наверное, в бригаде, которая ежегодно устанавливает рекорды, все трудятся достойно.

Она замолчала, словно раздумывая о чем говорить дальше, но тут стоявшие вокруг нее ребята, увидев жест бурильщика, выдали такое мощное «Ура-а!!!», что перекрыли гул буровой. Шапки взметнулись вверх...

Рита поняла: есть рекорд!

— Вот это радостное «Ура!» возвестило о том, что новый рекорд установлен! Члены бригады обнимаются, поздравляют друг друга. У всех радостные, светящиеся лица. Подхожу к мастеру Евгению Леонидову.

— Тяжело достался нынешний рекорд?

Тот понял: пора проявить себя. Напрягся. Надо отвечать толково, по делу, уверенно. Чтобы потом, слушая его ответы, она не смеялась над ним.

И Евгений постарался. Заговорил искренне, образно и даже красиво — о нелегкой мужской работе, на которую способны только настоящие парни.

— Сказать, что нам было тяжело, значит, ничего не сказать. Это напряженнейший труд всего коллектива, это экономия каждой минуты не только членов бригады, но и всех, кто с нами связан по технологии: геофизиков, тампонажников, вышкомонтажников, транспортников... Ну и, конечно же, сказалась организация труда, которую обеспечило руководство управления буровых работ.

— Вы часто ходите в лидерах. Трудно быть первыми?

— Я бы сказал, непросто. Смежники постоянно ворчат: «Не успели зацементировать скважину, опять вызываете на цементаж». А вышки свое: «Не успели передвинуть буровую, опять приезжай передвигать». Скорости у нас несколько отличаются от других буровых бригад, — сказал с гордостью. — Сегодня наша бригада прошла 50 тысяч метров. Это, я считаю, большая трудовая победа. В сравнении с прошлым годом набурено почти в два раза больше.

— Как вам удалось достичь такого результата?

— Помог прежний опыт, который развили и обогатили здесь, на Тюменской земле. Научились бурить по-сибирски. Коллектив слаженный, дисциплинированный. Вместе работаем давно. Внедрение новых технологий помогло.

Во-первых, в этом году мы перешли полностью на емкостную очистку. Применяем гидроциклонные установки, мелкосплавные бурильные трубы... Много сделано, всего не перескажешь.

Сейчас на вахте бурильщик Геннадий Вохминцев. Работает в нашей бригаде давно. Начал с помбура. Достиг уже большого мастерства. Собственно, плохих у нас нет. Все ребята хорошие. Спасибо им.

— Резервы есть? Пойдете дальше?

— Обязательно. Резервов еще много. Можно сократить время передездов с одного «куста» на другой. Хотелось бы ликвидировать «окна» в ожидании смежников. Слишком много времени на этом теряем. Частенько ждем окончания работ вышкомонтажников. Не успевают ребята, не выдерживают наших темпов. Одно из главнейших условий работы для буровых бригад — обеспечение их бурильными трубами, цементом, химреагентами... Пока нельзя сказать, что все это поступает вовремя и достаточно высокого качества. Трудно при имеющейся технологии сейчас увеличивать скорости. Ее надо постоянно совершенствовать. Тогда можно будет говорить и о более высоких результатах.

— Вы хотите сказать, что 50 тысяч метров проходки в год для Западной Сибири не предел?

— Конечно, нет! Сегодня мы подошли лишь к очередному этапу в достижении более высоких целей. Уверен: наша бригада способна на это. А судя по тому, что многие коллективы проходчиков уже сейчас наступают нам на пятки, можно предположить: у нынешнего лидера, то есть у нас, спокойных буден не предвидится.

— Евгений Константинович, что это за профессия — буровик?

— Буровик? — он усмехнулся. — Настоящая мужская профессия. Такую работу могут выдержать только сильные и мужественные парни. Слабым здесь делать нечего.

— Значит, вы тоже из таких?

— Разумеется. Разве не заметили?

— Спасибо.

Не выключая «репортера», Рита обратилась к Вохминцеву:

— Геннадий, вахта прошла...

— Нормально, — не дослушав вопроса, ответил тот. — Вот сейчас ребята рисуют рекордную цифру, готовятся к приему корреспондентов, — ляпнул, не подумав.

Но Васильева не стала акцентировать на этом внимание. Заговорила о более важном:

— Ваш мастер намерен идти дальше. Вы, бурильщик, поддерживаете его в этом стремлении?

— Конечно. Хотя уже и нынешняя победа досталась с большим трудом. Мы ведь в исключительном напряжении работали весь год. Каждую минуту экономили, подсчитывали, где и как можем сократить простоя! Мне кажется, если нам в бурении удастся в будущем году улуч-

шить хотя бы немного организацию труда, нынешнее достижение становится нормой уже не для одной, а для нескольких бригад.

— А вы, значит?..

— Пойдем дальше. Вы же сами про это говорили. Хотя бы на чуть-чуть, но постараемся пробурить побольше. На достигнутом остановливаться не собираемся. Мастер прав.

Евгений стоял рядом, слушал бурильщика и думал: а ведь из него в будущем хороший мастер получится.

— Рекордную цифру уже нарисовали. Дело сделано. Бурение остановилось? — спросила Рита.

«Вот язва! — в сердцах подумал Евгений. — Прямо под шкуру лезет!»

— Нет, конечно. Сейчас фотопроторты все, что им необходимо, за-снимут, и бурение продолжится. До окончания строительства скважины остается еще несколько сот метров. Так что как раз под Новый год закончим.

— А потом?

— Потом передвижка. И — новая скважина. Но это будет уже в следую-ющем году.

* * *

Когда площадку буровой начали заполнять только что приехавшие на «куст» корреспонденты, ей оставалось лишь наблюдать за воплоще-нием четко и строго прописанного специально для гостей сценария. Самое главное уже состоялось. Оно стало мгновением Истории...

Рита спустилась вниз, прижав к себе «репортер». Надо было где-то погреть технику, иначе пленка посыплется от мороза. И, не дай Бог, «ре-портер» откажет.

Пошла в КАВЗик, на котором приехала вместе с профсоюзовыми ра-ботниками. Там было тепло, и хорошо просматривалась площадка, под-готовленная для митинга. Красный флаг, транспаранты с надписью: «Есть новый рекорд! колыхались на тихом ветерке. Рита только теперь почувствовала, как продрогла. Холод проник не только в сапожки, но даже по одежду, в каждую частичку ее тела, и блуждал там, как хозяин.

— Что, продрогла? — заметил ее состояние водитель.

— Очень! — призналась Васильева.

— Чайку горяченького? — предложил он.

— С удовольствием бы! Только где его взять?

— Как, где? — он достал откуда-то снизу большой китайский термос, украшенный национальным орнаментом, налил в крышку крепко заваренный сладкий чай.

— Господи, какое счастье! — Рита пила, обжигалась, и чувствовала, как тепло разливалось по телу, а краска ударила в лицо.

— Все собираются. Хоть бы не затянули, а то поморозят людей. Хо-лодина-то нынче какая! — переживал водитель.

— Да, уж... — согласилась Рита. После чая стало хорошо. Казалось, даже пятерки согрелись. Между тем на площадке собирались члены бригады и гости. Для полноценного репортажа нужно было записать хотя бы начало митинга. Не хотелось покидать теплое место, но Рита все же вышла из автобуса на мороз. А там уже митинговали.

— Товарищи буровики! Митинг по достижению наивысшей проходки в системе Глазиюменнефтегаза и Министерства разрешите считать открытым! — у микрофона стоял человек в дубленке и ботиночках. — Это был секретарь парткома УБР. С напряжением в голосе он перечислил гостей, в числе которых были и депутат Верховного Совета СССР, и партийный деятель из района, и начальник объединения, и множество руководителей смежных организаций, принимающих участие в строительстве эксплуатационных скважин.

— ...Ваша бригада, развернув социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий года и всей пятилетки в целом, — читал приветственный адрес от горкома КПСС Второй секретарь Владислав Викторович Сергеев, — в ответ на приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева, взяла самые высокие социалистические обязательства. На протяжении нескольких лет вы являетесь лидерами среди буровиков Глазиюменнефтегаза и Министерства нефтяной промышленности.

Ваши максимальные достижения свидетельствуют о высокой трудовой активности коллектива, большом чувстве ответственности в осуществлении решений съезда партии по формированию крупнейшего территориально-производственного комплекса в Тюменской области — главной базы страны по добыче нефти и газа.

Выражаем уверенность, что коллектив и дальше будет трудиться погодински. Поздравляем вас, всего хорошего!

Под аплодисменты присутствующих Сергеев вручил буровому мастеру приветственный адрес.

Рита незаметно выключила «репортер», но оставалась рядом с микрофоном, перед которым выстроились руководящие работники. Включила микрофон только тогда, когда заговорил Леонидов.

— Сегодня мы пробурили максимальное для Западной Сибири, а следовательно, и для отрасли, количество метров. Это — рекорд. Но рекорд — не самоцель. Не ради большой и почетной цифры надо умело работать. Рекорд нужен для того, чтобы в каждом трудовом коллективе использовались резервы. А их еще предостаточно для того, чтобы повышать производительность труда. Это самая важная, самая главная цель, ради которой надо стремиться к максимальным достижениям. Второе. Рекорд заставляет всех, кто находится с нами в единой технологической цепочке, работать по-нашему, в таком же темпе, с таким же ускорением. Вольно или невольно они вынуждены перестраивать свою работу, ори-

ентириуясь на нас, работать тоже с полной отдачей. Вот для чего мы стремились и стремимся к максимальной проходке.

Хочу заверить областной и городской комитеты партии, а также всех присутствующих, что наша бригада и дальше будет работать так же хорошо и стремиться к новым успехам.

С наступающим вас Новым годом, личного счастья и здоровья!

И снова глухие (мало кто решился снять перчатки) аплодисменты раздались в ответ на выступление мастера.

Героев дня, как было заведено, одаривали ценностями подарками, вручили конверты с деньгами.

Речи были горячими, мороз между тем крепчал, у выступающих уже не слушались губы, а гости и члены бригады, вопреки строгому сценарию, пританцовывая, хлопали в ладоши, надеясь хотя бы таким образом немного согреться. Не помогало. Кое-кто украдкой сбегал в вагончик – погреться.

Рита тоже то и дело уходила в автобус, чтобы согреть аппаратуру. Она заметила, что мастер и его коллеги так иостояли целый час на морозе, стойко выдерживая не только нашествие железного холода, но и промерзший поток запрограммированного приветственного многослогия. Наконец, и это испытание завершилось. Участники митинга быстро расселись по легковушкам и автобусам и поехали в столовую, где их ожидало теперь более «горячительное» мероприятие.

В столовой шумно раздевались, предвкушая обильное застолье, шутили, хохотали, вновь и вновь переживая испытание холодом. Рассаживались с учетом того, где займет место руководство. Получилось так, что по одну сторону расположилось начальство различного ранга, по другую – члены бригады и журналисты.

Рита не спешила в этой сутолоке. Ей хотелось оставаться незаметной. Но... не получилось. Не успела помыть руки, как подошел Геннадий Волхинцев.

– Рита, пойдемте со мной. Мы вам место заняли.

– Зачем? – удивилась она.

– Все в очередь встали за право находиться с такой красивой девушкой. Мы с мастером снова всех обошли. Вы согласны провести этот памятный, надеюсь, вечер с нами? Неужто, мы не заслужили такого поощрения?.. Может быть, самого приятного.

Она улыбнулась. Вот, хитрец! Место мастера было напротив генерального директора объединения. Рядом с ним остальные почетные гости. Вот так и получилось, что Рита оказалась в центре стола. Поскольку женщин было мало среди виновников торжества, они тоже оказались в центре внимания.

Тосты следовали один за другим с рекордной скоростью. Похвала звучала не только в адрес работяг-буровиков. Воздавалось должное руководителям, парткому, смежникам: геофизикам, вышкомонтажникам,

транспортерникам... И — обязательно — очаровательным дамам, удостоившим своим присутствием нынешнее застолье.

Рита почувствовала, что не успевает закусывать. С двух боков ее поторапливали мастер и его помощник, а с другой стороны стола к ее стакану постоянно тянулись руки влиятельнейших лиц. И все уговаривали, убеждали, что вот за этот-то тост непременно следует выпить. «Отказы не принимаются».

Рита впервые почувствовала, что это такое по-настоящему мужская компания и как сложно под ее натиском следовать привычному своему поведению. Например, много не пить... К тому же из-за сильного мороза, который подбирался к пятидесяти градусам, все курили прямо в помещении. Над столами очень скоро возникла настоящая дымовая завеса. К реальности ее вернул шепот Евгения, наклонившегося к ее уху:

— Ты почему меня обманула?

— В чем? — спросила, не поднимая глаз и не поворачивая головы.

— Ну, про учительницу... оказалась — журналистка.

— Вам не понравилась моя профессия? — подняла голову, насмешливо посмотрела в голубые глаза. «А у Алеши глаза красивее и голубее, — подумала некстати. — Только где он сейчас, этот Алеша Серебряков? Развлекается с Мариной или другими девушками...»

Снова в душу вплзла тоска. Пробралась сквозь дымную завесу и улеглась в глубине, свернувшись клубочком... Немой укор несостоявшейся любви.

— Не скажу, что я в восторге от журналистки. — Вернулся к реальности голос Евгения.

— Почему же?

— Педагогом вы мне понравились больше.

— Почему же? — снова кокетливо спросила.

— Потому что учитель — он все же подразумевает... Ну — нравственность, что ли...

— А журналист, по-вашему, ассоциируется с понятием безнравственность? — обиделась, почти оскорбилась Рита. Но продолжать разговор на эту тему не хотелось, не то место и не то настроение.

— Ну.. не так, конечно. И все же...

Он понял, что-то не то ляпнул, хотя оправдываться не собирался.

— Как с вами скучно в толпе... — сказала Васильева и выбралась из-за стола.

«Чего он от меня хочет? Интересно...» — Не одеваясь, вышла на улицу. Мороз моментально проветрил задурманенные водкой мозги. — «Жаль, что надо уезжать. А то бы она раскрутила этого мастера на лишние расходы, как угрожала тогда в Тюмени: "Копите деньги!" Ничего, еще посмотрим, кто кого», — зло и совершенно трезво подумала про себя.

И в этот момент ощутила тепло меха, наброшенного на плечи.

Оглянулась. Евгений стоял рядом.

— Нельзя в такой мороз раздетой выходить. Даже если ты в подогретом состоянии, — заметил он.

— Слушайте, уважаемый герой моего рассказа, вы чего от меня хотите? — кутаясь в мех, нагло, с вызовом задала вопрос.

— Я хочу, чтобы ты не простыла, прежде всего. Береги себя. Твое здоровье принадлежит государству. А разбазаривать государственную собственность я никому не позволю. Даже такому обаятельному корреспонденту, — Евгений улыбнулся и слегка прижал ее к себе. — Ты еще долго намерена здесь оставаться?

— Как все, так и я. Не иди же пешком?

— Зачем пешком? У меня машина. Начальники разъедутся, мы — следом.

— А остальные?

— Зачем тебе остальные? Кого надо — предупрежу. Ты ведь завтра улетаешь обратно в окружной центр?

— Хотелось бы...

— Вот и поедем. Не боишься?

— А чего бояться? Вас?! — она расхохоталась, блеснув в темноте белыми зубами. Ему так захотелось закрыть ее рот поцелуем, что он едва сдержал себя. Только крепче сжал ее плечи.

— Что с вами? — удивилась Рита.

— Не играй с огнем, — предупредил Евгений. — Возвращайся в зал. Я сейчас. Оденешься, иди к белой «Волге», жди там!

«Прямо какие-то шпионские страсти», — подумала Рита. Однако сделала все так, как было сказано.

После расставания с Алексеем Рита старалась забыть о нем изо всех сил. Он больше не звонил, как будто вычеркнул ее из своей жизни. Обиделся? Наверное. А что ей было делать? Самой вызывать его на ответный разговор?.. Идти навстречу после всего случившегося — не в ее правилах. Рита привыкла, что парни сами ищут с ней встречи, преклоняются перед ней. Этот же — просто исчез из ее жизни. Нет у нее сейчас ни сил, ни желания вновь затягивать какие-то узелки сердечной близости с Серебряковым. Да еще и капитулировать при этом, чувствуя себя виноватой. В чем? В чем она должна повиниться перед ним?!

«Значит, не судьба» — решила она для себя. «И чем раньше смиришься, тем легче»...

В отношении же Евгения Леонидова она не строила никаких планов. Так... пошутили. Забавно получилось... Его приглашение уехать с ним, сейчас восприняла как должное. Почему бы и нет, если есть возможность.

Около белой «Волги» стояла женщина. Кажется, из отдела труда и заработной платы управления.

— Садитесь в машину. Евгений Константинович сейчас подойдет.

«Это хорошо. Все-таки две женщины в долгой дороге — гораздо лучше. Да и разговоров после моего отъезда меньше будет», — подумала она.

* * *

Дорога под колесами летела как угорелая. Машину на неровностях слегка потряхивало. От мягкого покачивания клонило в сон.

Близость Риты не давала Евгению покоя. Ему очень хотелось сейчас сидеть рядом с ней на заднем сиденье. Но... Это было бы уж слишком. Поэтому попросил поехать вместе с ними начальника отдела труда и заработной платы. И хотя знал: Лилия Иванова не проболтается, все же осторожность никогда не помешает.

Что так привлекало его в Рите, он пока и сам не мог объяснить. Хотя уже имел немалый жизненный опыт, да и любовные утехи при случайных знакомствах тоже не были для Леонида редкостью. В числе его пассий были и повара на буровой, и служащие из конторы управления, и командировочные дивы. Но ни на ком он не задерживал своего внимания надолго. Ему постоянно было некогда. К тому же и подружки ему чаще всего встречались такие, что не требовали от него длительной связи. Понимали — его внимание скоротечно: не от бешеной страсти, и не от чего делать возникала очередная любовная связь, а по физиологической потребности.

Поскольку Леонидов был человеком видным, веселым, обаятельным, к тому же занимал весьма денежную должность — отказа не встречал. Жене изменял с большой осторожностью. Понимал: ничего хорошего не будет, если она узнает. Ему бы тоже было неприятно, окажись он на ее месте. Вот так, по-мужски, щадил ее самолюбие. Возможно, его Людмила и догадывалась, что не может молодой, сильный мужчина долгое время обходиться без женской ласки. Но... женщина всегда верит тому, во что ей хочется верить. Так что, следовала утешительной логике и жила спокойно, получая причитающуюся ей толику внимания и любви, когда Евгений был дома...

Запрограммированную идиллию разрушила поездка в Тюмень и его встреча с Ритой. Будто кошка пробежала между супругами. А ведь ничего не было! Ничего! Кроме нескольких малозначительных фраз.

Но ее печальные глаза... Они прямо-таки покорили привыкшего к обязательным победам и удачам мастера. Вся жизнь пошла кувырком. Иногда лежит в вагончике на жесткой кровати после трудного и долгого шестнадцатичасового рабочего дня, прикроет веки — и вот она: грустная, чем-то подавленная, озлобленная на весь белый свет и беззащитная в своей тоске. Оттого и злилась, видимо, и защищалась словами, как могла...

Он никогда не думал, что возможно такое — увидел, и забыть не может.

Людмила заметила внезапную отчужденность. Но объяснила себе просто, по-житейски: устал, вымотался мужик. Вот закончится год — и все войдет в привычное русло. Так уже бывало. Пройдет и сейчас.

...Людмила была самой красивой девушкой в поселке, где жила семья Леонидовых. Длинные черные косы ниже пояса заканчивались кокет-

ливыми завитушками. Очаровательные колечки пышных волос украшали лицо, делая его еще привлекательнее.

В больших черных глазах плескалось что-то невыразимо манящее. Она, кажется, все время манила Женьку обжигающим взглядом. Словно призывала: «Посмотри, ну посмотри же, как я хороша! Чего же еще тебе нужно?!»

О том, что она удивительно хороша, говорили все знакомые парни в поселке. Каждый пробовал добиться ее расположения: дарил пустяковые подарки, которые считались высшим знаком внимания, предлагали прогуляться. Иногда соглашалась, но очень скоро понимала — не то. И не тот, с кем ей хотелось бы пройти по этой жизни, взявшись за руки.

Она ждала. Ждала его. Верила, что когда-нибудь этот голубоглазый, веселый парень обратит на нее свое внимание и пригласит пройтись по вечерней улице. И однажды Евгений, словно ее мысли долетели до его сознания, решился. Иначе бы он не был первым парнем на деревне...

Погуляли, погуляли, да и свадьбу сыграли. Все ему легко в жизни давалось. И самая красивая девушка в поселке — тоже.

Друзья завидовали. Некоторое время он гордился своей женой и ее необыкновенной красотой. А потом работа захватила так, что появилась новая цель — стать лучшим в работе. На это тратилось все время. Однажды между вахтами он узнал сначала о том, что жена беременна, затем с любопытством наблюдал, как постепенно расплывается ее тело, как еще больше хорошеет она в своем будущем материнстве, как светятся внутренней радостью ее глаза, когда она вечером сидит и прислушивается к шевелению еще не родившегося человечка.

Насколько позволяла зарплата, он дарил ей дорогие подарки. Откупался за то неучастие, неприсутствие во всех радостях жизни жены. Она принимала эти знаки внимания, как ребенок — с восторгом. Не привыкшая к роскоши в доме родителей, Людмила быстро обустроила семейный очаг, представление о котором создавалось из редко попадающих в руки модных журналов. Гнездышко свила, в котором, по ее разумению, Евгений чувствовал бы себя вполне комфортно. Такого в поселке ни у кого не было. Он и тут оказался первым...

Родилась дочка. Она стала смыслом его жизни. Теперь все самое лучшее предназначалось только ей и жене.

Часто выезжая в областной центр, реже — в столицу, он привозил для «своих девчонок» такие вещи, каких и не видели в заштатном поселке провинциальной России. И обе — мать и дочь — навсегда уверовали — он любит их больше всех на свете. Он работает — только для них. Он живет для того, чтобы они жили лучше всех.

* * *

...С месторождения возвращались поздно. Насторожение было хорошее. Пели песни. Примерно на полдороге остановились. Евгений повернулся к Лилии Ивановой:

— Давайте, перекусим. Накрывайте, как обычно, — и первым вышел из машины. «Как обычно», значило — на капоте.

Рита тоже вышла. Морозный воздух освежил голову. Все-таки умели буровики уговорить выпить за успех. А дозы у них были — не для барышень, честно говоря.

В дороге ее поразило, сколько песен знает буровой мастер. И русские народные, и современные эстрадные, и романсы... Причем, пел хорошо, задушевно, с задоринкой. Она и предположить не могла, что все это сегодня предназначалось только для нее: и песни, и шутки, и импровизированный стол, который сейчас сооружали водитель и «аппаратная» дама.

Рита встала у обочины посмотреть, можно ли пройти к лесочку, темнеющему невдалеке. Евгений оказался тут же. Догадавшись о ее намерениях, сказал прямо над ухом:

— Здесь опасно, пригород. Да и снега уже навалило.

— А я и не собиралась никуда идти, — она резко повернулась и почувствовала на лице волну его теплого дыхания.

— Я потом покажу, где можно остановиться, — совершенно по-бытовому сообщил он. — А здесь и правда обрыв, — он обхватил ее плечи, пытаясь вернуть к машине. Рита отступила, почувствовав, край обочины.

— Ты что, боишься меня, — Евгений улыбнулся смелой открытой улыбкой.

— Ва-ас? — кокетливо засмеялась Рита.

— Да, да, боишься, — он еще ближе притянул ее к себе. За его спиной в свете фар метрах в пятнадцати копошились двое. Стало неловко. Не увидеть, как буровой мастер пристает к корреспонденту, они не могли. Но вовсю изображали полное неведение. Рита дернулась, не удержалась на ногах и упала, инстинктивно увлекая за собой Евгения. Оба покатились вниз, не отпуская друг друга. Ситуация показалась настолько смешной и нелепой, что Рита захохотала. Он тряхнул ее за плечи. Она не отреагировала.

— Закрой рот! — приказал очень серьезно. «Наверное, так он разговаривает с подчиненными», — пришла нелепая в этот момент мысль.

— Зачем? — она лежала на спине. В ее глазах отражался лунный свет. и он не справился с его магическим притяжением. С такой страстью впился в ее губы, что когда через несколько минут оторвался, почувствовал, как перехватило дыхание. Рита испытывала, видимо то же самое, но оставалась лежать в снегу, тяжело дыша. Она еще не пришла в себя от первого поцелоя, как последовал второй, не менее страстный. В какой-то миг ей показалось, что Евгений сейчас начнет ее раздевать.

— Что вы делаете?! — дернулась под тяжелым телом. Сел рядом, она заметила: шапки на голове не было. Леонидов схватил горсть снега и начал охлаждать им распаленное лицо.

Так и не ответив, поднялся, протянул ей руку, сильным рывком вы-

тащил из сугроба. И снова она почувствовала его дыхание на своем лице. Происшедшее было таким неожиданным для нее, что Рита не знала как вести себя дальше: ударить, оскорбиться? ...Вполне логично... Но... Сердце все еще учащенно билось в груди от жаркого поцелуя.

«От нечего делать так не целуют...» — подумала про себя. Все, что случилось, ей приятно.

Леонидов стал отряхивать ее от снега, что-то заботливо приговаривая. Рита поняла: там наверху, должны слышать их голоса. И тоже стала его отряхивать. А когда оба привели себя в более-менее надлежащий вид, Евгений взял ее лицо в свои руки и снова поцеловал. Теперь — осторожно и так сладко, что закружилась голова. Она едва опять не упала в снег.

— Вот так, — сказал почему-то. Словно точку поставил в еще одном достижении. — А теперь пойдем. Там, наверху, нас уже заждались, наверное.

Взял за руку и буквально поволок наверх. Взираясь на обочину, они снова упали, но уже на дороге, попав в освещенное фарами пространство. Рита нервно засмеялась. Ей было неловко смотреть в глаза Евгению при свете. И за себя, и за него неудобно. Такой известный человек, и она — рядом с ним... Но неловкость эта быстро прошла. Леонидов заговорил, заговорил... Про женщин, без которых никаких рекордов в жизни не было бы, как не было бы и таких прекрасных ночей и минут, которые дают надежду на будущее, делают его привлекательным и заманчивым.

Вряд ли остальные присутствующие понимали, о чем он так страстно и витиевато объясняет. Рита надеялась, что слова эти — только для нее и рождены тем, что произошло несколько минут назад между ним и Ритой. Их тайной. Они одни понимали скрытое значение каждого слова.

Всю дальнейшую дорогу до города Евгений пел песни о любви. Настроение у него стало еще лучше. Рита больше не подпевала. Она слушала и наслаждалась тем, что он хочет сказать ей этими песнями.

Лиля мирно спала на ее плече. Она выполнила задание своего приятеля: Рита ехала с ними в одной машине. И не важно, что не впервой начальнику отдела труда Лилии Ивановой пришлось выполнять столь деликатную просьбу. Она привыкла и даже оправдывала бурового мастера: из-за работы у него так мало времени для безобидных развлечений. До города они доберутся часа в два ночи. А в шесть утра уже нужно будет вставать. В семь — уходит вахтовый автобус, и начнется новый рабочий день — как всегда напряженный и непредсказуемый.

* * *

Своим многоголосием аэровокзал напоминал симфонический оркестр с расстроенным инструментами и музыкантами, забывшими мелодию. В этот гул человеческих голосов довольно часто врывалась монотонная речь диспетчера, объявлявшего очередной рейс.

В центре зала стояли сумки вахтовиков, отъезжающих на Большую землю. Сквозь усталость в лицах угадывалась радость: им повезло, Новый год они будут встречать в кругу семьи.

Раннее утро разбудило не всех ночующих в аэропорту людей. Многие еще спали в зале ожидания на втором этаже, неловко свернувшись на скамейках или сидя, притулившись к плечу соседа. Некоторые, расстелив газеты, досматривали сны прямо на полу.

Евгений Леонидов искал Риту, мельком оглядывая этот вокзальный хаос ожидания. Он едва не прошел мимо. Взгляд удержала знакомая шапка-чернобурка и удивленно уставившиеся на него глаза.

— Как хорошо, что я тебя нашел! — обрадовался, пожимая ее вялую руку.

— Что-то случилось?

— Понимаешь, мы вчера говорили о социалистическом соревновании. И ты тогда еще задала вопрос: можно ли выдержать конкуренцию среди множества бригад? Так вот, мне сегодня ночью позвонили и рассказали, что рядом с нами на Таежном месторождении вахтовики ведут параллельное бурение. Напишешь об этом? Не струсишь? — добавил, прекрасно понимая, что последним вопросом заводит ее.

— А что такое «параллельное бурение»?

— Это когда часть бригады строит скважины на одном нефтяном «кусте», а другие ее вахты или так называемая подготовительная, отдельная бригада, ведет забурку на другом. В это же время! Пока первые достроят начатую скважину, — эти уже, сколько метров пройдут? То есть, в лучшем случае, у них не четыре вахты, как у всех, а шесть. Понимаешь? Это же не честно!

Он был возмущен до предела и нервно перебирая, мял пальцами, пушистую шапку, которую он снял, увидев Риту.

— Я-то что могу сделать сейчас?

— Надо ехать на месторождение. Я точно знаю, где они сейчас работают. Домой улетишь вечерним рейсом, или завтра утром. Но материал будет — я тебе гарантирую!

— Женя, — она впервые назвала его по имени и обратилась на «ты», — мой репортаж о вчерашнем событии должен выйти в предновогодней передаче — 31 декабря. Я не могу подвести коллег. Обещаю: через несколько дней вернусь, и мы все сделаем, как надо.

— Ты не поняла! — разгорячился он. — Через несколько дней их уже не будет на этом месторождении! Бригада перейдет на новый «куст», а та, подготовительная, исчезнет. Им надо именно до Нового года провернуть свой фокус! Представляешь, во что превратятся все наши усилия?! Твой репортаж будет ненужным... Пустой звук. И рекорд, и рекордсмены будут другие.

И вот тут она все поняла. Четыре вахты против шести... В суть никто вдаваться не станет. Возникнет сногшибательный результат. Вот он-то все и решит и все оправдает. Но Рита Васильева уже была журналистом.

И в этот момент очень остро почувствовала профессиональную ответственность за происходящее. Теперь от нее зависело: признают рекорд бригады Евгения Леонидова за высший результат года или, пусть на несколько метров, нечестным путем, но его обойдет кто-то из коллег с Большой земли.

Что это было? Честолюбие или жажда справедливости? Разбираться некогда: надо вмешаться. Если буровики поедут к соперникам сами и обнаружат дополнительную бригаду, кто им поверит?

А вот если рядом с ними будет корреспондент, который затем расскажет об этом на радио, это уже чревато грандиозным скандалом, который всякому отобьет охоту ходить сомнительными путями и устанавливать дутые рекорды.

— Мне нужно позвонить в редакцию, — голос звучал деловито и отстраненно.

— Теряем время, — умоляюще предупредил мастер.

— По-другому не выйдет. Должна подстраховаться. Командировка заканчивается сегодня. У нас тоже свое начальство имеется. И не менее строгое, чем у вас. Оно должно быть в курсе.

Евгений покорно пошел следом к переговорному пункту, которым служили две обычные кабинки городской «междугородки».

Дозвонилась быстро. Прямо на квартиру Гельберта. Он уже не спал. С удивлением воспринял ее решение задержаться еще на сутки.

— Я потом все объясню. Но, поверьте, это будет сногсшибательный материал! — убедительно пояснила Рита.

— Смотри сама. Тебе на месте виднее. Мы оставим для репортажа в новогоднюю передачу пять — семь минут. Не больше. А о проблемах будешь рассказывать уже в новом году. В праздничных выпусках им не место. Действуй по обстоятельствам.

— Спасибо, — хотела добавить «за доверие», но почему-то не произнесла. А Главный, что-то почувствовав на расстоянии, вдруг произнес по-отцовски тепло и участливо:

— Ты смотри там, береги себя, в драку не лезь. Должна понимать, что дело это серьезное. Никто не может предугадать, чем кончится...

— Я поняла вас, Алексей Саныч. Еще раз спасибо...

...Подхватив ее портфельчик вместе с «репортером», Евгений быстро направился к выходу, буквально потащив Риту за руку, сквозь толпу. Риту задевали, толкали встречные, но Леонидову было не до этого. Он шел к своей цели. И Рита в этот момент была нужна ему как очень важный свидетель подтасовки результатов фактического рекорда, который он уже установил, а кто-то нечестным путем решил отобрать его славу. На конец, добрались до «Волги».

Рита села и почувствовала облегчение. Только теперь она поняла, как устала от ожидания на аэропорту.

Мчались на бешеной скорости. Вскоре выехали за город. В машине, кроме водителя был и Геннадий Вохминцев.

- Привет, — радостно встретил он Риту. — Как самочувствие?
- Нормально... Словно и не расставались, — добавила и протянула руку. Геннадий сгреб ее в свои огромные грубые ручиши.
- У-у, какая холодная! Замерзла, что ли? — удивился.
- Как видишь. — Она не спешила убирать руку, которую бурильщик так и держал в своих горячих лапищах. Он понял:
- Давай, погрею.

Решительно взял вторую ее руку и стал дышать на них.

Леонидов, сидящий рядом с водителем, хмыкнул. Понятно, было ему неприятно, что Вохминцев, а не он греет ее руки.

Через некоторое время Рита спросила: — А вы попить что-нибудь взяли с собой?

— О-о! Не беспокойся! Вот уж об этом мы никогда не забываем! Ну-ка, Петя, дай-ка нам термос.

Горячий крепкий чай был как нельзя кстати. После вчерашнего очень хотелось пить.

Вскоре сам собой завязался разговор. Буровики наперебой рассказывали о ситуации, которая сложилась в проходческих бригадах. В условиях соцсоревнования для скорейшего повышения производительности труда при строительстве эксплуатационных скважин, позволяющих наращивать добычу углеводородного сырья, было записано: победителям предоставляются квартиры и машины. Это-то и стало камнем преткновения. Вернее, поводом к использованию, подчас, явно сомнительных приемов для достижения высоких результатов.

Когда картина стала совершенно ясной, Риту сморило. Во сне она привалилась к плечу бурильщика и сладко заснула. Евгений постоянно поворачивался с надеждой на то, что Васильева, наконец-то проснется. А Геннадий, счастливый, улыбался мастеру самой невинной улыбкой: дескать, спит, устала. Я тут ни при чем.

Прошло еще полтора часа, прежде чем машина съехала с бетонки на грунтовку. «Волгу» начало кидать на ухабах.

— Извините, — Рита выпрямилась и виновато посмотрела на Геннадия.

— Что вы?! Мне даже очень приятно было, — сделал вид, что не замечает настроения мастера, Вохминцев. — Скоро приедем. Не хочешь еще чайку? — Не дожидаясь ответа, достал термос и налил чаю.

— Уже можно было бы чего-нибудь и поесть, — заметила Рита, отхлевывая из крышки термоса черную жидкость.

— А здесь даже негде пообедать, — заметил Геннадий. — Кругом — враги, — ухмыльнулся.

— В смысле? — не поняла Васильева.

— Так здесь на сотни километров — одни вахтовики бурят. Не наша территория.

— У нас бутерброды есть, хочешь? — предложил с готовностью Евгений. Он-то учел, что дорога длинная, а столовая только в поселке, куда

можно заехать, только дав хорошего круголя по тайге. Но сейчас надо было спешить.

Мастер достал пакет, сам сделал бутерброды, передал сначала на заднее сиденье Рите и Геннадию, затем водителю.

Колбаса была сыропеченой. Такой деликатес в окружном центре простые смертные не могли купить даже по большим праздникам.

Рита уплетала за обе щеки и радовалась про себя: очень это хорошо, что на свете случаются рекорды. Ибо после них происходят не менее значительные события. Например, банкеты, во время и после которых можно отведать вкусные вещи.

— Последний поворот, — предупредил водитель.

Рита вытащила из портфеля «репортер», вставила последнюю чистую пленку, проверила батарейки. Все работало. Распахнула дубленку и надела «репортер» на шею. Геннадий внимательно следил за ней.

— Зачем?

— Чтобы не замерз, — пояснила она. — Да и в глаза меньше бросается. Думаю, что здесь интервью будут давать без особого желания.

— Это ты правильно заметила, — согласился мастер.

Наверное, выйдя из машины в шубке со спрятанным под ней «репортером», Рита выглядела неуклюжей беременной женщиной. По крайней мере, она себя так ощущала.

Евгений, Геннадий и водитель быстро направились к буровой.

Рита едва поспевала за ними. Выглядели они весьма представительно. Вполне можно было принять за какую-нибудь инспекционную комиссию. Обычно перед праздниками их частенько направляли по разным заданиям на месторождения.

— Чья бригада? — деловито, сходу спросил у бурильщика Леонидов.

— Юрьева.

— Бурите?

— Бурим, — еще ничего не понимая, ответил тот.

— Ты кто?

— Помощник.

— А мастер где?

— Так он на другой буровой. Там еще не закончили бурение. А он вам зачем? — до него что-то начало доходить.

— Здравствуйте, — Рита вышла вперед, — окружное радио. Скажите пожалуйста, а почему в вашей бригаде задействовано два буровых станка?..

И потом много было этих «почему?», на которые помощник Юрьева Никита Лазарев отвечал юля и нехотя, но, все же, видимо, откровенно. Он, наконец, узнал Леонидова и понял: врать бесполезно. Изворачиваться перед микрофоном — себе дороже. Рассказал все, как есть.

— И давно вы этим занимаетесь? — задала еще один вопрос.

— Да, с тех пор, как поняли, что не обойти лидера четырьмя вахтами.

— Зачем вам это нужно?

— Как зачем? Станный вопрос, — ухмыльнулся он. — Материальную заинтересованность пока никто не отменил. А тут квартиры, машины, зарплата, путевки в дом отдыха, в санатории всей семьей... Да, что вы, сами не знаете, что ли?

— А как насчет совести?

— Совесть? — помощник мастера задумался.

— Что? Понятие недоступное временщикам? — съязвила, не выдержав.

— А причем тут временщики? — вспыхнул Лазарев. — Думаете, раз вахтовики, так временщики, да? — в голосе зазвучала обида.

— Так почему же вы нечестным путем решили получить перечисленное? Можно ведь и по-другому попытаться этого добиться!

— Просто... — он опустил голову, — победить очень хотелось. А их разве нынче одолеешь...

* * *

Возвращались поздно. Рита размышляла о том, где она сможет поужинать. Обеденное время уже давно прошло. Бутерброды закончились. Их хватило только на завтрак.

Мужчины тоже оголодали.

— Тут эстонцы недалеко работают, дорогу строят. Попробуем у них перекусить, — предложил водитель.

— Газировки бы купить и то хорошо, — вздохнув, заметил Евгений.

— А что, не продадут? — с долей сомнения вскинула брови Рита.

— Попробуй, может, у тебя получится...

Действительно, минут через тридцать они достигли местечка, где стояло несколько добротных вагончиков. В одном из них находилась столовая — определили по запаху.

Но сколько бы гости ни объясняли, что им хочется поесть или на худой случай купить питьевой воды, — буфетчица делала вид, что не понимает по-русски. Рита взяла кружку и весьма выразительно показала, что хочет пить. Женщина в аккуратном белом передничке, накрахмаленном колпачке зло посмотрела на нее и на ломанном русском языке отчитывалась:

— Не продается. Уходите, — и добавила еще что-то по-эстонски.

Рита выскочила из вагончика первой. Идя к машине, она возмущалась:

— Надо же, какая наглость! Работают на нашей земле, — и жалеют воды!!! Что за народ?! Что за нравы?!

— Но ведь они все продукты привозят сюда сами для своих работников из Прибалтики, — заметил Евгений.

— Ну, и что? Воду-то они пьют! — не унималась Рита.

— И воду тоже привозят с собой, — и опять почему-то вздохнул.

— Как? — она даже остановилась, словно запнулась.

— А так... не доверяют они нашей воде. Считают, что она не питьевая... Нельзя употреблять в пищу.

Рита впервые услышала об этом факте и очень удивилась:

— Как же? А мы вчера какую пили воду?

— Кипяченную. Это, во-первых, а, во-вторых, — у русских желудки уже приспособились к любой воде. Другой-то все равно нет.

Оставшийся путь ехали молча. Разозлились, и спать уже не хотелось. Она размышляла над ситуацией, свидетелем которой оказалась на буро-вой. Надо же! На что только люди не идут в погоне за славой. Метр... превыше всего! О! Она так и назовет свою передачу «Метр на пьедестале». И расскажет в ней о том, как во имя его достижения попирается не только здравый смысл, но и то, что является нравственным стержнем для любого профессионала-проходчика...

* * *

— Юрий Николаевич? Здравствуйте. Это Рита Васильева с окружно-го радиовещания. Помните?

— Да, конечно, — послышался в трубке приятный баритон.

— Я вот по какому поводу звоню. Хотелось узнать, пустили или нет первый энергоблок...

— Первый? — Очень удивился голос Решетникова. — А при чем тут первый энергоблок? Мы уже про него и забыли! — Второй секретарь Сургутского горкома партии был явно в хорошем расположении духа. Это чувствовалось в горделивых нотках, прорывающихся в словах.

— Так вы его пустили или нет? — не поняла Рита.

— Мы поставили его под нагрузку буквально через десять дней после вашего отъезда. К нам уже и Косыгин на станцию приезжал. А теперь в жизнь ворвалась новая забота — второй энергоблок. По этому поводу сейчас голова болит. Ведь его тоже надо будет пускать в текущем году.

— Вот, здорово! — восхитилась, невольно вспомнив о том, как они ночью стояли на площадке, курили и волновались, скрывая свое изнурительное напряжение за ничего не значащими фразами. И как она, Рита Васильева, завидовала тем, кто в это время лежал в теплых постелях и даже не думал о том, что в эти самые мгновения на строительстве станции, может быть, решается судьба всего города и прилегающей к нему территории. Потому что пуск первого энергоблока должен был положить начало новой отрасли — энергетики — в суровых северных условиях...

Довольная разговором и добытой нечаянно очень важной информацией, положила трубку. Значит, можно ставить материал в эфир. А в «Последние известия» надо срочно сделать небольшой репортажик. Прямо сейчас, немедленно.

— Рита, там тебя мужчина какой-то спрашивает, — сказала Антонина Нестеровна Семенова, войдя в кабинет с отпечатанными информациими. — Представительный такой.

— Где?

— В коридоре дожидается. Я сказала, что ты сейчас выйдешь.

Незнакомец был вызывающе хорошо одет. Он нервно мерил шагами небольшой коридорчик редакции, держа в руках норковую шапку.

— Это вы Рита Васильева? — сразу кинулся к ней.

— Я. В чем дело? — удивилась его рвению.

— Я к вам издалека... по очень важному делу.

— Интересно...

— Не могли бы вы одеться и выйти со мной на улицу. Здесь неудобно говорить, постоянно ходят люди... — в его голосе сквозила тщательно скрываемая руководящая нотка, хотя интонация была упрашивающей.

Оделась. Вышли. После Нового года морозы смягчились. Было почтительно тепло — всего тридцать пять градусов. Но все равно долго гулять Рита не собиралась. Еще не сданы «Новости». А она сегодня должна была монтировать свою передачу.

— Слушаю вас, — торопливо обратилась к незнакомцу.

— Я по поводу того инцидента, свидетелем которого вы стали на буровой перед самым Новым годом.

— И... чего вы хотите?

— Я хочу, чтобы этот материал не выходил в эфир, не публиковался в газетах, вообще никогда и нигде не появился...

— Это все? — насмешливо уставилась в его глаза, резко остановившись. — Больше вы ничего не хотите?

— Больше — ничего.

— А кто вы собственно такой? — полюбопытствовала Рита.

— Заместитель начальника Н-ского управления буровых работ по общим вопросам Шахматов Алексей Вячеславович.

— Не буду лукавить, что мне приятно познакомиться с вами, во-первых, а во-вторых, вашу просьбу выполнить невозможно.

— Почему?

— Передача уже в производстве, стоит в эфире. Главный редактор ее читал и слушал. Ему понравилось.

Риту стало тяготить внезапный разговор.

— В принципе, если вы лично не возражаете против моего предложения, обо всем остальном я сам договорюсь с вашим руководством, — нашелся Алексей Вячеславович.

— Нет. Я не думаю, что это приемлемый вариант... — она вдруг со страхом представила, что за ее спиной действительно договорятся, и передача не выйдет.

Ее замешательство Шахматов воспринял по-своему:

— Тогда, может, мы с вами договоримся?..

— Каким образом?! — вскинула ресницы, блеснули обжигающим возмущением глаза.

— Н-ну... Я оплачу... Вдвойне оплачу гонорар, который вы не получите, если материал не появится в эфире. — Он заторопился, поняв, что

Васильева сейчас уйдет. Он очень надеялся ее убедить. Даже уверен был в том, что у него получится. Мужики на буровой Юрьева сказали: девчушка какая-то с магнитофоном приезжала. Подумаешь, ребенка уломать?! Конфетку дефицитную покажешь – и все! На Большой земле так сплошь и рядом. В его практике уже был подобный инцидент. Вопрос тогда удалось решить в пользу управления. Да и журналист остался не в обиде. Сколько он ему тогда отвалил? Кажется, его месячную зарплату вместе с гонорарами.

Алексей Вячеславович пошел в наступление, предлагая варианты:

– Можно сделать вид, что запись не получилась, или ее стерли... Случайно. Можно сказать, что ошибка вышла. Дескать, уже позже выяснилось, что ничего предосудительного не произошло. Понимаете? Вам же ничего не стоит сделать это! Своим благородным поступком, – визитер не сомневался, что он озабочен достижением действительно благородной цели, – вы спасете от позора бригаду нашего заслуженного мастера. Он и, правда, хороший специалист, его очень ценят в управлении.

– Да-а... Если такой человек считается самым перспективным мастером, то что же тогда представляют из себя остальные? – фраза Риты прозвучала, как пощечина. Лицо управленца тут же покрылось красными пятнами.

Тем не менее, попыток своих не оставил:

– Разберем вопрос на партийном собрании, на виновных наложим взыскание. Больше такого не повторится. Но публично сечь людей считаю лишним. В данной ситуации...

Рита упрямо молчала, ковыряя снег мыском сапога, Алексей Вячеславович снова принял ее молчание за размышления о выгоде. Стал напирать, как и с тем журналистом на Большой земле:

– Вы не сомневайтесь, упущеный гонорар я стократно оплачу. Сколько вы за него можете получить? 30–40–60–80–100 рублей? Вот вам тысяча! – он полез в карман.

Рита ужаснулась! Он, этот респектабельный, достаточно молодой мужчина приятной внешности, пытается ее купить! Нет, не пытается. Он просто уверен, что ее можно купить!!! Уже и за тысячей полез!

– Уберите деньги! Вы же заместитель начальника управления! Не унижайтесь сами и меня не унижайте. Иначе я дополню передачу еще одним фрагментом. Надеюсь, сами догадываетесь – о чем. – Она произнесла это таким выразительным полуслепотом, что у Шахматова помимо щек теперь схватило жаром еще и уши. Он понял, что при всем высоком должностном положении эта девчонка и его самого низвергла с карьерного пьедестала, на который он так упорно взбирался: где карабкался, где взлетал, где ножку подставлял, творя всякого рода интрижки. К тому же просматривались некоторые перспективы. Шахматов был уверен, что занимаемая им сегодня должность – не потолок для него, а лишь очередная ступенька в дальнейшем продвижении вперед.

Заключительный выпад корреспондента был настолько категоричным, что он испугался: вдруг и правда эта взбалмошная девчонка возьмет да и сделает то, о чем говорит. И что тогда?

Тогда... стремительный полет вниз... В несколько мгновений перед глазами промчалась череда событий, которые непременно последуют за этим журналистским выступлением, в котором его лично изобразят отнюдь не героем пятилетки. А как раз наоборот. Доказывай потом, что ты не верблюд, а агнец Божий. Партсобрание – осуждение. В лучшем случае выговор, в худшем – исключение из рядов КПСС. Лишение должности, работа за пределами Западной Сибири, потому что сюда брали действительно только лучших специалистов. Ведь там, в отделе кадров базового управления, очередь желающих осваивать северные кладовые состояла из сотен человек. Неистребимо было стремление людей участвовать в ударных комсомольских стройках, а если быть уж совсем четным, получать за свой труд большие «длинные» рубли. По крайней мере он, Алексей Вячеславович Шахматов, добивался разрешения поехать сюда отнюдь не за романтикой. Какая, к черту, романтика, когда надо на что-то покупать квартиру, машину, обувать и одевать детей. Не век же коротать в отцовском доме...

Все эти мысли и видения вихрем пронеслись в его разгоряченном сознании. Озлобился еще больше:

– Если ты это сделаешь, – переходя на «ты» и уже грубо сказал он, – я подам на тебя в суд за клевету. Я – ничего не говорил. Ты – ничего не слышала! Свидетелей нет. Одно добавлю. Ты отказалась от несомненных выгод, размеров которых и сама не представляешь. Так ведут себя только недальновидные и глупые люди. – И добавил: – Поймешь когда-нибудь. Но поздно будет.

– Никогда не пойму.

– Не зарекайся, жизнь научит.

– Прощайте.

Он, слегка оттолкнув ее, пошел по деревянному тротуару, очищенному от снега заботливыми руками редакционного дворника.

Выплеснувшаяся злоба неудачливого визитера буквально ошеломила Риту. Она постигла еще одну грань человеческих взаимоотношений. Оказывается, можно просить об одолжении и тут же... оскорблять.

Она еще немного постояла на улице, чтобы успокоиться. И решила про себя: материал выйдет не только на окружном радио. Сама попросит Константинова, чтобы он «пробил» его на область и в печать. «Я отучу тебя давать взятки! – упрямо шептали губы. – Пакостник», – наконец, нашла она точное определение для своего непрошшеного гостя, специально приехавшего в окружной центр для урегулирования конфликта, возникшего в нефтяном городе среди буровых бригад.

...Выход передачи в эфир произвел эффект разорвавшейся бомбы. Не окажись ситуация достоянием гласности, все бы так и прошло – ти-

хо да гладко. Но... случилось иначе. Надо было реагировать соответствующим образом, и власти отреагировали.

Бригаду Юрьева тут же вывели из состава соревнующихся. Итоги, а они вплотную приблизились к рекордным цифрам лидеров, не учтивались. По партийной линии все руководство, в том числе и сам Юрьев, схлопотали выговор с занесением в учетную карточку. Но самым неприятным из всех наказаний стала слава непорядочных людей, закрепившаяся за всеми организаторами и участниками инцидента. Стоило буровикам заговорить о соревновании и произнести одно из памятных имен, как сразу возникла ассоциация: а-а, это те, что решили обмануть путем взобраться на пьедестал почета...

Риту вызывали в окружком партии, беседовали с ней. Выясняли, что и как было. Более того, что прозвучало в передаче, она не сказала. Зачем? К сути дела случай с куплей-продажей отношения не было.

В редакции шумиху вокруг «Метра на пьедестале» восприняли по-разному: кто со скрытой завистью, кто с откровенным восторгом. К последним относились Алипов и Ковеленов. Владимир пожал Рите руку и похлопал по плечу, что было верхом выражения его восторженных чувств по отношению к удачам коллеги.

* * *

Евгений Леонидов позвонил дня через три после выхода передачи в эфир.

— Молодец! Слушай, я даже не думал, что у тебя так здорово получится! Мужики наши передают тебе огромный привет. И благодарность. — И без перехода: — Я хочу тебя видеть.

— Не поняла... — почти пропела в трубку.

— Через несколько дней буду в окружном центре. Где тебя найти?

— Редакция располагается на улице, которая носит имя самого известного вождя человечества. Легко найти.

— Причем тут ваша редакция? Я спрашиваю, где мы встретимся?

— Зачем?

— Потом, потом все объясню, при встрече. Назови хотя бы номер домашнего телефона.

Назвала. Положила трубку и несколько секунд не отнимала руку, продолжая задавать тот же самый вопрос, но уже мысленно, и самой себе: «Зачем? Зачем? Зачем?»

А сердце почему-то заволновалось, будто разгадало о чем пойдет речь.

Он не позвонил, а узнал ее адрес. Решительный стук в дверь после восьми вечера был настолько неожиданным для нее, что стремительно вскочив со своей раскладушки, чуть не упала, запнувшись о тряпичный домотканый коврик, который недавно подарила ей сердобольная соседка.

— Кто там? — спросила на всякий случай.

— Это я, Евгений.

— Как ты меня нашел? — запустив гостя в дом и принимая сумку из его рук, всполошилась Рита.

— Кто ищет... — дальше сама знаешь.

Он вел себя уверенно, по-хозяйски. Прошел вместе с ней в игрушечную маленькую кухоньку, начал выкладывать на стол колбасу, шампанское, конфеты, консервы... Даже хлеб с собой привез.

— Это что? В благодарность за передачу? — насмешливо спросила Рита. — Хорошо закамуфлированная взятка?

— Нет. Сегодня мой день...

— Рождения? — подсказала концовку.

— Не угадала. Просто — мой день. Личный праздник, который я хочу провести вместе с тобой.

У него было хорошее настроение. Быстро открывал банки, резал колбасу, сыр. Разложил все это по тарелкам.

— Может, посвятишь, я не в курсе. — Крикнула Рита из комнаты. Видя, что человек занялся работой, она лихорадочно приводила себя в порядок, переодевалась. Обстановка вынуждала быть праздничной. Успела даже кое-как волосы уложить. Мучить себя вопросом: «Для чего ей это нужно?» — не стала. Потом разберется. Сама с собой...

Все эти дни после телефонного звонка она почему-то думала, как и где они встретятся, обдумывала разные варианты, но...

Получилось совсем не так, как прокручивалось в мыслях. И, кажется, лучше, чем думалось.

Рита постелила на журнальный столик салфетку, поставила свечу — праздник, так праздник.

После поцелуев, которыми он одарил ее тогда в снегу, Рита побаивалась Евгения. Мужской его напор покорял... А минутная слабость могла стать ошибкой всей жизни.

Поднимая бокал с искрящимся шампанским, Евгений торжественно сказал:

— Сегодня исполнилось ровно семьдесят дней, как мы знакомы.

Рита прыснула:

— Ты мог бы отметить и семьдесят первый день...

— Я теперь готов отмечать каждый день нашей встречи, — серьезно глядя ей в глаза, произнес Леонидов, чокнулся и отпил несколько глотков.

Было приятно. Смеяться после этого не хотелось. Вообще, грело самолюбие, что такой именитый человек приехал к ней на семидесятый день знакомства, которому она, Рита Васильева, не придавала особого значения. Но при очередной встрече образовались опять какие-то невидимые нити. Не стремилась она к установлению каких-то особых, сердечных отношений с этим семейным взрослым человеком, очевидно, на вскидку старше ее лет на десять — двенадцать.

Да и он не осознавал, почему его тянет к ней. Казалось, не увидел бы снова — забыл. А вот приехала в командировку — все внутри взбаламу-

тила, всю душу перевернула. Он постоянно слушал теперь радио: вдруг услышит знакомый голос. Стал думать и мечтать о новых встречах. Вот и эту поездку он придумал себе сам, благо начальник ничего не заподозрил.

Он рассказывал ей о том, к каким последствиям привела ее передача. Она восхищалась писателем, которого недавно открыла для себя. Он рисовал ей перспективы наступившего года для буровиков. Она делилась с ним планами на будущее... Но все это происходило в ожидании ответа на вопрос: «А что дальше?»

— Рита, — вдруг оборвал он свою речь на полуфразе, — мне кажется, я люблю тебя...

От неожиданности она не мигая уставилась на него широко распахнутыми глазами.

— Я не знаю, что мне делать. Понимаю, что у тебя-то никаких чувств по отношению ко мне нет. Но... может, они возникнут... Я постараюсь...

— Не говори больше ничего, — остановила его Рита. — Мы так мило беседовали... Пусть все останется по-прежнему. Ты — буровой мастер, я — корреспондент. Я — Рита, ты — Евгений... Нам хорошо, мы друг друга помним. Но обещать ничего не могу. Не хочу обманывать.

— Но, может, быть в дальнейшем...

— Не надо об этом сейчас.

Помолчал.

— А я привез тебе подарок по случаю юбилейной встречи. Все-таки семьдесят...

Встал, вышел в коридор, покопался в куртке.

— Только ты не отказывайся, обижусь, — протянул коробочку. — Это не кольцо, — упредил ее вопросы и возможный отказ. — Кольцо еще рано дарить.

Она открыла и ахнула. Действительно, царский подарок: золотая цепочка с подвеской, в которой сиял маленький бриллиантник.

— Ты что! С ума сошел?! Я этого не возьму никогда! — гнев ее был неподдельным.

— Это же на память! — выкрикнул он. Встал рядом. — Успокойся, — примирительно погладил по голове. — Тебе еще никто не дарил таких подарков? Понимаю. Я — первый. На то и рассчитывал, чтобы удивить, а ты обиделась. Не хочешь — отдай подружке. Или выброси...

— Забери обратно, — Рита ушла на кухню и закурила.

— Ладно, — сделал вид, что смирился. А сам взял листочек бумаги, написал на нем: «Поздравляю», вложил его в коробочку и засунул между книг. После этого сразу засобирался. Настроение было испорчено: насилию мил не будешь. Только он непременно добьется своего. Евгений был абсолютно уверен в этом. Не было еще у него такого, чтобы задуманное не получилось.

Прощаясь у порога, пожал ее плечи, потом резко прижал к себе и прильнул губами к ее губам. На несколько мгновений страсть охватила

его с такой силой, что он словно голову потерял. Целовал ее лицо, бешено шепча: любимая, люблю, люблю...

— Пусти, — донеслось как будто издалека.

— Прости, — и выскочил за дверь.

На крылечке остановился, снял с перил снег, приложил к разгоряченному лицу. «Неужели это и есть любовь, о которой так много говорят? — подумалось неожиданно. — Столько лет прожил, но никогда ничего подобного не переживал».

Шел к гостинице уверенным, широким, размашистым шагом. Под ногами хрупко скрипел снег. Луна нагло наблюдала за ним, словно ухмылялась первому поражению.

«Ничего, — шептал упрямо, — еще не вечер. Все равно по-моему будет».

А Рита убирала в это время посуду. Странно, она только сейчас за весь вечер впервые вспомнила про Алексея. Он показался ей далекой манящей звездой, до которой ни доехать, ни долететь невозможно.

* * *

Новая эпоха пришла на территорию Западной Сибири, в районы Крайнего Севера. В семидесятых годах окрест начал бурно развиваться. То и дело открывали новые месторождения геологи. Интенсивно развертывали работы по их освоению нефтяники. Небывало рекордных результатов достигали буровики. Началось строительство нефте- и газопроводов, мостов, дорог... От Тюмени к северу потянулась железнодорожная магистраль. В Сургуте приступили к монтажу второго энергоблока уникальной электростанции, работающей на попутном нефтяном газе. На карте области появились новые города и поселки. Со всех концов страны ехали и ехали сюда люди. По призыву партии и комсомола, по путевкам и без них — по велению сердца, от собственной неустраенности или в погоне за счастьем, за «длинным рублем» или в принудительном порядке... Им предстояло стать новой формацией энтузиастов — трудоголиков особой северной закваски.

Темпы работы на всех направлениях были такими, что не успевали пот с лица стирать. А уж удивляться тому, что происходит вокруг, и во все было некогда. Люди жили страстями и порывами. Все трудности принимались как времененная неизбежность. Как беременность, которая все равно когда-нибудь закончится чудом рождения ребенка. И не важно было, в каких муках рождался этот ребенок. И как сложно проходила беременность, тоже было неважно. Важнее всего стало кипение социальных страостей, непосредственность отношений между людьми, их умонастроения, искрометное жизнеутверждение во всем и вся. И все это — несмотря на отсутствие элементарных условий быта, на лихорадочный ритм работы, на безостановочно растущие темпы поисков и пусков всего того, что требовали Время и обстоятельства для освоения северных кладовых.

С Нового года объем вещания в округе значительно увеличился. Всем средствам массовой информации тоже были предложены другие графики работы, соответствующие новой эпохе. В некоторых населенных пунктах центральными органами власти разрешено было открыть городские редакции радио и телевидения, что в советские времена делалось только в исключительных случаях. Постепенно укреплялось понимание того, что на территории создается нефтегазовый комплекс — важнейший для страны и ее благосостояния.

Журналисты стали предвестниками новых свершений, «второго» рождения округа. Все лучшее — передовой опыт, героические примеры, трудовой героизм, новаторство — освещалось немедленно. Ответственность журналистов перед Временем была велика. Волны окружного радио ловили не только на территории, равной нескольким европейским странам, но и далеко за ее пределами — в соседней, к примеру, Ямalo-Ненецкой автономии, за рубежом. Даже в Англии, откуда приходили письма от радиолюбителей.

Радиослушателей стали привлекать новые рубрики, специально созданный радиожурнал «Вахта». На его страницах появились ранее неизвестные герои — нефтяники, геологи, газовики, энергетики, строители... Впервые зазвучали слова о том, что в Западной Сибири рождается советский геройзм.

...Делая обзор материалов на прошедшей неделе, редактор отдела национального вещания Степан Комлев посетовал:

— Мы совершенно перестали рассказывать о речниках, о богатых уловах рыбы, о замечательных добытчиках песца, соболя, ондатры... А ведь именно речники, рыбаки и охотники еще совсем недавно были постоянными героями наших передач. Они привлекали радиослушателей экзотикой, национальным колоритом. Ведь, вы учтите, промышленность есть практически везде, а вот кочующие ханты, их быт и традиции сохранились далеко не во всех уголках страны.

— Но во многих, — заметил Ковеленов.

— К сожалению, на первый план вышли «деятели» всего того, что губит нашу природу, — делая вид, что не услышал реплики, продолжал Степан, — создает проблемы местному коренному населению. Я помню, какие изумительные программы о жителях Севера готовил когда-то Владимир Ковеленов, какие добротные передачи делала еще в прошлом году Рита Васильева о рыбаках и лесозаготовителях. Не понимаю, что хорошего они, да и другие журналисты, нашли в этой временной шумихе по созданию нефтегазового комплекса. Нефть кончится, и все эти нефтяники, буровики, энергетики... покинут наши места, а мы-то и все остальное коренное население останемся здесь!

— Ты что, хочешь сказать, что не нужно писать об этом? — снова не выдержал Владимир.

— Думаю, не в таком объеме. Я встречался с хантами, они обижаются, что про них мало рассказывают.

— Подумаешь, ханты, — пожал плечами заместитель главного редактора. — Они составляют лишь около пяти тысяч от населения округа, а все остальные — как раз русские и еще семьдесят две национальности приехавших осваивать этот самый нефтегазовый комплекс. В конце концов, это не вчера началось. Просто сейчас набирает обороты...

— Не спорьте, — остановил Гельберт. — Пусть обозревающий высажет свое мнение до конца.

— Да, я, собственно, уже закончил. Прошу при дальнейшем планировании передач учесть мои замечания.

Степан сел. На его лбу выступили капельки пота. Он так разволновался, что обычно бесстрастное лицо нахмурилось и покраснело.

— Ну, а какую передачу вы предлагаете признать лучшей за неделю? — спросил Главный.

— Риты Васильевой об энергетиках Сургута. И репортаж из стойбища Валерия Константина «Из далеких урманов».

Присутствующие согласно закивали головами.

Первым поднялся Ковеленов.

— Я отчасти согласен с обозревающим, мы действительно несколько подзабыли о коренных жителях округа. Но с другой-то стороны, нельзя и не признать, что жизнь на территории стала другой. Особенно в крупных городах — Нижневартовске, Сургуте, Урае, Нефтеюганске — она совершенно изменилась. И не замечать этого, я бы сказал, аполитично. Промышленное освоение природных богатств охватило уже все стороны жизни. Наступило трудное, жаркое для всех нас время. И тот факт, что в эфире «запахло» нефтью, считаю, наоборот, достижением коллектива. Уверен, что сейчас каждая передача должна подчеркивать ритм и многогранность того, что здесь происходит. Многоголосье должно быть, а не навязчивое... соло.

— Но в этом многоголосье, как вы выражаетесь, — горячо выкрикнул с места Комлев, — очень тихими, почти неслышными стали голоса хантов, рыбаков, охотников... Да, что говорить, они только в национальных передачах и звучат! Если бы мы в своем отделе об этом не рассказывали, то никто бы и не знал, что у них там происходит!

— Ваш отдел потому и называется «национальным», чтобы вы обо всех проблемах коренных жителей рассказывали, — резонно заметил Владимир.

— Не забывайте, что мы вещаем на хантыйском языке, русские-то нас не понимают! Между тем округ называется «национальным»! Убежден, что все должны знать о том, как и чем живут коренные жители Севера!

— Не спорю, — согласился Ковеленов, — думаю, сегодня следует по-размышлять о том, чтобы наши передачи были интересными для всех и адресованы всем.

— Как ты предлагаешь это сделать? — спросил Гельберт.

— Ну, не знаю... можно провести исследования о том, какие передачи

интересуют наших радиослушателей. Продумать, составить и распространить анкеты среди населения различного уровня образования, социально-го положения, возраста... Может, следует устроить встречу с населением.

— Уж, там-то мы все услышим про себя, — саркастически заметил Аскер Керамов.

— Ну, что ж, и это, я думаю, пойдет нам на пользу. Может, и дальние предложения поступят какие-нибудь. Но не чувствовать новые веяния, новые тенденции в развитии округа и не отражать их в передачах мы не имеем права.

Настя слушала споры «взрослых» журналистов, и вдруг почувствовала, что может опоздать. Где-то там устанавливают рекорды, строят новые электростанции, возводят города на болотах, открывают нефтяные и газовые месторождения, а она сидит и только стучит по клавишам, превращая в печатные страницы эмоциональное отношение ко всему многообразию жизни своих редакционных коллег. Пришло новое Время, но оно бежит мимо, а не в передачах, которые она мечтала готовить, устроившись машинисткой в редакцию окружного радио.

Ведь Ковеленов прав, еще в прошлом году, буквально в первые месяцы работы, не ощущалось такой ритмичной жизни. Обрушившийся перед Новым годом поток информации о достижениях промышленных коллективов вытеснил напрочь вялотекущие события со звероферм, совхозов и лесоучастков, из рыболовецких бригад, с хантыйских стойбищ...

«Вот сейчас всё построят, о чём тогда я писать буду?!» — со страхом подумала Настя, боясь не попасть в этот поток Времени и Дел. — Может быть, я тоже так смогла бы, как Рита Васильева. Не намного она и старше. Может, у меня даже лучше бы получилось, чем у некоторых»...

Размысливая над своей судьбиной, она не заметила, как все разошлись по рабочим местам.

— А ты что сидишь? — услышала голос Главного.

— Алексей Александрович, выполните свое обещание, пожалуйста. Новый год уже прошел...

— Какое обещание? — недоуменно глянул поверх очков на Настю Гельберт. Сказать, что посмотрел на нее, как на дурочку, значит, ничего не сказать. Настя заволновалась еще больше:

— Ну, про испытательный срок! Вы же обещали мне, что дадите возможность попробовать свои силы в журналистике!

— А-а, это... Нет пока возможностей. Еще годовой отчет не сделан.

— Сейчас годовой, потом месячный, потом квартальный — и что?! Всю жизнь я буду ждать, когда вы отчитаетесь?

— Ты не горячись, — остановил ее Алексей Саныч. Что-то колыхнулось внутри при взгляде на эту чудо-девчушку. И, правда, ведь виноват он перед ней. Но что делать? Реалии таковы: годовой отчет надо в Москву посыпать. — Давай позже вернемся к этому разговору, — предложил в очередной раз.

— Я уже больше вам не верю, — сквозь слезы выговорила девушка и вышла из кабинета.

* * *

Леонидов теперь использовал каждую возможность, чтобы оказаться в окружном центре. Вскоре такой случай вновь представился. Позвонил из гостиницы поздно вечером.

— Да? — недовольно ответила телефонная трубка голосом Риты.
— Ты одна? — спросил, как хозяин.
— Кто это? — недоуменно прозвучало в ответ.
— Я. Не узнала?
— Женя!? Какими судьбами? Неужели вы? — удивилась Рита.
— Я! — он обрадовался. И снова повторил вопрос: — Ты одна?
— Да, а... — он не стал слушать, бросил трубку на рычаг, быстро оделся и вышел из гостиницы.

Евгений Леонидов не думал о том, какие могут быть последствия его визитов в дом девушки, живущей самостоятельно, без родительской опеки. Ему и голову не приходило обезопасить ее от молвы, которая будет преследовать ее, узнай кто-нибудь об этих посещениях. У него была своя цель — покорить эту девушку во что бы то ни стало! Все. Остальное было не важным. Для него. Вновь он шел по улице тем же широким уверенным шагом, сокращая время разлуки, показавшейся ему невыносимо долгой и тоскливой, как будто свет притушили во всем мире для того, чтобы он понял, как тяжело живется без любимого человека.

...Рита не открыла. Он стучал в двери кулаком, ногами, он кричал и призывал ее: «Открой!». Преодолев снежный завал, прильнул к окнам. Его не убедили их темные глазницы, возвращающие о том, что хозяйки либо нет дома, либо она крепко спит. Ни в то, ни в другое Леонидов не поверил. Решил: притаилась в темноте, не хочет его видеть.

Стучал, пока не вышла соседка.

— Че стучишь? Людей тревожишь? Нет ее, в командировке, наверное, не знаешь, что ли? Она часто уезжает. Вот и сейчас ключ мне оставила.

От последней фразы у него даже горло перехватило от возмущения.

— А ты кто такой будешь? Как передать? — полюбопытствовала старушка.

— Не надо ничего передавать. Сама поймет, — буркнул, наконец, справившись с собой, и сошел с крыльца. Сдаваться было не в его правилах. Он перешел через дорогу, встал среди березок заботливо высаженных у обочины, лет сорок назад, и стал ждать.

Минут через тридцать свет в окне загорелся. Но он был холодным, чужим... Ему не захотелось больше идти на этот свет. Значит, она так решила...

На морозном воздухе громко хрустнула ветка в его руках. Как выстрел в сердце, как удар по любви, которая пришла к нему так поздно и проявляется как болезнь... Смертельная... В своей безответности...

* * *

— Женя, ты совсем не бываешь дома, — слова жены прозвучал как гром среди ясного неба, отрывая его от мечтаний о другой женщине. В последние месяцы он научился присутствовать в своей квартире физически, совершенно отсутствуя в мыслях. Механически раздевался, здоровался, целовал дочку, разговаривал с женой. Иногда... Но все его помыслы были либо о работе, либо — о Ней. О той, что осталась за темными окнами в соседнем городе. «Надо же так вляпаться? — ругал себя. — Ведь больше ничего на ум не идет, кроме страстного желания еще раз увидеть ее, услышать голос, прикоснуться к руке... Да что там! Сжать ее в своих объятиях так, чтобы косточки захрустели и тем самым передать ей всю свою боль: пусть почувствует каково мне!..»

— Я работаю, — сказал отрешенно. И это было правдой. Только если раньше он работал для удовлетворения самолюбия — быть впереди всегда и во всем он привык с детства, — то теперь к этой цели добавилась другая, ставшая основной в его жизни: установить очередной рекорд, чтобы Рита приехала делать репортаж, и он снова бы имел возможность увидеть ее... и погордиться своей бригадой.

— Ты всегда работаешь, — упрекнула жена. — И в праздники, и в будни. Так нельзя. Зачем тебе это?

— Что «это»? — уточнил, пытаясь вникнуть в претензии жены.

— Ну, рекорды эти? Все мастера работают. И практически так же получают, как и ты, но без такого надрыва. Они что, талантливее тебя? Им меньше надо времени для достижения тех же результатов?

Он готов был с горяча сказать: «Дура!», но в комнате была дочка. Оскорблять в ее присутствии мать негоже. Не так воспитан. Однако слова жены задели за живое. Он не хотел, чтобы Люда именно так о нем думала. Но объяснять, что дома бывает редко, потому что не хочет ее видеть — считал преждевременным.

— Ты ничего не понимаешь, — отмахнулся и развернул газету.

— Может быть. Мне иногда кажется, что у тебя... есть другая, — Евгений почувствовал, как Людмила напряглась, ожидая ответа.

— Нет, — ответил, вздохнув. И добавил: — Пока.

— Что ты говоришь, Женя?! Что значит «пока»? — изумилась она неожиданной откровенности мужа.

— Потому что она меня не любит. — Поставил точку: — Пока. Не любит. Но думаю, что это — вопрос времени. — А про себя досказал: «Даже если на это уйдет вся оставшаяся жизнь».

— То есть, ты хочешь сказать, что... — она присела на краешек стула, пытаясь поймать его взгляд.

— Да, именно это я и хочу сказать. Ты сама напросилась на откровенность, — зло перевернул страницу газеты, не найдя в ней ничего интересного.

— А как же я? Ребенок? — почти прошептала Людмила.

— Я не знаю, я еще ничего не знаю, — встал, вышел в кухню. Понял,

что теперь-то все и начнется: он перешагнул Рубикон семейной жизни. Тягостно, но все же это легче, чем молчаливый обман. Собственно, обмана как такового и не было. Просто он влюбился. И любовь эта захватали его как стихия и понесла, ломая всю его прежнюю жизнь. Он не хотел продолжать ее во лжи, хотя и надежды на взаимность со стороны Риты было маловато. Почти никакой. Просто понял, что так дальше нельзя. И назад пути нет. О последствиях не думалось. Он слишком устал. От работы...

КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ РИТЫ ВАСИЛЬЕВОЙ

Рита проснулась от настойчивого стремления котенка подлезть под ее ладошку. Животное искало ласки, хотело, чтобы его гладили и чесали за ушками. На верхней полке жилого вагончика промысловиков было еще тепло. Но лишиться этой благодати можно было в два счета. Стоило только спуститься вниз, и тепла как ни бывало. Вставать не хотелось. В такую рань просыпаться Рита не привыкла. Но тихая возня ее будущей героини внизу, уже собиравшейся в далекий путь на мессторождение, вынудила подавить желание еще хоть чуть-чуть, ну, совсем немножечко, вздрогнуть, а уж потом — все остальное.

Котенок, вчера приведший ее в полный восторг, не унимался. Тыкался и тыкался мокрым прохладным носиком в руку.

— Ну, что, Рита, едешь со мной или здесь останешься? — разрушил тишину неторопливый женский голос. Стало неловко: вот, дождалась...

Соскользнула с полки.

— А вы знаете, под потолком значительно теплее, чем внизу, — заметила Рита. — У вас тут словно в погребе... Сумрачно и прохладно. Всегда так?

— Это что, — усмехнулась Зульфия. — У нас тут однажды «катерпиллером» порвали трубу на теплотрассе. Так мы четыре дня жили в сплошном холде. Мороз на улице — под сорок. Печку-буржуйку топим, а тепло все на воздух уходит. За ночь вода в ведре промерзала до дна. Спали одетые. Один парень — он спал на первом этаже нашей деревяшки — даже ухо приморозил: не почувствовал, как во сне шапка съехала.

— Ничего себе! — удивилась Рита и непроизвольно за собственное ухо схватилась. Пока все было в порядке.

Оделась быстро и как ей показалось тепло: свитер под горлышко, брюки, варежки...

— Я валенки тебе подготовила, — заметив, что Рита собирается надеть сапожки, сказала Зульфия. — В этой обувке ты не сдюжишь. Промрнешь — потом всю жизнь мучиться будешь. А вот это, кивнула на сапожки, надо использовать так, для форсус...

Рита благодарно улыбнулась. Валенки оказались великоваты, но с толстыми шерстяными носками, которые предложила Зульфия, были почти по ноге.

— Вот еще и ватник, и куртка меховая. — Женщина положила на нижнюю полку спецодежду.

— Что вы! — Рита представила себя в толстых брюках и даже испугалась.

— Ничего, — поняла ее девчоночки сомнения нефтяница. — Зато по-пу не проморозишь. К тому же, в дубленке по тайге шастать совсем не пристало. Еще порвешь где-нибудь. Дорог-то от скважины к скважине у нас нет — тропинки. Да и те метелью перемело.

Пришлось согласиться. Хорошо, что зеркало было маленькое, не разглядеть, что в результате переодевания получилось, но Рита и так понимала: выглядит она примерно так же, как и Зульфия — хрупкая женщина небольшого роста. Ватные брюки и куртка делали ее в два раза шире. «Вот и я теперь на бочонок похожа... Увидел бы кто из знакомых, вот смеху-то было бы!»

Морозный воздух перехватил дыхание, быстро развеял солнечное состояние. До автовокзала дошли минут за двадцать. Рабочие топтались у арочника. В зале ожидания, где находилась диспетчерская, на широкой доске висело расписание отправки вахтовых автобусов, и люди стояли так плотно, что Зульфия с Ритой едва протиснулись к начальнику цеха. От него зависела сейчас поездка на месторождение.

Вопрос решили быстро. В динамике непрерывно что-то хрюпало, то и дело перечислялись таинственные для Риты номера, и постоянно произносилось слово «куст». Она ничего не поняла... «Причем тут кусты?.. Не в лес же едем?»

— Нашу вахту пригласили, — Зульфия взяла ее за руку и быстро вывела на улицу.

Полусонные люди неторопливо занимали места и тут же, привалившись к холодным стенкам салона, закрывали глаза.

— Можно и нам подремать, — шепнула Зульфия, — усаживайся поудобнее, дорога длинная, почти два часа. Успеем выспаться.

Что-то ахнуло внутри от такой перспективы. И Рита невольно пожалела, что не согласилась с начальником нефтегазодобывающего управления и не поехала в цех на УАЗике. Но... ведь хотелось сделать как лучше. Хотелось на себе испытать все трудности (в том числе и бытовые), переживаемые будущей героиней часовой передачи, которую ей нынче поручили подготовить.

Зульфия Мухамадеева была, конечно же, не единственной, о ком ей хотелось написать. Просто именно с очерка о ней Рите захотелось начать будущую серию своих рассказов о людях и делах первого на территории Приобья добывающего управления. Получилось просто. В конторе, когда планировали с руководством кого и где записывать на пленку, в числе первых была названа именно Зульфия. Ну а потом, после вахты, прямо с автовокзала Мухамадееву пригласили к начальству, познакомили с корреспондентом окружного радиовещания, и Рита напросилась к ней в гости. Хотелось узнать, в каких ус-

ловиях живет и трудится человек с громким званием «Нефтяная королева».

Мухамадеевой идея с ночлегом в ее тесном вагончике не понравилась. Неудобно было демонстрировать корреспонденту, в каких условиях приходится жить людям, приехавшим осваивать Крайний Север. Но Рита своей простотой и искренностью внушала доверие. Так что, стеснительность, возникшая, было, в первые минуты общения, очень скоро исчезла. Что же делать? Пока обитаем, как можем... Как и другие, Зульфия, муж и дети жили в вагончике, состоящем из двух «комнат» (спальни и кухни). Самые первые начинали и в худших условиях. И ничего. Время прошло. Теперь уже квартиры имеют. Дождутся скоро благоустроенного жилья и Мухамадеевы. Начальник клятвенно пообещал во втором квартале текущего года новоселья сразу для нескольких десятков семей устроить. Может, и получится. Тогда, действительно, по-королевски заживем.

«Вахтовка» тащилась к незнакомой для Риты цели. Казалось, что конца-края этому движению через промерзшее утро никогда не будет.

Вскоре Рита почувствовала просто собачий холод. Не спасали даже ватные брюки и куртка. Автобус отапливался слабо, видимо, теплее было рядом с кабинкой водителя, потому что весь жар от двигателя направлялся на ветровое стекло. Через полтора часа пути она замерзла окончательно. Пришлось сжать зубы, чтобы не стучали.

«А если бы я в своей экипировке в дорогу отправилась? Что бы делала сейчас в своих модных сапожках? Спасибо Зульфие. Мудрая женщина».

Мудрая женщина в эти минуты крепко спала. Ее не беспокоили ни колдобины на дороге, ни резкие торможения, ни довольно длительное ожидание поезда у железнодорожного переезда. За годы работы она ко всему этому вполне привыкла.

Темнота еще окружала территорию дожимной насосной станции, когда они добрались до места и вышли из автобуса. Мощный прожектор освещал небольшую площадку, где примостились утонувшее в сугробах сооружение, состоящее из нескольких соединенных между собой вагончиков.

— Нам туда, — Зульфия уже выглядела так, словно и не спала. Бодро пошла впереди.

— Лес кругом... Пустота. Вы не боитесь? — спросила Рита, поеживаясь.

— Боюсь, — откровенно созналась женщина. — Сюда даже медведи забредают. Но зимой-то их нет, — успокоила. — А росомахи — они сами осторожные. Пока не было такого случая, чтобы на людей нападали. Хотя мужики следы их видели.

«Ничего себе, перспективка», — подумала про себя Рита. А вслух спросила, вспомнив про залмку, в которой обитатели местной фауны ее однажды так напугали, что до сих пор в дрожь бросает.

— А волки?

— Волков нет.

— Это хорошо...

Контора была уже переполнена: операторы, слесари — рабочий люд. Человек, сидящий за столом, говорил негромко, но четко. На его голове нахлобучена шапка. Создавалось впечатление, что шапка живет отдельно от хозяина и ведет себя на его голове как хочет. Вот сейчас она «вздумала» сидеть боком, и смотрелась этаким залихватским головным убором с претензией на оригинальность, подчеркивая исключительность своего владельца.

В небольшой комнате тесно. Накурено так, что, казалось, легкие не выдержат. Несколько минут привыкала Рита к густому дыму. А Зульфия даже внимания не обратила на сие обстоятельство.

— Тут у нас корреспондент будет работать сегодня, — донеслось из глубины. — Прошу быть повнимательнее. Главное, не нарушайте технику безопасности. Она молодая, еще подумает, что так и положено, а потом узнает начальство — греха не оберешься.

Начальник цеха не узнал Риту в ее новой экипировке, хотя вчера, в кабинете руководителя управления, они познакомились. Когда «пятиминутка», длившаяся все двадцать, закончилась, Рита подошла к нему.

— Александр Николаевич, вы сегодня весь день на месте?

— Да. — Куликов поднял глаза и с трудом узнал. Удивленно вскинул брови, улыбнулся широко. — А-а, это ты! Что-то хотела?

— Взять интервью у вас.

— Возьмешь. Я здесь сегодня «привязанный».

— Как?

— Да так, никуда не уеду, — подумал и добавил: — если ничего не случится.

...Снова вышли на мороз. На востоке небо побледнело. И звезды, пробившиеся сквозь едва угадывающиеся облака, мерцали уже не так ярко, как еще полчаса назад.

— Сколько скважин у вас на обслуживании? — спросила на всякий случай у Зульфии.

— Пятнадцать, — ответила женщина, доставая лыжи.

— Зачем лыжи? — удивилась Рита, увидев, как та надевает их на валенки.

— А как ты по снегу пойдешь?

«И правда», — попеняла она на собственную несообразительность.

Заметив ее замешательство, Мухамадеева предложила:

— Может, останешься? Зачем со мной таскаться по тайге? Обо всем, что надо, я тебе и без показа расскажу.

— Нет-нет! — заторопилась Рита и начала затягивать крепления.

...Она шла следом за своей героиней, стараясь не отставать. Время от времени задавала вопросы, отмечала про себя наиболее важные факты и детали.

— По всем скважинам сегодня не пойдем. С тебя и трех хватит. У меня разброс большой. Самая дальняя — в пяти километрах.

Зульфия шла легко, свободно. А Рита с непривычки запыхалась. На лыжах каталась с детства, но те были на ботинках и с палками. А тут, мало того, что валенки, так еще и с чужой ноги. Хотя внутренне понимала: дело в другом. «Надо, надо спортом заниматься, а то совсем засиделась в редакции. Когда последний раз ходила на лыжах? Наверное, в институте на занятиях по физкультуре».

Между тем небо бледнело, и когда обе женщины часа через полтора подходили к самой дальней скважине, Рита даже остановилась от неожиданности. Ее поразила фантастическая картина неба над головой. Одни тучи кудрявились серыми завитушками над горизонтом. Другие тяжелым мраком завесили ту часть небосвода, где легкая голубизна постепенно переходила в свинцовую серость, граничащую с черными иглами верхушек сосен, как забор, выстроенный над горизонтом. Небо — сегодня обделенное солнцем — по всему куполу как бы разделилось на две полусферы. Там, где, казалось бы, должно быть солнце, — какая-то серая пелена, а сквозь толщу облаков, словно утяжененных накопленной мудростью, пробивались первые солнечные лучи...

— Устала? — спросила Зульфия.

— Смотрите, какое красивое небо!

Риту переполнял восторг. Она не помнила, был ли подобный момент в ее жизни, когда бы она встречала зимнее утро в лесу. Да еще вот так, на лыжах, среди промороженной звенящей тишины.

— У нас красоты хватает, — согласилась героиня, мельком взглянув на небо. Не дождавшись Риты, устремилась к скважине. Осмотрела арматуру. Все было в порядке. Открыла вентиль, набрала в бутылку нефти, плотно закрыла, подписала номер и поставила в яичек.

— Ну, что, дальше пойдем или любоваться будем? — Зульфия подъехала к Рите.

— А что? Вы уже все сделали? — удивилась та.

— Конечно! — А про себя подумала: «Если бы я на всякую красоту рот раскрывала, кто бы за меня работу делал? Понашибают моло-деньких девчат, какой из нее журналист? Чистый ребенок! Вчера с котенком играла, сегодня небо увидела. Стоит и любуется!».

Мухамадееву несколько обидело такое отношение к себе. Вроде, сестра напросилась по скважинам пройти, а чем занимается...

Молча пошла вперед, протаптывая недавно выпавший снег на старой лыжне.

— Зульфия, а что вы там делали? — поспешила загладить свою промашку Рита.

— Пробу брала, — буркнула в ответ героиня.

— Это как?

— А вот придем на следующую скважину, посмотришь, — помолчала и добавила: — Если еще что-нибудь не отвлечет...

— Ой, извините, пожалуйста, я просто не знала, что все это так быстро происходит.

— Что «это»?

— Ну, проба...

От досады Зульфия ускорила ход, и теперь Рита едва поспевала за ней. Стало не до красот.

— А что за человек — ваш начальник цеха? — спросила на всякий случай. Ее тяготило возникшее молчание.

Героиня резко остановилась, и Рита от неожиданности заехала на концы ее лыж.

— Он самый замечательный! — горячо прозвучало в ответ. — Мне кажется, таких — больше нет!

— Почему вы так уверены? — реакция Зульфии для нее была неожиданной. Обычно подчиненные начальниками редко бывают довольны. Риту это удивило даже больше, чем роскошное утреннее небо.

— Потому что для нас он не просто начальник. Он — друг, он отец наш, хотя и молодой. Одним из самых первых пришел на промысел!

— Ну, мало ли таких... — пожала плечами.

Зульфию уже трудно было остановить. И Рита даже пожалела, что оставила в цехе «репортер». Впрочем, включать его в такой момент тоже было бы неловко, да и замерз бы по дороге...

— Мы когда с мужем сюда приехали, здесь никакого другого жилья не было. Получить такой вагончик, как наш, люди за счастье считали. Так вот, он нас к себе пустил. В его двухкомнатной «деревяшке» наши семьи, считай, два года прожили! А кто мы ему? Чужие, незнакомые люди. Работаем вместе. Только и всего. Разве много таких людей найдешь, которые бы добровольно житейскую обузу на шею себе и своей семье повесили?! То-то и оно...

Зульфия помолчала, словно собирала воедино яркие доказательства полной исключительности своего начальника цеха.

— А как он промысел знает! И не мудрено. Поскольку каждую трубу тут вместе со строителями укладывал. Ремонтники сейчас без него под землю не суются. Не дай Бог, что случится, к нему бегут: «Как труба проходит? Где?» Вот про кого надо рассказывать в первую очередь! — убежденно заключила она и рванула вперед. Но Рита все еще стояла на ее лыжах, вырваться из ее плена Зульфии не удалось. Обе женщины повалились в снег. Бутылки посыпались в сугроб и исчезли там, оставив темные следы.

Нефтяная королева выругалась.

— Черт знает, что такое!

Неуклюже помогая друг другу подняться, обе рассмеялись, а затем начали добывать из глубины сугроба бутылки.

— Не ушиблась? — на всякий случай спросила Зульфия свою неловкую подопечную.

— Все в порядке, — отряхивая снег, все еще улыбаясь, ответила Рита.

Инцидент был исчерпан. Пошли дальше, к очередной скважине. И вновь, теперь уже без всякого принуждения, Зульфия начала рассказывать о себе, о своем начальнике цеха, о других коллегах. Говорила свободно, откровенно обо всем, что знала и чувствовала. По ее мнению, все у них получается здорово. И люди в цехе — замечательные. И живут-то одной семьей. И всегда — первые. Многие награждены орденами и медалями, имеют почетные звания...

И тут она снова резко остановилась:

— Смотри...

— Куда?

Рита подняла голову от лыжни и увидела впереди рыжую красавицу-лисицу. Видимо, та спешила по своим делам да нечаянно набрела на людей. Рыжехвостую они увидели в тот момент, когда настороженно уставившись в их сторону, она как бы раздумывала: идти ей вперед или вернуться в лес.

Рита тихо ахнула:

— Вот здорово! Какое чудо! Сил нет! И фотоаппарата тоже... — добавила с разочарованием.

Лисица не стала испытывать судьбу. Она нехотя повернулась и пошла обратно, время от времени, оглядываясь на женщин: уйдут или так и будут стоять.

— И часто вы встречаете подобных обитателей?

— Бывает, — довольно ответила героиня. — Особенно зайцев много да глухарей. А, в общем-то, по сторонам некогда смотреть. Работать надо.

* * *

— Вот, черт, опять стоит! — выругалась Зульфия, когда они приблизились к очередной скважине. Из земли торчала арматура. Стрелки манометра не двигались. — Надо скребки спускать, чистить от парафина.

— От какого парафина? Откуда он там взялся? — изумилась Рита.

— Понимаешь, на этом месторождении нефть с парафином идет. Жидкость на товарный парк уходит, а на трубах остаются отложения в виде парафина. Его необходимо со стенок соскребать. Если этого не сделать, то движение нефти прекращается. Некуда ей идти, хода нет. Поняла?

— Поняла... Так, парафин... Он же только жидкий может течь по трубам...

— Так он жидкий и течет!

— Горячий?! — еще больше изумилась Рита.

— А ты думаешь, нефть холодная из глубин земли поступает? Конечно, горячая!

— Вот это да!..

— Придется помочь вызывать, — вздохнула Зульфия.

Взяв пробу с третьей одиночной скважины, вернулись в цех, а там уже обед. В тесном вагончике очередь. Люди снимали у порога грязные замасленные спецовки, сваливали их кучей на спинки стульев, мест на вешалке не хватало.

— Что у нас сегодня? Булочки? Ватрушки? — любопытствовали оживленно. Проявила интерес к промысловому меню и Рита.

После продолжительной прогулки на свежем воздухе все показалась исключительно вкусным. Рита съела и первое, и второе, и компот с пирожком! Раньше такого она никогда бы себе не позволила. К тому же, цены в котлопункте месторождения были существенно ниже, чем в городской столовой.

Что же касается Нефтяной королевы, та, быстренько перекусив, уже решала вместе с начальником цеха проблему «занедужевшей» скважины. И вскоре вместе со слесарями, нагрузившись скребками и инструментами, отправилась по только что пройденному маршруту. Рита засобиралась вместе с ними.

— Нет. — Пресекла ее порыв Зульфия. — Оставайся на месте, грейся. Тебе и здесь найдется, чем заняться. Мы без тебя быстрее справимся.

— Да, а что там интересного? — поддержал свою подчиненную Куликов. — Ну, придут, начнут эти скребки спускать и вытаскивать, спускать и вытаскивать... И так до тех пор, пока не очистят стенки. Вот и все.

— Долго?

— Хорошо, если сегодня закончат. Смотря, насколько сильно засорилась труба. А у тебя и впрямь дел тоже хватит... Наши ветераны уже собираются. Я их специально от работы освободил. Пусть учатся рассказывать.

Ветераны совсем не были похожи на ветеранов в привычном понимании этого слова: сильные, крепкие мужики с обветренными лицами; статные, красивые женщины.

— Это и есть ветераны? — с долей некоторого сомнения в голосе спросила она, как бы обращаясь сразу ко всем.

— Вот именно, — улыбнулся Куликов.

Рита включила «репортер».

— Когда я сюда приехал, Сургут был деревней. Очень чистой, зеленой деревней. Мы пешком ходили. Тротуарчики деревянные, такие же деревянные и дома, контора располагалась в нескольких вагончиках. — Рассказывал мужчина средних лет с проседью в черных волосах. Он держал в руках шапку, и все время перебирал пальцами ворс. — Трудновато сначала жилось — в смысле бытовых условий, имею ввиду. — Вздохнул. — Некоторые до сих пор еще в вагончиках маются. Воду нам привозили на машине-водовозке. Летом ее по улице трактор тянул. Такие дороги были! Подъедет — сигналит на всю улицу! Электроэнергию включали на один час — с восьми до девяти. Хочешь, готовь обеды-ужины, хочешь — белье

гладь или стирай. Что успеешь... Мы зимой с вечера натопим вагончик – дышать нечем. Дети на койке, мы с женой – на полу. К утру от изобилия тепла одни воспоминания: иногда встаешь – волосы примерзли к полу!.. – к концу речи на лбу мужчины выступили капельки пота. Они медленно скатывались по раскрасневшемуся лицу, но тот даже не замечал. Так волновался.

Его воспоминания подхватила товарный оператор Лидия Кириллова. Выглядела она очень молодо. Густые темные волосы гладко зачесаны, брови над большими карими глазами, сведенные к переносице, выдавали напряжение:

– Ездили на работу сначала на АТЛках – это такая гусеничная техника, на тракторах. Позже на Уралах. По три-четыре часа добирались сюда. Однажды застрял по дороге ЗИЛок. Мы его вытащили, а мост нашей машины остался в грязи, оторвали... Ехали вповалку, в спецовке, закопченные, промасленные... Молодые были – ничего не страшно! На нашей дожимной станции центробежные насосы прямо на улице стояли. Представляете?! 53 градуса, а нам, женщинам – товарным операторам – надо набивать сальники на таком морозе голыми руками, выжечь ведра, которые назывались временной канализацией. А это копоть, гарь, дым... И мороз... Все время – ощущение мороза. Лет девять вот так-то работали, пока эти насосы под крышу не подвели. А уж когда крыша над нашими головами да насосами появилась, мы вовсю разошлись: цветы начали разводить. У нас везде теперь цветы, вы обратили внимание? И на территории летом высаживаем цветочки. И в насосной чисто, как в молочном цеху. Гости у нас теперь частенько бывают: дети, студенты, иностранцы, даже американцы побывали. Глазам своим не верят, когда видят как у нас на промысле уютно.

Иногда мы до хрипоты спорим. Почему? Думаем над тем, как жить и работать лучше. Чтобы все по-человечески было, а не по-пещерному. Коллектив дружный, даже очень. Нам доверили самое сокровенное, самое дорогое, самое золотое – нефть. Сколько сил и здоровья положено, чтобы ее найти, чтобы она пользу начала приносить народу... Мы же понимаем. Мы все понимаем. – Кириллова говорила уверенно и убежденно. Она была горда собой и своими коллегами. Это ощущалось в ее голосе и невольно передалось Рите. Глазам этой женщины и ее голосу нельзя было не верить.

«Вот она – гордость истинной королевы», – подумалось ей тогда.

– Для меня самое страшное было – ночь. Темно, а надо идти в «стакан», резервуары такие, мы их «стаканами» называем. И надо каждый раз смотреть, как там себя чувствует нефть. Я подходила и думала: «Ой! Боже, сейчас кто-нибудь подойдет и сбросит меня туда, в этот «стакан». И хоть тайга кругом, людей не должно быть, но все равно страшно... – Маленькая худенькая женщина оглянулась на своих коллег и смущенно замолчала: то ли она сказала. Ее волосы колечками выби-

лись из-под пухового платка, делая порозовевшее лицо еще более привлекательным.

— Кто это? — шепотом спросила Рита у Куликова.

— Расима Батуллина, тоже товарный оператор.

А женщина продолжала:

— Мы сначала жили всей кучей в общежитии, в Старом Сургуте. Сын пошел в третий класс. Школа была здесь, в поселке. Ребенок туда-сюда ходил ежедневно по десять километров. За сезон изнашивал две пары кирзовых сапог! Представляете, какая грязь была?! А шестилетнюю дочку приходилось на весь день оставлять одну. Потом нам дали двухкомнатную квартиру в деревянном доме. Мы так обрадовались!.. — Помолчала немножко. И продолжила. — В одной комнате наш работник с женой и с двумя детьми, а в другой мы с мужем и с тремя ребятишками...

— А сейчас-то у вас есть своя квартира? — не выдержала Рита. Она не поняла восторгов Расимы по поводу квартиры, в которой люди жили как в муравейнике.

— Получим... Скоро... — Расима подавила вздох. Но, опомнившись, закончила с энтузиазмом: — Говорят, дом скоро сдадут, там нашему управлению выделяют несколько квартир!

— Да, да, — подтвердил Куликов, но, как показалось, сделал это с усилием. Рита покачала головой, представив, КАК живут эти люди.

— К одиночным скважинам, когда идешь летом по болоту, оно, аж, трясется все под ногами. Ходит вот так... — показала, раскачивая руками Любовь Чернышова. — Вскрикиваешь, но идешь, потому что надо!

У этой женщины, а выглядела она лет на тридцать, черные косы были уложены вокруг головы, как корона. Рите казалось, что таких густых волос уже не бывает. Тем более, на Севере, где недостаток витаминов должен был сказаться и на волосах.

«Видимо, она очень хорошо за ними ухаживает», — проскочила некстати мысль, но тут же внимание переключилось на ее рассказ:

— Вот, вы сегодня сами ходили с Зульфией. Наверное, убедились, как не просто быть оператором. Каждый день постольку километров отмакиваем. Хорошо зимой — на лыжах. А летом-то по болоту приходится ходить! Иной раз и провалишься, бывало такое! И потом, наши обязанности не только пробы брать. Мы должны следить за чистотой арматуры. Разводим солярку на костре и моем скважины. Летом красим их краской. А ведь это все — краску, инструмент — надо самой нести! Ключи в сумке, краска, солярка, пробы, бутылки — все с собой таскаешь! Но самое сложное — скребки спускать, когда очищаешь скважину от парафина. Очень тяжело!..

Представляете, каково там сейчас Зульфие приходится вместе с ребятами?!

Рита представила; и ее даже морозцем охватило.

— Не женская это работа, — подтвердил Куликов. — Я всегда говорил

и говорю об этом, хотя женщины и возражают. Поэтому мужиков отправляю вместе с ними на объект. Там сила нужна.

Не привыкшие к особому вниманию нефтяники говорили обо всем откровенно, раскованно, не мудрствовали, не выбирали выражений. Выговаривались до донышка. Это были люди, которые не делили работу на сугубо «мою» и «твою». Каждый делал то, что было необходимо, не зная иногда ни выходных, ни праздничных дней. Надо штукатурить? Штукатурили, хотя и не маляры. Надо ремонтировать насосы? Ремонтировали, хотя и не слесари-ремонтники. Надо валить лес? Валили, хотя и не лесорубы. Ни от чего не отказывались!

Их детишки пошли в первый класс, а они вот здесь, на этом первом нефтяном промысле, постигали реалии суровой школы жизни.

Время пролетело, словно стремительный ветер, полосающий небо.

— Извините, товарищи, вахтовый автобус пришел, пора ехать в город, — вернулся ветеранов ко дню сегодняшнему Куликов.

— Так ведь я вас еще не записала? — огорчилась Рита.

— А надо ли? Может, хватит уже?

— Нет-нет! Что вы! Только я не знаю, как потом буду выбираться отсюда.

— Не переживай, уедем на УАЗике. Все-таки, у начальника цеха пока что есть своя оперативная машина, — усмехнулся он и пошел провожать вахту.

* * *

За окном сгостились сумерки. И Рита вдруг представила, как приехали сюда вот те самые люди, которые только что сидели рядом с нею. Они были первыми. Два вагончика, один — для геологов, другой — для руководства цеха. Операторы обслуживали сначала три, а потом восемь разведочных скважин. Эксплуатационного бурения еще не было. В их распоряжении — два трактора, трубы, соединяющие подземные артерии с емкостью (она возвышалась над тайгой, как огромный стакан), в которую собирали нефть. Затем сепарировали ее, как молоко, и тракторами откачивали на товарный парк. Тысячу тонн в сутки. По заданию руководства.

— Однажды прилетел сюда вертолет, — рассказывал неспешно Куликов. — Привез целую делегацию из Академии наук СССР. Вместе с ней главный геолог — самый ученый среди нас и тогда, и сейчас — Шамшаев. Говорит, покажи им нефть. Я взял ведро, открыл вентиль. Жидкость пошла такая темная, пенистая... На улице, помню, очень жарко было. Подношу — они руки туда, в ведро, окунули. Ну, прямо, как дети малые радовались: «Вот она, родимая!»

Оказывается, это были ученые-теоретики, которые доказывали (и доказали!), что в Среднем Приобье есть нефть. Живую нефть они увидели впервые у нас. Ну, их тут снимали на фото, на кинопленку, и потом эти руки маслянистые, черные — нефть еще так на солнышке блестела — часто показывали в выпусках программы «Время».

Куликов замолчал. Его руки — большие, обветренные, с коричневатым оттенком от въевшегося в морщинки мазута, лежали на столе как свидетели всего пережитого. А оно действительно было исключительным во всех отношениях... Только вот его руки по телевидению так ни разу и не показали.

Помимо завербовавшихся за «длинным рублем» добровольцев, молодых задорных стройотрядовцев, специалистов-коммунистов, посланных в необжитый край выполнять особо важное задание партии по освоению подземных кладовых Севера, на территории этой трудились и заключенные. Естественно, им отводилась самая примитивная и физически очень тяжелая работа — контингент ненадежный, зато выносливый. И, разумеется, безотказный. Приходилось применять меры предосторожности. Поэтому руководители имели право на ношение боевого оружия.

Рита вспомнила, как однажды, убирая спальню родителей, заметила под подушкой у отца пистолет. Значит, и первые геологи, в числе которых работал ее отец Павел Романович Васильев, тоже находились в исключительно сложных условиях. Тогда, годы назад, на ее вопрос «Зачем тебе оружие?» он ответил: «Положено». И все. А про опасности — ни слова.

Эпизоды, рассказанные Александром Николаевичем Куликовым, нанизывались, как бусинки в ожерелье. Один к одному: по величине, значимости, яркости впечатления...

К примеру, силами солидного подрядчика была построена магистральная труба до товарного парка. Пришло время подводить к ней сеть труб от одиночных скважин. Как? В каком направлении? Ни геодезистов, ни маркшейдеров... И вот приезжает на промысел Егоров Дмитрий Николаевич, главный инженер.

- Надо строить трубопровод.
- Как? — спросили операторы по добыче нефти.
- Ручками! Видите вон ту сосну? — показал в сторону емкости.
- Видим.
- Вставайте на лыжи и идите прямо на нее.

Пошли. Вот так и «топтали» трассу. Сначала на лыжах. Затем бульдозером расчистили снег. Траншею не копали — земля промерзла так, что не докопаешься. Положили трубы, сварили в единую плеть. Ни много ни мало, пять километров... А потом ходили по этой трубе до самого товарного парка, следили, чтобы кто-нибудь ненароком не переехал, не повредил, не нарушил... Трубы так и лежали открытыми, поэтому гарантии их сохранности ни у кого не было.

Егоров — мужчина небольшого роста, постоянно путался в длинных полах своего тулупа, но впечатление неуклюзого человека пропадало тут же, только начинал говорить: коротко, властно, без обобщений и призывов.

Надо было строить третью дожимную насосную станцию. Встал вопрос об электроэнергии. Где взять? «На товарном парке», — у Дмитрия Николаевича, оказывается, уже был готов ответ на этот вопрос. Там стояли мощнейшие дизеля. Но вот беда: расстояние между объектами семь километров.

— Сделаем сами. Надо сделать! — И операторы получили новое задание: заготавливать деревянные опоры для линии электропередач.

— Сначала выбирали сосну, чтобы она соответствовала требованиям по размеру и качеству, — рассказывал Куликов. — Потом ее нужно было срубить, обрубить сучки, ошкурить, словом, подготовить. Норма — четыре опоры в день на каждого человека! Не-воз-мож-на-я!

Конфликт вспыхнул моментально, как костер у опытного таежника. Операторы доказывали, что за короткий зимний день такие объемы им не по силам. День короткий — в три часа уже темно.

Егоров стоял на своем. И тогда Куликов предложил:

— Вы сделайте сами четыре опоры за день, а мы посмотрим. Сумеете — значит, и мы сможем.

Тот, не долго думая, согласился с подчиненными:

— Хорошо, будь по-вашему, три опоры...

Как поняла Рита, в то время зимой нефть не добывали. Ее просто некуда было девать. Ну, заполнили емкость на месторождении, на товарном парке. А дальше? Трубопровод магистральный только начали строить. Ждали навигацию. Вот придут нефтеналивные баржи, тогда и нефть «отправится» на Омский нефтехимический.

Бывали такие случаи, когда диспетчер, напутав, отправлял баржи в совершенно другой пункт назначения. И тогда... Невыполнение плана и все, что обычно было связано с последствиями производственного срыва: проработка на ковре у начальства, лишение премии, очередные увольнения и отток специалистов. Оставались лишь самые упрямые да уверенные в том, что эта земля — их будущее.

Потому операторы по добыче нефти занимались всем, чем угодно. В том числе и строительством ЛЭП. Кстати, к весне электроэнергию они, все-таки, тогда подали на третью дожимную.

А еще «первым» приходилось строить дома, конторы, подсобные помещения. Особой заботой были дороги. Целый день иногда уходил на то, чтобы доехать до промысла: то машина сломается, то временный мост через ручеек потребует ремонта, то просто забуксуют... В таких случаях выгружались в невообразимую грязь, добирались в болотниках до леса, рубили деревья и подкладывали их под колеса.

— Только с пуском магистрального трубопровода Усть-Балык — Омск мы смогли перейти на постоянную, круглогодичную добычу нефти. И продолжаем это делать до сих пор, — рассказывал Рите Александр Николаевич. — Я считаю, что промысел — это самое «долгоиграющее» подразделение, которое способно работать не менее двухсот лет.

В мире за 150 лет существования нефтяной промышленности еще ни одно месторождение не было ликвидировано из-за окончательного ис-тошения недр. Промыслы прекращали работать по разным причинам: стратегическим, экономическим и всяkim другим. Но ликвидировать их никогда и никто не посмел! Поэтому, считаю, у нас тоже – большое будущее. Впрочем... – взглянула на Куликова Рита.

– Вас что-то тревожит? – спросила Рита.

Куликов нахмурился. Сжал кулаки. Подумал. Она терпеливо ждала.

– Что же все-таки? – напомнила она ему о своем присутствии.

– Есть такое дело... – Куликов, кажется, еще не был уверен: говорить или не говорить о наболевшем. Видимо, все же рискнул: – Видишь ли, это не для микрофона. Думаю, тебе и не позволят сказать правду.

– Почему? – удивилась.

– Тут все упирается в сегодняшние, – подчеркнул он это слово, – интересы государства. А вы – хоть и четвертая власть, но против этих интересов не попрете...

– Не попрем, – согласилась сразу. – И все-таки, вы хотя бы лично для меня объясните суть вашей озабоченности.

– Ну, если только для тебя, тогда отключайся, – показал на микрофон.

Рита выключила «репортер». Молча уставилась на Куликова. Ждала, что же такое особенное сейчас предстоит услышать... Ведь ей казалось, что между интересами государства и тем, что дает сегодня промысел, полное единство.

– Меня сегодня волнуют не трудности, выпавшие на нашу долю. В иных местах люди живут не краше, а условия работы и того хуже. Меня просто в негодование приводят те установки и волевые распоряже-ния, которые нас заставляют открывать задвижки... по принципу: чем шире, тем лучше. И все это во имя дополнительной добычи нефти. Не-взирая на то, что мы тем самым губим пласти.

– Не поняла... – у Риты даже глаза расширились от удивления.

– «Не поняла», – усмехнулся Куликов. – Кое-кто этого тоже не по-нимает. Или не хочет понимать. Вот, предположим, поехал наш генсек в Индию. Допустим, там они поговорили об экономических связях. Взаимовыгодных. Тут же следом по Главку и к нам конкретно идет при-каз: «Увеличить добычу нефти на столько-то тысяч тонн». Зачем? Почек-му? На основе чего? Ведь месторождение не готово к такому увеличе-нию. Начинаешь объяснять: мы же портим пласти, губим промысел! Никакой реакции. Команда дублируется: «Открывай задвижки на пол-ную катушку!» – И... приходиться выполнять приказ. – Куликов сжал кулаки так, что косточки пальцев хрустнули. – Я по этому поводу сколь-ко раз обращался наверх. Только кому оно нужно?! Мое мнение... – вздохнул тяжело, достал пачку «Беломора», не спрашивая разрешения у Риты, закурил, глубоко вдыхая дым.

— Может, мы об этом все же расскажем? — спросила осторожно.

— Ты думаешь, что я этого разговора боюсь?! — удивился Александр Николаевич. — Не позволят тебе! Я-то уже говорил об этом на всех доступных и недоступных уровнях. И что? Ничего! — ответил сам себе на вопрос. — Впрочем, кое-чего добился: ищут повод, чтобы избавиться от строптивого. Наверное, найдут...

— Не может быть! — засомневалась Рита. — Если вы правы, то почему?

— А потому что все делается в угоду сиюминутным интересам. Нефти здесь достаточно нашли. Считается, что ее хватит на несколько поколений советских людей. Ее пока действительно много. Сегодня. И, вроде бы, ни к чему тревожиться из-за какого-то одного промысла. Тем более, что общие интересы государства подкрепляются весьма мощным валютным потоком... На котором вся наша нынешняя экономика держится. Только ведь этот поток невечен. Вот, помяните мое слово.

Рита не нашла что ответить. А Куликову больше ни о чем не хотелось рассказывать. Он был озабочен своими проблемами.

* * *

Когда, вернувшись в редакцию, Рита пересказала обо всем Ковеленову, тот, ни секунды не сомневаясь, посоветовал:

— В юбилейной передаче об этой крамоле — ни слова. ЛИТО все равно не пропустит.

— А в другой раз?

— И в другой раз — тоже, — раздумчиво ответил Владимир. — Записи Куликова у тебя нет. Следовательно, это будут лишь твои собственные измышления. Их примут за злобный вымысел. А вот во имя чего? Найдут, во имя чего. Так что не ищи приключений на свою... задницу. Просто рассказывай о... королях и королевах. Это и нужно, и безопасно.

Грубо, но откровенно учил корреспондента Риту Васильеву заместитель главного редактора.

О королях и королевах она, конечно, говорила. И тогда и потом, некоторое время спустя. Но всякий раз во время подготовки очередной передачи перед ее взором внезапно возникал облик начальника цеха, нефтяника — отнюдь не королевской внешности. И слышала она его жесткий, напряженный голос... Это был голос человека, заболевшего неизбывной тревогой за будущее того дела, которому он отдал всю свою жизнь.

* * *

Из-за горизонта поднималась абсолютно желтая, «обглоданная» с одной стороны луна. Она была похожа на кусок сыра, который ворона из басни Крылова держала в клюве, взбравшись на ель. Луна карабкалась на небо медленно и уныло, как время, которое нельзя поторопить. Ночное светило поразило Риту небывалыми размерами. Такое — редко бывает.

Она смотрела в окно и ждала звонка. Неужели и сегодня не позвонит из далекой Тюмени Алексей Серебряков? Вот уже три недели она не слышала его голоса. Может быть, он звонил, когда была в командировке? Может... Но это предположение почему-то не утешало. Тоскливо... Хотелось любви и внимания, хотелось опьянеть от поцелуев, потерять голову... И вообще, хотелось в Тюмень, к нему. Сидеть и всю ночь слушать песни под гитару в его исполнении...

Рита не ошиблась в своих предчувствиях. Он позвонил. И опять он был ошеломляюще красноречив. Не дав ей опомниться, он заговорил:

— Я хочу быть деревом под твоим окном, чтобы каждый листочек на шептал тебе о моей Любви.

Я хочу быть прохладным чистым родником в пустыне, чтобы утолить твою жажду.

Я хочу быть лучиком Солнца, который развеет твою печаль и согреет в темную ночь своим радостным весельем...

Здравствуй, любимая. Ты меня еще помнишь?

— Да, да, конечно!.. — поспешила она, боясь, что Алексей снова положит трубку.

— Я очень, очень, очень скучаю! Весь мир тускнеет без тебя...

— Где ты так красиво научился говорить? — все-таки не удержалась она от вопроса.

— Это не я говорю, это мое сердце кричит, моя любовь, моя тоска по тебе... До свидания, любимая...

И снова в трубке зазвучали короткие гудки.

— Вот, черт! — не выдержала Рита. — Ну, что за манера?! Не дал даже сказать ничего!

Ей тоже хотелось порадовать его красивыми, ласковыми словами. Хотя бы словами, раз по-другому пока не получается. Но, видимо, они ему были не нужны, раз не стал слушать. Даже не попытался. Значит, слишком уверен, что и она испытывает к нему такие же чувства. Что ж, он прав. Только почему это ее так раздражает?..

ПОСТИЖЕНИЕ ТРУДНЫХ ИСТИН

Вредакции женщины к 23 Февраля всегда готовились заблаговременно и тщательно. Тайно от мужчин делали записи их голосов на пленку, когда те рассказывали анекдоты или случаи из своей жизни, просто болтали в курилке.

Там время от времени сидел агент от женской команды, якобы со сломанным «репортером» и делал вид, что возится с ним, а на самом деле в это время записывал мужские посиделки.

То же самое происходило в кабинетах, в аппаратной при записи передач. Как правило, сильная половина остерегаться таких ситуаций начинала примерно за неделю. Но к этому времени у женщин уже все было собрано: тексты, в которые искусно вплетались голоса каждого коллеги-мужчины, и общий сценарий праздничной передачи сюрпризами друг для друга, которая в обиходе называлась радиохокмой. Как правило, такая специальная передача была наполнена дружескими шаржами, комплиментами, своеобразным юмором. Записывалась, оформлялась музыкальными фрагментами и монтировалась скрытно, когда все сотрудники мужского пола расходились по домам. А чтобы никто заблаговременно не смог прослушать женский труд, делали это в последнюю ночь перед 23 Февраля.

Только одного человека невозможно было записать – Валерия Константинова, собкора областной редакции. Появлялся он в коллективе на очень короткое время, говорил мало и тихо, выписывал пленку на бобину и отправлял ее в Тюмень. Он мог перекинуться несколькими фразами с Ковеленовым, но уж совсем по-деловому, исключительно однозначно. Поэтому ничего интересного для предстоящего праздника женщины так про него и не записали. Тогда Руфина тайно перенесла с его «репортера» всего несколько слов – тех, которыми он обычно проверяет готовность техники к работе.

В праздничных мероприятиях редакции Константинов всегда принимал участие. Пришел он и на этот раз, вполне уверенный в том, что женщинам не удалось нигде его поймать на слове, и фрагмента о нем в радиохокме в этом году по-прежнему не прозвучит.

Отдельные сцены – кусочки сценария готовили все творческие работ-

ники. Общую тему задавал автор. А тема на сей раз, была такова: мужчины отправили в загранкомандировку. Имея на руках всего несколько более или менее подходящих фраз, каждому творческому работнику, представляющему слабую половину редакции, нужно было расписать ситуацию, в которой данный человек мог произнести эти фразы.

Фантазии у женщин хватало, работали все с превеликим удовольствием, смеясь над придуманными сюжетами и предвкушая тот гомерический хохот, которым будут вознаграждены их усилия во время прослушивания.

И смех этот, действительно, был наградой.

Радиоохому включали только после трех тостов: когда уже весело, но еще не пьяно. Валерий Константинов скромно стоял у стены и вместе со всеми смеялся над розыгрышами, придуманными женщинами, отправивших коллег-мужчин в командировку по разным странам мира. И вот, после очередной музыкальной паузы пришло время следующего фрагмента. Чей-то бесстрастный голос произнес: «Стояла тихая лунная ночь. Бледные звезды рассыпались по небу, выйдя погулять. Валерий Константинов втайне от жены, когда все уже было готово для заграничной поездки, начал собирать чемодан. Зашел в комнату, которая в семье служила детской, и решил попрощаться со своими отпрысками. Что-то смутило его в этот момент. Комната была переполненной. Лунный свет, пробиваясь сквозь прозрачные шторы, слабо освещал детские мордашки.

— Сколько же их? — подумал Константинов с тоской, невольно сжимающей сердце. И начал считать.

В этом месте голос Валерия Константина медленно начал отсчет:

— Один... два... три... четыре... пять... шесть... семь... восемь... девять... десять... одиннадцать...

Говорил собкор областного радио тихо, размеренно, монотонно. Именно так он проверял "репортер": идет или не идет запись. И считал всегда почему-то до одиннадцати.

Присутствующие заряжали от восторга. А между тем рассказчик продолжал:

— Боже! Неужели так много?... глазам не верю... Один... два... три...

"Может, не стоит ехать за границу? — подумал разочарованный Константинов. — Ведь их надо всех кормить... Когда же я успел все это сделать? Ведь мне всегда так некогда!"

Третий этап пересчета детей заглушил единодушный хохот. «После этого наш герой успокоился. И, задувши сомнения, тихо вышел из комнаты; прихватив собранный чемодан. От греха — подальше».

Музыкальная пауза дала возможность всем досмеяться. Присутствующие смотрели на Константина. Он смущался как всегда, но тоже смеялся:

— Ну, здорово придумали, а я-то осторожничал. Думал, и на этот раз без меня обойдется, — сделал он женщинам комплимент.

Между тем радиохома продолжалась. Все веселились от души. Недавно назначенный председатель комитета по телевидению и радиовещанию Михаил Юрьевич Гайнулин смеялся вместе со всеми. В то время, как все стояли, его посадили в единственное в редакции кресло за стол, накрытый зеленою скатертью. И Гайнулин сидел там, чувствуя свое превосходство и исключительность.

Михаил Юрьевич впервые слушал радиохому. Он еще не знал ее меканики, но догадывался, как это делается. В свою должность он вступил с Нового года.

Из-за отсутствия специального помещения под новую идеологическую структуру его кабинет находился в здании окружкома партии. Ему, конечно же, не нравилось, что редакция радио размещалась в одном месте, телевидение – в другом, а он – руководитель – в третьем. Но, ничего не поделаешь. В какой-то степени его душу грело то обстоятельство, что новую должность – председателя окружного комитета – причислили к высокому рангу руководящих работников и не заставили искать себе кабинет либо на радио, либо на телевидении, сотрудники которого тоже сидели друг у друга на голове, имея зачастую один стол на двоих.

Михаил Юрьевич еще плохо знал коллектив. Он только начал входить в курс дела. Слабо представлял и свою роль в управлении, потому что и радио и телевидение, прежде самостоятельные организации, работали нормально, не мешая друг другу. Но с Нового года сверху, из самой Москвы, поступила команда объединить их в единое целое.

Для начала из двух бухгалтерий образовали одну, добавив новых специалистов. Изначально благая идея по сокращению штатов, в конце концов, обернулась ростом чиновниччьего аппарата. Но этого уже никто не замечал. Партия сказала: надо!

И вот сейчас, сидя в кресле, довольный особым вниманием, руководитель хототал вместе со всеми над шутливой передачей, имеющей такое необычное название «радиохома». Кстати, она уже подходила к финалу. И тут зазвучал куплет одной веселой песенки со словами: «Я – король, я – король...».

Михаил Юрьевич, почувствовал, как все взоры собравшихся в комнате людей, устремились на него. А когда услышал собственный голос, понял почему: фрагмент был посвящен ему. Никаких рассказов о загранице. Просто куплет песни, заканчивающийся словами: «...кого хочу – озолочу, кого хочу – поколочу!» и его голосом сказанное: «Повесить, повесить! Повесить!!! Я сказал!» – и далее следующий куплет.

Гайнулин сначала не понял: откуда взялась эта запись? «Они что? И голоса умеют имитировать?!» – пришла в голову испуганная мысль. Сознание во время звучания следующего куплета лихорадочно пыталось восстановить в памяти все последние разговоры, во время которых он мог произнести эти слова.

И вспомнил.

Буквально на днях ему звонила редактор радиовещания Светлана Перевалова — советовалась по поводу размещения-стенгазеты, посвященной Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота. В этом году ее впервые решили посвятить всем мужчинам коллектива только что образованного комитета. Светлана спрашивала, в каком здании ее повесить: на радио или на телевидении? Помнится, связь была плохая. Перевалова все время переспрашивала. И доверчивый руководитель, совсем не ожидающий подвоха со стороны, кричал в трубку: «Повесить у вас, да, да!!! На радио! Повесить! Повесить!!!»

Хитрые девчата все остальные слова убрали, что называется «вычистили», оставив только то, что требовалось по сценарию.

Михаила Юрьевича порадовала находчивость своих подчиненных. Вообще он остался доволен вечером. Обратил внимание и на то, что в редакции радио, по-прежнему много красивых женщин. Уж в этом-то он знал толк. И теперь соображал, как их привлечь к работе на местном телевидении, чтобы оно стало более привлекательным. К тому же специалистов на периферийном телевидении не было. Приглашать со стороны не представлялось возможным, потому что этой специальности не обучало ни одно учебное заведение страны. В то время, когда радио уже прочно стояло на своих ногах, телевидение еще делало первые шаги на четвереньках. Именно потому с Нового года редакция радио «оголилась» — ушли заочник журфака Дмитрий Корольков и старший редактор Людмила Курбанова. Среди прибывших к телевидению неудачников — несостоявшихся юристов, артистов, педагогов-филологов, инженеров... — бывшие преуспевающие сотрудники радиовещания стали главными специалистами. Но доморощенные кадры совсем не удовлетворяли растущие требования «белого дома». Там были уверены, что работают «не так», а вот как надо — никто не знал. Телевидение само по себе еще было совсем молодым. Творческому объединению «Экран», появление которого считалось моментом рождения профессионального кино на телевидении, еще не было и десяти лет. К тому же, в таежном, болотистом крае голубой экран светился лишь в избранных квартирах.

Михаил Юрьевич довольно долго приглядывался к обоим коллективам. В конце концов, решил и дальше привлекать наиболее способных и обаятельных сотрудников радио к подготовке передач на телевидении.

Заняв свой руководящий пост, Гайнулин быстро понял, что кадры и в творческом коллективе решают многое, если не все. В том числе и степень устойчивости кресла, которое ему сейчас доверили — привлекательное, высокооплачиваемое и глубокоуважаемое.

Решение пришло как-то само собой. Мгновенно. Под смех над радиоохомой... Ничего не подозревающие женщины, между тем, глядя на довольного Гайнулина, облегчению вздохнули. Значит, не обиделся, понял их шутку как надо. Значит, потрафили самолюбие новому руководителю и никаких карательных мер не предвидится.

* * *

Впрочем, все-таки своеобразные последствия не заставили себя долго ждать. Через несколько дней Михаил Юрьевич Гайнулин приехал в редакцию.

— Черт знает, что творится, — пожаловался с порога Гельберту.

— А что творится? — поднял на него взгляд Алексей Александрович.

— Сейчас разбирался со своими мужиками. Представляешь, послал в командировку оператора и корреспондента. Они почти неделю пробыли в национальном поселке и ничего не привезли. Никакого материала! Спрашиваю: почему? Один говорит: «Знаете, Михаил Юрьевич, лучше бы вы меня не посыпали с этим Петькой. Оказывается он такой пьяница! — изображая оператора, говорил Гайнулин. — Пока я снимал поселок, он с этими хантами напился до такой степени, что под стол свалился. Я прихожу, а он валяется! Что я мог сделать без корреспондента?»

Главный покачал головой, усмехнулся, представив эту «веселенькую картинку».

— Да-а, некрасиво получилось... — согласился он, лихорадочно сообщая, к чему клонит председатель комитета. Ведь не для того, чтобы байки рассказывать о своих подчиненных, прибыл сюда руководитель.

— Это еще что! — возмущенно продолжал Михаил Юрьевич. — Но ведь когда так называемый Петька стал рассказывать свою версию, он слово в слово повторил рассказ оператора: «Знаете, Михаил Юрьевич, лучше бы вы не посыпали меня с этим Васькой! Он такой пьяница! Пока я собирал материал для передачи, готовил к синхрону председателя посовета, он до такой степени напился с хантами, что под стол свалился. Я прихожу, а он валяется! Что я мог сделать без оператора?!»

Гайнулин корреспондента тоже неплохо изобразил.

Гельберт не выдержал, рассмеялся:

— Сообразительные у нас сотрудники телевидения...

— Даже очень! ...А где других взять? Оператора только-только выучили в Москве! Так он пьет, как собака. Хотя собака и не пьет вовсе. И другой не лучше! Петьку этого мне посоветовали взять из отдела культуры. Писать ни хрена не умеет, но любую возможность использует, чтобы напиться! Пока под присмотром жены — еще ничего. Как только в командировку куда-нибудь поехал — все! Считай, пропал!

— Увольнять таких надо, — посоветовал Алексей Александрович.

— А с кем работать?!

Помолчали.

— Так что, дорогой мой, придется делиться кадрами, — сделал вывод из всего сказанного Гайнулин.

— Постой, постой, так вы и без того у нас уже двоих забрали, — возмутился, было, Гельберт.

— Ничего, — успокоил Гайнулин. — У тебя вон какой потенциал! Не чета телевидению... Словом, давай, вызывай по одному, я сам беседовать буду.

Смотрины проходили по всем правилам. Учитывался стаж работы, внешность, голос, грамотность речи (и чтобы без дефектов), даже вес... Разве что, в рот не заглядывали, как коню на базаре, хотя и зубы тоже имели значение.

Пригласили для разговора и Риту Васильеву.

— Присаживайся, — распоряжался в чужом кабинете Гайнулин.

Рита села. Всем видом выразила почтение к начальству, совершенно не догадываясь о чем пойдет речь.

— Вот, Рита, Михаил Юрьевич решил пригласить тебя на телевидение, — вступил в разговор Алексей Александрович. В коллективе его по привычке называли Главным.

— Как?! — опешила Рита, — на телевидение? А что я там буду делать?

— Работать. Как и здесь. Только для экрана, — пояснил Гайнулин.

— Да, что вы! Я не умею ничего, не знаю, как это... — растерялась девушка.

— Ну, пока на нашем телевидении никто не умеет работать, как надо. Все учатся, пробуют. Это новое дело не только для такой глубинки, как наш национальный округ, но и для всей страны. «Терра инкогнито» — неизвестная земля. Что-то у нас уже получается, о чем-то вообще представления не имеем. Но это не беда. В Москву тебя пошлем, там научат, — пошел в наступление председатель окружного комитета.

— Не знаю даже, что сказать... — Посмотрела на Гельберта, но тот опустил глаза. Непонятно было: хочет он отпускать Риту или нет. — Заманчиво, конечно, но страшно, — честно призналась девушка.

— Это сначала страшно, а потом привыкнешь. Вот, Алексей Саныч говорит, ты хорошо работаешь. Передачи делаешь умные, грамотные. К тому же, молодая, красивая. На экране такие нужны.

Гельберт сидел, стиснув зубы. «Вот наглец! — думал про себя. — Пришел на готовенькое, сейчас опустошит всю редакцию, и был таков! А я с кем останусь? Опять новичков обучать»?!

Но вслух сказал по-стариковски обреченно, на всякий случай:

— Ты подумай, Рита, время еще есть.

— Времени у нас как раз и нет. На март — надо посмотреть на какое число — есть разнарядка на учебу. В Москве. Поедешь?

— Поеду! — моментально согласилась, уже ни в чем не сомневаясь.

— Ну, вот и славненько, — поддержал ее решительность Гайнулин. — Алексей Саныч сообщит тебе, когда надо ехать. Я буду держать его в курсе.

...По коридору Рита летела как на крыльях. Прямо с порога кабинета заместителя Главного восторженно закричала;

— Ребята-а, ура-а! Я в Москву еду!

— Зачем? — поднял взгляд невозмутимый Владимир Ковеленов.

— Учиться!

— Ты же недавно университет закончила! — увеличилось удивление.

— А я буду учиться работать на телевидении, вот!

- На каком телевидении?
 - На нашем.
 - А ты-то тут причем?! — вступил в разговор Николай Алипов.
 - Гайнулин пригласил на телевидение.
 - Он что, совсем уже... Кто здесь-то работать будет?! И потом учти: телевидение — это эстрада, а радио — это камерное искусство. Ты хоть раз видела, как они там работают?
 - Нет, конечно. Но ничего, научат, — Рита продолжала торжествовать, — а выражение это вовсе не твое, а великого Юрия Борисовича Левитана, вот! — между тем заметила Рита. Она была польщена предложением Гайнулина и уже строила мысленно планы о том, как именно она будет работать на телевидении. Настроение коллег ей совсем не понравилось. — Ну, ребята, порадуйтесь вместе со мной! Это же так здорово!
- Но радоваться с Ритой Васильевой ни у кого не было желания.
- Ребята прекрасно понимали, что перестановка кадров, а точнее, просто «раздевание» редакции радиовещания в пользу телевидения означает только одно: увеличение нагрузки на оставшихся.
- Не пойму я его, почему он соглашается с этим, — Ковеленов нервно застучал ручкой по столу. Алипов понял, что фраза эта обращена в адрес главного редактора. И выразил свое мнение:
 - Да ему уже все равно, наверное. Через несколько месяцев в нашем доблестном коллективе состоятся торжественные проводы на пенсию...
 - Ну, ладно, он уедет, а кто здесь-то работать будет?!
 - Ну, что ты так опечалился? — Рита все еще переживала эйфорическое состояние и никак не хотела принять тревогу коллег.
 - Володя, я буду к вам в гости приходить.
 - Ты сначала еще уйди, а потом приходить будешь, — нарочито грубо сказал Ковеленов.
 - Да, ну вас, — обиделась Рита. — Все настроение испортили. Не умеете вы радоваться за других. Только о себе думаете.
 - А ты о нас, что ли, думала, когда соглашалась перейти на телевидение?
 - Я вообще не думала. Просто Гайнулин сказал, что там кадров практически нет, очень тяжело. А нас на прорыв бросили, — почему-то начала оправдываться.
 - У нас здесь тоже вечный прорыв, только никто не замечает.
 - Ковеленов, прекрати ворчать, это тебе не идет, — вдруг строго предложила Рита. — А я на этих «Новостях» скоро от скуки засохну.
 - Хочешь, мы тебя на тематические передачи переведем? — вдохновился Ковеленов, словно нашел выход.
 - Уже — не хочу! Раньше надо было переводить. А теперь — все. Все, ребята, спасибо, что разделили со мной мою радость. Пока.
- Она вышла из кабинета, тихо прикрыв за собой дверь. Ковеленов со злобой бросил ручку на стол, которую все эти минуты вертел в руках.

— Черт! — в сердцах выругался он. — Только вроде нормального специалиста заимели, квартирку нашли...

— Да, что ты так расстроился? — заступился за Риту Алипов. — Ей и правда там интереснее будет. Это нас, очкариков, никто туда не возьмет. Такие, как она и должны светиться на экране. А что касается замены, то тут уж Главный должен подсуетиться, чтобы хоть какие-то места в общежитиях выделяли для молодых специалистов, которые хотели бы сюда приехать ...

— Я все понимаю, — Ковеленов встал, запустил руки в давно немытую шевелюру, заходил по комнате:

— Только одного не могу понять — Гельберта! Как он может так разбазаривать кадры!

Ему было очень жаль, что Рита уходит. С ней было интересно работать. Она — в постоянном поиске, что-то придумывает, вычитывает, выспрашивает постоянно. Таких неравнодушных мало... И писала она, как дышала: свободно, мягко, неслышно, весело. Легкая ирония или скрытый сарказм проявлялись редко, как болезнь в молодости. Читая ее тексты, он забывал, что это — радиопередача. Просто погружаешься в события, о которых рассказывает, в обстоятельства, в чужую боль и радость. И плачешь, и смеешься вместе с героями, не ощущая «красивостей», не оценивая «художественности» слова. Просто живешь с героями. И все.

А может быть, у нее действительно большой талант, только признать этот факт пока никто не решился. Слишком мало времени прошло, чтобы поставить, как говориться, заключительный диагноз. Но все равно, даже если бы он был поставлен, этот диагноз, вслух вряд ли кто-либо его произнес. Ведь каждый творческий человек считает себя исключением из правил. И если рядом с тобой, в одном кабинете, пребывает талант, то кто же тогда он сам? Правильно — посредственность. Ремесленник... хотя этим званием тоже следует гордиться. Но не каждому. Таких, в ком можно признать талант, да еще сказать об этом вслух, — в провинции пока мало.

О талантливости по отношению к коллегам здесь говорили очень редко и, как правило, в юбилеи, перед уходом на пенсию или посмертно, у гроба. Так менее болезненно для самолюбия окружающих.

* * *

Сотрудники редакции, конечно, имели привилегию обедать в окружкомовской столовой, но для этого нужно было брать специальный пропуск, который ежемесячно следовало подтверждать в одном из отделов окружкома. Причем количество пропусков было ограничено, и Главного всегда это смущало. Он не знал, кому отдать предпочтение. Процедура была унизительной для всех и для него в первую очередь.

Женщины, жалея коллег-мужчин, в большинстве своем людей одиночек, отказывались от пропусков. К тому же им проще было прино-

сить из дома бутербродики, печенье и конфеты, и ограничиваться традиционным чаепитием. Мужчины таким испытаниям свой желудок подвергать не могли, несмотря на откровенную дороговизну. Они предпочитали либо вообще перебиваться сладким чаем, либо убеждали Главного остановить свой выбор на собственной персоне, так как возможности питаться в общежитии сводились к нулю по причине лености натуры или стеснительного характера. В конце концов, не каждый умел готовить.

Те же, кто не ездил домой на обед из-за дальнего расстояния, скидывались на баночку консервов или селедочку, хлеб, масло, а если повезет, и колбаску для общего стола.

Трудности подобного рода сближали и сплачивали. За чашкой чая легче было общаться. Здесь можно было узнавать подробности из жизни коллеги, поближе понять его характер и разобраться в привязанностях.

В одно из таких чаепитий Нина Семенова и задала, видимо, давно назревший вопрос Рите:

— У тебя есть парень?

— Вас это интересует вообще или в частности? — парировала от неожиданности Рита. Чай выплеснулся у нее из кружки и залил белые листы, на которых лежали бутерброды.

— Я просто подумала, что девушка с такой внешностью не может быть одна. Даже юная Настя и та замуж собирается, а ты ведь постарше будешь... — только тонкие натуры могли уловить в этих словах язвительную нотку. Рита не любила, когда кто-нибудь вторгался в ее внутренний мир. Внешне общительная, веселая, остроумная, она держала всех на расстоянии.

— Не беспокойтесь, — улыбнулась на всякий случай, чтобы скрыть откровенную дерзость, — старой девой не останусь.

— Ну, ...этого нам знать не дано, — заметила Нина Нестеровна, — здесь тебя ни с кем не видели. У нас ведь подобные вести, сама понимаешь, быстро распространяются — никого не пощадят. А годы-то идут... — Семенова отхлебнула глоток и собралась продолжить тему, но Рита категорически остановила ее:

— Парень у меня есть, но не здесь. Замуж не спешу, не нагулялась еще. И давайте больше не будем об этом.

Молча допили чай. Не первый раз ей задают этот вопрос: почему не замужем? Себе она отвечала на него просто: не полюбила еще, не встретила Еgo, не ощутила того безумства, когда все, кроме Любви, становятся неважным.

Мать Риты, Любовь Анатольевна, замуж выходила дважды. Прожила она в первом браке почти десять лет, но детей не было. Муж ушел к другой, и там очень быстро появились мальчик и девочка. Любовь Анатольевна разрыв переживала тяжела, но недолго. Встретила Павла Васильева, которого просто покорила своей красотой. Он сам возил ее

по санаториям, выполнял все рекомендации врачей и в 34 года у нее родилась Рита. Обеих «девчонок», как он их называл, счастливый отец любил безгранично. Поздний ребенок радовал необычайной сообразительностью. Родители посвящали Рите все свободное время, старались удовлетворить ее запросы: покупали много книг, пластинок, отдали в музыкальную школу, экзамены в которую она в связи с частыми переездами экспедиции ездила сдавать в районный центр; ходили вместе в лес на лыжах, брали ее на охоту и рыбалку. А когда пришел час выбирать профессию, родители ничего не имели против журфака.

Завершив свою долгую карьеру на Севере, Любовь Анатольевна и Павел Семенович переехали в Ярославль, где специально для ветеранов округа был построен дом. Там они и жили, оттуда Рита и получала регулярно теплые письма. В них тоже частенько родители задавали вопрос: есть ли претендент на ее руку и сердце? Они присмотрели себе недалеко от города домик и хотели поскорее подарить свою квартиру единственной дочери. Но Рита отшучивалась: не вижу достойной кандидатуры...

На роль будущего мужа мог бы претендовать Алексей Серебряков. По крайней мере, она хотела именно его видеть рядом с собой всю жизнь. Но с ним все так непросто сложилось. А сейчас слишком много внимания оказывает ей буровой мастер из Нижневартовска Евгений Леонидов. Привлекательный, обеспеченный, веселый, уверенный... Но у него есть один большой недостаток — женат. А все остальные, которые крутятся вокруг, ничего особого для нее не значит. Как объяснить коллеге Семеновой, чтобы она поняла: выбор еще не сделан. Тут только рот открай — и сплетен не оберешься. Нет уж, лучше помолчать. И честнее, и безопаснее. Для жизни... в этом городе.

* * *

День седьмого марта в редакции сложно было назвать рабочим. Мужчины заблаговременно подготовили все передачи к эфиру. Даже выпуск «Последних известий», во избежание неприятностей, записали на пленку. Зная это, представительницы слабой половины человечества на работу шли не торопясь, опоздать не боялись. Все они были нарядными, с подкрашенными ресницами и подведенными помадой губами, с хорошим настроением, в ожидании сюрприза, который по своему обыкновению каждый год устраивали мужчины.

На этот раз сюрприз начинался у входа: на стене висели рыбакские сети, а на них согласно занимаемым должностям снизу вверх закреплены фотографии каждой сотрудницы с подписями о рангах: матрос Настя Яновская, боцман Нина Семенова, капитан Светлана Перевалова... А по диагонали красовался призыв: «Свистать всех наверх!». Посмеявшись оригинальной стенгазете, женщины расходились по кабинетам и там болтали о том, о сем, ожидая, когда всех позвут к праздничному

столу и начнут раздавать подарки. Собственно, ради этого они и пришли в этот день на работу.

Аскер Керамов встречал виновниц торжества у порога. Он галантно ухаживал за каждой, рассыпался в любезностях, очаровывал ласкающими ухо комплиментами, стараясь не повторяться. Пустячок, а приятно.

Тот же самый Аскер постепенно начал приглашать сотрудниц для переговоров в дикторскую, из которой никто не возвращался. Ничего не подозревающие женщины охотно соглашались, тем более, что остальные мужчины, как они были уверены, еще не пришли. По крайней мере, их пока никто не видел.

Рита разговаривала по телефону, принимая поздравления из Сургута, когда Аскер нежно взял ее руку и, дождавшись окончания разговора, повел за собой. Она не сопротивлялась. Даже внимания не обратила, что редакция уже пуста. Зайдя в дикторскую, вдруг остановилась. В полумраке едва разглядела ширму, камин с мерцающими электрическими углями, журнальный столик, на нем чугунок и большой деревянный половник.

— Ой, что это?! — хихикнула, намереваясь подойти к столу. Но путь ей преградили настоящие секиры, скрестившиеся перед самым лицом.

— Ой! — сказал она, но уже испуганно. И тут увидела, что древнее боевое орудие держат два полуоголых — в одних набедренных повязках — воина. Их тела были намазаны черной лоснящейся краской, невообразимо лохматые головы, очевидно, хорошо взбитые парики, венчали короны из разноцветных перьев. На лицах — красно-бело-зеленый рисунок. Рита не смогла никого узнать.

— Кто ты, женщина? Говори! — грозно прозвучал вопрос. Голос был изменен до неузнаваемости и звучал почему-то из-под потолка. Рита попыталась отшутиться, но стражи оказались непреклонными.

— Как тебя зовут?! — еще строже раздалось под потолком. И только когда тот же вопрос прозвучал в третий раз, она, наконец, со смешком выговорила:

— Так, Рита Васильева я...

— Помнишь ли ты, Рита Васильева, в какой должности находишься на нашем корабле?

— Конечно! — обрадовалась легкому вопросу. — Я обычновенный матрос!

— Знаешь ли ты, Рита Васильева, что матрос — должность чисто мужская?

— Догадываюсь... — начала подыгрывать она авторам сценария.

— Ты не сможешь подняться на наш корабль и принять участие в празднике до тех пор, пока будешь оставаться женщиной.

— Что же мне делать? Такой уж я родилась...

— Согласна ли ты принять участие в обряде «Посвящения в мужчины»?

— А что? Я после этого мужчиной стану? — язвительно хихикнула в ответ.

— Да! Ты войдешь в когорту самых сильных и мужественных людей Земли и будешь с гордостью носить это звание!

— Ну, уж нет! Я не хочу! — Повернулась и хотела выйти из дикторской, но Керамов стоял за ее спиной, преграждая дорогу.

— Или ты соглашашься на обряд посвящения, или мы рубим тебе голову! — снова раздалось под потолком. Лязгнули секиры, стражи при-двинулись к Рите. И только тут справа она увидела огромную чурку с торром, которая, очевидно, служила плахой для непокорных.

Рита впервые участвовала в таком маскараде. Она, конечно, не думала, что ее голова слетит с плеч, но согласиться стать мужчиной не желала ни в какую. Ей угрожали, ее убеждали, уговаривали. Васильева была непреклонной. Наконец, стражам надоела эта канитель. Тогда они пошли на компромисс, предложив никому не говорить о том, что Рита не согласилась стать мужчиной. Та пообещала.

Ее подвели к столику, деревянным половником зачерпнули жидкость из чугунка, налили в деревянный стаканчик и дали выпить залпом. Рита не догадывалась, что за отраву ей предлагают. Понадеялась на порядочность коллег. Зелье было горько сладким. Благо, в небольшом количестве. Выпила, как в холодную воду бросилась. Ее тут же отвели за ширму. Каково же было удивление, когда она обнаружила там всех женщин редакции! Они сидели, как мышки. На шее у всех красовались медали с новым именем и должностью на корабле. Рите такую медаль не вручили. И женщины единодушно отметили ее упорство. Она единственная осталась в своем прежнем качестве и назначалась Королевой бала. Ну, это так, для красного словца.

Потом Рита узнала: зелье состояло из чистого медицинского спирта и шампанского. У кого-то было сильное желание увидеть захмелевших женщин. Но те выдержали экзамен на прочность, и ушли домой на своих двоих. Правда, было это уже после радиохокмы, танцев и традиционных застольных песен, которые великолепно исполняли для них мужчины.

* * *

Алексей Серебряков научился играть на гитаре. Для этого ему понадобилось всего три месяца. В первые дни на пальцах появились кровяные мозоли. Невыносимую боль превозмогало упрямство: «Я докажу ей, я буду играть так, что заслушаешься!» И его слушали: сокурсники, Марина, друзья... В этом обществе не хватало главного лица — Риты, ради которой он и пошел на краткосрочные курсы гитаристов. Купил инструмент и теперь все свободное время, прихватывая ночи, учился играть, разучивал популярные песни.

Алексей позвонил ей 8 Марта, вечером, почти не надеясь, что застает ее. Очень волновался. На его счастье, Рита оказалась дома.

— Я тебя поздравляю, — сказал, не здороваясь.

— Алеша! — Она обрадовалась. Или ему это показалось?.. — Очень рада тебя слышать. Как дела? — дежурный вопрос заставил поторопиться.

— Я тебе подготовил подарок, — голос немного сорвался. — Ты позволишь?

— Что позволишь? — не поняла она.

— Подарить его по телефону?

— Попробуй. Мне еще никогда не дарили подарков по телефону, — у нее было явно хорошее настроение.

Он запел:

*Ты у меня одна,
Словно в ночи луна,
Словно в степи сосна,
Словно в году весна.
Нету другой такой
Ни за какой рекой,
Ни за туманами,
Дальными странами...*

Рита слушала и плакала. Слезы лились непроизвольно. Голос у Алексея был не сильным, но красивым, трогательным, проникновенным. Он специально сделал проигрыш, чтобы она почувствовала: насколько он овладел гитарой. Она поняла это. Удивилась и заплакала еще сильнее.

Когда стихли последние аккорды, едва заставила себя успокоиться.

— Спасибо, — волнение все же прорвалось в трубку. — Это ты сам играл или помог кто? — спросила на всякий случай, чтобы Алексей понял степень ее восторга.

— Сам... — он чего-то ждал еще. И дождался:

— Ты у меня тоже... один...

Все же он сказал эти магические слова:

— Рита, я люблю тебя! Я тебя очень люблю!

Волна чувств захлестнула ее. Рита переборола себя:

— Ничего не говори сейчас! Это весна так действует! — радостно проговорила она. — Не теряй больше времени на гитару! У тебя впереди государственные экзамены, диплом. Сейчас — это главное! Все остальное отстани от себя.

— И тебя тоже? — усмехнулся он.

— И меня тоже, — машинально подтвердила.

— Ну, уж нет, этого я не смогу!

— Алеша, вернемся к этому разговору позже. Ты извини меня, я тогда, в Тюмени, была, наверное, не права. Но об этом — при встрече. Просто я так рада, что ты позвонил! Это самый дорогой для меня подарок!

— Я очень рад, что угодил. Спокойной ночи.

А ей хотелось, чтобы он еще говорил и говорил. О чем угодно. Лишь бы слышать его голос. Но Алексей уже положил трубку.

И вновь тоска охватила душу: «Нет, он ее никогда не поймет! Не поймет так, как ей хотелось бы...»

Вместо Москвы Риту отправили в национальный поселок. Она еще оставалась в штате редакции радиовещания. Вместе с оператором и его ассистентом выехала в один из районов округа. Командировка длилась неделю. Сначала они на самолете долетели до города, затем на машине почти три часа добиралась до деревни по зимнику. Теперь-то корреспондент Васильева уже знала, что это такое. Высокие, стройные деревья обрамляли дорогу на последних десяти километрах пути. Долгое это путешествие несколько утомило.

Поселили их в школе-интернате, в кабинете директора. Рите предстояло провести несколько ночей на директорском диване, страшно скрипящем при каждом движении. Мужчины расположились здесь же на раскладушках. Вариантов не было. В других комнатах спали дети. В учебных классах стояли парты.

Оператор Валентин Войцеховский был человеком семейным — две дочки и жена. У него был небольшой опыт работы фотографа, и почти никакого в операторской работе. Но поскольку Рита в телевидении была новичком, то для нее Валентин был недосягаемой величиной в кинематографическом искусстве. Она прислушивалась к его советам, рассматривалась к его действиям.

— Специфика на телевидении несколько отличается от радио, — с таинственным лицом факира поучал Валентин. — Ты запомни главное: у нас очень важен изобразительный ряд.

— А что это такое? — не поняла Рита.

— А это как раз то, что снимает оператор, то есть я. И от того, как я сниму, зависит зрелищность материала.

— Но за конечный результат-то отвечаю я? — удивилась Рита.

— Да, за конечный результат несешь ответственность ты, — легко согласился Валентин. — А за изобразительный — я.

— Почему же мне досталось больше? — Рита явно не хотела лишней ноши. Неизвестной и пугающей. Одно дело отвечать за себя. И совсем другое — «за того парня»...

— Потому что ты — автор, — самодовольно пожал плечами и широко улыбнулся, словно гордясь этой спецификой, которая так неравномерно закрепила ответственность в их тандеме.

Делать нечего: надо учиться «творить» зрелище. Все ее мысли отныне были поглощены тем, как сделать работу максимально интересной. Помимо сюжета в «Последние известия» и передачи для телевидения она должна была подготовить несколько материалов и на радио. В том числе — репортаж о жизни коренных жителей севера в национальном поселке. Именно так была обозначена главная тема.

Рита впервые приехала к аборигенам, поэтому понятия не имела о предстоящих трудностях. А они начались уже с утра. При съемках медицинского обследования женщины-ханты закрывали лица платками,

уходили из кадра, прятались от корреспондента. Как пояснили медработники, ханты все понимают, но говорят только «со своими». С теми, кого они знают, и кто не нанесет вреда ни человеку, ни природе.

Рита от бессилия чуть не плакала. Она уже взяла интервью для радио у фельдшера, у врача. Но все это были русские люди, ежегодно приезжающие на обследование взрослых и детей — коренных жителей — из города. Никто из аборигенов интервью ей так и не дал. Тем более не захотел сниматься. Просто выходили из комнаты и все. Тогда она попросила одного из врачей во время приема рассказывать о своих пациентах.

— Давайте, попробуем, — согласилась детский педиатр. Звали ее Зинаида Михайловна Щепеткина. Камеру она тоже увидела впервые, но не смутилась, четко поняла поставленную перед ней задачу и выполняла ее вполне прилежно.

— Здравствуйте, проходите. Садитесь вот сюда, — показала на стул. — Это у нас Анна Дмитриевна Комлева. Ребенка зовут Миша. Так?

Хантыйка кивнула головой. Из-под платка выглядел один глаз, беспокойно скользящий то на врача, то на камеру.

— Как Миша? Лучше чувствует себя после нашего лечения?

— Ага, — мотнула снова головой Анна Дмитриевна.

Платок закрыл почти все лицо. Видны остались только губы. Стало понятно, что говорить в камеру и она не будет.

Раздевая ребенка для прослушивания легких, Зинаида Михайловна одновременно рассказывала: — Миша у нас часто болеет воспалением легких. Полгода назад мы его лечили в стационаре. Ну-ка, Мишенька, дыши глубже, — обращаясь уже к ребенку, врач послушала его дыхание и покачала головой.

— Ну, что же вы, Анна Дмитриевна, в легких ребенка опять хрипите. Его нужно госпитализировать, иначе туберкулез наживете.

Хантыйка вздрогнула от этого слова, как от приговора. Видимо уже знала, что это такое.

— Вам вообще в чуме уже жить нельзя с таким больным мальчиком.

Рита слушала, смотрела и сожалела, что не догадались вытереть Мише сопли. На пленке это будет хорошо видно. Малыш постоянно подкашливал и прижимался к матери, глаз не сводя с оператора, вернее, с того, что находилось в его руках.

Валентин только успевал переходить с одного на другое место, стараясь выстроить кадр, снять эпизод с разных ракурсов. Рита отметила его искреннее стремление сделать передачу удачной.

Ребенку выписали направление в районную больницу. Матери рассказали, как туда добираться и к кому следует обратиться.

— А сейчас его нужно срочно уложить в постель, — говорила Зинаида Михайловна. — Пойдите в наш медпункт, скажите: я послала. Пусть там полежит пока.

Анна Дмитриевна замотала головой.

— Нет, туда не пойду, к своим пойду.

— Куда «к своим»? Вы же там заразите детей! — возмутилась педиатр.

— Ниче, — одевая ребенка, едва слышно проговорила хантыйка. Врач заговорила на ее родном языке, в чем-то убеждала. Та отвечала, оправдываясь или защищаясь, не понятно. Валентин в это время старательно снимал. Рита заинтересованно наблюдала за диалогом женщин, пытаясь по выражению их лиц определить — о чём речь.

— Понимаете, — уже обращаясь к Рите, начала объяснять Зинаида Михайловна, — кочевые ханты живут в таких условиях, что русскому там просто не выжить. Дети часто болеют, простуживаются. Мы их направляем в нашу больницу. Они не едут. Города боятся, что ли... Вот она сейчас пойдет к друзьям или родственникам, а там тоже дети, их заразит... Ничего не понимают! — заключила в сердцах. — Только об этом, наверное, нельзя было говорить, да? — она с опаской посмотрела на Риту.

А она и сама не знала можно или нет писать ей о том, что дети ханты болеют в тайге, что их матери не хотят класть ребенка в русскую больницу. Ведь языка он не знает, кто его там поймет?! Возможно, в районной больнице есть медсестры или даже врачи, знающие язык коренных жителей. Может быть... Но ребенка жалко. В привычной обстановке он быстрее пойдет на поправку. Рита была в этом почти уверена.

— Чем чаще всего болеют дети? — задала вопрос в синхроне.

— Для нас самое страшное, конечно, когда возникает подозрение на туберкулез. Такие дети, как правило, запущенные. То есть мы их либо не видели долго, либо мамаши прививок каким-то образом избежали. Может, вертолет прилетал, а их в стойбище не оказалось. Такое тоже бывает. Лор-заболевания, анемия... тоже проявляются. Мы, конечно, стараемся, обследуем их раз в год, но, видимо, этого мало.

Рита осталась довольна интервью с Зинаидой Михайловной. Она вела параллельную запись на радио. Валентин нацелил камеру еще на что-то, но Рита уже скомандовала «отбой». Надо срочно бежать на приемный пункт, чтобы успеть заснять сдачу пушнины.

Приемный пункт коопзверопромхоза, где работало большинство местных жителей, находился в здании конторы. Под него была отведена большая комната, расположенная у самого выхода. На двери висел амбарный замок.

Рита испугалась: упустить самое красивое! Как же так? Ведь ей говорили, что прием будут вести до начала собрания, а до него еще целый час! Стоять в тесном темном коридоре нет смысла. К тому же, там было так накурено, что дышать невозможно. И телегруппа вышла на улицу. Помощник оператора, он же звуковик, достал сигареты, предложил Рите:

— Покурим?

— Не могу, — отказалась девушка.

— Чего? — удивился тот.

— Да, смотрят же, — она кивнула на группу хантов, с любопытством наблюдающих за гостями. Были они в малицах, на ногах — кисы. Переговаривались, весело показывая пальцами на представителей телевидения. С любопытством они изучали русских. Только делали это до наивности откровенно. А курить Рите очень хотелось.

Помощник, звали его Вася Пуртов, рассмеялся:

— Да брось ты на них обращать внимания!

— Сказала: не буду. Отстань! Пойду, поищу директора.

Снова зашла в контору коопзверопромхоза. В доме, на котором висела эта вывеска, располагалось несколько комнат: склад, приемная и два кабинета. Впрочем, приемной крохотную клетушку можно было назвать с большой натяжкой. Это Рита решила, что комната, через которую попадают к начальнику участка, должна быть приемной, на самом деле в ней работала бухгалтер, она же машинистка.

— Вы к кому? — спросила женщина, закладывая листы в старенькую облезлую машинку, сохранившуюся, видимо, с довоенных времен.

— К начальнику.

— Иван Палыч в клубе, — невозмутимо ответила бухгалтер-секретарь, с нескрываемым интересом разглядывая Ритину дубленку.

— Как же так?! Обещал, что мы снимем сдачу пушнины!

— Так вы корреспондент!?! — обрадовалась чему-то женщина. Отложила листы, начала спешно стучать по рычагу допотопного телефона.

— Соедините с клубом, — приказала кому-то через несколько секунд в телефонную трубку, — Ивана Палыча пригласите... Что значит занят? Его тут корреспондент с телевидения ожидает.

Дослушав ответ, снова приказала: — Так, передайте Ивану Палычу, пусть срочно идет в контору! Все! — и резко бросила трубку на рычаг.

— Сейчас придет, — поспешила успокоить гостью. И тут же пояснила: — Он ведь у нас сам принимает пушнину.

Иван Палыч не заставил себя долго ждать. Шумно вошел, поздоровался и сразу к делу:

— Я договорился о нартах. Поедете на реку — тут недалеко. Вы же хотели снять, как ханты приезжают со стойбищ в поселок?

— Хотели! — оживилась Рита.

— Ну, так вот, все нормально, — уверенно произнес.

— Вот, здорово! А когда? Ведь скоро собрание, — забеспокоилась.

— Собрание по времени отодвигаем. Еще не все руководители прибыли из города. Да и ханты подъехать должны с нескольких стойбищ сразу. Они целыми, как мы говорим, «поездами» сюда обычно в такие дни добираются.

Иван Палыч разделся, пригладил свалившиеся под шапкой волосы, мельком глянул в зеркальце на стене: — Я готов.

За дверью с амбарным замком хранилось настоящее богатство: «мягкое золото» Сибири. Рита никогда не видела столько разных шкурок.

Они висели в связках на гвоздях, лежали на полках, от потолка до пола расположенных вдоль комнаты, где не было ни одного окна.

— Как темно, — огорчилась Рита.

— Здесь окон не положено, — пояснил начальник участка.

— Придется устанавливать свой свет.

Валентин и Вася уже вносили аппаратуру. Увидев лампу — тышевку, Иван Палыч заволновался:

— Мех попортится от такого яркого света!

— Не успеет. Мы быстро, — пообещал Валентин.

Пока они устанавливали свет, выбирали для него место, Рита распрашивала начальника участка коопзверопромхоза. Тот охотно откровенничал, не смущаясь ни микрофона, ни камеры.

— Нынче хорошая охота была. Богатый «урожай» собрали. Смотри, сколько лис, песцов! Даже росомаха есть! А уж про белку да ондатру и говорить нечего. Тех сотнями приносят. Один охотник почти шестьсот шкурок сдал!

Иван Палыч снял сверху чернобурку и стал показывать Рите мех. Делал он это изящно, с любовью. Возьмет шкурку, потрясет ее и через согнутый локоть пропустит. Потом быстро, двумя руками за морду и хвост — снова тряхнет и подует: «Во, какой ворс! А выделка, смотри!»

Рита пришла в восторг. Она ничего не сообразила в выделке, но Иван Павлович объяснил, вывернув шкурку на изнанку. Рита потрогала руками — мягкая, как замша. Не хрустит, чисто. В этом оказывается и заключается качество выделки меха.

— И ведь все руками, понимаешь, делают! Да за такой мех мы понимаешь, сколько денег заработаем! — восторгался начальник.

— А ханты? — спросила Рита.

— Что, ханты? — не понял Иван Павлович.

— Ханты сколько получат? Тоже много?

— Ну-у, — смущился начальник участка. Его вдохновение как ветром сдуло. — Понимаешь, у нас есть расценки, по которым мы принимаем мех. На каждый вид своя цена. Ондатра — самая дешевая. Песец, лиса, росомаха — значительно дороже. Но ханты... — замялся он, — ханты мало получат. Таковы правила. Закупочные цены не мы, государство придумали.

— А вы не боитесь, что они сами начнут на сторону продавать шкурки? Ведь это такой дефицит! Особенно в городах...

— Так мы же их всем обеспечиваем! Ружья, патроны, одежда, брезент на чумы — все мы завозим сюда. Они тут покупают, что нужно, и везут в стойбища.

— И покупают они это все по государственным, а не по закупочным ценам?

— Конечно! А как же!

— Считаете, это — справедливо?

Иван Павлович уставился на Риту изумленными глазами и замолчал. На несколько минут в пункте приема установилась напряженная тишина. Rita про себя посетовала на собственную въедливость. «Вдруг сейчас откажется синхрон записывать?»

Не отказался. Но говорил уже без вдохновения, без восторга, буднично.

«Закупочные цены у нас низкие, — объяснял в камеру Иван Палыч. — Даже при самом высоком качестве шкурки. Ведь, чтобы эта шкурка была оценена по высокому разряду, зверю нужно попасть из винтовки в глаз. И это с немалого расстояния. Зверь-то тоже осторожен, близко не подпустит. Так вот, даже наши лучшие охотники, сдающие по 500—600 шкурок за сезон, получают столько денег, что им хватает лишь на то, чтобы концы с концами свести: на еду да на боеприпасы.

Но от нас это не зависит, — поспешил оправдаться начальник участка. — Расценки устанавливает государство. Сами мы здесь, на месте, ничего не можем сделать».

Rita была благодарна Ивану Павловичу за эти слова. Именно это она и хотела услышать. Правда, речь эмоциональной не получилась. Она могла бы быть более выразительной. Но теперь уже ничего не делаешь. Главное — сказано.

Закончив съемки, корреспондент напомнила начальнику участка об обещанной поездке на излучину реки.

— Да, да, ждите здесь. А я пойду, узнаю, готовы наряды или нет. Поеедете только двое, — предупредил он. — Ты — на женских, — показал на Ritу, — ты — на мужских. — Последняя фраза относилась к оператору. — Больше двух человек наряды не выдержат. Да и олени быстро устанут.

— У них что, и женские и мужские наряды есть? — удивилась Rita.

— Обязательно!

— А чем они отличаются?

— Да, вот, отличаются. Объяснять долго. Только ни один хант на женские наряды не сядет. Как и хантыйка в мужские. Они очень строго придерживаются этих правил.

Иван Павлович быстро закрыл склад и ушел. Члены телегруппы вместе с аппаратурой остались ждать его на свежем воздухе.

Улицы поселка уже наполнились людьми в необычных для горожан одеждах: малицы, кисы, расшитые бисером сахи, яркие платки, закрывающие женские лица. Только малыши и девушки могли ходить здесь с открытым лицом. И, надо заметить, многие личики были просто очаровательными. Rita повернулась к Валентину, чтобы предложить ему снять группу девушек с малышами, идущую по улице. Но даже говорить ничего не пришлось. Валентин и сам догадался, что такой замечательный кадр должен войти в передачу. Следя за его работой, Rita не сразу поняла, что за ней наблюдают ханты, стоящие от них в трех-четырех метрах у дороги, накатанной «бурнами». Вдруг один произнес:

— Русски бапа, водка есть?

Она не поняла, что этот вопрос относился именно к ней. И вообще не поняла, о чем говорили. Хант повторил сказанное так же бесстрастно, но уже показывая на нее рукой:

— Эй, русски бапа, водка есть?

Валентин подошел к Рите, улыбаясь, незаметно для аборигенов подсказал: — Это к тебе обращаются.

— Кто? — удивилась Рита.

— Да, вот, этот мужчина, напротив... — его белозубая улыбка стала еще шире и насмешливее. Напротив стоял хант в малице и тоже показывал зубы. Только они были у него совсем коричневыми, прокуренными. Он вызывающе смотрел на русскую «бапу» в модной дубленке, шапке из чернобурой лисы со складов Галины Колмогорцевой. До сих пор Рита Васильева в этом одеянии чувствовала себя уверенной и неотразимой: чертовски хороша! И сапожки на ногах модные, импортные, теплые, из натуральной кожи с мехом внутри. Ей в голову не могло прийти, что абориген, вышедший на несколько дней из древнего своего урмана, обратит свой взор на нее — недоступную даже для красивых и умных русских мужчин. А уж тот факт, что ее называли просто «русски бапа», она совсем не могла соотнести со своей персоной.

Ну, и третье обстоятельство: у нее, Риты Васильевой, корреспондента окружного комитета по телевидению и радиовещанию, вот так, просто, как у обычновенной, всем известной в поселке пьяничушки, просят бутылку водки, — это ее вообще вывело из себя!

— Не пью, — растерявшись объяснила она, посчитав, что этой фразы будет достаточно для того, чтобы абориген отстал.

— Я пью. Водку дай!

— Нет у меня водки! — начиная всерьез раздражаться, резко ответила Рита. Но тот, словно не услышав, продолжал напирать:

— Я тебе шкурку, ты мне водку. Идет? — и снова улыбнулся, словно ощерился.

— Да что же это такое?! — прошипела почти вслух.

— Не ругайся, — посоветовал Валентин. — Нарвешься на скандал. А это — национальный поселок.

— И где это Иван Павлович ходит столько времени? Уже собрание скоро начнется! — начала оглядываться по сторонам. Валентин Войцеховский встал так, чтобы закрыть Риту от взглядов подвыпивших аборигенов. Теперь она это поняла. Хотя, пока ехали, представитель райисполкома говорил, что спиртное начнут продавать только после собрания. Значит, у кого-то из русских — работников культуры, торговых представителей, охраны порядка, — приехавших заранее специальным автобусом, ханты уже успели поменять водку на шкурки. Или на рыбу, а может, на ягоду...

Словно почувствовав ее нетерпение, из соседнего дома вышел Иван Павлович.

— Идите сюда! — скомандовал Рите. — С ними поедете. — Он представил: — Андрей Сопочин и Вера... Тоже Сопочина.

— Муж с женой? — высказал свое предположение Валентин.

— Нет. Разные семьи, — разочаровал его Иван Павлович.

— А как же фамилии одинаковые? — заинтересовалась Рита.

— Так, у них этих Сопочиных в деревне семей пять. А может, и больше. Вера, вот эту дамочку повезешь.

Женщина молча посмотрела на Риту одним глазом из-под платка. Пошла во двор. Рита ринулась было за ней, но начальник участка остановил ее.

— Она упряжку сюда приведет, ждите здесь.

Долго, очень долго собирались ханты. В их медлительности читалось явное нежелание выезжать из города в праздничный день. Но сородичи с любопытством и завистью поглядывали на порученцев. И только это, видимо, вынуждало выполнить просьбу Ивана Павловича. Потом в тайге будут рассказывать, что видели русских с какой-то штуковиной трехглазой, таким казался несведущему человеку киноаппарат «Кинор».

Наконец, появилась Вера, а следом за ней и Андрей. Оба с хореями — длинными шестами, с помощью которых ханты управляют оленями. Что-то крича шарахающимся от чужих людей животным, они едва вывели упряжки из загона.

Валентин уверенно плюхнулся на нарты. Подражая ему, то же самое проделала и Рита.

По наезженным дорогам поселка олени бежали резво. Позванивали колокольчики с разноцветными ленточками, украшающими упряжку. Из-под полозьев разлетался снег. Начался санный путь, который только людям с большой фантазией можно было принять за дорогу. Проехав с трудом несколько метров, передние нарты остановились. Андрей скочил, махнул рукой Вере. Та тоже придержала оленей.

— Что случилось? — спросила Рита. Но женщина не ответила. Словно не услышала. Даже на голос не повернулась. Легко спрыгнула в снег и пошла по сугробу, ловко передвигая ногами в кисах. Рита догадалась, что Вера не понимает по-русски, а сама она ни одного выражения, кроме «Вуся, вуся», то есть «здравствуйте», выучить не успела. Но это приветствие никаким образом не могло повлиять бы на ситуацию.

Ханты о чем-то поговорили, потом Андрей достал из кармана малицы начатую бутылку водки, открыл ее зубами и стал пить из горла. И Рита, и Валентин с ужасом наблюдали, как быстро уменьшается содержимое сосуда. Вера какое-то время следила за ним, потом, не выдержав, выхватила бутылку у сородича и тут же решительно допила остатки.

«Как же мы теперь с ними поедем? — тоскливо подумала Рита.

Перекинувшись несколькими фразами, ханты вернулись к нартам и продолжили путь.

Показалась река. Что-то гортанно прокричав то ли русским пасса-

жирам, то ли оленям, ханты дружно замахали хореями, и олени с трудом пробираясь сквозь глубокий пушистый снег, понеслись с крутого берега вниз, к покрытой ледяным панцирем и укутанный белоснежным одеялом реке.

Рита и охнуть не успела, как оказалась в этом мягким снежном одеяле, Вера не справившаяся с упряжкой, по-русски, совершенно чисто, материлась.

...К тому времени, когда обе женщины выбрались из сугроба, олени с пустыми нартами были почти на середине реки. Они, возможно, убежали бы и дальше, но их остановила мужская упряжка.

«Хорошо, что Валентин не кувыркнулся с аппаратурой», – облегченно подумала Васильева, стряхивая с дубленки снег. Что она еще подумала, но уже в адрес Веры, можно только догадываться. Хотя вслух произносить во избежание национального конфликта не рискнула. А хотелось...

Когда обе подошли к мужчинам, Андрей по-свойски обматерил Веру, передал ей женскую упряжку, сел в свою, тем самым дав команду остальным присутствующим сделать то же самое. Те так и поступили.

Как оказалось, излучина была совсем недалеко. Остановились в ожидании.

Природа своим великолепием просто ослепляла. Вдоль левого берега тянулся тальник. Его разлапистые ветки от тяжести нарощенного инея опустились к самой земле и провалились в сугроб. В длинных иголках прятались солнечные лучи, чтобы исподтишка блеснуть своим серебром, намекая на несметные богатства, и снова спрятаться в тени другого дерева.

Правый берег неширокой речушки был высоким. Между снежными шубами хвойных лап угадывались стройные веточки берез и осинок, вычерчивающих на их фоне свой тонкий рисунок хитросплетенных узоров.

Долго любоваться зимним лесом, однако, не пришлось. Из-за круто-го поворота реки показалась сначала одна упряжка, за ней другая, и вскоре целый караван, состоящий из мужских и женских нарт, растянулся на несколько десятков метров.

Стоя по пояс в сугробе, Валентин запечатлел только конец этой замечательной картины. Пока увидел, пока включил камеру, ханты уже подъехали и остановились около нарт Андрея. Рита была близка к панике. Дорога, накатанная по реке оленями упряжками, очень узка и уж совершенно не предназначалась для разъезда двух нарт. Поэтому, чтобы пройти вдоль этого «живого» поезда, Рите пришлось пробираться по глубокому снегу. Увидев заиндевевшие лица малышей, одетых в красивые меховые одежды, подозвала Войцеховского.

— Снимай, — коротко бросила оператору. Но больше всего ее поразили люльки с младенцами. Покрасневшие от мороза личики, заиндевевшие ресницы и бровки красноречиво говорили о долгом пути. Ма-

лыши привычно спали в своих берестяных колыбельках, которые тоже были украшены цветными тряпочками, колокольчиками, пуговками и еще чем-то непонятным.

Отработав крупные и средние планы, Валентин обратился к Рите:

— Надо снять общий план проезда. Извини, я не успел. Мы сойдем с дороги в сугроб, они проедут мимо меня. Ты им объясни, — а сам пошел на свое, уже утоптанное место.

Рита начала объяснять хантам, сидящим в головной нарте, задачу: я сойду с дороги, освобожу вам место, махну рукой, и вы поедете вот здесь, мимо вон того человека. Поняли?

Те дружно мотнули головами и уставились на камеру, которую видели впервые. Сказала — сделала. Сошла с дороги, чтобы не попасть в кадр, махнула рукой. Еще раз махнула. Ханты как стояли, так и остались стоять. Крикнула: «Поехали!» Никто не шелохнулся. Все очень внимательно смотрели на Риту. И... ничего не делали.

Рита снова выкарабкалась из сугроба, подошла к первой в «поезде» нарте, еще раз все объяснила. — Поняли? — В ответ опять дружные кивки. Рита вновь вернулась в «свой» сугроб.

— Мотор! — скомандовала она.

— Камера! — ответил Валентин, что означало: съемка началась. Рита махнула рукой... Никакого движения. Только любопытные глаза с длинными побелевшими ресницами.

После третьей попытки поняла: таким образом она здесь ничего не добьется.

— Давай, по-другому сделаем, — предложила оператору. — Я побегу впереди, но ты меня в кадр не бери. Сможешь?

— Хорошо, — легко согласился Войцеховский. — Только ты метров на десять вперед от них отойди.

Еще раз Рита выбралась из сугроба, мысленно проклиная и себя, и оператора, и свою режиссерскую задумку, и хантов, которые не знают русского языка и никак не могут сообразить, что от них требуется. Отчаянно жестикулируя, как немая, Рита раза три подряд объяснила и показала, чего она хочет. Наконец, до Валентина донеслось: — «Мотор!»

— Камера! — крикнул через несколько секунд оператор из сугроба. Васильева побежала по санному следу. Поезд стоял.

— Стоп! — докричался Войцеховский далеко убежавшей Рите. — Они не едут!

Она оглянулась. — Бестолочи! — прошептали бессильно губы. Но охватившее было отчаяние отодвинула нахлынувшая злость. Скомандовала оператору: «Дубль!»

...А потом был еще один дубль. И еще... Рита не знала, что делать. Ханты молча, с любопытством наблюдали за тем, как она машет рукой, бежит вперед и что-то непонятное кричит мужчине.

Наконец, ее осенило. «За мной!!! Впере-ед!!!» — как на поле браны

прокричала во все легкие. И, наконец, поняв, а может быть, и устав от этой бестолковой русской, неизвестно чего требующей от них, аборигены взмахнули хореями, и олени резво побежали по насту.

Рита, время от времени оглядываясь на хантыйский «поезд», добежала до самого подъема на правый берег реки. Тут она жестом остановила головную нарту. Надо было подождать Валентина, который уже спешил с аппаратурой за поездом. Вера и Андрей ехали в конце каравана и, как все, проехали мимо оператора, чтобы он их тоже запечатлел на свою кинокамеру.

Войцеховский додел минут за пятнадцать. Этого времени Рите хватило, чтобы отдышаться и несколько раз объяснить, что сейчас их будут снимать сверху. Ханты не двигались с места. Тут подошел Андрей, перевел сидящему в головной нарте то, о чем просила Рита. Оператор и корреспондент поднялись на крутояр, зашли в сугроб, чтобы не мешать «поезду». Сверху вид был прекрасный. Караван нарт, выстроившихся внизу, четко определял изгибы санного пути, который без них не просматривался. Разноцветье одежд и ленточек на оленых упряжках делали его особо колоритным, карнавальным. Правда, до сего времени Рите не приходилось присутствовать на карнавалах аборигенов. Но теперь она имела представление, как это может впечатляюще выглядеть.

— Камера, — вернул ее в реальность голос оператора, не дождавшегося команды начала съемок.

Рита так резко махнула рукой, что одной ногой провалилась еще глубже в снег, совершенно увязнув в сугробе. На сей раз ханты с первого раза поняли ее жест. Лихо, гортанно что-то крича оленям, они поднимались нарта за нартой на крутояр и мчались по снегу. Васильева ликовала: вот это кадры! Снежный вихрь вырывался из-под полозьев, осыпая снежным веером камеру. Словно метель разыгралась не на шутку.

Андрей и Вера не забыли забрать своих пассажиров. Или оценили работу корреспондентов, или прониклись уважением к столь странным, по их мнению, манипуляциям: нажимать на кнопки, таскать какую-то тяжелую глазастую железяку и бегать с криками «Вперед!!!» по дороге...

* * *

В поселок приехали вовремя. Их подвезли к деревянному одноэтажному, плохо отапливаемому зданию Дома культуры. Ханты сидели в своих национальных одеждах. Кому досталось место — на стульях, кому нет — прямо на полу. Немало не смущаясь, курили, сплевывали на пол, наблюдали за русскими чиновниками, готовящимися к началу собрания.

На сцене — стол, несколько стульев, приставленных к нему для президиума, трибуна, стойка для микрофона. На столе — графин с водой, два стакана. Все — по-простому.

Рите удалось пристроиться с краю, у колонки. Так лучше получится запись. Она это знала из собственной практики. Рита и здесь предпри-

няла попытку взять интервью у аборигенов, но тщетно. Ханты по-прежнему делали вид или действительно не понимали по-русски — так и не разобралась. Сегодня, как выяснила Рита, кроме представителей исполнительной власти, участниками собрания впервые были геологи и нефтяники нескольких предприятий, работающих на территории этого района. Это обстоятельство придавало особый вес ежегодному собранию хантов и рыбаков национальной деревни.

Выслушав обязательный доклад начальника коопзверопромхоза о проделанной за охотничий сезон работе, повосторгавшись цифрами о сданной пушнине, рыбе и дикоросах, наградив лучших почетными грамотами и ценностями подарками, вспотевший от непривычно долгого выступления «по бумажке» руководитель решил, что его миссия закончена и сошел с трибуны.

Председатель сельсовета Николай Петрович Соколов встал и обратился в зал:

— Кто хочет высказаться?

Ответа не прозвучало.

— Что ж молчите? Неужели никто не хочет сказать о том, как вы живете? — Представитель местной власти сделал еще одну попытку хоть кого-нибудь вытащить на трибуну. — Сегодня здесь присутствуют люди, от которых очень многое зависит. Они могут решить ваши проблемы. Говорите!

В его речи чувствовался напор. Он мог бы и сам высказать все, что накопилось, но, видимо, оттого, что делал это неоднократно и в одиночку, к его голосу никто уже не прислушивался, считая, что недовольство председателя сельсовета не что иное, как способ самоутверждения человека, которому не хватает власти.

Молчание затягивалось. В президиуме зашептались, настороженно поглядывая в зал.

— Прошу выступить в прениях и дать оценку работе руководства коопзверопромхоза. — вступил в разговор председатель райисполкома Вячеслав Михайлович Пономарев.

— Мы должны внести ее в протокол собрания. Поторопитесь, пожалуйста, мы сюда ехали за сотню километров не для того, чтобы слушать ваше молчание.

И тут из середины зала поднялся мужчина в малице, неторопливо и не совсем уверенно прошел к сцене. На трибуну и к микрофону, однако, не поднялся. Начал говорить на своем родном языке.

Рита ничего не поняла. Начала уже нервничать, но тут к микрофону подошла женщина и стала переводить.

— Это Степан Тэвлин, — сказал она. — Он говорит о том, что боеприпасов, которые охотникам выдают в начале сезона, не хватает. И порох зачастую бывает сырой.

Степан Тэвлин продолжил, женщина бойко переводила. Ханты си-

дящие в зале, словно проснулись от спячки. Зашумели, что-то выкрикивали с мест. Подсказывали выступающему коллеге, о чем еще надо бы сказать, или возражали — было непонятно. Переводчица крикнула в зал сначала по-хантыйски и тут же перевела для президиума, повернувшись к сидящим за столом.

— Я сказала, чтобы подходили сюда, и сами говорили, а не кричали с места. — И снова обратилась к сидящим в зале: — Идите сюда и выступайте. Вас выслушают, запишут замечания и примут меры.

— Сколько уже говорили, однако, — прозвучало по-русски над ухом Риты. Она повернула голову. Лицо, испещренное морщинами, потемневшее от морозов и ветров, обрело почти бурый оттенок. Глаза колючие, злые, зубы прокуренные или изъеденные кариесом — трудно сказать. От облика говорящего исходила волна недоброжелательности. Сидящий рядом охотник дернул его за рукав. Рита поняла, он пытается вынудить коллегу подняться на сцену.

— Чё говорить?! — тот начал пробираться между рядами. С достоинством, не спеша, остановился. Плохо, но по-русски, постоянно поворачиваясь к президиуму, говорил горячо. Смысл был таков. Два раза в год охотники приезжают в национальную деревню, закупают здесь продукты, промышленные товары. Продавцы говорят: нет масла, нет сгущенного молока. Воруют, однако. Чем кормить детей?! Редко привозят брезент для юрт. А тот, что привозят, гнилой. Он быстро рвется. В юрте холодно. Дети простывают, часто болеют, умирают...

— Кто ворует?! — поднялся в президиуме председатель райисполкома. — Ты что говоришь?! — возмутился он. Видимо, ему было стыдно слушать такие речи при нефтяниках.

— Продавец! — уверенно подтвердил выступающий. — Она русским нашу сгущенку продает! Убрать ее надо, однако.

— Убрать! — выкрикнули из зала.

— Убрать, к чертовой матери! — загудело вдруг со всех сторон. — Говори дальше! — подбадривали сородича. Тот осмелел, начал сыпать фактами. Секретарь собрания быстро записывала. Рита, следя за тем, чтобы не закончилась пленка на катушке, наблюдала за лицами аборигенов. Они в большинстве своем были усталыми, с печатью молчаливой мудрости, отражающейся не только в глазах, в каждой морщинке, но и во всем лице. Причем совсем нестарых людей. Даже в детских глазах, казалось, застыла эта взрослая мудрая грусть.

Дети, а их было множество, тихо сидели и слушали. Не бегали, не кричали, не шумели... Просто сидели и смотрели на взрослых. Их как будто и не было в этом прокуренном зале со спертым воздухом, пахнувшим оленьими шкурами, впитавшими в себя накопленный пот.

— Чего вы хотите? — поняв, что разговор может затянуться надолго, засутились члены президиума.

— Однако, пусть ее берут! Продавщицу...

— И сгущенку дадут.
— И порох сухой.
— И брезент, — подсказывали из зала.
— И сапоги резиновые, болотники и бабам тоже... сапоги.
— И масло сливочное...
— Так, вы же об этом уже сказали! — занервничал председатель райсполкома. — Продавщицу новую пришлем. Не волнуйтесь. Контроль жестче установим. Это я вам обещаю, — Пономарев стал красным от волнения.

— Денег за шкурки мало платят, — крикнул кто-то с места.
— Кто недоволен? — строго спросил председатель коопзверопромхоза Андрей Комлев. — Кто сказал «мало платят»?

Зал притих. Никто даже не оглянулся в сторону говорившего. Но тот сам поднялся. И с места начал:

— У меня пятеро детей. Мы с женой вдвоем охотимся, а денег все равно не хватает.

— Как фамилия?
— Роман Тэвлин.
— А где стойбище?
— На Купяхе. Озеро такое. В прошлом году переехали.
— Что раньше молчал? Тебе дотация положена...

Ханты долго еще говорили о себе. Как разбуженный улей летает над возбудителем спокойствия, так и они теперь бушевали перед президиумом, высказывая накопившуюся боль. Им уже неважно было, кто прав, кто виноват. Им хотелось, чтобы их слышали.

— Запиши: у меня ружье старое. Надо новое. Степан Когончин, — диктовал один.

— Запиши: у меня трое детей, мне молоко надо...
— Запиши: мне...

Тут к микрофону без приглашения, без предупреждения, без обычных «прошу слова», уверенно подошел молодой абориген. Он был достаточно высок, опрятен. Румянец еще играл на его щеках. Потрогал микрофон, убедился, что слышен его голос, и заговорил тихо.

— Я вот что хочу сказать.
— Кто ты? — спросил Вячеслав Михайлович Пономарев.
— Костя Сопочин.
— Ну, говори, говори, — ободряюще-снисходительно разрешил главный человек в районе.
— Вы тут говорите о брезенте, сгущенке, порохе... А я хочу сказать вот им — геологам, нефтяникам, — он посмотрел на гостей.

Сидящие в президиуме руководители промышленных предприятий моментально перестали разговаривать на отвлеченные темы и обратили свой взор на выступающего.

— И хочу сказать вам, — обернулся в зал к сородичам: — Если и даль-

ше нефтяники будут топтать нашу землю, нам не нужна будет ни сгущенка, ни порох, ни брезент.

Зал притих. Все уставились на Сопочина. Тот нисколько не смущился, только лицо от волнения еще больше раскраснелось.

— Вы спросите: почему? Отвечу: потому, что нам скоро ни охотиться, ни рыбачить негде будет. Дичь уходит на север, рыба в озерах исчезает. Где буровики — там обязательно все нефтью заливается. Вся рыба уже нефтью пропахла... Дохнет.

Костя Сопочин смотрел в зал, искал поддержки. Сородичи молчали. Не дождавшись ни одобрения, ни возражения, Сопочин заговорил на хантыйском языке. Все больше и больше распальяясь, он говорил, словно боялся, что не успеет высказаться. Переводчица, к тому времени уже сидевшая в зале, торопливо пошла к микрофону:

— Он говорит, сколько мы можем терпеть, что наших оленей задирают собаки? У Юры Комчина двух оленей на реке Высьях порвали. А у него, — она что-то переспросила по-хантыйски у Кости, тот мотнул головой, — а у Константина Сопочина застрелили оленя с вертолета. Олени в стаде гуляли недалеко от стойбища. Вертолет прилетел, опустился... Застрелили оленя и забрали с собой. Когда Костя прибежал, одна кровь на снегу. Так он говорит. Стадо разбежалось, а вертолет улетел.

Рите показалось, что переводчица говорила все это с каким-то обновленным чувством, сквозь которое прорывалась боль ущемленного властью человека, униженного, но получившего возможность высказать накопленную горечь и возмущение без ущерба для себя и своей семьи. Словно спряталась за его такие резкие, правдивые слова, отражающие и ее личное умонастроение и отношение ко всему, что происходит на ее родной земле.

Что тут началось! Рита не успевала следить за выступающими, а переводчица не успевала переводить все, что говорили охотники.

Костя Сопочин хладнокровно остановил поток возмущения своих сородичей, обернувшись к президиуму, но, все же говоря в микрофон, завершил свою речь.

— Если они прилетят еще ко мне в стойбище, я в них буду стрелять. Так, да! — убежденно подтвердил. Затем повернулся лицом в зал: — А вы подумайте: если нефтяники будут работать здесь, в нашем сельсовете, нам через десять лет уже негде будет ни жить, ни охотиться, ни рыбачить...

Сошел со сцены и вышел из клуба.

У Риты даже сердце заколотилось от волнения. Так жалко стало жителей тайги. Ведь они ни в чем не виноваты. За что же терпят такую несправедливость?! Просто наваждение какое-то...

В президиуме перешептывались, поглядывая на работников телевидения. Они прекрасно видели, что Васильева все записала на плёнку, а оператор снял речь Сопочина. Скандал!

Нефтепромышленники пытались отстоять честь мундира. Они по-

обещали охотникам и рыбакам разобраться в ситуации, наказать виновных и в дальнейшем больше не допускать столь вопиющего беспредела.

Ханты молчали. В их глазах сквозило недоверие. Они курили и сплевывали прямо на пол в доме, в который пришли за справедливостью. Им пообещали, что она восторжествует. Но вот когда? Об этом пока никто не сказал...

* * *

После собрания дети горохом высыпали на улицу. Рита не торопилась. Подошел Войцеховский, вздохнул тяжело:

— Да — а... Вот это сюжет!..

Помолчали, глядя, как не спеша ханты двигаются к выходу. Просторный клуб показался маленьким, низким, грязным и неуютным. «И в таком здании они сеют разумное, вечное...» — с горечью подумала Рита.

— И клуб им новый тут нужно построить, — донеслись слова кого-то из гостей. Словно мысли Васильевой подслушали и решили принять срочные меры.

Нефтепромышленники обсуждали с администрацией инцидент.

— ...Не наши это, я абсолютно уверен, — убеждал собеседников представитель геологов.

— Да, какая разница: «ваши — наши»?! Главное — факт имел место. Сомневаться не приходиться.

— ...А самое страшное — Сопочин прав, — задумчиво произнесла секретарь одного из парткомов. — Здесь, действительно, скоро не будет ни зверья, ни рыбы...

Она стояла посреди холодного клуба в своей удивительно красивой и модной меховой шубке, в шапке из такой же светло-коричневой норки. Небольшого роста. С решительно выведенными небрежной кистью волшебного художника чертами лица, словно он делал набросок, в надежде доработать потом, да так больше и не вернулся к портрету. И вот теперь женщина, занимающая столь заметный служебный пост, вынуждена постоянно жить с этим «недорисованным» лицом. Вроде и есть в нем что-то приятное, однако тут же проявляется и отталкивающее.

— Кто это? — спросила тихо у оператора.

— Секретарь какой-то, — пожал плечами тот.

— Понятно, что секретарь, а зовут как? Не знаешь?

— Нет, — снова пожал плечами.

Словно услышав, что ею заинтересовались, женщина подошла к журналистам.

— Здравствуйте, Надежда Акимовна Малышева, — представилась она. — Хотелось бы узнать ваши впечатления, — глядя Рите в глаза, спросила тоном, обязывающим к ответу.

— Гнетущее, — осторожно произнесла Васильева.

— Будете об этом писать?

— Будем, — совершенно решительно и твердо ответила.

— Я так и думала, — уверенно произнесла Надежда Акимовна. — Только, прошу вас, сделайте это тактично. Чтобы не возбудить национального скандала. Надеюсь вам понятно, что это единичный случай. И, может быть, даже не стоит заострять на нем внимания. Мы сейчас планируем очень большое строительство на стойбищах. Председатель райисполкома составит список остро нуждающихся в помощи людей. Будем строить им домики, помогать снегоходами, лодочными моторами, бензином... продуктами. — Добавила: — Ну, и, конечно же, постараемся разобраться со случаем, о котором здесь так много сегодня говорили... про вертолетчиков. Накажем, — жестко произнесла. На ее правильном, но «недорисованном» лице еще жестче обозначились морщинки.

Рита слушала молча. Думала: как они смогут найти тот вертолет? «Ведь прошло столько времени»!

Отвечать не хотелось.

— Надежда Акимовна, — окликнул Малышеву один из нефтяников в меховой шапке и дубленке. Сразу было видно: не из простых людей. — Всё еще остаетесь или сразу поедем?

— Останусь, — и, уже обращаясь к Рите: — Учтите, пожалуйста, то, что я вам посоветовала. Это очень важно, — сказала, как приказала, и пошла к кучке нефтяников и представителей районной власти.

Молча вышли на улицу. Солнце слепило глаза, Рита зажмурилась. Где-то вдали гремела музыка, призывающая на праздник. Нужно было идти туда.

— Ты погуляй по поселку с камерой, — попросила она Валентина. — Увидишь что-нибудь интересное — снимай.

— Что ты считаешь «интересным»?

— Домики хантыйские, домашнюю утварь, магазин, лица красивые...

— Ну, ты даешь, красивые! — усмехнулся помощник. — Разве у них есть красивые лица??

— А ты приглядись, — сказала Рита, обращаясь к Войцеховскому. — У людей всех наций есть красивые лица. А я пойду, выясню дальнейшую программу.

Риту не покидало ощущение, что она попала в другой мир, в другое время. И современная музыка показалась инородной в этом маленьком населенном пункте, где у людей совершенно другие жизненные устои. Она вспомнила, как в машине сопровождающий рассказывал, что ханты очень бережно относятся к природе. Ловят рыбу лишь в том случае, если есть необходимость, и ровно столько, сколько нужно для семьи. Не срубят лишнее дерево, никогда не бросят мусор в воду и в огонь. У них есть свои заповедные зоны — священные островки природы, где нельзя охотиться и ловить рыбу. Природа там сохраняется для будущих жителей Земли. У хантов верховный бог — Нум-Торум, который управляет небесным миром. Живет он в огромном доме, полном золота и богатств.

И для всех смертных он — «податель дневного света и хранитель право-порядка»... И вера у них языческая, хотя их когда-то и крестили, и общественный строй совершенно другой... далекий от того миропорядка, которым характеризуется наше сегодняшнее время... Эпоха строительства коммунизма.

* * *

...На небольшой площади уже вовсю шла подготовка к соревнованиям. Установлены шесты — хореи, на которые нужно было накинуть петлю. «Петля» по-хантыйски — тынзян. С его помощью коренные жители ловят за рога оленей.

В другом местечке в ряд стояло с десяток нарт. Один за другим подходили аборигены к судье. Он записывал желающих принять участие в соревнованиях. Рита поинтересовалась, что здесь происходит.

— Сейчас будут прыгать через эти нарты, — пояснил судья.
— И хорошо прыгают? — полюбопытствовала Васильева.
— Есть, которые хорошо.
— Ну, сколько раз можно перепрыгнуть?
— Как повезет. Это не только от мастерства, но и от состояния здоровья тоже зависит.

Рита уставилась непонимающе:

— Зачем же больных допускать к соревнованиям?
— Больных-то не допускаем. Они здоровые иногда хуже, чем больные...
— Что-то я вас не поняла.
— Так, я про пьяных говорю. Бывает... Лезут, прыгают, только не получается ничего. Тут, знаешь, какая сноровка нужна! — охотно пояснял судья.
— И все-таки: сколько?
— И двести бывает, и больше...

Нарты уже окружило кольцо зрителей. Прежде, чем прыгать, ханты снимали сахи, верхнюю меховую одежду, оставались в свитерах или даже во фланелевых клетчатых рубашках.

Пьяных не было. Но и трезвые показывали не очень-то хорошие результаты: 30–40 прыжков. Лишь один прыгнул 96 раз, чем вызвал одобриттельный рев толпы. Ему и достался приз.

По громкоговорителю объявили о начале оленых гонок. Риту предупредили, что это самое увлекательное зрелище во всей праздничной программе.

Войцеховский уже стоял у старта, готовился к съемкам. Она подошла к нему.

— Ну, как?
— Снял несколько планчиков. Пленка заканчивается. Экономить надо. Последнюю поставил, — предупредил корреспондента.
— Как последнюю?! — удивилась та. — Тут еще так много интересного!
— А что я сделаю? Такова норма. Сама знаешь: пленка — дефицит.

— Ничего я не знаю, — пробурчала себе под нос. Отвернулась и увидела девушку. Чуть раскосые, но большие карие глаза смотрели на юношу, стоящего к Рите спиной. Яркий румянец во все щеки мог сравниться только с яблочком. Ресницы и брови ее заиндевели, видимо, давно стоит на морозе. Зеленый платок прикрывал черные волосы, на лбу роскошное ожерелье из цветного бисера. Мастерски расшитая одежда была под стать красавице.

— Валентин! — шепотом закричала Рита, — смотри!

Он оглянулся. Быстро — камеру на плечо. Лицо девушки в толпе увидел сразу.

— Ох, хороша! — выдохнул с восторгом. И через несколько минут сделал вывод: — Метиска, наверное. Чувствую, не обошлось без стараний какого-нибудь геолога или геофизика. Девочка вырасти уже успела...

— Почему ты так думаешь?

— Да, сразу видно...

Упряжки стартовали парами. Сначала мужчины, затем женщины. Им предстояло сделать по полю, которым служило скованное льдом озеро, двухкилометровый круг. Тут же, только с другой стороны судейского столика, находился финиш. Для съемок вполне удобно. Группе телевидения разрешили занять место на этом небольшом пятаке. Остальные зрители — ханты и русские, партийные руководители и хозяйственники, представители власти — стояли в глубоком снегу на обочине и наблюдали за гонками. Олени упряжки, не привыкшие к такому многолюдью, то и дело шарахались в стороны, не слушались своих воожаков. В огромных глазах животных отражался испуг. Рита это видела. Ей было жалко животных.

— А вы знаете, здесь сегодня не только праздник, — к ней подошел мужчина в собольей шапке. Небольшого роста, крепенький такой, улыбчивый.

— А что же еще? — на всякий случай тоже улыбнулась.

— Николай Петрович Соколов, — представился незнакомец, — председатель сельсовета. Так вот, здесь сегодня, кроме всего прочего, смотрины.

— Какие смотрины? — не поняла Рита.

— Обыкновенные. Они ведь приезжают сюда со стойбищ вот так, все вместе, раз в год. Парни выбирают себе невест, знакомятся. А потом в стойбищах сговариваются о свадьбе.

— Как же они потом находят друг друга?

— О-о!.. Это уже дело техники! — рассмеялся хозяин поселка. — Если понравилась девушка, парень, уезжая отсюда, уже будет знать, как ее найти.

— Интересная деталь, спасибо, — почти пропела довольная Рита.

— А вы откуда будете?

— Из окружного центра.

— Вы первыми к нам приехали на праздник. Я имею ввиду телевидение. Так-то корреспонденты из районной газеты приезжали раза два. А тут окружное телевидение... Думаю, познакомиться надо.

— Рита Васильева, Валентин Войщеховский. Готовим передачу.

Дальше пошел малозначительный разговор, прервавшийся очередным стартом, который оператор никак не мог снять, потому что олени шарахались от него и от камеры и убегали то в толпу, то в сугроб.

— Снято, — гордо сообщил оператор, подходя к Васильевой и Соколову.

Все же она не зря поддерживала разговор «ни о чем». Николай Петрович вдруг предложил.

— А хотите, я вашего оператора на «буране» провезу на трассу. Оттуда здорово соревнования смотрятся.

— Хотим! — Рита даже мечтать не могла о такой удаче. Понимала, что было бы очень хорошо проехать по трассе, но попросить об одолжении не решалась.

Через несколько минут Николай Петрович лихо подъехал на снегоходе. Валентин сел сзади на нарты, которые предусмотрительно были подцеплены к технике.

Глядя на удаляющийся «буран», Рита ликовала: какие внимательные, отзывчивые люди! Теперь все зависит только от нее: написать интересную и правдивую передачу.

* * *

После соревнований их позвали в столовую. Столы, накрытые специально для гостей, ломились от изобилия. Чего тут только не было! А главное — всевозможная рыба: жареная, в тесте, слабосоленая, паштока, то есть свежемороженая... уха...

Женщин было совсем мало. В число этого меньшинства вошла и секретарь парткома Малышева. Сидела рядом с председателем райисполкома Пономаревым в центре застолья и всеобщего внимания. Видимо, уже не одна рюмка коньяка была выпита, потому что говорили громко и весело.

— Что-то вы опаздываете, товарищи телевизионщики, — обращаясь к вошедшим, встал председатель райисполкома, — садитесь. И обратите внимание, какую хорошую столовую построили здесь на компенсационные средства нефтяники. Видите?! А вы говорите, что они только природу губить умеют...

Очевидно, тема аборигенов обсуждалась все это время, и глава района решил заступиться за нефтяников, которые не только нефть добывают, но и строят домики для хантов, и вот... даже столовую возвели.

— А мы еще ничего не говорим, — громко ответила Рита.

— Ну-у... — растерялся председатель райисполкома, — расскажете ведь все равно, — начал искать повод к обвинению.

— Расскажем, конечно, — не сдавалась Рита.

— Так вот, я и говорю: будете рассказывать, и об этом тоже не забудьте упомянуть.

— Не надо меня учить, — вспыхнула Рита. — Я сама знаю, о чем пи-

сать, — сказала твердо, но с улыбкой, несколько смягчившей резкость интонации. Сидевший рядом Валентин пнул ее ногой под столом и тихо попросил:

— Молчи. Это же главный человек в районе.

— Пусть он лучше в своем районе порядок наводит, а не учит... Тоже мне! — сквозь зубы проговаривала тихо, чтобы их не услышали.

— Так, понятно, что знаешь, — не сдавался Вячеслав Тихонович. Он находился в таком состоянии, когда нарушившийся температурный баланс в теле уже мешает воспринимать однозначно реальные обстоятельства. Он «шумил» с корреспондентом и принял ее слова за ответную шутку. — И все-таки я предлагаю выпить за вновь прибывших припоздавших. И еще за то, чтобы они правильно оценили сегодняшнюю обстановку и написали правдивый рассказ о нашем празднике.

Рита не хотелось пить за этот тост, словно этот тост был авансом за неотработанную зарплату. Не хотела... но выпила, подчиняясь настоятельному шепоту Валентина:

— Пей, ты что?! Обидятся. А нам еще, может быть, не раз в этот район придется ездить. Не надо давать повода к неприязни.

— Дипломат, — пробурчала, закусывая.

— Я правильно говорю, — убедительно прошептал в самое ухо. — Нам ссориться никак нельзя. Ведь ехать-то назад с кем-то придется.

* * *

Передачу она написала легко и быстро. Сначала для радио. Фактура была прекрасная, записи получились четкими, эмоциональными. Да и работалось по горячим следам с настроением.

Владимир Ковеленов почтит и не удержался от комплиментов:

— Молодец! Полный охват! И подача фактов интересная!

Но после того, как микрофонная папка попала на стол к Главному, про передачу словно забыли. На третий день Рита не выдержала. Пошла выяснять причину задержки.

— Алексей Саныч, у вас моя передача, вы ее прочитали? Монтировать пора.

Гельберт внимательно посмотрел на Васильеву. Помолчал. Она покорно ждала, но уже забеспокоилась.

— Что-то не так?

— Ты уверена, что все тобой изложенное — правда? — чеканя каждое слово, посмотрел на нее поверх очков.

— Да, Алексей Саныч, я уверена.

— Понимаешь, ведь если выявятся какие-то неточности либо ошибки, не дай Бог, головы полетят. Причем полетят не только твоя, но и моя. Я должен тоже быть уверененным, что нефтяники действительно бесчинствуют в тайге.

— А вы у редактора нашего национального отдела поинтересуйтесь.

Он, кажется, уже перевел мою передачу на хантыйский язык. К тому же, он чаще общается со своими сородичами, лучше знает обстановку. Подтвердит.

— Позови его, — приказал он, вздохнув.

Рита нашла Степана Комлева на рабочем месте. Он как раз прослушивал ее записи собрания в национальной деревне.

— Главный вызывает, — прервала его занятия Рита.

— Зачем? — изумился тот.

— А за тем, — кивнула на пленку, стоящую на МЭЗе.

Ей начинало все это не нравиться. В сознании закопошилось предчувствие неприятностей, но она постаралась подбодрить себя тем, что главный ценитель передачи — Владимир Ковеленов, мнением которого она дорожила, остался доволен ее работой.

Степан Комлев безропотно пошел по коридору. Главный его вызывал крайне редко, поэтому удивление его было вполне оправданным.

Рита не спешила за ним. Осталась в маленьком кабинетике национального вещания. «Понадоблюсь — найдут», — решила она и была права. Через несколько минут Степан вернулся назад и уже в свою очередь повторил эту фразу: «Вас вызывает Главный».

— Вы что-нибудь решили? — попытлась она предвосхитить события.

— Да. Не бойся, я его убедил. У тебя действительно хороший материал получился. Самое ценное в нем — искренность. Твоя и Кости Сопочина.

Рита уверенно вошла в кабинет руководителя. Вопрос застыл в гла-зах, и Саныч прочитал его.

— Да, я решил взять ответственность на себя. И твою ответственность — тоже. Забирай материал, монтируйте.

Комментарии были излишни. Рита быстро, чтобы вдруг не передумал, взяла микрофонную папку. Сначала она отправилась в фонотеку к Валюше Федотовой. Надо было подобрать соответствующие хантыйские мелодии.

Она с самого начала работы в редакции окружного радиовещания доверяла только своему чутью в музыкальном оформлении собственных передач. Во-первых, звукорежиссера настоящего не было. А сотрудница, которая занимала эту ставку, не соответствовала должности, потому что никаким звукорежиссером не была, и за плечами у нее была всего-навсего музыкальная школа. Такую же музыкалку, какую в свое время закончила Рита Васильева, но только в окружном центре. Очевидно, принимая ее на работу, Гельберт рассчитывал на «воспитание» кадров. И на то, что когда-нибудь Ольга Валентинова все же станет настоящим звукорежиссером. Он, принимая на работу, даже обещал послать ее в Москву на курсы звукорежиссеров радио. Но шли месяцы, годы, а обещание так и весело в воздухе, как заманчивая плюшка, которую очень хотелось съесть, но... слишком высоко висела... А табуреточку взять было негде. Поэтому корреспонденты больше доверяли себе и оформляли

передачи сами. А Ольга Валентинова подбирала песни для концертов по заявкам и к музыкальным заставкам между программами.

Валюша выложила перед Ритой три стопки национальных мелодий жителей крайнего Севера.

— Вот, слушай, что подойдет, — услужливо сообщила Федотова.

— Боже! Как много! Это сколько же времени потребуется, чтобы я все отслушала! — отчаялась Рита. — Мне и нужно-то всего три мелодии: одна щемящее-тоскливая, другая — празднично-восторженная. И третья — средняя: ни то, ни се — лирически-городская или лирически-сельская.

— Где же ты у хантов услышала лирически-городскую или лирически-сельскую мелодию? — проявила свои познания Федотова. — Они поют о том, что видят.

— Как? — изумилась Рита.

— А вот так. Едет хант по реке, видит, сосед навстречу с женой на лодке. Сидит на корме, курит. Женщина на гребях, то есть за веслами. Спрашивает хант соседа: «Куда спешишь»? — А тот отвечает: «Да жену свою в роддом везу».

— Это что, анекдот? — опешила Рита.

— Это быль. Но ее уже называют анекдотом. Причем, заметь, не ханты, а русские. Русские смеются, а ханты в этой ситуации юмора не ощущают. Они — так живут. Чем живут, про то и поют.

— Валюша, чтобы больше времени не терять, подбери мне, пожалуйста из всего этого две таких, как я сказала, а третью... Ну, чтобы хоть... ну, нейтральная что ли была — между праздником и буднями. Кстати, ты знаешь их языки?

— Чуть-чуть... несколько слов. А зачем?

— Ну, вдруг там, на пленке кто-нибудь будет петь нечто подобное твоему рассказу, а мы в эфир поставим. Понимаешь, что прозойдет, если кто-то поймет, о чем речь?

Обе рассмеялись.

— Ладно, сделаю, — согласилась Валюша, — и дам послушать отобранное Комлеву, чтобы уж совсем уверенной быть.

На том и порешили.

Подготовила Рита передачу и для экрана. Главный редактор в это время отсутствовал. Начальник отдела, бегло просмотрев материал, повел ее по тесному коридору, на ходу объясняя: здесь — запись ведущего, здесь — монтажная аппаратная, здесь дикторская... А вот и наши уважаемые режиссеры — главные люди на телевидении. Их надо любить и уважать, — отрекомендовал и тут же исчез.

Васильева поразилась условиям работы своих коллег на телевидении. Комнаты были разделены на два, а то и на четыре отсека перегородками, звук через которые проникал, как будто все говорилось в ухо. Стол и два стула — хороший вариант. Два стола и четыре стула — лучший, потому что там еще было окно. Радиосарай, который они так про

себя называли, дворцом не казался, но условия в нем для сотрудников были все же получше.

Режиссер Нина Ивановна Кривцова, кому «сдал» Риту начальник отдела, ознакомившись с текстом, посмотрела на нее очень внимательно, словно размышляя: вернуть или не вернуть материал назад. По крайней мере, именно эти мысли прочитала Васильева в глазах пожилой женщины.

— Первый раз?

— Что? — недоуменно уставилась на незнакомку.

— Первый раз пишешь сценарий?

— А, сценарий — да!

— Так сценарии не пишут! Заруби себе на носу: телевидение — это тебе не радио. Тут не надо рассказывать кто куда пошел и что взял, во что одета девушка и когда старт взяли олени... Никаких действий, если они есть в кадре, комментировать не надо! Надо рассказывать суть.

— Я, правда, в первый раз, — начала оправдываться Рита. — Это меня Гайнулин попросил для телевидения сделать. Параллельно... с радио...

— Понятно. Так вот, здесь требуется зрительный ряд.

— Это что такое?

— Весь сценарий следует писать в две колонки, — терпеливо объясняла Нина Ивановна. — Слева — то, что зрителю увидит, справа — то, что он услышит, то есть текст автора.

Голос у режиссера был строгий и низкий, видимо, основательно прокуренный.

— Когда спрашившься?

— А когда надо? — на английский манер, вопросом на вопрос ответила Рита.

— Ну, хотя бы дня через три, не позднее!

— Завтра принесу.

— Завтра? — режиссер снова внимательно, с еще большим любопытством посмотрела на Васильеву. — Хорошо, приноси завтра.

На следующий день они снова встретились. Рита за одну ночь переподела материал. Нина Ивановна, прочитав, хмыкнула, но осталась довольна. Сразу приступили к монтажу. Рита сама начитала текст, принесла «свою» музыку, сидела рядом во время склейки кадров. Ей было интересно, а Кривцова не возражала. Наоборот, она советовалась с Ритой, какой видеоряд та представляла, когда писала тот или иной фрагмент. Общались охотно. После окончания монтажа Нина Ивановна отчеканила коротко и ясно:

— Молодец!

Позиция автора в телевизионной передаче осталась прежней, реакция окружающих... Мало сказать — перпендикулярной.

Когда передачу поставили в эфир, главного редактора все еще не было в городе. Он как раз готовил свою собственную передачу, и занимать-

ся чужим материалом ему было некогда. Первая телевизионная проба Риты Васильевой прошла «на ура». Такого мнения придерживались все, кто ее смотрел. Восторги, похвалы, лобызания...

А через день, вернувшийся в свое кресло главный редактор, вызвал Риту к себе. Ничего, не подозревая, та приехала на студию в другой конец города и втайне ожидала похвал. Увы...

— Вы что наделали?! — с порога грозно вопрошало второе лицо после Гайнулина. — Что вы показали, я спрашиваю?! — еще громче повторил он вопрос.

— Вы о чем? — невинно распахнула глазки. Ресницы взлетели до бровей и там успокоились, застыв в удивлении.

— О передаче! — рявкнул главный редактор телевидения Князев.

— О какой? — невинность вопроса еще больше вывела из себя руководителя.

— Ты что? Еще какую-нибудь передачу подготовила кроме этой? Про национальный поселок! — кипел дальше руководитель, не стесняясь в выражениях. — Как ее могли пропустить в эфир! Вы что хотите? Национальной напряженности?! — продолжал бушевать он.

— Не поняла, — решительно возразила Васильева. — Меня послали в деревню. Я была там и выразила то, что поняла и увидела. То, что посчитала нужным выразить.

— Но кто тебе позволил именно ТАК писать?!

— Сама себе позволила. И взяла на себя эту ответственность. Вы же этой ответственности избежали. А если она сейчас вам показалась слишком тяжелой, после того, как передача уже прошла в эфире, чего проще спихнуть ее на кого-нибудь другого? Спокойнее, и безопаснее. Вас же, все равно, здесь не было.

— Да как ты смеешь так со мной разговаривать?! — в конец распалился главный редактор. — Ты понимаешь, что вместе с твоей головой полетит и моя?! — уже переходя на крик, произнес он. — Мне уже позвонили из окружкома и попросили оставить не только эту казенную комнату, но и редакцию за то, что я бездельник, не проявил должной бдительности и дал повод к проявлению национальных распри?! Ты, хотя бы, понимаешь, чем это пахнет?!

— При чем тут национальные распри? Кто их придумал? — удивилась Рита. — Я рассказала только о том, что увидела! Видеоряд это подтверждает. Синхронны тоже.

— А притом, что я — твой начальник! Выводы уже сделаны и завтра утром они будут обнародованы в виде приказа.

Молчание повисло черной тучей. Тяжелой, грозовой. Виктор Николаевич лихорадочно курил.

— Это правда? — осторожно спросила Васильева.

— Правдивее не бывает, — главный редактор часто затягивался и выпускал дым.

— Я вам честное слово даю: никакого повода к тому, что вы называете распрыами, я не давала. Кто вам звонил? Я даже могу назвать фамилию этого человека — председатель райисполкома Пономарев. Так?

— Нет, не Пономарев. Бери выше, — немного успокоившись, выдохнул Князев.

— Значит с его подачи.

— Какое это теперь имеет значение, — устало и как-то отрешенно произнес редактор. — Меня уже увольняют, а что будет с тобой — даже не знаю...

Рита опешила. Такого поворота событий она никак не ожидала.

Решение пришло мгновенно.

— Где Гильманов? — спросила у Виктора Николаевича.

— Ты что, к нему пойдешь?! — удивился тот.

— А мне терять нечего! — проговорила в запале. — Это он меня послал к аборигенам. Я не знаю, как у вас на телевидении, а у нас на радио передача прошла. Практически точно такая же по содержанию. И с той же позицией автора. Только наш Главный не пострадал. Ему доверяют. Поэтому что он может взять на себя ответственность и защитить своего корреспондента, если в этом будет необходимость.

— Я не знаю, что может или не может ваш Гельберт. Гильманов не захотел, видимо, защищать меня... Поэтому готовит приказ...

— Ладно. Я сама пойду к нему.

И пошла.

У председателя окружного комитета по телевидению и радиовещанию в приемной сидела симпатичная девушка, одетая по последней моде.

— Председатель занят, — не поднимая головы от машинки, сообщила она.

— У него люди? — спросила напористо Рита.

— Говорят с Москвой.

— Хорошо. Я подожду.

Не дожидаясь приглашения, села на один из стоящих вдоль стены стульев. Внутри все кипело. Интересно получается: практически одна и та же передача проходит на радио и телевидении. В первом случае ее признают лучшей за неделю, переводят на хантыйский язык, отправляют на область. А после эфира телевизионного человека снимают с работы, а автора просто игнорируют! Даже сообщить не торопятся, что его ожидает!

Именно с этого она и начала свою речь в кабинете Гильманова, когда ей позволили туда войти.

— Ну и натворила же ты дел! — укоризненно прошипел Председатель.

— Да, что ж я такого сделала?! Факты переврала? Нет. Никто меня в этом обвинить не сможет! А то, что эти факты идут в разрез с представлениями, которые рисуют для окружкома некоторые деятели, то я не виновата. И почему, интересно, одна передача прошла «на ура», а за другую — снимают с работы?

— Не кипятись! Успеешь еще побулькать. Дело в том, что звонок поступил после телевизионной передачи, а не после радиойной.

— Михаил Юрьевич, какая разница?! — не унималась Рита. В своем стремлении добиться справедливости она горячилась.

— Вы-то понимаете, что все зависит от вас! Если вы мне поверите и возьмете вместе со мной ту ответственность, которую взял Гельберт, мы все выстоим!

— И что ты полагаешь, я должен сделать? — усмехнулся недоверчиво Гайнулин.

— Вы не должны увольнять Виктора Николаевича. Позвоните куда следует, и заявите: я доверяю своему корреспонденту! То есть мне, Рите Васильевой. А Виктор Николаевич вообще к этой истории отношения не имеет.

— И куда я должен обратиться? — не переставая ухмыляться, спросил Михаил Юрьевич.

— Н-ну... Туда, откуда был звонок. Наверное, в отдел пропаганды и агитации окружкома партии. Или кому-то из секретарей.

— Ты что, с ума сошла?! — рявкнул Гельманов. — Иди домой, подсказщица! Сам разберусь!

...И все же он позвонил. Подумал, подумал и позвонил. Зацепила его эта смелая девчушка с радиовещания. Надо же, пришла к руководителю, не побоялась. А ведь сама на волоске висит: он, если захочет, и ее вправе ведь уволить вместе с главным редактором телевидения. И тогда вся ее журналистская карьера полетит в тар-тарары. И диплом ненужным окажется в этой ситуации. А ведь пять лет училась...

Не захочет — останется, карьеру сделает...

Ему очень нравилось это состояние: «Кого хочу — озолоту. Кого хочу — поколочу!» Здорово придумали. Властвовать людьми, стоять над ними, держать нити их судеб, распоряжаться ими... Такое не каждому дано. Ему повезло. Он — у власти. Пусть не самой большой, но все-таки...

— Девчонка права оказалась, — говорил он уверенно в трубку Третьему. Вы сами-то видели передачу? Нет? Приходите — покажем. Мне думается, это председатель райисполкома хвосты свои решил прикрыть. Вот и позвонил вам. А у нас, извините, фактический материал. Не надуманный и не оправдательный, и не подтасованный под «особое мнение».

После разговора с Ритой Гильманов тоже стал храбрым и уверененным. Словно какие-то силы вдохнула она в него, о существовании которых он и сам не подозревал. Удивлялся и говорил с Третьим так, будто знаком накоротке с одним из влиятельнейших людей округа — секретарем по идеологии.

— Придете? Передача действительно хорошая, грамотная, я бы сказал.

— Посмотрим... — с сомнением в голосе, ответил Третий. — Ждите в 16 часов.

В студию Михаил Юрьевич уехал раньше, предупредив, что в назначенное время будут высокие гости и, соответственно, везде должен быть порядок.

Коллектив знал, что имел в виду Гильманов. Появление на телевидении представителей окружной власти было делом нередким, привычным, но всегда хлопотным. В тесном помещении наводили относительный порядок, рассовывая привычные и даже нужные предметы и вещи по столам и шкафам, чтобы не подать лишнего повода для придирок и недовольства.

Настроение гостей — прошеных и непрошеных — угадывалось с порога: по сдвинутым бровям, придававшим особую строгость глазам; по складкам вокруг поджатых в гримасе недовольства губ; в конце концов, по тембру голоса, которым начальствующая персона выражала доброе здравие коллективу.

Слухи о сгустившихся грозных тучах над головами главного редактора телевидения, являющегося в одно и то же время заместителем председателя комитета, и над корреспондентом Ритой Васильевой уже проникли в эти стены. Одни перешептывались, другие молчали, никаким образом не выражая ни сочувствия, ни злорадства.

Считали: начальству виднее. И только самые близкие коллеги, друзья подбадривали Виктора Николаевича Князева. Дескать, крепись, может гроза пронесется мимо.

С Ритой, человеком новым для большинства, никто ни о чем не разговаривал. Произвольно или нарочно — на ней поставили крест. Дескать, не высовывайся. Мало того, что заварила кашу, которую захотел попробовать аж Третий секретарь окружкома КПСС, так еще и их главного редактора подставила, да и что там говорить — весь коллектив взбудоражила. Правдолюбка нашлась...

Поэтому Рита, приглашенная для просмотра своей передачи вместе с Третьим, держалась в сторонке.

Гость появился внезапно, на пять минут раньше назначенного времени. Гильманов побежал к нему навстречу, едва не опрокидывая стулья. Рита тоже зачем-то встала, словно школьница перед учителем, как пронившийся ребенок перед родителями. Внутренне она ни в чем не считала себя виноватой, но внешние обстоятельства вынуждали признать: произошло нечто такое, что заставило всколыхнуться всех — от рядом сидящих, до вышестоящих.

Третий — а звали его Трифон Аркадьевич Тимофеев — бодро сказал: «Здравствуйте! Ну, где у вас тут просмотр? Некогда сильно рассиживать-ся». И по его тону стало ясно: настроение — неплохое.

Его провели в зал, включили аппаратуру для просмотра. Рита стояла у двери и видела только затылок Третьего. Иногда этот затылок поворачивался к Гильманову, тот что-то нашептывал гостю, но настроения и чувства прочитать по нему было невозможно.

Двадцать минут пролетели незаметно. А Рита поймала себя на том, что с удовольствием еще раз посмотрела свою собственную передачу. «Становлюсь тщеславной», — с улыбкой подумала о себе самой. И в это время включили свет, Трифон Аркадьевич не спешил вставать. О чем-то тихо разговаривал с Гильмановым.

Князев тяжело дышал рядом. Не выдержал, тоже пришел посмотреть.

— А что? Неплохая передача, — шепнул ей. — Ничего тут провокационного нет.

— А кто готовил передачу? — спросил Тимофеев, оглядываясь назад.

— Я, — Рита шагнула вперед, как в холодную воду вступила. Будь что будет. Третий встал, пошел ей навстречу, протянул обе руки:

— Молодец, — довольно улыбаясь, сказал приобняв. — Как фамилия?

— Васильева, — и добавила: — Рита.

— Молодец, Рита Васильева, — повторил Тимофеев. — Вот, — сказал обращаясь к присутствующим: — Берите пример. Молодой журналист не побоялся выступить против общепринятого мнения. Даже против всесильных нефтяников, которые действительно беспредельничают на этой земле... Покорители! К нам тоже поступают тревожные сигналы от хантов. Правильно написала, правдиво!

И, обернувшись к Гильманову, посоветовал в приказном тоне: — Прошу всю творческую группу отметить повышенным гонораром за такой материал. Он достоин этого. А тебя, Рита Васильева, поздравляю. Кажется, ты на телевидении первую передачу подготовила? Так держать! Нам всем нужна правда. И смелость тоже...

Несмотря на высокую оценку вышестоящим начальством творчества Риты Васильевой, Гильманов не спешил перевести ее на телевидение. Боялся, что с этим назначением сядет на пороховую бочку и с таким непокорным автором ему придется защищать у Третьего каждую ее передачу. Нет, такого мужества у Гильманова не было. Это только Гельберту по плечу, вот пусть она у него и работает... Пока.

* * *

Однажды во внеурочное время в квартире вновь раздался звонок. И снова Рита сердцем почувствовала — Серебряков! Подбежала, схватила трубку:

— Да, да, я! — перехватило дыхание, — здравствуй! — Радость прорвалась через голос и зазвенела в нем истощным весельем колокольчиков.

— Это Рита Васильева? Это — самая красивая девушка в Советском Союзе? Нет, не только в Советском Союзе! Я ошибся! Вы самая красивая девушка во всем мире!

— Да, это — Рита Васильева, а насчет остального — не знаю, — смутилась от неожиданного комплимента.

— Как? Разве вам еще никто не говорил, что вы — самая красивая девушка на планете Земля?! — удивился голос на другом конце провода.

— Нет!..

— Так вот, слушайте и запоминайте, Рита Васильева! Вы — удивительная! Замечательная! Восхитительная! Я стою перед вами на коленях! На коленях стоят перед Богом. А я стою на коленях перед вами... Потому что я люблю вас, Рита Васильева! Я не могу без вас жить!

— Алеша... — хотела что-то сказать, но он не слушал:

— Я построю для нас храм. Из цветов. Это будет самое оригинальное здание в мире! В нем будут жить Любовь, Нежность, Доброта, Надежда, Красота, Счастье, Радость, Веселье, Музыка, Поэзия, Проза и... много-много Детей!..

— Ты сумасшедший, — успела вставить в его романтический монолог, но Алексей не обратил внимания на ее реплику.

— Слушай, и ты поймешь, КАК я скучаю по тебе! Пусть в каждой клеточке твоего сознания живет Алексей Серебряков и его любовь к тебе.

Не давая опомниться, он запел новую песню, а когда услышал ее восторженную благодарность, положил трубку. Рита так и не успела ничего сказать. Или время, отведенное на переговоры, кончилось, или он нарочно заманивает ее в свои ловко расставленные сети, из которых будет трудно выпутаться. Она заметила: как только чуть-чуть начинает меньше думать о нем, так он тут как тут — звонит по телефону и напоминает о себе. Эти телефонные звонки она стала ожидать каждую неделю. На большее не рассчитывала: все же дорогоевоходит общение по междугородке. Но так приятно было всякий раз слушать его восторженную болтовню и песни, которые он разучивал специально для нее.

— Сумасшедший... — повторила, положив трубку.

Счастье трепетало внутри, радость выплескивалась наружу сияющей улыбкой, любовь светилась в глазах... И никакая книга, даже с самыми захватывающими сюжетами уже не увлекала... Это состояние придавало ей силы для долгого ожидания встречи, когда он получит диплом и приедет к ней для того, чтобы больше уже никогда не расставаться.

И пусть обещанный храм из цветов останется недостижимой мечтой. Все равно они будут жить счастливо. Рита в этом не сомневалась. Она слишком верила однолюбу — Алексею Серебрякову.

НАСТЯ ЯНОВСКАЯ: ЛЕСТНИЦА В НЕБО

— Настя, ты уже напечатала информацию о результатах работы авиаотряда? — с порога спросил Ковеленов.

— Нет еще, — ответила та, не поднимая головы. Любаша заболела, и Яновская уже вторую неделю работала за двоих.

— Давай сюда. Ее не надо печатать.

— А что случилось?

— Вертолет разбился.

— Да ты что?! Как это произошло?

— Подробности пока не известны. Но нам уже позвонили, предупредили, чтобы ничего про авиаотряд не давали. Четыре или пять человек погибло... а возможно, и больше... Никто точно сказать не может. Или не хочет... — Ковеленов тяжело вздохнул. — Как нарочно, у нас сегодня «Новости» такие жиенькие, никакой информации о промышленности. Пойду искать, может, что-нибудь удастся добыть.

— Слушай, а кто разбился-то?

— То ли геологи, то ли геофизики, — уже из коридора донеслось до Нasti.

«Геофизики?!» Сердце екнуло: среди них могли оказаться коллеги родителей. Настя многих знала.

Домой летела быстрее ветра. Даже автобуса не стала ждать: так надежнее. По пути зашла к соседям. Хотела выяснить, что к чему: наверняка уже знают подробности про вертолет. К тому же, втайне надеялась увидеть Петра Сергеевича Николаева... Он непременно должен быть героем ее очерка. Ей казалось, она достаточно знает его по рассказам отца. Да и личные встречи позволяли создать некий образ «первоходца» Западной Сибири.

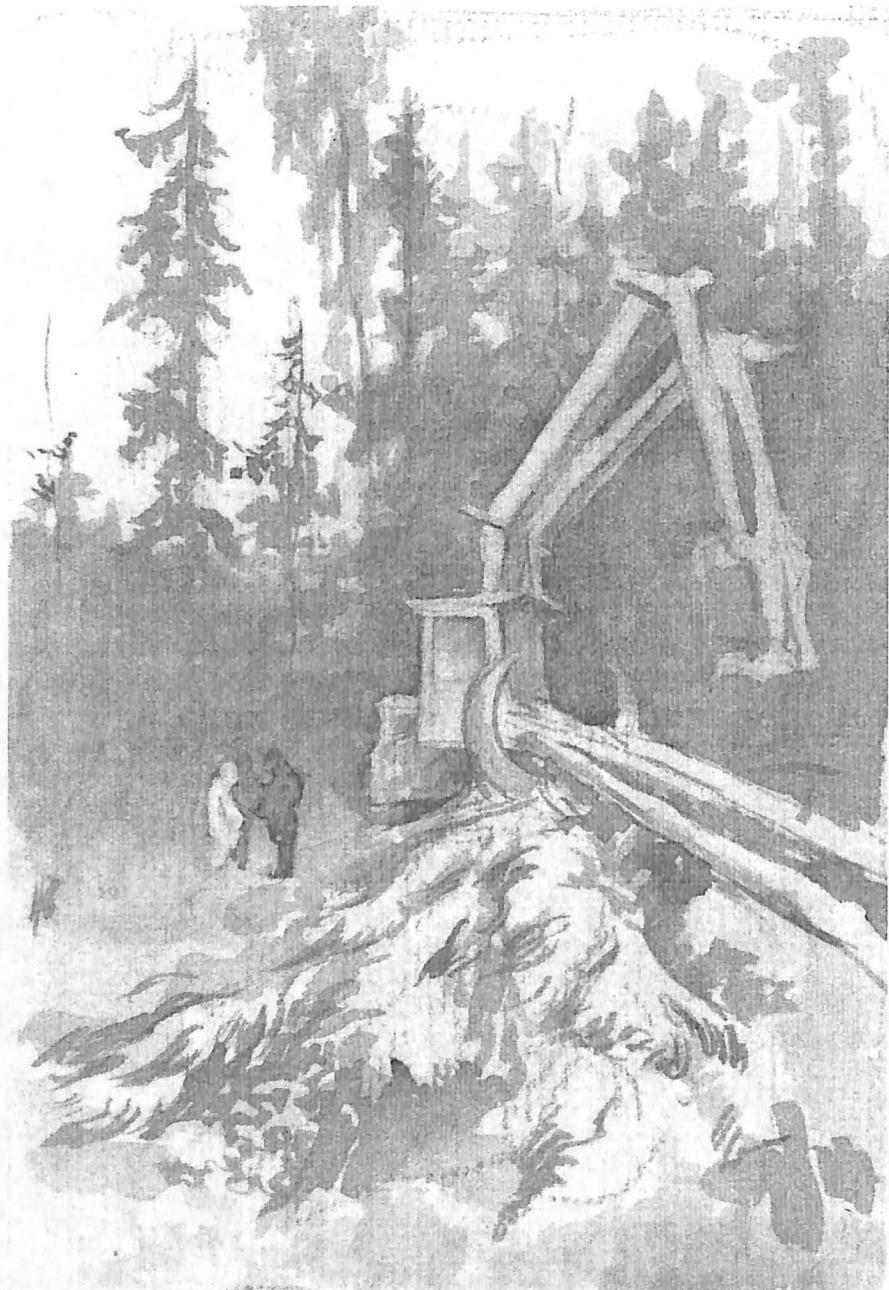
— Здравствуйте. Дядя Петя дома?

— Еще не прилетел, — спокойно ответила соседка. — Ну, что пишут родители из Германии? — поинтересовалась.

— У них все нормально. А дядя Петя куда улетел?

— Да Бог его знает. Разве скажет — куда? Улетел и улетел. Ты чем-то встревожена? — заметила, наконец, состояние Насти Алевтина Егоровна.

— Даже не знаю, как сказать... — замялась.
— Говори, как есть.
— Видите ли, сегодня... — и замолчала.
— Да что ты жили-то тянешь?! Что случилось?! — почти крикнула женщина.
— Вертолет сегодня разбился... — выговорила почти шепотом.
— Ой! — жена Николаева схватилась за сердце, медленно побрела в кухню.
— Давайте, позвоним в контору, может, там знают подробности.
— Какая контора!? Какая контора!!! Рабочий день уже давно закончился! — запричитала.
— Где у вас валерьянка? — забеспокоилась Настя. — Надо непременно выпить.

Та кивнула на шкафчик.

Через минуту они уже обе называли в контору геофизического треста. Но тут дверь открылась, и вошел Петр Сергеевич.

— Жив! — обрадовались обе.
— А почему я должен умереть? — недоумменно спросил тот.
— Вертолет же разбился! — запричитала от нервного напряжения Алевтина Егоровна.
— Успокойся, — Николаев подошел, погладил жену по голове. Настя стояла в сторонке, исcosa наблюдала за ними. — Видишь же — живой. А кто сказал, что вертолет разбился?

Алевтина Егоровна молча посмотрела на Настю.

— А-а, это, значит, ты — сорока — на хвосте из своей редакции привнесла новости? Что? Правда, кто-то разбился?

Та кивнула головой.

— Ага. Только не знала кто именно.

Николаев взял телефонную трубку, которую жена все еще держала в руках, кому-то позвонил, начал выяснять подробности.

Случай подтвердился: разбился вертолет с геологами — погибла вся вахта.

— Двенадцать человек вместе с экипажем, — вздохнул тяжело Петр Сергеевич.

— Вот, горе-то! — опять запричитала жена.

— Ну, я пойду, — тихо сказала Настя. — До свидания.

— А чего приходила-то? — спросил сосед.

— Хотела материал про вас делать на радио. Узнала про вертолет... Испугалась...

— Ну, ты с этим в другой раз приходи, сегодня не до тебя. Мать, до-стань-ка коньечку, что-то выпить захотелось.

...Настя шла домой и думала: «Ведь мог бы и он оказаться на месте тех геологов. А я столько времени собиралась, да так и не собралась рассказать о таком интересном человеке... Все! Завтра же пойду к Гельберту! А лучше — сегодня... и к Ковеленову».

Так и не дойдя до квартиры, развернулась и понеслась обратно в редакцию. Она была уверена, что заместитель главного редактора еще на работе. Он постоянно задерживается.

— Что-то забыла? — увидев запыхавшуюся Настю, спросил Ковеленов.

— Нет, я к тебе, — и добавила: — по неотложному делу.

— Ну-ну, — подбодрил тот.

— Хочу написать про Петра Сергеевича Николаева. Ты его наверняка знаешь. Он же заслуженный геофизик, имеет правительственные награды. Очень интересный человек. К тому же — мой сосед по дому.

— Ну и что? До утра не могла подождать? Приходи завтра, у меня сейчас дел невпроворот. — Кивнул на стопку не отредактированных материалов.

— Не могла, — упрямко ответила Настя. — Выслушай меня, пожалуйста! Должен же хоть кто-нибудь меня выслушать!

— Вот, настырная! Ну, давай, рассказывай, — буркнул, едва скрывая раздражение в голосе.

— Радиоочерк хочу написать. — Произнесла она уверенно.

— Радио-очерк?! — Ковеленов с любопытством посмотрел на Яновскую. Отложил ручку. Помолчал несколько секунд и... рассмеялся: — Ох, Настя! Я сам за свою жизнь всего несколько радиоочерков написал, а ты! Ха-ха-ха! Ты хоть знаешь, что это такое? Это же сложнейший жанр в журналистике! — Он совсем развеселился. — За него берутся обычно опытные работники, а ты... Ты же делаешь первый материал. Вообще — первый! Что?! Хочешь все изначально загубить?!

— Почему загубить? — удивилась Настя.

— А потому, что ты еще ничего о радиожурналистике не понимаешь. Хоть бы сказала — «зарисовку сделаю». Тогда — другое дело.

— А я подготовлю радиоочерк! Я ведь так хорошо Петра Сергеевича знаю! Я вместе с родителями прошла через все испытания неустроенностью, какие выпали на их долю!.. Я много раз слушала его рассказы о работе, когда он приходил к нам в гости...

— Я, я, я, — передразнил ее Ковеленов. — Ты — еще никто! И звать тебя... Никак! А туда же...

— Да что ты такое говоришь?! — возмутилась Настя. — Я что? Газет не читаю? Радио не слушаю? Не печатаю ваши материалы? Я, между прочим, иногда диву даюсь, как ты можешь всякую галематию ставить в эфир! И слушать скучно, и написано по-канцелярски... А в эфир идет! А я, может быть, лучше могу!

Ковеленов слушал Настю, злился и удивлялся: смелости этой девочки можно позавидовать. Ее желание и стремление проявить себя тоже заслуживают похвалы. Она хочет сделать что-нибудь свое, попробовать свои способности.

Нет, не так начинал свою творческую деятельность бывший агроном Владимир Ковеленов. Он хорошо помнил медленное вхождение в жур-

налистику. С раздумьями, сомнениями, с раскачкой во времени, которого было тогда, ой, как много... А эта... Видимо, «продукт» новой эпохи: ничего не умеют, но — хотят. Ничего не сделала, но уже — требует.

— Ты должен понять меня! — настаивала Настя. — Ведь время идет! Мне уже девятнадцать! Когда я успею рассказать об этих людях, о тех событиях, которые происходят у нас в округе?

— Успеешь, — почему-то разозлился Ковеленов. — Хочешь о себе заявить, проявить себя — возьмись за что-нибудь попроще и подоступнее.

— Значит, ты во мне сомневаешься? Не веришь в мои способности? Хорошо! Я докажу! Только «репортер» дай, пленку и батарейки. И, пожалуйста, научи, как с ним управляться. Я быстро освою. Я способная. Вот увидишь. Кстати, скоро День геолога, а геофизики вместе с геологами отмечают свой профессиональный праздник.

— Так, до Дня геологов чуть больше двух недель осталось, — забеспокоился Владимир.

— Ну и что? Успею!

— Ох, Настя, смотри! Я тебя предупредил. Если напортчишь, если не справишься, — пеняй на себя. На журналистской карьере — у нас, по крайней мере, — можешь поставить крест.

— А если справлюсь? В корреспонденты переведете? — блеснула синевой глаз.

— Там видно будет, — неуверенно буркнул он. Нехотя достал свой «репортер», который никому и никогда не доверял, чистые катушки пленок, батарейки. Начал объяснять, как со всем этим обращаться.

— Ты пока никому не говори, что работаешь над материалом, — предупредил Ковеленов. — Мало ли что. Вдруг не получится. Народ у нас ехидный, смеяться начнут. На всю жизнь охоту к творчеству отобьют. Знаю я их.

— Я постараюсь не дать им повода, — очень серьезно сказала Настя.

— «Репортер» заберешь, когда все уйдут. Конспирация в нашем деле — штука серьезная.

— Да тут кроме уборщицы никого уже нет, — заметила Яновская.

— Ладно, забирай...

Вообще-то Ковеленов шел на явное нарушение установленвшегося в редакции порядка. Главный, прежде всего, взреет его за то, что отдал аппаратуру кому попало. В конце концов, Яновская может ее сломать. Это — самый худший вариант. Если же у девчонки все получится, то лавры и ему достанутся: сумел разглядеть в простой машинистке талант, о котором никто не подозревал.

И все-таки, очень тут все попахивало авантюрией. «Репортер» Насте был отдан всего на два выходных дня. За это время ей предстояло записать материал для радиоочерка...

* * *

— А-а, Настена! Ну, проходи! — по-свойски встретил соседку Петр Сергеевич. — Мать, — крикнул на кухню, — приготовь-ка нам чайку. — И Насте: — А, может, чего покрепче выпьем?

— Ой, что вы! Я же на работе. Да и не пью я ничего.

— Даже шампанского? — удивился Николаев.

— И его тоже.

— Ну, сверстники твои, наверное, уже выпивают по чуть-чуть, — заметил осторожно.

— Некоторые даже и не по чуть-чуть, — согласилась с будущим героем своего рассказа Настя.

— А тебе что? Мама не разрешает? — усмехнулся тот.

— Сама не хочу. Не нравится.

Настя уже расположилась на диване, подключила микрофон, попробовала запись. Индикатор работает, все нормально. Дома она неоднократно удостоверилась в том, что научилась включать технику. Но, все же, прия к Николаевым, на всякий случай сделала контрольную проверку.

Алевтина Егоровна быстренько поставила на журнальный столик бутылку коньяку, рюмочки, тоненько нарезанный лимон, коробку шоколадных конфет, кружки, чай и... горячие пирожки.

Готовясь к встрече с Николаевым, Настя захватила с собой блокнот, куда в столбик записала вопросы, которые собиралась задать своему герою. Но стол был заставлен закусками и спиртным. К тому же, не знала: можно или нет читать вопросы по бумажке, когда записываешь человека на пленку. Неловко было в открытую пользоваться домашней заготовкой. «Следовало бы выучить вопросы наизусть, — подумала про себя. — Но ведь вопросов так много, разве все запомнишь».

Помог Петр Сергеевич:

— Что там у тебя?.. Шпаргалку подготовила? Давай сюда. — Взял блокнот, прочитал. Довольный, отложил в сторону. — Трудные у тебя вопросы, Настена — умные слишком. Может, спросишь чего попроще? — наливая в маленькую хрустальную рюмочку коньяк, предложил герой. — Мать! Ты со мной выпьешь? — обратился к Алевтине Егоровне.

— Давай, немножко за компанию. — Хозяйка присела за столик. Ей было интересно, как эта девочка, которую она знала чуть ли не с пеленок, справится с серьезным журналистским заданием. А еще интереснее: что станет рассказывать муж о себе. Вспомнит ли о ней, стойко перенесившей все невзгоды их кочевой совместной жизни.

Между тем выпили, стали закусывать. Настя терпеливо ждала, когда можно будет включить «репортер». А Петр Сергеевич, отправив очередной ломтик лимона в рот, еще не дожевав, начал рассказывать:

— Знаешь, в детстве я мечтал о бушующем море, о далеких странах, о необыкновенных приключениях...

— Ой, подождите!.. — испугалась Настя и торопливо повернула тумблер. Не обращая на нее внимания, Николаев продолжал:

— Время было тяжелое — война. Мать день и ночь работала. Отца забрали на фронт. Я тоже хотел воевать. Мы с пацанами даже попытались несколько раз сбежать. Не получилось. Вылавливали в поезде чуть ли не у самого фронта. Возвращали. Мать ругалась, лупцевала. Прямо при милиционерах. А когда те уходили, прижимала к груди и тихо плакала. Никогда не забуду этих слез...

Он помолчал, сцепил замком руки так, что пальцы хрустнули. Справился с нахлынувшим волнением, заговорил дальше. Настя не торопила. У нее почему-то тоже комок слез подступил к горлу — так четко представила она эту драматическую сцену.

— А потом окончил военно-морское училище. Правда, плавать не пришлось. Поступил в горный институт, стал учиться на геофизика.

— Чем вам эта специальность понравилась? — задала первый вопрос из списка.

— И сам не знаю. Ребята уговорили. Все только зарождалась, толком о будущей профессии никто ничего не знал. А вот на третьем курсе, когда начали заниматься съемкой, понял: интересно.

— Что интересного-то? — пытала его юная соседка.

— Ну, как же! Землю изучать интересно, слушать ее. Тайны ее разгадывать интересно... Институт в те времена выполнял определенный объем работы, мы, студенты, проводили съемки участков, которые рекомендовали производственные организации. К примеру, в Кривом Роге подземные глубины исследовали на руду. Результаты получились очень хорошие. Теперь-то о Криворожском бассейне весь мир знает, похвал было много тогда и в наш адрес. В то время мы уже стали пользоваться электроразведкой и магниторазведкой, а потом гравиоразведкой и сейсморазведкой. Было, где разгуляться.

Настя только догадывалась, что могли означать незнакомые ей термины, но перебивать не стала. Поставила себе в блокнотике вопросительный знак. Ведь радиослушатели должны понимать каждое слово, которое звучит в передаче.

А Петр Сергеевич между тем продолжал:

— В институте нас учили замечательные педагоги. Особенно запомнился доктор геолого-минералогических наук Юрий Георгиевич Юньков. Он был прекрасным учителем и наставником, поддерживал студентов в трудные послевоенные времена, даже деньгами иногда выручал. Когда в долг давал, когда и просто так... Иногда позовет к себе домой, накормит... Мы молодые были, всегда голодные ходили.

Диплом получил, поехал в Туркмению. Ах! Если бы ты только знала, как там было! Представляешь...

И Настя представляла: залитая солнцем пустыня, пески, пышущие таким жаром, что ногам горячо. Небесное светило, похожее на огнен-

ный шар, медленно выползающее из-за горизонта... Геофизиков, которые ни свет, ни заря покидают палатки и идут «слушать» землю.

Геофизическая экспедиция, в которой работал Петр Сергеевич, методом преломленных волн вела «отстрел» по профилю вдоль Каспийского моря в районе Челикена. Вся жизнь здесь проходила на тракторах. На них завозили продукты, перевозили палатки, сейсмостанции. Но чистенько технику заправлять было нечем. Не хватало горючего. Двигатели перегревались. При температуре под пятьдесят градусов вода закипала и испарялась. Ее катастрофически не хватало. Однажды кто-то предложил нанять верблюдов: выгодно и удобно в условиях пустыни.

— И отправили меня в горный аул, к хозяину верблюдов, — рассказывал Николаев. — Туркмены — очень гостеприимный народ. Пригласили в кибитку. Знаешь, что это такое? — спросил у Насти. И, не дожидаясь ответа, пояснил: — Видела хантыйские юрты? Нечто подобное. Только их кибитки побольше и подобротнее сделаны. Внутри очень хорошо обставлены, все в коврах, подушкишелковые. Ну, хозяева нас чаem напоили. А мы им в это время объяснили, зачем приехали. Договор на аренду с хозяином оформили: четыре верблюда за 400 рублей. И брата его наняли по той же цене. Управлять-то никто из геофизиков животными не умел. Здорово они нас тогда выручили!

— Ты лучше расскажи, как сбежал оттуда, — вставила свое слово жена.

— Что рассказывать, — улыбнулся Николаев. — Солнце достало. Понял, что климат в Туркмении не по мне. Пришлось искать другую точку на карте.

— Нашли?

— Нашел, конечно, — Якутск.

— Ничего себе! Контрасты... — вырвалось у Насти.

— Да, контрасты. Представьте себе, +50 и -50. Но район очень интересный. Там более сложные геологические задачи решались. Много было выявлено геологических структур, на которых впоследствии проводилось бурение. Правда, строительство скважин было далеко не на высоком уровне. В условиях вечной мерзлоты мы пока бурить не научились, к сожалению, и до сих пор... Получали газ, нефть, но не промышленную, так, по мелочам...

— А как в Западную Сибирь попали?

— Соблазн был слишком велик. О ней тогда только заговорили. Пропаганда, знаешь, какая была: «Вперед! На освоение подземных кладовых!» Вот мы с Алевтиной да с дочкой и махнули сюда. Решили себя еще и здесь попробовать. Молодые были. Ничего не страшно. А тут перспективы нарисовали огромные, зарплату пообещали хорошую. Думали, годика на три съездим, деньжат подзаработаем и вернемся к матери. Да вот, засосало, — Петр Сергеевич рассмеялся. — Мать, не жалеешь, что не уехали отсюда?

— А чего жалеть? Везде лучше, где нас нет. Мы-то здесь хлебнули вся-кого, не пересказать...

— Петр Сергеевич, вспомните, какое самое памятное месторождение было открыто при вашем участии. Или таких не было?

— Как же! Все месторождения, начиная с 1955 года, открывали при участии геофизиков нашей экспедиции. Немало выявлено перспективных на нефть и газ структур и коллективом сейсмопартии, в которой я сейчас работаю.

— Ну, а самое-самое... Памятное...

— Самое-самое? — задумался на несколько секунд. Пожалуй, Игри́мское месторождение газа. Из Якутии мы переехали в Березово. Ты, может, и сама помнишь: наша экспедиция там стояла, родители твои там же работали...

Настя помнила, хотя и девочкой совсем была. Заснеженное Березово, куда в восемнадцатом веке сослали семью Меншикова, сподвижника Петра Великого. Заброшенную могилку Александра Даниловича и его дочери Марии на берегу обрыва. Помнила, что солнце там было необыкновенно ленивым: просыпалось поздно, чуть приподнималось над горизонтом и снова уходило спать. Светлая часть суток — с одиннадцати утра до трех дня. Это зимой. А летом, наоборот, весь день небесное светило веселится на небосклоне, к ночи опустится, спрячется за деревьями и снова взбирается к самому куполу неба. Непонятно было, когда заканчивалась вечерняя заря и начиналась утренняя. Так светло было, что книжки читали ночами.

Но геофизика Николаева волновало не это. Он вспоминал свое, а Настя, распахнув глаза, внимательно слушала и следила за индикатором записи, боясь, что кончится очередная пленка.

...В Березово семья Николаевых переехала перед Новым годом. Молодой, но уже с большим опытом работы специалист, жаждал новых открытий. Кочевой быт благоустраивали легко и быстро. В этом отношении жена, привыкшая к постоянным переменам места жительства, что называется, руку набила. «Чемоданное настроение» — для семьи геофизиков фраза отнюдь не пустая. Алевтина Егоровна и Петр Сергеевич всегда готовы были сняться с только что обжитого места и пуститься в путь-дорогу. Далеко или близко — все равно.

Холод, крутые обрывистые берега, снег, отсутствие махорки, горючего... Трудно! Но по кусочкам воскрешают из небытия геологи осколки далекой истории земли, по черточкам, по сантиметрам чертят они мозаику времен — карту, оставляя ее для потомков. И видят в этом цель жизни.

Свою лепту внес в геологическую карту Западной Сибири и Николаев.

— Мы вылетели на скважину № 1 перед первомайскими праздниками, — увлеченно продолжал Петр Сергеевич. — Бригада мастера Кожевникова бурила эту скважину. По данным предварительного электрокаротажа, в ней никаких продуктивных пластов не было и газа не ожидалось.

Прилетели мы туда для вторичного исследования. Опустили свой прибор сейсмокаротажный, прокартировали полторы тысячи метров. Но нам надо было знать скоростные характеристики более глубоких горизонтов, прямо до фундамента, и сверить их с первоначальными данными. А буровики уже спустили колонну и зацементировали скважину. Пришлось выходить на начальника экспедиции Рогожникова, чтобы он дал команду разбурить этот цементный мост, и чтобы мы закончили свои работы.

Когда вытащили прибор на поверхность, то на кабеле обнаружили вздутие резины. Я говорю:

— Это газ дает о себе знать!

— Никакого газа там нет, — убеждает мастер Кожевников. — Не морочь мне голову, тут геологи уже проводили каротаж, и получили недовлетворительный результат.

А я — свое: есть газ! Давай, сделаем небольшую откачку раствора, чтобы понизить давление. Тогда и увидим, кто прав. Поколебавшись, он согласился.

Людей не хватало, пришлось нам, геофизикам, помогать буровикам. Я впервые присутствовал на испытании скважины. Конечно, никому из начальства ничего не сказали. Взяли ответственность на себя. Но все технические нормы были соблюдены. И... попробовали. ...Выброс! Метров на шестьдесят, выше, чем сама буровая вышка, оказался фонтан. Сразу были приняты меры по отводу газа в трубы. Бросили факел — газ загорелся. Можете себе представить чувства первооткрывателей! А ведь собирались эту скважину консервировать. Если бы я тогда не настоял, кто знает, когда бы еще люди вернулись на эту площадь и взялись снова ее исследовать. Вот так и было открыто Игрымское месторождение газа. — В голосе Николаева звучала откровенная гордость. — Запасы газового топлива сразу выросли вдвое. Сейчас это месторождение «королевство» промышленные города Урала.

Петр Сергеевич замолчал. Настя открыла было рот для следующего вопроса, но он предложил:

— Слушай, давай, передохнем. Поешь пирожков, чайку попей, а я пойду на кухню, перекурю.

Не дожидаясь согласия, встал из-за стола, направился к выходу.

Настя лихорадочно отмотала пленку, проверила запись. «Получилось. Здорово!» Перевела дыхание. Заглянула в блокнотик. Вопросов было еще много, но на большинство Николаев уже ответил, не дожидаясь, когда они прозвучат.

«Та-ак, вот на этот вопрос — как изменилась техника и технология производства геофизических работ — ответа еще не было. Надо не забыть и про бытовые условия спросить», — жуя пирожок с капустой, настраивала себя на продолжение разговора.

Николаев вернулся минут через пять. И сходу продолжил рассказ:

— Надо сказать, что сейчас условия работы геофизиков намного улучшились.

«Надо же, словно мысли мои прочитал, — удивилась Настя, потом вспомнила, что давала Петру Сергеевичу читать свой вопросник. — Значит, он помнит, о чем следует говорить. Хорошо! Не зря она целый вечер составляла этот список».

— Появились новые магнитные сейсмостанции, стало больше техники. Люди грамотнее стали. Бытовые условия улучшились. Сейчас прямо на месте могут показать художественный фильм. О почте и говорить нечего. Баня, свет — все это теперь вполне естественно в полевых условиях. Теперь забываешь, что когда-то этого не было.

...Далеко за полночь засиделись они в тот вечер. Может, и не закончились бы воспоминания до утра, но все пленки, пожертвованные Ковеленовым были уже записаны. Выключив «репортер», Настя с сожалением вздохнула.

— Устала? — поинтересовался Николаев.

— Есть немножко, — призналась без смущения.

— Ты спрашивай, если что непонятно будет, — предложил Петр Сергеевич.

— Спасибо за поддержку. Вы и так много мне всего рассказали. Теперь задача: как все это вместить в рамки двадцатиминутной передачи?

— А ты вырежи половину. Оставь только самое главное.

— А что — «самое главное»?

— Сама решишь... Ты же девочка способная.

Умный человек был Петр Сергеевич Николаев. Настя уходила от него с непонятным ощущением, что сама она, вроде, ничего и не сделала. Даже вопросы не все задала, какие хотела. Ее герой сам рассказал о себе все, что посчитал нужным. Какова же тогда ее роль? Роль корреспондента?...

Настя еще не осознавала одного из основных принципов подготовки радиопередачи, самое важное — расположить к себе человека, вызвать у него чувство доверия и желание рассказывать искренне, честно и эмоционально. Она действовала интуитивно и не ошиблась.

* * *

В понедельник так же тайно Настя вернула аппаратуру Ковеленову в полной сохранности.

— Запись получилась? — спросил Владимир, не отрываясь от дел.

— Получилась, — вздохнула тяжело.

— Если так, начинай работать... над своим очерком, — подчеркнул последнее слово и подстегнул, — времени у тебя совсем мало. Если хочешь, чтобы материал оказался в эфире, через неделю перед планеркой должна принести его мне на вычитку.

Яновская вышла из кабинета молча. Ее ждала целая стопка не отпе-

чатанных произведений коллег, готовых поведать радиослушателям о новых достижениях трудовых коллективов, о лучших коммунистах округа, о работе партийных ячеек предприятий и многое другое, что считалось важным, нужным для идеологической пропаганды населения, которое необходимо было воспитывать в духе коммунистической морали.

А вечером она сидела над чистым листом бумаги и не знала, как начать свой очерк. В общем-то, ей было уже все равно, какой жанр. Пусть даже зарисовка. Лишь бы прошло в эфире, а то стыдно будет перед героем передачи, дядей Петей. Впрочем, теперь она его вряд ли так сможет называть. Раньше он был для нее папин коллега, сосед по дому, знакомый дяденька. После интервью, которое длилось несколько часов, после откровенного разговора о профессии, о делах, проблемах, о человеческих взаимоотношениях, об истории геофизики, — она уже не сможет обращаться к нему по-прежнему. Какой же после всего этого он для нее дядя Петя? Только Петр Сергеевич. И не иначе.

У Насти было столько материала, что хватило бы на несколько добродушных передач редакционного формата. Но ей нужна была одна двадцатиминутка. И такая, такая... Какая? Пока Настя и сама не знала — какая.

И вот, наконец, она начала писать: «Поиск и разведка. Во все времена они никогда не были простыми. Уже одно то, что люди первыми высаджаются на неизведенную землю, подразумевает многое: вертолетная переброска, вахтовый способ работы, бездорожье, необустроенный быт...» И что дальше? Какое все это имеет отношение к Николаеву лично? Может, и никакого...

Зачеркнула, начала другой вариант: «Задачи, которые ставит перед первопроходцами партия и правительство, как правило, сложны, ответственны и архиважны...» Чушь! Причем тут партия и правительство, если речь идет о конкретном человеке?! Ну, а как же без партии? Она — руководящая, направляющая, вдохновляющая...

Не то! Очередной лист был разорван и отброшен в сторону.

«Петр Сергеевич Николаев родился в тихом приморском городке в 1928 году...» — «А, это уж совсем скучно!» — остановила себя. На душе стало так погано, что плакать захотелось от бессилия. Что же это за мука такая!..

Нет, не знала Настя Яновская, как писать очерки. Это только со стороны ей казалось, что все очень просто: бери ручку, а слова сами найдутся. Слишком высокую оценку поставила она себе в разговоре с Ковеленовым, чтобы дать повод теперь посмеяться над своими способностями.

Перед взором проплывали лица корреспондентов, редакторов радио... Тех, кто уже уверенно себя чувствовал на творческой стезе, и тех, кто бы не посмеялся над ее затеей и стремлением.

Нет, доверия ни к кому не возникло. «А что если Рита Васильева?! Так она опять в командировке и вернется не скоро. Кто же еще? Ведь не к Ковеленову же после того разговора идти! Покусала ручку в раздумье... Ага! Есть еще один человек — Коля Алипов! Подслеповатый, скром-

ный молчаливый человек, которого печатают в газетах, столичных журналах, читают на всесоюзном радио в разделе «Художественная проза».

На следующий день Настя нашла момент, чтобы обратиться к Алипову за помощью. Николай покраснел от удовольствия.

— Ты согласен? — спросила с надеждой.

— Конечно! Только где мы можем позаниматься? Ведь, как я понял, в редакции об этом никто не должен знать.

— Ты правильно понял. Приходи вечером ко мне домой.

— Нет, нет, нет! — Как от чумы откrestился Алипов. — Я не могу... в дом к девушке... не могу!

Воспитание не позволяет, — определила Настя.

— Хорошо! Тогда у тебя.

— Где?! — у Николая глаза увеличились вдвое. — У меня?! Ты, хотя бы, знаешь, где я живу?

— Какая разница? Я ведь не ночевать к тебе приду. А в гости.

— Настя... — он глубоко вздохнул, — тогда так, после работы подходи к пожарной каланче, если уж ты так решила...

— Причем тут каланча? — удивилась Яновская.

— Вот, там я и живу...

— В пожарной... каланче?! — теперь уже Настины глаза увеличились вдвое.

— Извини, ничего другого предложить не могу.

— Хорошо, — решительно сказала. — Приду. Тем более, что и у меня другого выхода нет.

Алипов после обеда нашел предлог, чтобы уйти из редакции. «У меня встреча запланирована», — сказал Ковеленову. И не соврал. Для него приход Насти был исключительно важным событием. Он привел свою каморку в относительный порядок, купил конфет, достал из НЗ цейлонский чай, финики, присланые матерью из Ялты. Даже пол вымыл...

Настя не опоздала. Он провел ее по лестнице «под самые небеса». По крайней мере, еще несколько лет назад это здание в окружном центре было самым высоким. Из широких окон, выходящих в разные стороны, хорошо просматривался город. Яновская сначала загляделась на пейзажи, а потом обратила внимание на железную кровать, покрытую стярьким байковым одеялом, обшарпанную скамейку, стол, грубо сколоченный из едва отесанных досок... Все это привело ее в полное уныние.

— И ты здесь живешь?!

— Живу... — Николаю не хотелось говорить об этом.

— Боже... Извини, конечно, но это... я даже не знаю, как назвать...

— Не обращай внимания. Ведь не за тем пришла. Давай, приступим к делу. Что у тебя?

— Собираюсь сделать очерк... Про геофизика Николаева. И хочу, чтобы ты объяснил мне, как надо писать. Что в очерке главное, какова должна быть структура... Я сейчас в таком затруднительном положении... Замахнулась... Ничего не получается... А сделать надо.

— «Выход из затруднительного положения чаще всего там, где был вход», — задумчиво произнес Николай.

— Интересно... — Настя внимательно посмотрела на Алипова.

— Это не я сказал — Карел Чапек. Давай, отсюда и будем плясать.

Он взял расшифровки фонограммы, внимательно прочитал, задумался.

— Мне кажется, надо сначала решить тебе самой: что ты хочешь сказать этим материалом, для чего ты хочешь его написать, а уж потом составлять план очерка.

— Зачем план?

— Так проще будет писать, во-первых; во-вторых, легче ничего не упустить, и в-третьих, определиться в основных положениях, в композиции, в сюжетной линии...

— Мне кажется, это невозможно для меня, — испугалась Настя.

— «Среди невозможного кое-что все-таки возможно», — улыбнулся Николай.

— Тебе легко говорить, — упрекнула.

— Это тоже не я сказал — Хемингуэй. Знаешь такого писателя? Кстати, он был великолепным журналистом.

Потом они пили чай. Настя слушала Алипова, который демонстрировал свою эрудицию, уводя девушку в мир литераторов, художников, искусствоведов. Развлекал ее смешными и грустными историями из жизни великих людей. Рассказывал о том, как сам работает над материалами...

Настя слушала и вникала. Она совершенно уже не замечала той неустроенности, в которой жил журналист Алипов. Рамки комнатки, обдуваемой всеми ветрами, раздвинулись во времени и пространстве. Обогреватель, стоящий у ног, не давал замерзнуть окончательно. Она не знала, что этот спасительный агрегат Алипов взят на время ее присутствия у пожарных. А сам Николай светился каким-то незнакомым для нее светом. Может, счастья, может, любви. Она только теперь увидела, как выглядит Алипов в минуты особого вдохновения, при которых даже самый некрасивый человек преображается. Он вдохнул в нее уверенность в собственные силы и способности.

Закончилось все тем, что они разработали несколько вариантов очерка. Его начало, концовку, кульминационные моменты, элементы драматургии, исторические вставки...

— Ты знаешь, что тебе мешает больше всего? — вдруг спросил Николай.

— Что? — Когда она вот так поднимала на него свои глаза, ему казалось, комната утопала в небесно-голубом свете, который наполнял и его душу, подпитывал уверенности в себе: что еще не все потеряно в этой жизни, что кроме работы может и у него быть счастье. Ведь сидит же она с ним рядом, разговаривает. И не смущает ее его жалкий вид...

Квазимоды из «Собора Парижской богоматери». Хотелось верить, что когда человек много знает, если он добр, порядочен и искренен, то физические недостатки не замечаются...

— Очень трудно писать о знакомых людях. Ты это на всякий случай учи. Еще Есенин сказал: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое — видится на расстоянии...» Тебе будет трудно, но ты должна перешагнуть через личностные отношения и посмотреть на Николаева со стороны. То есть отстраненно. Лучше будет, если ты на некоторое время отложишь материал и подготовишься к нему внутренне. Подумаешь как следует, поразмышляешь...

— Да некогда мне уже думать! В следующий понедельник нужно приступить к очерку Ковеленову.

— Все это — неважно. Понимаешь, ты должна сама созреть для материала. Потом все будет выходить легко. Вот увидишь. И еще... Может, это главное всего, о чем я тебе сегодня сказал — надо избежать трафарета. Но, если тебе удастся глубоко войти в материал, он тебя уже не отпустит. И все пойдет, как по маслу...

— Если бы... — вздохнула Настя.

Потом он хотел ее проводить. Она согласилась, но лишь до автобусной остановки, которая находилась буквально в нескольких шагах от каланчи. Ему и этого было достаточно, чтобы ощутить себя счастливым. Даже голова слегка закружилась.

— Спасибо тебе огромное, Коля, — сказала не прощание, — я постараюсь, запомню твой урок.

Дверь автобуса захлопнулась. Николая она растрогала своей искренней благодарностью. Он хотел крикнуть Яновской в след: «Никому не верь! Из тебя получится прекрасный журналист! Пройдет совсем немного времени, и все убедятся в этом!» Алипов не сомневался, что так оно и будет. Но автобус уже скрылся за поворотом.

* * *

Увеличившийся с Нового года объем радиовещания пришлось распределить между творческими работниками. Нагрузка навалилась такая, что о личной жизни говорить не приходилось. Гельберт, между тем, упорно печатал приглашения, адресуя их специалистам с Большой земли. В колонке «Вакансии» в каждом номере «Журналиста»! Увы...

Редко кто присыпал запросы или звонил, пытаясь выяснить подробности об условиях быта или заработной плате. Для всех самым важным был квартирный вопрос. Но именно он-то и оставался совершенно непрорешимым обстоятельством, которое не позволяло принять на работу стоящего журналиста.

Гельберт обивал пороги кабинетов «белого дома», доказывая срочную необходимость строительства жилья для сотрудников окружного радио. Но, увы, в небольшом городке, не имеющем развитой промыш-

ленности (рыбоконсервный комбинат, леспромхоз и геофизический трест, да хиленькое строительное управление были единственными предприятиями, зарабатывающими деньги), получение квартиры для абсолютного большинства приезжих превращалось в несбыточную мечту. Прежде всего, редко обеспечивали появляющейся новой жилой площадью сотрудников «белого дома». Там тоже требовалось немало специалистов в связи с увеличением аппарата.

Ситуация в редакции настолько обострилась, что квартирный вопрос решили обсудить на комсомольском собрании, пригласив на него Гельберга.

Саныч, прекрасно понимая, что решить эту проблему до своего выхода на пенсию не успеет, да и вряд ли сможет, пришел в комнату для совещаний без настроения. Пыхтя, усился во главу стола и нервно застучал пальцами по сукну. Его вид отбивал всякую, еще теплившуюся у некоторых надежду на разрешение сложного вопроса.

Собрание началось. Секретарь комсомольской организации Петьяк Анискин, едва выговаривая слова, сделал доклад о новых документах, принятых в ЦК ВЛКСМ по первоочередным задачам комсомола на предстоящий период. Вторым пунктом в повестке дня стоял вопрос обеспечения жильем молодых сотрудников редакции.

Курировавший работу комсомольской организации от партийной ячейки Владимир Ковеленов подтвердил информацию докладчика в том, что за последние годы единственным специалистом, которому с помощью редакции предоставлено жилье, была Рита Васильева. Тот факт, что в этом деле был задействован родственник Ковеленова, никто кроме Гельберга не знал, и решено было его не афишировать. Ранее принятые в штат сотрудники в большинстве своем жили с родителями или на квартирах, как правило, неблагоустроенных. А Николай Алипов, приглашенный из Ялты на вакантное место, уже второй год ютился в пожарной каланче. Его туда пустил в нарушение всяческих инструкций один из героев алиповского очерка.

— Почему ты молчишь? — напористо прошептала Настя, сидящая рядом с Алиповым. — Разве можно жить в таких условиях?!

— Не знаю. Живу — значит, можно... — смущенный вниманием к собственной персоне, ответил Николай. — Зато там мне никто не мешает. И весь город, как на ладони...

Больше сказать было нечего. Он честно пытался обустроиться в общежитии, коим служил деревянный барак, и где в каждой комнате проживало по три человека. Но там даже заснуть было сложно из-за постоянно орующих, пьяных жильцов. А о творческой работе и говорить нечего.

Помучавшись несколько месяцев, корреспондент отдела тематических передач переехал на пожарную каланчу.

— Да как вы могли допустить такое?! — вслух возмутилась Настя. — Я была у Николая Алипова. Видела эти условия так называемой жизни! И хочу сказать, что дальше терпеть такое отношение к человеку невозможно!

— А что я могу сделать? — беспомощно посмотрел на нее поверх очков Гельберт.

— Надо добиваться решения наших проблем. Надо пьяниц выгнать из общежития. Надо переселить Алипова в другую комнату, в другое помещение!

Насте было откровенно жалко этого талантливого человека. Николай был инвалидом по зрению: такой толщины линзы она впервые в жизни увидела в очках Алипова. Зрение усугублялось косоглазием. Очевидно, поэтому Николай в свои почти тридцать лет был холостяком. На Север приехал от отчаяния и безысходности чего-нибудь добиться в родной Ялте. Там здоровье у людей крепкое, положение в городе стабильное, текучести кадров практически нет, вакансии появляются крайне редко. Молодому человеку негде было проявить свои творческие способности. Его печатали в газетах, но больше в журналах за гонорар. На другую работу просто не брали: да и на что он еще был годен?!

Очерки Николая Алипова публиковали столичные издания. Настя неоднократно набирала тексты его передач и понимала, что так, как пишет он, в окружной редакции не пишет никто. Ему предлагали должность в редакции окружной газеты, где его считали непревзойденным литературным сотрудником. Но Алипов уходить не захотел, хотя и мог.

Дело в том, что именно в те дни, когда ему предложили место и должность в редакции газеты, на радио появилась Настя Яновская. Он влюбился в нее с первого взгляда, но ничем, никому и никогда не выражил своего отношения к ней. Он приучил себя к мысли, что рядом с этим чудом он, Николай Алипов, просто Квазимодо. И то, что она так горячо встала на его защиту, растрогало его. В глазах зашипало, он опустил в смущении свою голову.

Выхватив носовой платок из кармана, начал старательно протирать очки-линзы. Дискуссия между тем разворачивалась своим чередом. Говорила, в основном, Настя. Другие молчали, думая про себя: ей хорошо, в очереди не стоит. Родители уехали в загранкомандировку, оставив на нее с бабушкой четырехкомнатную квартиру. Большинство же думали, что если выступят, вряд ли получат ордер в том доме, который предлагалось еще построить для сотрудников окружного радио. Никто не хотел портить отношений с руководством. Многие завидовали ее смелости: не битая еще, потому и выступает. Один раз побьют — в следующий раз поостережется...

А Настя не думала о себе: боролась за справедливость. И ей было ровным счетом наплевать: кто и что о ней подумает. К каким последствиям приведет это выступление. Яновская была настолько чиста в своих помыслах, так верила в торжество справедливости, так хотела побороть зло, что даже в мыслях не допускала, что все, в том числе и ее сегодняшняя речь, может обратиться против нее.

И последствия не заставили себя долго ждать.

* * *

Свой материал Настя принесла вовремя. Ковеленов внимательно прочитал его несколько раз, послушал качество записи пленок — все было нормально. Ничего не говоря Насте, даже не глянув на нее, пошел к Гельберту. В кабинете воцарилась тишина. Николай молчал, боясь выдавать авансы, ведь он еще не читал написанное Настей. А та просто не знала еще всей палитры человеческих отношений, в которых зависть играет не последнее место.

— Вот, первый опус Яновской, — положил на стол папку с материалом.

— Кто такая Яновская? — не понял Главный. — Она у нас что, работает?

— Да. Она у нас машинисткой работает.

— А-а... Настя что ли?

— Настя.

— И что?

— Ничего, — пожал плечами Ковеленов. В его голосе пропало со-жаление, которое он не смог скрыть от своего руководителя.

— Ну, я и не сомневался. Кстати, она просила об испытательном сро-ке. Вот и доказательство: машинистка она, конечно, первоклассная, а журналиста из нее не получится. Как я и предполагал, — подчеркнул с некоторым самодовольствием Гельберт.

— Нет, Саныч, ты не понял. Как раз наоборот. Все у нее получилось... С первого раза. И получилось как нельзя лучше. — В его голосе звучала грусть. — Почитай.

— И как вы это сделали? — Главный смотрел на Ковеленова с осуж-дением.

— Да, вот, взял грех на душу, — Владимир виновато опустил голову.

— И ты хочешь сказать, что материал получился? — усмехнулся Гельберт.

— Почитай сам.

Ковеленов вышел из кабинета. Алексей Саныч взял Настин текст в руки. Никаких исправлений Ковеленова не увидел. А когда начал чи-тать, забыл, что перед его глазами материал, той самой пигалицы.

«Берега плыли навстречу, — писала Настя. — Голубая дорога, петляя, звала за собой. Остывшее солнце из-за горизонта мягко подсвечивало небосвод. На реке — ни рябинки — зеркало, в котором отражались вели-чественные облака.

Петр Сергеевич Николаев стоял на палубе, любуясь, как на западе пламенеет чудесный закат. Сибирь... Сколько их было, маленьких и больших поселков, городов и пустынь, сильных полярных морозов и жаркопалящего солнца. И вот теперь он открывает для себя новую зем-лю». — Ишь, как завернула, — удовлетворенно подумал Главный, и углу-бился в чтение:

«Легко вспоминалось в этой светлой夜里...» — Да-а, отвлекся Алексей Александрович, а ведь никому бы и в голову не пришло рассказы-вать это вот так, как придумала эта пигалица. Гельберт с удовольствием

читал материал, уже не вспоминая о молодости автора. Очерк с головой погрузил его в историю геофизики и героическую биографию героя.

«...В 1965 году Николаева перевели в летную партию авиаасейсмического зондирования. С тех пор он обследует площади с применением авиаатранспорта и новейшего сейсмического оборудования. За последние шесть лет этой партией отработано почти семьдесят тысяч квадратных километров площадей Ханты-Мансийского автономного округа».

Профессионально, просто и в то же время абсолютно по-своему рассказывала Настя о герое. С экскурсом в историю геологоразведки края, с авторскими отступлениями о первоначальных трудностях, с фактами, позволяющими судить о характере человека, о котором она вела рассказ, с оценкой его деятельности и значимости этой работы для территории округа.

Этот свой стиль она выдержала на протяжении всей передачи. И концовка получилась эффектная:

«Скоро начнется новый лётный сезон. Снова под вертолетом медленно поплынет малахитовый ковер Земли сибирской в голубоватых прожилках рек и ручьев.

Когда-то Губкин сказал: «Тайны природы не угадывают, а раскрывают ценой огромного труда, неутомимой черновой работы...» Раскрывая его простые советские люди, мужественные, настойчивые, хорошие специалисты, коммунисты, рабочие. И он в их рядах – Петр Сергеевич Николаев.

*Летим не в космос – на работу,
В Сибирь – она без нас там стынет.
Там ржаво-бурые болота,
Как марсианские пустыни.
Наш край для юности не узок,
Познаешь здесь свою весомость!
Ну, а пределы перегрузок
Тебе твоя подскажет совесть.
Туши скорее сигарету
И – в небо ярко-голубое.
Сибирь, как новую планету,
Должны освоить мы с тобою!»*

Перевернув последнюю страницу, Гельберт вздохнул: придется искать новую машинистку. Но... Нет! Пока он занимает должность главного редактора окружного радиовещания, Насте Яновской корреспондентом не быть! Слишком быстрая девочка. Пусть посидит за машинкой, еще некоторое время. Он так решил.

Набрал номер телефона Ковеленова, пригласил к себе.

– Ну, что скажешь? – спросил своего зама.

– А что говорить?.. – Владимир замялся, словно и, правда, сказать было нечего.

— Теперь я понимаю, почему ты молчал, — с некоторой издевкой произнес Главный. — Завидуешь!

— Может быть... На мой взгляд, этот материал пока не стоит ставить в эфир, — произнес медленно, словно рассуждал вслух.

— Почему? — Гельберт недоумевал.

— Зазнаться может, — скучавил Владимир.

— Ну, знаешь... — и после некоторого молчания добавил: — Может быть, ты и прав... Давай, подождем... — Гельберт взял папку и положил ее в самый низ стопки с эфирными материалами. На неопределенный срок.

* * *

Настя просто сходила с ума. Вернувшись от редактора, Ковеленов ничего ей не сказал. Только буркнул по своему обыкновению: «Иди, работай!»

— Ты мне так ничего и не скажешь? — завороженно, как на икону, воззрилась она на Ковеленова.

— А что я могу тебе сказать? — Владимир спрятал глаза. — Все зависит от Главного. Как он скажет, так и будет... — Про то, какую роль он сам играет в этом решении, Ковеленов, естественно, умолчал.

Настя была на грани нервного срыва. Возвращаясь однажды домой, она встретила у дома Николаева.

— Ну, как, Настена, когда выйдет наш материал в эфир? — весело спросил герой очерка.

— Пока не знаю, — не давая воли слезам, выговорила Настя.

— Не переживай, — подбодрил Петр Сергеевич, — мало ли чего в жизни бывает. От неудач не плачут. Выше нос, Настена! — он погладил ее по щеке и смахнул скатившуюся слезинку.

Настя потеряла аппетит. Она так переживала, что, казалось, весь мир потемнел для нее. Но в редакции старалась свое состояние не показывать. Старалась держаться, как всегда. Благо, работы было много.

— Ты почему не принесла мне материал почитать? — упрекнул ее Николай Алипов когда они были одни в машбюро.

— Зачем? — Настя подняла на него полные слез глаза. — Не ты же мой редактор! Я должна была сама написать, понимаешь, сама! Ты и без того сделал для меня слишком много...

— Ну, Настя, так нельзя. Ведь я до сих пор не знаю, почему его не ставят в эфир. А если бы ты мне дала прочитать, мы бы не сидели в неведении...

— Что теперь говорить об этом... — вздохнула по-девчоночки горько, со всхлипом.

Николай не выдержал. Вернувшись в кабинет, где они сидели с Ковеленовым вдвоем, спросил осторожно:

— А что материал Яновской так уж плох, что ты не ставишь его в эфир?

Ковеленов поднял свой взор поверх очков:

— Дело не в том, плох ли он... Дело в том, что он... слишком хорош для эфира, — зло ответил Ковеленов.

— Это как? И поэтому ты его не ставишь в эфир?! — откровенно удивился Алипов.

— Да! Можно сказать и так, — сознался Владимир.

— Ну, и сволочь же ты! После этого...

— Поосторожней в выражениях! — почти шепотом, но возмущенно произнес заместитель главного редактора.

— Если ты немедленно не предпримешь надлежащих мер... Я с тобой в одном кабинете больше сидеть не буду. И руки не подам!

— Ах, какие мы нежные! — проявил свои актерские способности Ковеленов.

— Думай, как хочешь, а я все сказал! — Алипов вышел из кабинета, впервые хлопнув дверью в знак своего небывалого возмущения.

Владимир начал машинально перебирать бумажки, не понимая, для чего он это делает. Что-то свербило, мучило. Совесть проснулась или душа возмущалась? Разбираться было некогда. Пошел к Главному.

— Слушай, — без особых предисловий с порога обратился к Гельберту, — давай все же поставим материал Яновской. Пока не поздно.

Алексей Александрович внимательно посмотрел на своего заместителя. Упредив его вопрос, Владимир добавил:

— Так честнее будет... Ты извини, что я тебя в это втянул... Не знаю, что на меня нашло. Напористой молодости испугался или собственной несостоятельности... Черт его знает! Извини. В понедельник материал должен быть в эфире, иначе опоздаем...

— С чем? — уточнил Главный.

— С исправлением ошибок... Понятно, что у начинающих журналистов нет никаких схем. В них не сидит внутренний редактор, как в нас: так — нельзя. Для них — ВСЕ можно. Конечно, ей будет трудно дальше поддерживать заявленную планку, — слишком высоко хватила. Но это уже ее проблемы...

— ...Я очень рад, что ты сам к такому выводу пришел, — выговорил Гельберт и прямо посмотрел в глаза своему заместителю. — Я ждал, надеялся и... дождался.

Лучше бы он этого не говорил! Ковеленову захотелось сквозь пол провалиться.

— Извини, — буркнул он и выскочил из кабинета.

Вскоре радиоочерк Яновской прозвучал на «территории двух Франций». Валерий Константинов отправил его в Тюмень, где в рубрике «Дебютант» Настя получила очень высокую оценку руководства и коллектива областного комитета по телевидению и радиовещанию.

Она очень боялась встречи с Николаевым. Одно дело — понравилось коллегам, а другое — герою своего рассказа. Некоторое время она просто избегала встречи с дядей Петей. Но тот сам пришел навестить Яновских. Уж он-то понимал, как важны будут для нее слова, которые он подготовил.

— Ну, Настена, удивила, честно скажу! — обратился с порога к молодому автору Елизавета Петровна захлопотала, проводила гостя в комнату, усадила за стол. В одно мгновение появились закуски и бутылочка с любимым коньяком Николаева. Уж бабушка-то точно знала, какой напиток предпочитает друг ее зятя.

— А я тебе подарочек подготовил, — Николаев полез в карман, вытащил небольшого размера прозрачный камушек. — Прими на память, — протянул Насте.

— Что это?! — удивилась та.

— Это — горный хрусталь, я сам нашел его в северном предгорье Урала. Вещица пустяковая, но если ее отшлифовать да в серебро оправить — станет весьма привлекательной. Это тебе на память о наших ночных дениях.

— Ох, не балуйте вы ее! — запротестовала Елизавета Петровна. — Одну передачу сделала, и уже — подарки!

— А вы утите, — остановил ее Петр Сергеевич, — подарок этот не просто от героя очерка, но и от друга ее отца, который сегодня не может одарить свою дочь в знак признательности. Уверен: был бы Славка с нами, обязательно бы подарок дочери сделал.

* * *

Пережив ошеломляющий успех, Настя через некоторое время осмелилась прийти к Главному за новым заданием. Глядя ей в глаза, он совершенно искренне заговорил:

— Девочка моя, забудь про это! Не нужна тебе никакая журналистика! Ты даже не представляешь себе, куда собираешься вляпаться, чему хочешь посвятить свою жизнь! Ведь, понимаешь, в этой профессии женщин нет. Есть — журналист. А это слово мужского рода.

— Зато слово «журналистика» — женского рода, — встрияла Настя по своему обыкновению — противоречить во всем и вся. — Тем более что большинство работников нашей редакции — женщины. Убедительное резюме?

— Не в этом дело, — отмахнулся он от ее фразы. — Требовать с тебя будут как с мужика. У тебя, как и у большинства наших женщин, не будет ни семьи, ни детей. А если они, к несчастью, появятся, то ты будешь всю жизнь разрываться между семьей и работой. Подумай хорошенъко, прежде чем что-то решать.

Настя теперь слушала внимательно, не дергалась, не перебивала.

— Не думай, что я тебя отговариваю только потому, что сегодня мне в первую очередь нужна хорошая машинистка. Мне просто очень жаль тебя. Ты, такая красивая девочка! У тебя ведь может удачно сложится семейная жизнь: обеспеченный муж, любящий до самозабвения... умные послушные дети. Об этом мечтает каждая женщина! Подумай...

— Я... — начала Настя.

— Нет, нет, сейчас я даже слушать ни о чем не хочу. Иди и подумай. А подумаешь — поговорим. И учти: мужчины очень не любят умных жен. Чтобы в семье поселилось счастье, жена должна быть... глупее мужа. Или делать вид, что глупее. Постоянно заглядывать ему в рот, ловить каждое слово. Если муж заподозрит, а тем паче, убедится, что любимая женщина умнее его, он рано или поздно либо сломает ее, вынудив жить по-своему, либо пойдет на сторону — искать женщину попроще. А там... развод. Вот так, дорогая моя девочка. Это жизненный опыт. Но притворяться дурой ты не умеешь. Это я понял. У тебя — другая жизнь. В твоих руках — сделать себя счастливой.

— Но... Алексей Александрович, я ...

— Молчи, молчи, молчи! Иди и думай над тем, что я тебе сказал! И не делай вид, что ты все это уже слышала. Даже если это так, лишний раз подумать не помешает. А я подожду...

Настя тяжело и обиженно вздохнула. Но ничего не посмела ответить. Действительно, может он прав: подумать лишний раз не помешает. Хотя где-то внутри голосок, набирающий силу, дразнил: «Что думать? Что тут думать?!»... Все было давно решено, еще в пятом классе, когда одиннадцатилетняя Настя написала свой первый роман об одноклассниках. Его тогда торжественно сожгли на костре. Творчество не обсуждалось. Никто понятия не имел, что такое — литература. Причиной публичной казни произведения стало то, что Настя в своем романе выстроила любовные линии таким образом, что большинство мальчишек и девчонок остались недовольны. Роман, в котором автор в угоду буйной фантазии отправила свой класс после окончания школы на целину, сожгли, а стремление стать журналистом осталось.

И даже после такой проникновенной речи главного редактора Настя не собиралась менять цели своей жизни. Что бы он ни говорил, она будет — непременно будет! — журналистом! Ее первый в жизни материал, причем такой сложный по жанру, отметили как лучший на планерке. В области он прошел, получив высокую оценку специалистов. Значит, есть у нее будущее на этом поприще?! Зачем же его рисовать в таких мрачных тонах?

Мечта — это лестница в небо. Она нашла свою лестницу. И поднялась на ее первую ступеньку.

Так она рассуждала, возвращаясь домой с работы. Заметила непроизвольно, что за день снег у обочин дороги покернел. Кое-где с горки пробивались первые ручейки. Несмотря на отчаянное сопротивление зимы, весна набирала силу и возвещала о своем приходе длиннющими со сильками, выросшими на крышах домов, голубизной неба и постоянно смеющимся солнцем, в лучах которого приятно было щуриться и улыбаться, откликаясь на его пока робкое тепло.

Весна наступила, и тут ничего не поделаешь... Даже снега и морозы были не в силах остановить ее стремительного шествия по земле.

АПРЕЛЬ: ЛЮБОВЬ И НЕЛЮБОВЬ

Апрель на севере переменчив, как капризная женщина. То разразится слезами капели от избытка солнечных лучей, то в гневе разбушуется снежными метелями. Запуржит, закружит, заметая следы собственного недовольства. То ненадолго развеселит морозцем, припудрив снежком былую черноту проталин, то вдруг загрустит, высыпав большими белыми хлопьями свою печаль на землю.

...Первого апреля на выпуске утренних известий дежурил Аскер Керамов. Надо сказать, что только дикторы и главный редактор имели право ездить на редакционном транспорте к месту работы. Вот и в тот день водитель привез Керамова, как всегда, за полчаса до начала эфира. Аскер открыл микрофонную папку и начал читать: «Доброе утро, товарищи. Сегодня пятница, 1 апреля, шесть часов десять минут. В эфире окружные новости».

И тут он вспомнил, что каждый год, удачно или не совсем, коллеги в этот день беззлобно подшучивали друг над другом. А раннее утро — самое время для проявления собственного остроумия. Ведь мало кто спросонья вспомнит, какой сегодня день.

Он уже начал набирать номер телефона, когда в кабинет вошел оператор Петя Анискин. Аппаратура была включена, записи репортажей поставлены на МЭЗ. Он хотел сообщить о готовности к эфиру Аскеру Керамову.

— В-вы к-куда зв-звони-т-те в т-та -а- к-ку-ю р-ра-ань? — едва выговорил удивленный Петька.

Аскер приложил палец к губам: помалкивай. После нескольких продолжительных гудков трубку наконец сняли. Сонный голос произнес, как пропел:

— Да-а...

— Руфа? Ты?! — напустив тревогу в голос, спросил Аскер.

— Да... — прозвучало уже потверже.

— Слушай, уже шесть часов, а Петьки все еще нет. Такого не бывало! Может, что-нибудь случилось? А через десять минут эфир. Давай, собирайся быстро, выручай, — не давая опомниться, заторопился обрушить на оператора информацию диктор. Его великолепный бархатный голос,

согретый уже стаканом горячего чая, выражал и тревогу, и беспокойство, и мольбу одновременно.

— Да! — выкрикнула испуганно, и в этом возгласе отразился неподдельный испуг совершенно уже проснувшейся женщины. — Что ты говоришь?! — вспомнилась Руфина. — Я сейчас... — и бросила трубку.

Жила она через два дома от редакции.

— Сейчас прибежит, — расхохотался довольный Аскер. Петька поддержал его удачную шутку и тоже заржал, как молодой жеребец.

Не успела затихнуть первая волна самодовольного смеха, как дверь распахнулась и в редакцию влетела Руфина. Она была в домашних тапочках, запорошенных снегом. Под распахнутым пальто виднелась ночная рубашка. Волосы всклочены, как у фурии.

Увидев ее, мужчины засмеялись с новой силой.

— Ты что, пришел уже? — ничего не понимая, и не обращая внимания на веселость коллег, уставилась на Петьку девушка.

— С первым апреля тебя, Руфочка, — справившись, наконец, с собой, едва выговорил Керамов.

— Вот, гады! В такую рань разбудили! — сообразила она и запахнула пальто. — А я летела через заборы, не разбирая дороги.

— Руфочка, ты установила рекорд. Две минуты — и ты здесь. Теперь будем знать, на что ты способна, — как можно ласковее произнес Керамов и, уже обращаясь к Анискину: — Пойдем, минута до эфира.

Руфине ничего не оставалось делать, как вернуться домой. — Ну, погодите, я в долгу не останусь.

В полдень она приняла смену. Решив отыграться, позвонила из аппаратной редактору Светлане Переваловой, материал которой прошел в этот день в утреннем эфире. Руфина это точно знала, потому что вчера «чистила» плёнку.

Изменив, насколько смогла, голос, начала разговор:

— Это редакция?

— Да, — ответила Перевалова.

— Мне нужен автор материала, который прозвучал сегодня в «Югорской параллели». Кажется, Перевалова... У вас есть такая?

— Да-да, есть, а в чем дело?

— Пригласите ее, пожалуйста, — официальный тон заставил сжаться сердце.

— Это я... так в чем же дело?! — в голосе зазвенел испуг.

— Вас вызывает Третий секретарь окружкома партии.

— ... Когда?

— Сейчас...

— Хорошо. Буду.

Положила трубку и села. Прекрасное настроение как ветром сдуло. Светлана всегда испытывала неуверенность в себе. Она, хотя и закончила журфак, но писала напряженно, тяжело, без изюминки и всегда по

привычному отработанному шаблону. За что и получала чуть ли не на каждой летучке от коллег по первое число. Поэтому она старалась меньше брать на себя передач, а если за что-то и бралась, то лишь в том случае, если тема была более или менее знакома ей.

И вот, пожалуйста: вызывают к секретарю по идеологии.

Быстро одевшись, хотела незаметно прошмыгнуть мимо курящих мужчин, но... увы. Эти бдительные добровольные «вахтеры» обратили внимание на спешащую Перевалову.

— Светка, ты куда? — участливо поинтересовался Аскер Керамов.

— Меня в окружком вызвали, — бросила на ходу Светлана.

— В окружком?! — удивился Ковеленов. Он-то понимал, что просто-му редактору в окружкоме делать нечего. Для таких аудиенций есть более ответственные лица в редакции, с которых, при случае, всегда есть за что спросить. Володя понял, что это очередной розыгрыш, но останавливать Перевалову не стал. Пусть прогуляется. Недалеко...

Перевалова летела, не чуя под собою ног. В голове, обгоняя друг друга, сменялись всяческие предположения. Прокручивались варианты предстоящего объяснения с Третьим: что она скажет, если... а что, если...

Вошла тихо в приемную и робко остановилась у двери.

— Вы кто? — оторвалась от машинки секретарша.

— Перевалова, из редакции радио.

— Вас вызывали? — удивилась та.

— Да. Только что звонили, сказали срочно, — она не сказала «вы звонили» — слишком растерялась.

— Подождите. Пока занят. Светлана присела на один из стульев, стоявших вдоль стены, и попыталась себя успокоить. Ничего страшного, по ее мнению, она не написала в своем репортаже. К тому же, если бы там и было что-то, то наверняка Гельберт не пропустил бы.

Вдруг вспомнила, что Главный вчера после обеда приболел и сегодня даже не вышел на работу, значит, редактировал Ковеленов. А тот мог это «что-то» и пропустить. Отвлек кто-нибудь или... нарочно подставил ее. Светлана давно заметила, что не по душе она была Ковеленову. Во-первых, приехала с Большой земли. Во-вторых, с высшим образованием и не без амбиций. Способности, может быть, и невыдающиеся, но справляется. На планерках, правда, получает... Даже Главный однажды не выдержал и признал уровень ее материалов очень низким. А Светлане хотелось работать именно в редакции. Здесь и уважение особое, и отношение не как к обычной служащей. И зарплата...

Так размышляя, она и просидела в приемной у Третьего целый час. Наконец он вышел сам.

— Вы ко мне? — спросил, заметив Светлану. — Я на обед, — бросил секретарше.

— Так, вы же меня вызывали, — растерялась она от неожиданности.

— Как фамилия?

— Перевалова, из окружной редакции радио, — напомнила о себе.
— Не знаю такой, — он смотрел на молодую женщину свысока. — Я не вызывал вас.

— Как же?.. — она готова была заплакать. Нервы уже не выдерживали напряжения, скопившегося за этот час. — Мне позвонили... Сказали, что из приемной. По поводу утренней передачи...

— Я не звонила, — предупредила сразу секретарша.

— Э-э, — развеселился вдруг Третий, — милая, да вас обманули, наверное, — он так по-доброму, от души рассмеялся, что Светлане тоже захотелось его поддержать, но страх внутри не отпускал, не давал расслабиться.

— Как обманули? Зачем?

— Так сегодня же Первое апреля! Надо повнимательнее быть. Идите на обед. Уже пятнадцать минут второго.

Он вышел из приемной, а Светлана Перевалова бессильно опустилась на стул.

Секретарша улыбнулась: — Бывает.

В редакцию неслась заведенная своей злостью. Было такое чувство: разорвала бы всех! Надо же так опозориться перед Третьим. И она, наверное, разорвала бы первого, кто попался. Но, может, сотрудники редакции тут совсем ни при чем. Может, кто-то другой над ней подшутил. Выяснить это было невозможно.

Перевалова еще не успела выйти из «белого дома», как из приемной позвонили Ковеленову и пересказали казус, случившийся с сотрудниками. Светлану встретили дружным хохотом:

— С Первым апреля вас, Светлана Васильевна!

— Черти, — уже успокоившись засмеялась она вместе со всеми... До слез... Напряжение и страх исчезли. В апреле и настроение было под стать капризной погоде.

* * *

— Вы с ума сошли, Тамара Яковлевна! — раздраженно говорила Нина Несторовна Семенова диктору Самгиной. — Как вы могли додуматься до такого?!

Рита в этот момент разговаривала по телефону, собирая информации для вечернего выпуска «Последних известий». За время совместной работы Рита ни разу не слышала, чтобы ее коллега на кого-либо повысила голос. Семенову трудно было вывести из себя. А тут, плотно прикрыв двери кабинета, устроила настоящий разнос.

Оказывается, Самгина решила освободиться от лишней литературы в своей квартире и сдала в букинистический отдел книжного магазина ставшие ненужными книги и журналы. Среди них оказалась книга Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Писатель был у всех на устах. Но... не как автор известной повести... Официальная критика

и власти громили Солженицына как отъявленного лжеца и врага собственной страны, отщепенца. И вдруг – идеологический работник сдает в магазин запрещенную литературу! Неслыханное дело!..

Семенова возглавляла партийную ячейку редакции и, естественно, несла ответственность перед горкомом партии за все происходящее в ней.

– В общем, так, сегодня в восемнадцать часов внеочередное партийное собрание. Прошу непременно прийти! Будет присутствовать представитель горкома партии и, может, даже окружкома. Я даже не могу предположить, чем все может для вас закончиться. Впрочем, и для меня тоже...

Семенова, конечно, догадывалась об участии Самгиной. Хорошо, если выговором отделается! Инструктор горкома партии так кричал по телефону, что всегда сдержанная Нина Нестеровна, упрашивала его успокоиться и, положив трубку, еще долго-долго и тяжко вздыхала. «Попала редакция на крючок. Теперь покоя не жди... И мне за недосмотр в воспитательной работе достанется».

Коллектив затаился в ожидании бури. В кабинетах строили различные предположения. Отношения к Самгиной были самыми противоположными – кто-то сочувствовал, а кто и возмущался, злорадствуя: на конец-то воздастся по справедливости. Слишком уж своюенравной была эта женщина.

Засуетился и Гельберт: ездил в горком, пытался урегулировать вопрос, постоянно сосал валидол, напряженно сопел. Видимо, его попытали ни к чему не привели.

Все стало известно на следующий день. В партии Самгину оставили, но объявили выговор с занесением в учетную карточку. Из редакции попросили уволиться по собственному желанию. Причем немедленно, да бы не портить трудовую книжку записью о несоответствии занимаемой должности.

На прилавке букинистического отдела книжного магазина произведение Солженицына, естественно, не появилось. Его сожгли в присутствии инструктора горкома партии.

Тамара Яковлевна, оформив увольнение, ушла отгуливать очередной отпуск. Она ни перед кем не стала оправдываться. Просто сама не подумала о последствиях.

Вместо нее буквально на следующий день пришла другая сотрудница. Как подросток, худенькая и маленькая, с красивым, хорошо поставленным голосом. Раньше Александра Пятакова работала на телевидении в одной из автономных республик страны. Выяснилось, что новая сотрудница приехала недавно с мужем в окружной центр и несколько дней искала работу. Нашла быстро, так как в окружкоме партии оказали протекцию... Поэтому увольнение Самгиной некоторые сотрудники восприняли, как освобождение места для «нужного» человека. Но вскоре про Тамару Яковлевну забыли, потому что новенькая быстро влилась

в коллектив, стала своим человеком. Она умела ладить с людьми, совершенно очаровала всех своей простотой и обаянием. А главное — она была профессионалом, умела «из пустяка сделать конфетку», то есть вытаскивала своим голосом даже самые посредственные материалы, заставляя радиослушателей вникать в их содержание.

* * *

Как ни старалась Настя избежать настойчивого внимания Аскера Керамова, ничего не получалось. Тайные притязания стали явными после его развода со второй женой, который был оформлен перед самым Новым годом.

Почувствовав себя свободным, Керамов пустился во все тяжкое. Каждое утро в одиннадцать часов он шел в магазин, чтобы выпить стаканчик разливного сухого вина. Все знали об этом, но вслух ничего не комментировали. Запах спиртного Аскер маскировал, жуя лавровый листик из венка «Победителя». Каждый квартал в честь лучшего шахматиста редакции вывешивали маленький лавровый венок под словами, выведенными крупными цветными буквами: «Лучшему игроку!» Через каждые три месяца фамилии под лавровым венком менялись. Они вставлялись в специально склеенный кармашек.

Поскольку лаврушкой пользовался не один Керамов, венок к концу периода сильно редел. Иногда в нем оставался практически один железный каркас с несколькими листочками.

Организаторы и члены жюри конкурса сначала ругались, не понимая, почему через каждые три месяца им приходится плести новый венок.

— Где мы вам каждый раз столько лаврушки наберем! — ворчала ответственная за шахматный турнир Светлана Перевалова.

Но... посвященные отшутивались: «Победители съедают или на суп уносят...»

Выяснить это обстоятельство ни у кого из руководителей так и не получилось. Но зато в редакции ни от кого из мужчин спиртным никогда не пахло...

Аскер, до развода явно отдававший Насте Яновской предпочтение перед другими женщинами, затаился. Чего ему стоило проходить мимо очаровательной девушки, как он ее называл и в мыслях, и вслух, знал только он сам. Его так влекло к ней, что при встрече перехватывало горло и начинало слегка потряхивать.

Аскер караулил ее после работы, звонил домой, придумывая изысканные комплименты, и вскоре Настя не устояла и согласилась встретиться вне редакции.

Он был счастлив, увидев ее в конце улицы под фонарем. Днем назначать свидание он не рискнул. Слишком уж сомнительная слава шла за ним по пятам. Решил пощадить девчушку, оградив ее от лишних судов.

Выведя Настю из тусклого круга фонарного света, приобнял. Та дернула плечиком: не позволяйте лишнего. Если уж я и пришла, то это ничего не значит. Просто скучно дома сидеть.

Аскер взял ее руки, поцеловал:

— Я целые сутки тебя не видел, соскучился страшно.

Это выглядело несколько старомодно, но ей нравились эти ухаживания красивого взрослого человека, окруженного любовными легендами.

Гуляя по тихим темным улицам, прячась от света и людей, он читал ей Пастернака, Цветаеву... Мандельштама. Настя знала: у Керамова большая, хорошо подобранныя домашняя библиотека. Но не думала, что он знает наизусть столько стихов. И каких! Достать книги этих авторов было просто невозможно в глухом окружном городке.

Сердце девушки растворялось в этих любовных признаниях с использованием поэтических шедевров. Она была польщена и даже не заметила, как стало расти и ее ответное чувство. Постепенно, с каждым свиданием все глубже и сильнее укреплялось оно в ее сознании и душе. Со временем этот человек стал ей почти родным. И когда он предложил ей выйти за него замуж, Настя, не раздумывая, согласилась. Ее не пугало, что знакомы они всего полгода. Казалось, она знает его всю жизнь. И все про него знает. Любвеобильность восточного мужчины ее тоже не смущала.

Какое-то время редакция была лишена удовольствия наблюдать за развитием этого скоропалительного романа. Никто не догадывался.

И все же, Насте трудно было скрывать свое чувство.

В мир и в сердце Насти пришла весна. Она истощно застучала капелью, зазвенела ручейками, запела голосами птиц, зацвела подснежниками... Душа ликовала от дурмана цветущей черемухи, от ласковых слов любимого, произносимых то нежно шепотом, то восторженно громко. Настя просто таяла.

Первым почувствовал тревогу Ковеленов. Оставшись как-то после работы наедине с Керамовым, он заговорил:

— Оставь девочку в покое. Зачем это? Что тебе, баб мало?

— Я люблю ее!.. — Аскер говорил вполне убедительно.

— Да, брось ты!.. Она же для тебя — лишь очередной эпизод. Меня не переубедишь. Я тебя хорошо знаю. И потом: ведь она может все по-серезному воспринять... В отличие от тебя. На сколько ты ее старше?

— Неважно.

— Очень важно! — Ковеленов был абсолютно убежден в своей правоте. — Ты взрослый умный человек, а она — девочка наивная, еще не хлебала жизни. Чистая. Ты разрушишь ее!

— Я ее приручу.

— А дальше?

— Она будет читать те книги, которые читаю я, она будет слушать ту музыку, которую люблю я. Смотреть на те полотна, которые развивают вкус, воспитывают душу...

— А дальше?! Когда тебя уже не будет, что она станет делать без тебя?

— Жить... Как это что? В конце концов, найдет другого...

— Как у тебя все просто! Найти другого такого же в нашем захолустье?!

А она уже не сможет жить без того, к чему ты ее успеешь приучить. Оставь ее, пожалей! Я тебя очень прошу, как мужик мужика.

— Я подумаю... — в его пальцах сломалась сигарета.

«Поздно, — пронеслось в голове Керамова. — Уже поздно...»

Любовь для него была неуправляемым состоянием. Если она приходила, то, казалось, навечно. Вот она — единственная, самая прекрасная, восхитительная... Он страдал и мучился, пока не добивался ответных чувств. Тогда — на всю жизнь. О, счастье!

Но шло время, пелена лихорадочного состояния проходила. И все краски мира, которые на какое-то время сосредотачивались в единственном человеке и во всем, что окружает только его, вернее — ее, тускнели. И высвечивали уже не маленький мирок, а всю вселенную, человечество... Начинали играть в других глазах и лицах, притягивая своим магическим светом и маня еще непознанной красотой.

Он не знал, за что любил женщин. Любил и все. И всегда по-разному. И разных. С одними расставался мучительно, с другими — легко. Но всегда, когда приходило это чувство лихорадочной эйфории, стремительной близости, он был убежден: вот это — навсегда! Такого еще не бывало! И такой он еще не встречал!..

Со стороны могло показаться, что Аскер Керамов коллекционирует женщин. Но сам он никогда не опускался до такой мысли. Просто, это было действительно так — встретил, полюбил. А вот надолго ли — и сам не знал. Себя он никогда не обманывал. Чувства действительно жили в нем страстные, искренние, в какой-то степени жертвенные. Поэтому женщины ему верили и отвечали такой же чарующей любовью. И тоже мучались и страдали после разрыва.

И вот теперь — Настя. Он должен покорить это целомудренное существо. Понял: не достигнув цели, не успокоится. И верил, что уж эта-то девочка станет последним подарком в жизни.

Но... подарок подарком... а женщина на каждый день была нужна. Поэтому параллельно завел роман со зрелой женщиной. Восточный мужчина, он не мог обходиться без секса. Одну любил, с другой спал. И совсем не думал о последствиях.

...Своей любимой бабушке Настя сказала лишь одно: «Готовься к большим переменам». Но бабулю было сложно обмануть. И скрыть любовь, светившуюся в глазах, внучке не удалось.

— Да ты никак влюбилась, — констатировала она.

— Ах, бабушка, ничего не говори. Я еще сама не знаю...

— Не знаешь, а замуж готовишься!

— Да ты откуда взяла?! — удивилась ее догадливости Настя.

— А какие такие «большие перемены» могут у тебя еще быть? Смотри,

без родительского благословения и моей поддержки у тебя не будет. Да и куда спешить? Вот вернется мать из-за границы и пусть выдаст тебя замуж.

— Никого я не буду ждать! Им еще почти полтора года там работать. Вся жизнь пройдет в ожидании!

Настя ушла в свою комнату, давая понять, что больше на эту тему говорить не намерена.

* * *

Весь апрель прошел в квартальных отчетах и очередной подготовке к праздничным дням. А их в мае было еще больше, чем в ноябре: первого и второго — Международный день солидарности трудящихся, главный лозунг которого возвещал: «Пролетарии всей стран, соединяйтесь!» Часовую передачу к этому дню обычно готовили в традиционном стержне — труд, мир май. А что еще писать? Поручали, как правило, разным сотрудникам, чтобы ежегодно не повторять одно и то же, хотя бы стилистически. А что тут добавишь, если установка сверху не позволяла сделать «шаг влево — шаг вправо». Объяснялось просто: должна быть выдержана идеология. Поэтому готовили такие передачи самые ответственные и самые идеологически проверенные работники. А таковых было мало. Потому и менялись они через два года на третий.

Но в мае были и другие даты: пятого числа — День печати, седьмого — День работников связи, радио и телевидения, девятого — День Победы, девятнадцатого — День рождения Всесоюзной пионерской организации. Кому об этом рассказывать и когда все это делать?! Кроме того, в конце мая Главного должны были торжественно проводить на пенсию — тоже... событие. И о нем думок не меньше. Преемника же он пока так и не подобрал. Кандидатуру из «белого дома» тоже не называют. А тут еще ветеран радио Надежда Гурина написала заявление на увольнение по достижении пенсионного возраста — 50 лет. И намерена была ни дня не задерживаться в редакции. По выработке тридцатипятилетнего стажа ей светила такая же пенсия, как и зарплата. Зачем работать?.. Уйдет.

А вот что делать до выхода на пенсию ему, Гельберту?! Специалисты сюда не едут потому, что нет квартир. Квартир нет, потому что их не строят. Не строят потому, что средства идут на другие нужды. На решение более важных для округа задач. Круг замкнулся, и разорвать его пока никто не в состоянии. Да и мысленно Алексей Александрович был уже в своем родном Ленинграде, в однокомнатной квартире с дорогим его сердцу видом на Мойку.

Главный не давал себе расслабиться. Клад под язык таблетку валидола, брал листочек, начинал писать фамилии, против которыхставил задание: кому что поручить.

В глубине души Гельберт радовался, что сибирский этап его биогра-

фии постепенно приближается к концу. И нынешние заботы уже очень скоро тоже останутся позади.

Катастрофический дефицит кадров вынудил использовать практически весь состав редакции. У машинисток было столько работы, что обе сотрудницы буквально не поднимали голов. Даже про перерывы забыли. Впрочем, Настя перестала пользоваться профилактическими пазузами, а Любаша было неудобно отставать в этом плане от девчонки, которая в течение дня делала раза в три больше ее.

После первомайских праздников Настя сделала еще одну попытку, наконец, получить творческое задание. Чтобы отвязаться от нее, Гельберт прикрепил Яновскую к начинающей корреспондентке Клаве Перцевой. Специального образования та, как и многие, не имела, но это компенсировалось наличием весьма авторитетного в городе супруга. Этого оказалось достаточно, чтобы при желании стать, например, штатным сотрудником редакции. Главный отпустил ее на два часа, чтобы они обе с одним «репортером» сделали репортаж с места события. Естественно, Клава Перцева проигнорировала, что Настя уже написала такой радиоочерк, каких она, кстати, никогда и не пыталась готовить. И начала «учить» с таких азов, что Яновской стало скучно.

— Дай мне «репортер» на несколько минут, я сама сделаю запись.

— Что ты! — испугалась Клава. — Испортишь, а мне потом отвечать!

С грехом пополам приступили, наконец, к делу... Надо было подготовить материал о пионерах. Часа два Настя с откровенной тоской наблюдала за тем, как Перцева мучила своими бездарными вопросами мальчишек и девчонок, вожатых и педагогов. Скучно было до зевоты.

Когда вернулась в редакцию, Любаша по своему обыкновению читала какую-то очередную книжную новинку.

Настя удивилась:

— Работы нет?!

— Есть. — Любаша поджала губы. — Только почему я должна печатать, когда ты бегаешь где-то?!

— Боитесь сделать больше, чем я? — спокойно спросила Настя.

Матошкина смущилась. Не дождавшись ее объяснений, Яновская взяла папку с материалами.

— Это все на сегодня?

— Да. Пока, — не подозревая подвоха, ответила Любаша.

— Тогда сделаем так: я делю все материалы пополам. Отныне у нас будет две папки: одна — ваша, другая — моя. Все передачи и информации, которые будут приносить впоследствии, мы тоже будем делить по справедливости. И учтите, я не напечатаю ни на один лист больше, чем вы.

И она, действительно, тут же разделила все лежащее в папке на две равные части. Любаша недоверчиво следила за нею. Что же будет дальше? Дележ закончился. — Выбирайте, какая ваша, — предложила коллеге Настя.

— Мне все равно, — не поднимая глаз, ответила та.

— Отлично! И мне все равно.

В кабинете воцарилось напряжение. Оно ощущалось даже в треске машинок. Настя у каждого заходящего с рукописями корреспондента сама принимала листы: мне — вам.

Через два часа весь объем в Настиной папке был отпечатан. У Любаши он увеличился в два раза. Обе молчали. Настя сидела, смотрела в окно. Первой не выдержала Матошкина. Вышла из машбюро и отправилась к Главному. О чем они говорили, никто не знает, только, вернувшись, Любаша гордо сказала:

— Тебя вызывает Гельберт.

Девушка сразу все поняла и разозлилась до крайности.

— Садись, — приказал Сан Саныч. — Почему не печатаешь?

— Я уже все напечатала.

— Как это — все? Любовь Григорьевна говорит, что ты разделила материалы на две папки, свою — напечатала и теперь бездельничаешь. Она зашивается, понимаешь ли, а люди ждут! — голос его зазвенел от нахлынувшей злости.

— Пока я ходила на задание, Любовь Григорьевна читала художественную литературу и ничего не печатала! — возмутилась Яновская.

— Читала?

— Да, вот так, читала и все!

Главный даже растерялся, но быстро взял себя в руки:

— В конце концов, ты не обязана бегать по записям! — выпалил первое, что пришло в оправдание Матошкиной и собственной сердитой защиты своего сотрудника.

— Вы же обещали, когда брали меня на работу, что предоставите мне возможность заниматься творчеством! Скоро вступительные экзамены, а у меня всего один радиоочерк. Что я буду представлять экзаменационной комиссии на творческий отбор?

— Меня это не касается, — еще больше распаляясь, почти выкрикнул Главный.

— Зато меня это очень касается... А я вам поверила, — тихо добавила Настя. — Эх, вы... — выдохнула с сожалением

Гельберт от прозвучавшей в ее голосе горечи чуть не пошел на попятную. Но сдаваться не собирался:

— В конце концов, я принимал тебя машинисткой, вот и будь любезна, работай в соответствии с занимаемой должностью.

— Хорошо. Я буду работать, — согласилась решительно Настя. — Только печатать я буду отныне ровно столько, сколько печатает Любовь Григорьевна Матошкина. Не больше, слышите меня? Ни на один лист! В «конце концов», — передразнила она его вполне похоже, — как вы говорите, у нас равная зарплата. А материалы к творческому конкурсу я все равно подготовлю. Без вас. Найду как. В газету уйду! Если вас такое ус-

ловие не устраивает, я готова написать заявление по собственному желанию. Хоть с завтрашнего дня!

Не дожидаясь ответа, Настя ушла к себе. Спокойно села и стала ждать, когда в ее папку ляжет очередная работа.

Любаша долго не выдержала. Через некоторое время она вновь побежала к редактору, но быстро вернулась. Ее лицо было покрыто алыми пятнами.

Глядя ей в глаза, Настя твердо сказала:

— В нашей ситуации, Любовь Григорьевна, Главный не поможет. Хоть забегайтесь. Или я буду время от времени уходить с «репортером» на задания, или вы вновь останетесь одна. И тогда до пенсии вы точно не доработаете. Здесь, по крайней мере...

Прозвучало это откровенно и угрожающе до жестокости, которую трудно было предположить в этом хрупком создании. Девушка сочетала в себе редкую, удивительную красоту с твердым, упрямым характером.

Любовь Григорьевна поняла: эта — не отступит и своего добьется. Причем, без крика. Это не Нина Сизова. Такой же вывод сделал и Гельберт. Да, Настя сделает так, как сказала. А он под занавес своей сибирской карьеры не хотел наживать неприятностей. Сейчас ему проще было конфликтовать с Матошкиной. Тем более что его «хотелки» относительно дефицитных товаров, которые он увозил из окружного центра в Ленинград, ее муж уже выполнил. Ковры и посуда были упакованы и ждали открытия навигации. Старожилы утверждали, что в эту весну она несколько задержится. Лед на реке пошел только в двадцатых числах мая.

* * *

И все-таки Гельберту удалось выбить одно место в общежитии для вакантной пока должности редактора общественно-политических передач. Произошло это в конце апреля. Поселили новенького сотрудника, приехавшего из Омска искать замену разрушенному на Большой земле счастью. Фамилия его была Исаев. Ну, прямо как у героя самого популярного в те годы сериала, главную роль которого исполнял Вячеслав Тихонов. Вот так в редакции помимо прочих прописался «Штирлиц». В коллективе вообще любили давать клички и подшучивать друг над другом.

Новичок оказался довольно общительным и бойким человеком. И уже очень скоро у Олега Исаева появилась пассия в окружной газете — одноковая симпатичная женщина из местных. Помимо этих достоинств, она имела еще одно — двухкомнатную квартиру. Правда, была еще и дочка, но это уже особой роли не играло.

В окружном центре общественное мнение не приветствовало разводы. За женщинами сразу закреплялось уничижительное звание. Одиночек старались пореже приглашать в гости к семейным, страшась, что потенциальная невеста займет место кого-нибудь из присутствующих. По-

этому, когда Олег удостоил редакционную разведенку своим вниманием, замужние женщины в их кругу даже образовались: все-таки чужой... И в мыслях добавляли: «Следовательно, "мой" останется при мне».

Олег — высокий, стройный мужчина, оставил в Омске дочь и жену в своей двухкомнатной квартире и уехал к черту на кулички в надежде скрыться от ее притязаний и упреков по поводу его слабохарактерности в отношении к женщинам. Ну, не хватало ему одной жены! Не мог он ограничиться только семейной жизнью! Не зря в народе родилась поговорка: седина в голову — бес в ребро. Исаев как раз вошел в такую бесовскую пору.

Попавшись на очередной любовнице, он решил уносить ноги, потому что исключение из рядов КПСС ему было гарантировано. Не дождавшись стремительного полета с высоты своей должности — старшего редактора областного комитета по телевидению и радиовещанию, — Олег все бросил и уехал в Тмутаракань, как он сразу же окрестил окружной центр. Тем более что о делах на этой территории уже говорила вся страна, предвещая ей прекрасное будущее, бурное развитие, называя «вторым Баку» самое крупное, недавно открытое месторождение нефти в Нижневартовском районе — Самотлор.

На первых порах лирические взаимоотношения с одинокой и свободной Алочкой Каревой ограничивались лишь телефонными звонками. Но Олег мысленно уже все просчитал: в ближайшие два-три месяца он оставит койко-место в неуютном холостяцком общежитии и перебедет к Алочеке в ее двухкомнатное гнездышко. И все опять будет в ажуле. Для него, по крайней мере.

Стол с телефоном для Исаева поставили в отделе информации. В других кабинетах не было места. И теперь здесь стало совсем тесно. Олега, после омских просторных служебных помещений это крайне тяготило. Он часто выходил покурить и задерживался надолго за разговорами среди постоянно меняющихся курильщиков. В особенности, когда к редактору информационного отдела Семеновой приходили на запись выступающие в очередном выпуске «Последних известий».

На сей раз пришел Геннадий Тихонов. Олега не было и Нина Нестеровна посадила гостя за его стол, дала бумагу и ручку. Инспектор пожарной охраны спокойно начал набрасывать свою будущую речь по профилактике пожарной безопасности.

Телефонный звонок заставил его отвлечься от этого серьезного занятия. Поднял трубку:

— Да, — спокойно, как у себя дома, ответил гость.

— Это Штирлиц? — нежный женский голос смущил его.

— Нет, это Тихонов, — растерялся Геннадий.

Трубку бросили, зазвучали короткие гудки.

А представитель пожарной охраны невозмутимо продолжил писать свою речь.

Снова звонок. Тот же голос тем же тоном:

— Это Штирилиц?

— Нет, это Тихонов, — уже более спокойно представился инспектор. Трубку снова бросили, не вдаваясь в объяснения.

— Нина Нестеровна, — обратился Геннадий к Семеновой, — тут како-то Штирилица уже два раза спрашивали. Шутят, что ли?

Обе сотрудницы захохотали.

— Это у новенького кличка такая, — едва выговорила Рита и пояснила: — Вообще-то его Олегом зовут. Фамилия Исаев. Мы его Штирилицем прозвали, а звонит, по всей вероятности, Алочка Карева из окружной редакции газеты. Они дружат...

— Понятно, — флегматично отреагировал гость. Не успел он написать и двух предложений, как телефон возобновил свой треск. И вновь тот же голос поспешно спросил:

— Это Штирилиц?

— Да, нет же, нет! Это Тихонов! — убедительно заговорил Геннадий. Он хотел еще что-то сказать, но слушать его не стали, бросили в сердцах трубку. Тут же зазвонил телефон на столе у Семеновой.

— Нина Нестеровна, что за шутник у вас объявился? — начала сразу с претензий Алочка.

— Он не шутник... Здравствуйте, Альбина Юрьевна, — вежливо поставила ту на место редактор информационного отдела.

— Ой, здравствуйте, извините. Ну, я же ему говорю: это Штирилиц? А он мне: нет, это Тихонов!

— Альбина Юрьевна, это действительно, Тихонов!

— Какой... Тихонов? Вячеслав? Вот и вы, Нина Нестеровна, шутите!

— Причем тут Вячеслав? Это наш выступающий из пожарной части.

— А где Штирилиц? Вернее, Исаев?

— Исаев курит. Позвать?

— Конечно! Я уж подумала, что все время не туда попадаю, — облегченно вздохнула всполошившаяся было Алочка.

Все трое от души посмеялись и долго не могли настроиться на серьезный рабочий лад. Впрочем, «долго» в отделе информационных программ — понятие относительное. Долго — это буквально до первого междугороднего звонка, который не заставил себя ждать: надо было вновь добывать новости, поглощающие весь рабочий день — от звонка до звонка.

* * *

Седьмого мая коллектив праздновал День радио. Стол накрыли, как всегда, в самой большой комнате. Некоторыми дефицитными продуктами, опять же, снабдил профсоюзный босс геофизиков — муж Любови Матошкойной.

Настя сидела напротив Керамова. А тот, поднимая граненый стакан для очередного тоста, смотрел только на нее — единственную. Глаза го-

ворили больше, чем язык. Он что-то щебетал равнодушно-веселое и прохладно-нелепое, словно пытался скрыть искренность чувств. И даже короткое молчание во время передышки не могло наполнить пустоту звучащих фраз. Она видела, как лихорадочно блестели его глаза. А в блеске отражались такие страсти, что становилось неудобно и стыдно за их откровенность. Настя боялась, что помимо нее кто-то еще разгадает этот океан чувств во влажности влюбленных глаз, предназначенных единственной во всем мире – ей. И она внимательно следила за собой. И прикрывала свои глаза ресницами, чтобы ее любовь не выплеснулась наружу. Ведь рядом сидели и смотрели на них совершенно чужие люди. А ей казалось, что они с Аскером были уже родными и близкими. В ней жила уверенность, что не нужны никакие слова. Невозможность близости становилась пыткой. Тайна объединила их и повязала в невероятном стремлении и желании раскрыть ее немедленно. Более наблюдательные и заинтересованные сотрудники все поняли.

– У них что, любовь? – прошептал на ухо Ковеленову, пораженный увиденным, Николай Алипов.

– Молчи! – не поворачивая головы, посоветовал Владимир.

– Господи, ты что, не видишь?! – совсем расстроился Николай.

Тайна была раскрыта. Теперь она жила не только в двух сердцах. Влюбленный в Настю Алипов стремительно выскочил из-за стола и тяжелой походкой побрел на улицу.

Николай никогда не курил. В детстве чуть не умер от воспаления легких. Тогда же мать и внущила ему, что курение для него – смерть. «Вот и хорошо! Пусть – так!» Сейчас Алипов очень хотел умереть. Поэтому попросил у Петьки Анискина, стоящего на крыльце, сигарету.

– Т-ты ч-ч-т-то-о? Рас-с-ст-ро-оил-сся? – понял настроение коллеги оператор, протягивая пачку «Лайки».

Николай молчал. В глазах застыла тоска. Никому ничего он объяснить не собирался. Да и кому пожалуешься на мать, которая родила такого урода, каким он себя считал.

– В-ве-сс-н-на в-в-се эт-то, – поставил диагноз понимающий Петька.

Алипов взглянул на него и почувствовал, как под очками-линзами скатилась слеза. Выкинул сигарету и, не попрощавшись, ушел домой.

* * *

Настю вызвал Гельберг. Пришла, присела, сложила ручки замком, брызнула синевой глаз, и в кабинете словно лучики солнца заиграли.

«Ведь подозревал же, что так оно и будет, – вспомнил первую встречу с Настей Алексей Александрович. – Не одного мужика сведет с ума эта красавица».

А вслух сказал:

– Ты... это... не принимай всерьез ухаживания ловеласа...

– Вы про кого? – невинно спросила, ища взгляда Главного.

— У нас один ловелас в редакции — Керамов, — начиная раздражаться, продолжил беседу руководитель.

— А что Керамов? — Настя почувствовала, как забилось ее сердце.

— Бабник он, понимаешь? Поиграет с тобой, как с мышкой, и слопает. Хорошо, если ребенка не оставит без отца... Еще одного ребенка, кстати.

— Да что вы такое говорите, Алексей Александрович?! Про какие такие отношения?! — она даже встала от возмущения.

— Сядь! — приказал строго. — И не ври. Не научилась еще!

— Мы решили пожениться, — прошептала Настя, опустив ресницы и теребя пальцами край кофточки, присланной родителями из-за границы.

— Еще чего не хватало! — воскликнул Гельберт. — Ох, как он тебе голову заморочил! Я с ним поговорю!

— Не надо, я вас очень прошу, — в ее голосе было столько мольбы, что Главный растерялся. Кто их знает, этих женщин. Ведь он ей добра желает. А она сидит и едва слезы сдерживает от этого «добра». Еще взьмет и разревется.

— Ну, зачем тебе он? Старый, да еще алиментщик, ровно половину заработной платы детям перечисляет, а она у него и без того небольшая. На что вы жить будете? К тому же, пьющий человек?! Ты знаешь, какие у него бывают запои?

— Наговариваете вы на него, — прошептала неуверенно.

— Ты же ничего не знаешь, а я знаю! Сколько раз уже выручал его из этой беды. И прикрывал тоже немерено. Это он сейчас исправился, когда за тобой ухаживать начал...

— Ну, вот, видите, исправился же человек, — вдохновилась нечаянной поддержкой Настя. — Что только не делает настоящая любовь!

— Это ты-то — настоящая?! — Гельберт даже привстал из-за стола. Как убедить ее? Как предотвратить эту лавиной надвигающуюся беду? Ведь сломает девчонку!

— Настенька, — взял себя в руки и уже совсем по-отцовски снова начал разговор, — девочка моя, остынешь. Вырви его из сердца, как занозу, если уж она туда вошла. Пойми... поверь — он тебя сломает.

— Как это? — глаза Настя расширились. — Вы это серьезно, Алексей Александрович?..

— Очень серьезно. У него есть и другая женщина... — проговорил, как приговор подписал.

— Неправда... — прошептала грозно. — Это — неправда!!! Вы нарочно мне это говорите, чтобы я порвала с ним. А я — не хочу! Я люблю его!

Она горько заплакала, положив голову прямо на стол главного редактора.

Гельберт встал, налил в стакан воды, поставил перед ней, молча погладил хрупкие Настины плечики, вздрагивающие в беспомощной тоске под его руками.

— Ну, ну, успокойся. Попей водички, подумай... Прежде чем в загс идти, надо думать.

— А кто она?.. Эта женщина? — отхлебнув воды из стакана, спросила сквозь слезы.

— Да, откуда я знаю? Знаю, что с кем-то встречается... Вот и вся информация. Но информация — точная.

— Так, может, это со мной? — всхлипнула в очередной раз. В глазах — надежда.

Гельберту такая мысль и в голову не могла прийти. Что, если и, впрямь, с Керамовым видели именно Настю и не узнали ее? А он тут воспитанием занимается... Впрочем, все — равно! Не пара она ему! И точка!

— Успокойся. Иди, подумай! Это в любом случае невредно.

Ох, уж как любил он это выражение: «иди, подумай!»...

* * *

Свадьбу назначили на июль. Настя заказала родителям подвенечное платье, и мама пообещала приехать на несколько дней в отпуск.

Во всех уголках редакции по этому поводу злословили. Над Аскером подшучивали, Насте — не завидовали. Но о готовящейся свадьбе знали почти все сотрудники. По крайней мере, те, кто имел «свободные уши» и время выслушивать последние новости деревни окружного масштаба.

Пробежала эта молва и по улицам городка. Заскочила в один домик, поскандалила с хозяевами и улетела... А хозяйка — молодая приятная женщина — тщательно оделась, подкрасилась и отправилась туда, откуда поползли слухи, то есть в редакцию.

Увидев ее приближение из окна, Аскер Керамов на всякий случай закрылся в студии. Благо, последние полчаса его никто не видел. Он сидел один и читал журнал.

Женщина зашла, уверенно со всеми поздоровалась, прошла мимо толпы курящих творческих работников и направилась по коридору в ту сторону, где находилась дикторская комната.

— Кто это? — спросил Алипов.

— Это?.. Это дочь заслуженного врача республики, — пояснил Ковеленов, который не курил, но тоже стоял вместе со всеми, обсуждая издержки творческого процесса.

— А что она здесь забыла? — еще раз полюбопытствовал Николай.

— Наверное, кто-то из знакомых работает, — предположил Владимир.

— Интересная женщина, — сделал комплимент Анатолий Богатов. Он всегда находился среди курильщиков, ожидая очередного задания на выезд. — Слушай! Так это же новая пассия Аскера, — вспомнил он.

Алипов и Ковеленов дружно уставились на Анатолия.

— Откуда знаешь? — спросили почти хором.

— Кто же этого не знает?! — как само собой разумеющееся подтвердил водитель. — Весь город об этом говорит. Кажется, у них дело к свадьбе идет.

- А как же... Настя? — растерянно спросил Алипов.
- Какая Настя? — не понял Богатов.
- Наша Настя! Яновская! — вскипал и обиделся Николай.
- А она-то тут причем? — удивился в свою очередь Анатолий.
- Как же?.. — Алипов не знал, договаривать или нет. Решил, что не стоит, и отправился в свой кабинет.
- Ты что-то знаешь? — спросил водитель у Ковеленова.
- Нет, — он ответил так решительно и поспешно, что ничего не подозревающий Богатов понял: что-то тут не так.

Между тем гостья — звали ее Инна, — пройдясь по кабинетам и не найдя нужного ей человека, заглянула к Семеновой в отдел информации. Она знала, что сотрудники этой службы всегда на месте.

Нина Нестеровна встретила Инну чуть ли не с объятиями. Усадила за стол, налила чаю. Даже работу на время отложила.

- Ты по делу к нам? — задала вопрос на всякий случай.
- Да, — отхлебывая чай, картишно отставляя пальчики, произнесла гостья. — Хотела Аскера найти.

— Зачем?

— Посоветоваться надо...

Рита Васильева и Нина Семенова многозначительно переглянулись, но от вопроса воздержались. Та сама продолжила: — Платье свадебное выбрала...

- Для кого? — все же не удержалась Рита.
- Для себя, — с достоинством королевы ответила Инна.
- Вы что, замуж выходите? — Рита думала, что после тридцати свадебное платье уже не надевают.

— Конечно!

— И за кого, если не секрет? — проявила любопытство Семенова.

— За Керамова.

Фамилия прозвучала как выстрел. Рита, отхлебнувшая чай, закашлялась. У Нины Нестеровны от неожиданности ложечка выпала из рук.

— А почему вы удивились? — не унималась гостья. — Что я? Слишком стара для него? Так его последняя жена, я знаю, была старше меня.

— Нет, что вы, Инночка, — попробовала поправить положение Семенова. — Просто... Тут другое дело...

— Какое? Любопытно... Говорите, говорите, а то в воздухе витает что-то неприятное, а я уловить никак не могу: вонь это или запах...

Рита не выдержала:

— Не знаю, что там... в воздухе, а у нас другие сведения по поводу женихов Керамова, — заявила решительно.

— Он что, сказал вам лично, что передумал жениться на мне?

— Нет, нам лично он ничего не говорил, — горячилась Рита, — он сделал предложение другой... Нашей сотруднице. И она сейчас тоже готовится к свадьбе.

— Да вы что, шутите?! — вскричала до сих пор спокойная Инна. — Где этот подлец? Я ему морду расквашу! — куда улетучилась вся ее напускная холодность, Васильева и Семенова так и не узнали. Женщина выскочила из кабинета и помчалась в дикторскую. Ее высокие каблуки прогрохотали по деревянному полу как автоматная очередь. Она поняла, где и по какому поводу прячется ее жених.

— Открой, подлец! — стучала неистово кулаками, — я сейчас вышибу эту дверь на хрен, но до тебя доберусь! Женишок, чертов! Я тебе покажу двоеженство!..

Из кабинетов высыпали сотрудники и молча наблюдали за истеричной женщиной. Среди них была и Настя. Она все поняла. По-своему.. Окончания сцены не стала дожидаться. Пошла к Гельберту.

— Алексей Саныч, отпустите меня домой, — голос был таким, что удерживать он ее не решился. К тому же, до конца рабочего дня остался всего час.

— Иди. Конечно, иди. И побыстрее, — поторопил он, боясь, что сейчас, под горячую руку и Яновской достанется. — Тем более что завтра ты, кажется, готовишься к отчету.

Настя ушла в полной растерянности. С бабушкой о случившемся она говорить не могла. Сердечных подруг не было. Поэтому, придя домой, тут же шмыгнула в свою комнату, объяснив бабушке, что болит голова.

Голове было от чего болеть. Что там кричала эта обманутая женщина? «Аскер, подлец, бабник и прочее?» Так при ней об этом неоднократно говорили многие сотрудники редакции. Ну, не прямо так — «подлец». А «бабник» — да. Так разве это такой уж великий грех? Да женщины и сами ему на шею вешаются. Вон, он какой красивый и умный. А сколько стихов знает! К тому же есть одно оправдательное обстоятельство: все эти женщины у Керамова были до нее. Сейчас он решил остепениться и жениться. Заговорил о свадьбе. Следовательно, у него вполне серьезные намерения на ее счет.

Так размышляла Настя Яновская, убеждая саму себя в том, что страшного ничего не произошло.

Она вздрагивала от каждого телефонного звонка, прислушивалась, не зовет ли бабушка ее к аппарату. Надеялась, что Аскер непременно позвонит и объяснится. Но по телефону в тот вечер она была невостребована.

Спала ли Настя в ту ночь? Она и сама не знала. Утром, как всегда, вышла к завтраку. Бабушка в ожидании внучки смотрела телевизор.

— Я блинчиков напекла, — сообщила радостно, довольная собой.

— Что-то не хочется, бабуля. Просто чайку попью. К тому же, опаздываю. Так что, прости. Приду и поем, — успокоила на всякий случай.

— Как это — «не хочу»? — встревожилась старушка, снимая очки и проходя в кухню. — Ты что, и впрямь, заболела? Это же твои любимые блинчики с творогом!

— Ну, ба-буш-ка-а! — протянула, невольно раздражаясь. — Я же сказала!

— Бог с тобой, не нервничай. Перед работой нельзя расстраиваться. У тебя должно быть всегда хорошее настроение. Тогда и репортаж получится хорошим, — резонно заметила женщина.

Елизавета Петровна до бесконечности любила свою внучку. Оставшись с ней одна после отъезда родителей Насти за границу, она очень волновалась за свою подопечную. Елизавета Петровна уже не помнила: так ли внимательно и трепетно относилась к своим детям — сыну и дочери. Когда дочка с мужем отправилась за рубеж открывать новые мессторождения для дружественной державы, Настя стала для нее всем: дочерью, внучкой, подружкой... Живым «окошком», через которое она теперь поддерживала связь со всем остальным миром.

Товарок у Елизаветы Петровны не было. На пенсионных скамеечках со старушками не засиживалась — «чего зря время терять?!» К соседям не наведывалась. Они иногда заходили: то соль попросят, то спички, так просто зайдут узнать, что пишут из-за границы, как там живут люди, были ли посылки и что прислали.

Елизавета Петровна терпеливо рассказывала, когда было желание. И далеко не всем. Зачем лишний раз вызывать зависть у людей? К тому же она панически боялась сплетен. Не дай Бог, про внучку что-нибудь наплутут? Как потом перед родителями оправдываться? Ведь теперь на нее легла такая огромная ответственность: блюсти честь и порядочность юного создания. Самого дорогого и любимого на свете.

Как и большинство пожилых людей, много и трудно проживших на Севере, Елизавета Петровна обзавелась за эти годы целым букетом болезней. Самая опасная, как она считала, — порок сердца. Но, видимо, не одна эта болезнь мучила ее организм, потому что помимо сердечных болей у нее сильно отекали ноги. Поэтому с трудом передвигалась по квартире, еще тяжелее поднималась на второй этаж, где в одной из трех комнат жила Настя. Бывала там очень редко. Только крайнее любопытство могло вынудить ее преодолеть тринадцать ступенек для того, чтобы выяснить: чем занимается ее бесподобно талантливая внучка. А в том, что талантливее Насти никого нет и быть не может, Елизавета Петровна ни секунды с момента появления внучки на свет, не сомневалась.

— Что готовим на обед? — этот свой козырной вопрос она задавала ежедневно буквально у порога. Прозвучал он и теперь.

— Ах, бабушка! Что хочешь, то и приготовь! Неужели, это так важно сейчас! — нервно произнесла Настя.

Она очень спешила. Окружной конкурс парикмахеров, о котором ей поручили подготовить репортаж, начинался в десять часов. До начала оставалось тридцать минут, но к месту события еще нужно было добраться.

— Ладно-ладно, что-нибудь придумаю, — покладисто согласилась старушка и, поцеловав внучку, закрыла за ней дверь.

...Тревожное состояние возникло сразу же за порогом, когда Настя вдохнула теплый воздух, наполненный запахами весны. Веселенькое небо над головой с кучерявыми, как она называла, облаками. Птицы волнуются, строят гнезда под крышами. Травка пробивается уверенно, меняя краски земли... Все, как всегда, но тягостное предчувствие уже возникло. Оно не отпускало. И сейчас Настя была сосредоточена лишь на том, от чего это? «Репортер» не сработает? Или она сама где-нибудь нарочит, и репортаж снимут с программы?..

Увы, «...нам не дано предугадать», — вспомнила чьи-то строчки. А когда выскочила из автобуса, уже некогда было прислушиваться к своему состоянию.

К тому времени лучшие мастера округа уже приступили к работе. Члены жюри и представители средств массовой информации наблюдали, как ловко орудуют конкурсанты ножницами и расческами. Как из ничем не примечательных людей создавали они настоящих красавцев и красавиц.

— В соревнование вступили девять человек, — комментировала Ольга Ивановна Лежнева, председатель жюри. — Они должны выполнить три варианта причесок: это — женская повседневная; женская праздничная и мужская — по желанию участников.

Настя посмотрела на индикатор: запись идет, уровень звука нормальный.

— Клиентов девочки подбирали сами, — продолжала между тем председатель жюри, — практически все привезли на конкурс из своих населенных пунктов мужчин, которым будут делать прически.

— Почему? — вставила невольно вопрос.

— А вы знаете, у нас здесь столько мальчиков трудно найти вот так, сразу. Все-таки девять человек... Волос должен быть хорошим; а интересы клиента должны совпадать с творческими замыслами мастера. В этом случае результат всегда лучше. Хотя мы и назвали нынешнее событие конкурсом, и к нам приехали лучшие из лучших, тем не менее, участники еще очень молоды. Да и волнение закономерное, опыта может не хватить.

— А что вы скажете по поводу повседневных женских причесок? К чему сейчас стремится мода? — поинтересовалась Настя.

— Главное направление — это удобство. Чтобы женщина меньше тратила времени по утрам на свою голову. Стрижечка должна быть модной — молодежной... короткой.

— Но, если все подстригутся коротко, из чего же тогда делать праздничные прически? — резонно заметила Настя.

— Вы правы. Но не все же стригутся так. У нас здесь население достаточно консервативное, провинциальное. Большинство предпочитает оставаться при длинных волосах — в традиционном стиле русских женщин. Вот, как у вас, например... — сделала невольный комплимент Насте председатель жюри.

Выключила «репортер». Предстояло еще взять интервью у победителей, у клиентов, у зрителей. Записать фрагмент награждения и подвести итоги...

День стремительно клонился к вечеру. И вот уже по дорожке, которая служила подиумом, под аплодисменты присутствующих проходят последние модели, демонстрируя творения рук своих парикмахеров.

Насти почти закончила репортаж, когда к ней подошла высокая стройная женщина.

— Здравствуйте, — произнесла она елейным, неестественным голосом.

На ней ультрамодный костюм, едва прикрывающий коленки, распахнутое белое элегантное пальто; сапоги-чулки обтягивали стройные ноги. Все в этой женщине было красиво. Кроме лица. Маленькие, сильно накрашенные глаза, подведенные брови, яркая помада на губах, рыжие волосы из-под шляпы падали кудряшками на плечи...

Мило улыбаясь золотыми зубами, она поздоровалась с Настью:

— Меня зовут Инна. Пришла с вами поговорить, — продолжила незнакомка.

— О чём? — удивилась Яновская и почувствовала, как отчаянно забилось сердечко.

— О Керамове.

— О Керамове?!

— Да-да, — не давая опомниться, заспешила незнакомка. — Дело в том, что он — мой муж.

— Как — муж?

— А так, милочка. Мы с ним спим и довольно продолжительное время. В ближайшем будущем намерены зарегистрироваться. Я уже и платье свадебное сшила, а тут вы, дорогуша, возникли со своим юным очарованием. Не мешайте нам.

— Но... как же? — Насти растерялась, пытаясь найти хоть какой-то разумительный ответ. Ничего не вышло. У нее вообще все мысли улетучились из головы.

— А так, милочка. Тихо уйдите. Вычеркните из жизни этого человека. Он — мой. И я не намерена делить его с кем бы то ни было. Я за него глотку перегрызу кому угодно. Тем более такой птичке, как вы...

— Не беспокойтесь, — пришла в себя Насти, — я больше не встану между вами...

— А если встанете, — перебила женщина, — то очень пожалеете об этом. Учтите, я пойду на все. Мне терять нечего. А у вас еще все впереди. Желаю счастья!

Она исчезла так же неожиданно, как появилась.

Хорошо, что «репортер» висел на шее, иначе Насти выронила бы его из рук. Такая слабость охватила все тело, что даже микрофон держать была не в состоянии.

«Неужели так бывает? — появилась, наконец, хоть одна мыслишка и

застряла в голове, забилась там в истерике: — Неужели бывает вот так?! И почему это непременно должно было случиться со мной?!

В душе воцарилось отчаяние и разлилось по телу невообразимой боли. Боль проникала в каждую клеточку, разрасталась с чудовищной силой.

— Вам плохо? — раздалось над ухом, прорвавшись сквозь маршевую музыку финала конкурса. Перед глазами маячила Ольга Ивановна Лежнева. — Что с вами?!

— Н-не з-з-н-на-аю-у... — едва выдавила из себя Настя.

— Вы так побледнели! На вас просто лица нет! Попейте водички, — стакан стукнулся о стиснутые зубы.

— Может, вас домой отвезти, — не унималась Лежнева.

Настя кивнула головой, дрожащими руками взяла стакан и, не отрываясь выпила. Только на последних глотках поняла, что вода была с валерьянкой.

* * *

...На следующий день Настя на работу не вышла. Позвонили ей домой. Бабушка заплакала в телефонную трубку: «Как пришла вчера с работы, легла на кровать, так и не встает, не ест, не пьет, молчит. Только слезы из глаз катятся. Что я матери скажу?»

Еще не опомнившись после устроенного Инной скандала сотрудники радиовещания зажужжали по кабинетам по новому поводу: «Настя умирает...»

Свернув пораньше работу, Рита побежала к Яновской. Та действительно лежала и не реагировала ни на какие слова. Словно свечу задули. Пронзительной голубизны глаза потемнели, обрели стальной оттенок.

— Настя, так нельзя! Ты меня понимаешь? Ты меня слышишь?

Увы, не дрогнул ни один мускул на осунувшемся лице девушки. За спиной Риты тихо плакала Елизавета Петровна.

— Надо что-то делать, — причитала она, — надо родителей вызывать из Германии, пусть возвращаются... Умрет девчонка...

— Перестаньте, Елизавета Петровна, — резко остановила ее Васильева, — что вы причитаете над ней, как над мертвой! Все пройдет... Со временем...

Она сидела у Настиной кровати, гладила ее холодную руку и... не знала, как поступить, чтобы вывести девушку из ступора.

«Может, Керамову позвонить? — мелькнуло в голове. — А что? Это же он, пакостник, довел ее до такого состояния. Вот и пусть расхлебывает теперь».

— Настя, ты не молчи, расскажи, что случилось. Ведь мы ничего не знаем! Что он с тобой сделал? Он тебя обидел? — Рита не прекращала попыток расшевелить Настю. Но та, окаменела, как Василиса Прекрасная, заколдованная Кошечем Бессмертным ...

После многочисленных попыток выдавить из Насти хоть единое слово Рита решила все же позвонить Керамову. Эту мысль она высказала вслух. Но как только взялась за телефон, Настя вдруг тихо сказала:

— Не смей! Я его видеть не могу..

— Господи, слава Богу! Заговорила! — вновь заплакала Елизавета Петровна.

— Вот и хорошо, — успокоила Рита. — А теперь давайте чайку попьем. Хочешь чайку?

Настя уставилась на них глазами, остекленевшими от слез.

— И вот так уже вторые сутки, — всхлипнула бабушка.

Снова в комнате воцарилось молчание. Рита осторожненько выпроводила Елизавету Петровну из комнаты. Сама вернулась к Насте. Оглядывая комнату, обратила внимание на то, что на полочке ребром стоит много пластинок. Проигрыватель — весьма известной марки — расположен на тумбочке под полкой. Выбрав, на ее взгляд, нужную для сего момента музыку, Рита поставила пластинку. Комнату заполнила чарующая грусть бетховенской «Лунной сонаты». Именно она-то и заставила Настю выплыснуть эмоции наружу. Слезы покатились с нарастающей силой. А через несколько минут она уже рыдала вслух, не скрывая скорби.

Рита с силой подняла ее с постели, посадила, прижав к себе, молча гладила плечи. Не было у нее слов, которые могли бы стать утешением девичьему горю.

Выплакавшись, Настя рассказала Рите о случившемся в парикмахерской.

— Я больше не буду работать в редакции, — сквозь слезы, но вполне решительно заявила Настя.

— Не пори горячку, — посоветовала осторожно Рита. — Тебе в университет надо поступать.

— Мне с ним придется постоянно видеться. А я не могу! Не могу его видеть!!! Он стал противен мне до мозга костей! Ненавижу!!!

Настя кричала и плакала. Плакала и кричала... Рита слушала и молчала. Молчала и слушала. И не ушла домой до тех пор, пока Настя с помощью успокаивающих лекарств не уснула.

Утром Рита, прия на работу, сразу же направилась к Гельберту и рассказала обо всем... То, о чем могла рассказать.

— Вот, говорил же! Так и вышло. — Не выдержал Алексей Александрович. — Что мы теперь будем делать без такой машинистки, как Настя? Ума не приложу..

— Выбирайте, Алексей Саныч... Может, на некоторое время Керамова куда-нибудь удалить? — предложила вариант. — Все равно Настя скоро должна ехать в Свердловск, поступать в университет.

— В отпуск его, что ли, снарядить со всеми соответствующими комментариями... — задумался Главный, — ну-ка, позови этого ловеласа, я с ним сейчас поговорю...

О чём и как разговаривал редактор с диктором при закрытых дверях, никто не узнал. Только после обеда появился приказ о краткосрочном отпуске Керамова. Не дожидаясь окончания рабочего дня, Аскер, как побитая собака, под осуждающими взглядами сотрудников редакции, ушёл домой.

А Гельберт поехал к Яновской. Уж, какие слова нашел он для этой девочки, тоже никто не узнал. На работу Настя вышла через три дня. Заранее предупрежденный Главным на планерке, коллектив ничем не выдал своего любопытства. Приняли, словно после крайне тяжелой болезни. Не проявляя ни особого сочувствия, ни особого интереса. И то и другое тщательно маскировалось. Несостоявшаяся невеста так похудела, что не заметить этого было невозможно.

Настя молчала. Только печатать стала еще быстрее. Жестокий урок на некоторое время выбил ее из равновесия, а потом она поняла: надо жить дальше. Надо становиться самой собой и осуществлять задуманное.

«Ты – сильная, – мысленно твердила она, – ты справишься»...

Настя Яновская, убеждая себя таким образом, еще не знала, что быть сильной очень сложно, очень больно... И так одиноко...

* * *

Аскер Керамов чувствовал себя подлецом. Так он еще никогда не вляпался. Инне он ничего не обещал. Про свадьбу она все придумала. Жениться он хотел только на Насте Яновской, потому искренне все эти месяцы обхаживал ее и был уверен, что влюблен в последний раз.

После устроенного любовницей скандала, спрятался у друга, где не было телефона. Поэтому не мог позвонить Насте и хоть как-нибудь оправдаться за постыдный визит «давнишней знакомой».

Когда через две недели Аскер вновь увидел Яновскую – похудевшую и бледную, с ввалившимися глазами, ставшими еще больше и выразительнее от пережитой душевной боли, сердце его переполнила жалость, а желание владеть ею только усилилось. Он заходил в машбюро, пытался заговаривать на отвлеченные темы. Попробовал даже Любовь Матошкину уговорить, чтобы она вышла, дав возможность оправдаться перед Настей. Но та буквально стеной встала на защиту девушки, и ни на какие уговоры не поддалась.

Настя же не поднимала на него глаз, усилием сверхволи сдерживала эмоции и не реагировала на попытки «ловеласа» объясняться с ней наедине.

Аскер не выдержал: подкараулил ее как-то у калитки во двор редакции, поймал за руку и начал торопливо говорить, боясь, что она вырвется и убежит:

– Настенька, солнышко мое, я должен сказать тебе, что ничего не обещал этой женщине. Я только тебя люблю, понимаешь?..

Он не успел договорить. Ее рука – маленькая, но такая сильная – со всего размаха ударила его по щеке.

Аскер опешил. Его никто и никогда не бил. Даже в детстве. В их интеллигентной азербайджанской семье насильственные методы воспитания вообще не принятые. Пощечины причиняли ему не физическую боль: Настины ручки, которые он с такой нежностью и вожделением еще совсем недавно целовал, били по сердцу, по душе. А за одной последовала вторая, третья, четвертая... Он чувствовал, как за этой сценой наблюдают из окон сотрудники редакции. Стыд, обида и боль так захлестнули душу, что выступили слезы. Он стоял молча и плакал... А Настя все била и била его по лицу. В ее глазах сверкала такая ненависть, что невозможно теперь было рассчитывать на прощение. Он это понял и оттого плакал. Впервые из-за женщины, а вернее, из-за девочки, не поддавшейся на него до сих пор неотразимое мужское очарование. До сего момента Аскер Керамов был уверен: нет такой женщины на земле, которую бы он захотел покорить и – не покорил.

Да-а... Что-то в последнее время ему не везло. Стареть, что ли, начал...

* * *

Сложно развивались события в эти дни и в другом конце округа. Апель, словно бы подчиняясь чьей-то режиссуре, завязывал такие узелки, от которых голова шла кругом. Жена Евгения Леонидова Людмила пошла в партком. После раскрывшейся неожиданно тайны она не на шутку заволновалась. Впервые пришлось всерьез задуматься о своей жизни. Сегодня ее статус определялся одним лишь словом – недоучка. После школы выскочила замуж. Евгений устроил ее поваром на буровую. Там у напарницы Людмила и научилась готовить. Когда родилась дочка, стало не до работы, занималась хозяйством.

Учиться? Нет, не хотелось. Ей и без образования жилось легко и комфортно. Муж получает много денег. Хватает для того, чтобы хорошо одеться и вкусно поесть. Каждый год ездила в отпуск к морю, реже – к родителям в родной поселок. Что еще нужно для счастья?

Дочь – красавица. Под наблюдением матери и с помощью воспитателей в детском саду развивается нормально. Радует смышленостью и веселым нравом: в отца пошла. Казалось, Евгений души в ней не чает... После ее рождения, решила сидеть до исполнения семи лет, а потом... Куда-нибудь в контору устроится. Там много таких сидят: все в золотой «оправе» и без царя в голове. Такие же недоучки, как и она. Перекладывают бумажки на столе, сводки какие-то передают в округ, в Тюмень, в Москву. Это несложно. Еще и деньги неплохие получают за свою непыльную работу. И все-то их достояние – занимающий достаточно высокое положение, уважаемый муж, стоящий специалист, которому пойдут навстречу и выполнят все его условия, только чтобы оставался на Севере.

В том, что Евгений Леонидов именно таков, Людмила не сомневалась. О нем пишут газеты, рассказывают по радио, показывают по телевизору. Его ценит начальство, уважают в коллективе. К тому времени,

когда понадобиться для нее работа, она закончит какие-нибудь курсы или поступит в техникум, и тоже будет вполне образованной и достаточно подготовленной для того, чтобы... перебирать бумажки на столе и передавать сводки. Не хуже других.

Так думала про себя Людмила, но после памятного разговора с мужем все ее существо переполнила тревога. Несколько месяцев она подождала. Развивала ее мысли, ссыпалась на усталость и уходил спать. Последний раз она кинулась, было, следом, решительно надеясь получить какой-то ответ, но тот оборвал ее попытки одной фразой:

— Если будешь приставать, вообще с буровой перестану приезжать.

Поплакала, затаилась. Долго решала что делать. С подругами советоваться не стала: прослыть брошенной женой не позволяла гордость. Она всегда была настолько уверена в верности Евгения и в своей неотразимой красоте, что растерялась от обрушившихся неприятностей. И вот, все-таки не выдержала. Пошла в партком управления буровых работ. Без звонка.

До самой последней минуты Людмила не была уверена, что сможет зайти в кабинет и поделиться своей болью с чужим человеком. В конце концов, отчаяние обрело такую силу, что бездействовать и полагаться на волю случая она уже просто не могла. «Только в парткоме нам смогут помочь», — решила она.

Виктор Дмитриевич Попов с удивлением уставился на гостью. С улыбкой пригласил за стол.

— Тебя каким ветром занесло к нам? — спросил на всякий случай.

— Да, вот... Обстоятельства привели, — принужденно улыбнулась, показывая красивые белые зубы.

— Что в партию решила вступить? Так у нас разнарядок на домохозяек нет пока. Чай будешь пить?

— Не до чаев мне сейчас, Виктор Дмитриевич, — тяжело вздохнув, опустилась на стул.

— Случилось что? — почувствовал неладное Попов.

— Да вот — случилось... — опустила голову.

— С кем? С Женей? — удивился секретарь парткома.

— С ним... — Людмила почувствовала, как по щекам покатились слезы.

— Да ты что? — Виктор Дмитриевич растерялся от неожиданности. — И что же такое произошло?

— Влюбился... в другую женщину.

— Как влюбился? В кого? А ты?!

— Не знаю. Я ничего не знаю. Одно только могу сказать — уже несколько месяцев мы не... вместе. Приезжает домой с месторождения, падает на кровать и спит... Один. Почти сутки... Отоспится и снова на работу. А куда уж он там ездит на самом деле, не знаю...

— Дела-а-а... Однако, почему же ты решила, что к другой ездит?

Ведь он и впрямь, постоянно на буровой торчит — все это знают и видят. А что вот так-то... как рассказываешь, отсыпается дома — этому тоже можно найти объяснение: устает. Он же опять — в третий раз! — на рекорд идет. Представляешь?! Это совсем не просто.

— Зачем ему эти рекорды, Виктор Дмитриевич? Вы мне объясните — зачем?

— Что значит, зачем? Он — гордость не просто управления, но и всей территории. А теперь и всей страны! Мы его в Америку хотим послать, — Попов вдохновился. Он очень уважал бурового мастера Леонидова. Молодой, а такой злой в работе. Трудоголик. Двужильный. Дисциплина в его бригаде железная. Бывают замечания по технике безопасности, но все по мелочам.

— Рекорд — это новая высота! — продолжал убеждать секретарь парткома управления. — Это то, к чему должны стремиться все буровые бригады. А он во всех этих начинаниях сегодня — маяк. Показывает, как можно и как нужно работать. У него уже столько последователей! Можно сказать, увлек людей, заразил своим стремлением быть впереди. И управлению от этого хорошо. Все переходящие знамена наши. Премии, в конце концов. Зарплата выше. Он что, деньги не приносит?

— Приносит, — снова вздохнула, — но лучше бы сам дома почаше был. Да поласковее был. А деньги — что от них?

— Ну, вот, видишь, заботится о семье, — обрадовался Попов.

— Да, заботится, — вдруг взорвалась Людмила. — А сам другую любит!

— Не придумывай ничего лишнего, — твердо уверенный в своей правоте, произнес Виктор Дмитриевич.

— Ничего я не придумала! Он сам мне сказал! — она зарыдала.

— О чём сказал?

— Что другую любит!..

Виктор Дмитриевич расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, ослалил галстук, нервно застучал пальцами по столу.

— Это уже хуже. Когда объяснился?

— Три месяца почти...

— Может, уже все прошло? Перебесился? — Надежда прозвучала в голосе Попова.

— Если бы... Еще хуже стало. Молчит все время. Рыбок завел. Сидит, смотрит на них, думает о ней, наверное...

— Ну, почему ты так уверена?! — опять взбесился Попов.

— Да, потому, что сердце мне подсказывает! — Она подняла полные слез красивые глаза. Виктор Дмитриевич невольно залюбовался ею. До чего хороша! И что мужикам надо? Эх, Леонидов! Рядом такая женщина, а он... Видать, и вправду на сторону засмотрелся.

«Не спят вместе... Понятное дело, это еще ничего не доказывает. Хочется поговорить с Евгением придется. А вдруг там действительно аморальной попахивает. Нет! Этого нельзя допустить. Чтобы передовой мастер,

коммунист, вел аморальный образ жизни. Неприятная история. Если этот случай получит огласку, затаскают. И в парткome объединения три шкуры спустят, и в горкоме расчихвостят... И вышестоящие достанут: "Как допустили? Куда смотрели?" Ну, не под одеяло же каждому смотреть, кто с кем спит, а кто не спит. Кто смотрит на чужую жену, а кто только на свою...» — оправдывал себя Попов.

— Людмила, дело это очень неприятное, — предупредил. — Ты должна написать заявление.

— Какое заявление? — она испугалась.

— В котором ты изложишь все обстоятельства... ваших взаимоотношений.

— Ничего я писать не буду, — решительно отреклась.

— Понимаешь, заявление — это основание к разбирательству. Ты потом помиришься с ним и скажешь, что не приходила в партком и ни о чем меня не просила. А так, у меня бумага будет — основание к разбирательству личного дела Леонидова.

— Какого это «личного дела»? — грозно пошла в наступление, поняв, что совершила непоправимое. — Да вы что?! Хотите опозорить его?! Я просто пришла в надежде, что в личной беседе образумите его, припугнете! А вы что удумали? Да он после этого и смотреть на меня не захочет!

— Людмила, я еще раз говорю: без заявления — нельзя. Вот бумага, ручка, пиши!

— Не буду! — упрямко отодвинула от себя белый лист — Я к вам со своей болью пришла, а вы — разбирательством решили меня поддержать. Это моего-то мужа разбирать?! Да он лучше всех вас вместе взятых! Запутался мужик, ему бы помочь, да, вижу — некому. Номенклатурщики вы, а не люди! Без души и сердца! Пошла я.

Встала, одернула модное кремпленовое платье, поправила волосы и направилась к выходу.

Попов ничего не понял:

— Так ты чего хотела-то?

— Мужа в семье оставить. И ничего больше. — Остановилась у двери, взвившись за ручку. — Зря пришла. Вы не способны этого сделать. Считайте, что не приходила. — И вышла, хлопнув дверью с такой силой, что штукатурка посыпалась.

Виктор Дмитриевич пожал плечами: «Черт поймет этих баб!» А про себя решил: мер никаких принимать не будем. Пока... Пока не появятся основания в виде заявления жены Леонидова. Или не вскроется что-либо более существенное, чем слезы обиженней женщины, с которой почему-то супруг не спит уже три месяца... Вот жизни! Чем только не приходится заниматься! Ох, тяжела ты ноша партработника в эпоху разvитого социализма. Потяжелее пресловутой шапки Мономаха.

ПРО ЦВЕТЫ ЖИЗНИ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ

Прощаясь с родным коллективом, расчувствовавшийся Главный раздавал должности, что называется, налево и направо. Несмотря на свои недавние и понятные всем проделки, Аскер Керамов в одночасье стал редактором молодежных программ. Сотрудница, только недавно приехавшая с Украины, о передачах которой Главный отзывался на летучке как низкопробных, написанных на уровне десятого класса, ни с того, ни с сего, была назначена... старшим редактором. В отделе национальных программ тоже обозначилось перемещение: ставшего и часто выпивающего редактора заменила выпускница педагогического училища Ирина Озолина. Она тоже совсем недавно была принята в штат в качестве корреспондента.

На место же самого Гельберта был назначен бездарный журналист, но весьма одаренный подхалим Иван Семенович Николаев, недавно приехавший с Большой земли и проработавший несколько месяцев в редакции окружной газеты. В структуре радиовещания он ничего не понимал, но разве это кого-то волновало? В верхних эшелонах власти — совсем никого. Председателя Гильманова — тоже. Ибо он и сам мало что смыслил в телерадиовещании. А зачем? Разве это так необходимо? Партия сказала: «Надо!» — и... всему научишься. Тем более, что кандидатуру Николаева ему подкинули не откуда-нибудь, а прямо из «белого дома». В подобной ситуации возражать — себе дороже. Главное, были соблюdenы все принципы лукавой номенклатурной раскладки.

Ковеленов остался в прежней должности. В кабинетах шушукались, предполагая, что главной причиной была Татьяна. О ее непредсказуемых выходках знали наверху.

Владимир сделал вид, что не обиделся, хотя вся его «бетховенская» шевелюра доказывала обратное: волосы еще больше торчали в разные стороны, и успокоить их «возмущение» над несправедливыми обстоятельствами он не мог, даже постоянно смачивая их водой.

* * *

Как это и принято, вновь назначенные затеяли импровизированное угощенье для коллектива, чтобы «обмыть» свои должности. В пятницу,

когда все программы уже были подготовлены к эфиру на субботу и утро понедельника, в дикторской, как самой большой комнате, соорудили застолье. Закуска разнообразием не поражала: рыбные фрикадельки местного производства, селедка, лучок, квашеная капуста, принесенная кем-то из дома, овощные консервы... Горячительные напитки радовали не изыском, а количеством.

Виновники торжества, раскрасневшись от выпитого, говорили наперебой, адресуя слова благодарности Гельберту. Окунали приказ о назначении в стаканы, делились творческими замыслами.

— Мы вас еще удивим своими находками. У меня уже есть задумки, — разглагольствовала одна из виновниц торжества. — Могу сейчас кое-что представить.

Представлять ничего не понадобилось.

В разгар всеобщего веселья в дверях дикторской возникла менее всего ожидаемая фигура... Это был секретарь окружкома партии Трифон Аркадьевич Тимофеев. Тост как раз произносил Аскер Керамов. Если бы его пламенная речь не была по обыкновению длинна и витиевата, присутствующие успели бы выпить и за его здоровье, и за назначение. Но всегда многословный Аскер вдруг замолчал на полуслове и уставилсь в одну точку. Этой «точкой» был незваный гость. Сидящие спиной к двери, ничего не понимая, стали потопралывать тостующего. Аскер быстро сел и спрятал свой стакан за спину.

— Руки на стол, — прозвучал грозный голос. К сожалению, его не все услышали, кое-кто начал хихикать. Но повторный приказ, произнесенный еще громче, заставил подчиниться.

— О-о-о!!! Ё-о-о!!! — испугался кто-то, узнав, наконец, в вошедшем Третьего. Светлана Перевалова чуть не упала в обморок, она мгновенно побледнела, руки задрожали, едва не выронив стакан с вермутом. Ирина Озolina медленно поползла под стол. Иван Семенович покрылся крупными красными пятнами... Остальные сидели, опустив головы и положив руки рядом со своими тарелками.

— Что празднуем? — плотоядно поинтересовался Трифон Аркадьевич, подходя к столу.

В ответ — гробовое молчание. Никто из присутствующих, кроме Ковеленова, не знал, как разговаривать с таким высокопоставленным лицом. Да еще в подобной ситуации.

— Итак, по какому же поводу организована коллективная пьянка в рабочее время?!

Первым пришел в себя Аскер Керамов. Придав своему голосу чарующую красоту, застенчиво, но по привычке витиевато начал объяснять:

— Понимаете, Трифон Аркадьевич, это не коллективная пьянка. Просто мы отмечаем сегодня вступление в должность сразу нескольких сотрудников радиовещания. По такому поводу не грех выпить...

— Я вижу, вы уже выпили, — Тимофеев взял бутылку, прочел этикет-

ку. Поморщился, словно, отраву выпил, и стал оглядывать всех пристальным немигающим взглядом, от которого каждому становилось не по себе.

— Да, немножко, — не сдавался Аскер. Бутылки были опорожнены наполовину.

— Думаю, у вас теперь появится еще один повод продолжить застолье: я отменяю приказ о назначениях, а вы, Иван Семенович, в понедельник с утра зайдите ко мне. Чтобы через пять минут в редакции никого не было!

Развернулся и вышел, не сомневаясь, что как сказал, так и будет исполнено.

Насти, как совершенно непьющий человек, начала тихо собирать посуду. Остальные сидели молча, не в состоянии что-либо предпринять. И снова первым пришел в себя Керамов.

— Ну и хрен с ним, с этой должностью! Подумаешь, напугал! Поднял свой стакан и залпом выпил его содержимое до дна. То же самое, но не так решительно проделали остальные мужчины. Поскольку в редакции не принято было оставлять на завтра то, что не выпито сегодня, разлили остатки вермута и выпили еще.

Женщин, как ветром сдуло. Осталась одна Рита.

— И что теперь будет? — спросила она Ковеленова.

— Ты же слышала, — пожал плечами тот. И после паузы: — Какая-то сволочь донесла, не иначе. Чего бы секретарю окружкома партии делать в редакции в конце рабочего дня?! Он сюда на запись и то не всегда приходит.

— Пойдем ко мне, — пригласил Аскер, — надо обсудить ситуацию. Благо есть... с чем обсуждать.

Прихватив непочатые бутылки, мужчины отправились на квартиру Керамова. Обсуждение длилось до поздней ночи.

Очередная неделя ознаменовалась новым приказом. Все назначенные Гельбертом, кроме Николаева, понижались в должности сроком на три месяца. Ивана Семеновича сия чаша миновала. Миновала чаша всеобщего презрения и того, кто донес в окружком о коллективной сходке в студии. Стукачи остались не выявлены. В течение нескольких месяцев в редакции спиртным не пахло... Вольный воздух душевного раскрепощения словно бы выдуло штурмовым порывом начальственного разноса. Пили только чай.

* * *

Жизнь, между тем, шла своим чередом. Пришло согласно календарному «порубежью» и лето.

Насти поручили подготовить репортаж из детского дома. Наконец-то! Она так обрадовалась новому самостоятельному заданию, что ее пальчики порхали над клавиатурой еще быстрее. Весь мир казался залитым радостным солнечным светом — прекрасным и удивительным, теп-

лым и радужным. Ей предстояло рассказать о том, как хорошо живется детям-сиротам, согретым неусыпной заботой советского государства.

Вскоре отправилась на задание. Дом «неусыпной заботы» нашла без труда. Это был деревянный, вросший в землю барак, покрашенный в коричневый цвет с желтыми, уже выцветшими наличниками. Во дворе — ни одного деревца. Песочница, качели, каруселька, несколько скамеек, беспорядочно расставленных по территории; у входа в здание — клумба из автомобильной покрышки. Видимо, скоро в нее высадят какие-нибудь цветочки.

«Ладно... Неприглядно все это, но ведь не только форма определяет суть дела. Главное — заботы о детях. Содержание».

Директор детского дома уверенно держалась у микрофона. Видимо, не первый раз давала интервью сотрудникам средств массовой информации. Рассказала, что детки здесь живут совсем маленькие от года до четырех лет. Потом их отправляют в другой детский дом. Малышей не много — всего три группы; в каждой по десять — двенадцать человек. Собраны со всего округа. У кого-то родители погибли. Теперь попечители ищут родственников, которые захотели бы взять на себя заботы о родной кровиничке; у других — маму и папу лишили родительских прав за безнравственный образ жизни, проявляющийся в систематическом пьянстве. Есть и такие, у кого родители отбывают наказание в местах не столь отдаленных. Еще и подкидыши. Матери-одиночки этот контингент пополняют. А одного мальчика вообще нашли в траншее. Хорошо, что люди добрые не прошли мимо. Услышали крик, подобрали новорожденного, принесли в роддом.

— Об этом в окружной газете писали в прошлом году. Вы, наверное, в курсе, — сказала директор и добавила уверенno: — Про это не надо рассказывать — все уже известно. Да и мамашу уже нашли — девчонка совсем, лет пятнадцати. Мать ее заставила бросить малыша. Они уже обе отсюда уехали. От позора подальше.

Когда про детишек все было сказано, речь хозяйки дома стала еще свободнее, еще красочнее... Что ни фраза, то эпитет, что ни характеристика, то непременно — превосходная степень. Ибо теперь речь зашла о том, какие замечательные люди — воспитатели, нянички, повара, медсестры, уборщицы — работают в окружном детском доме. Как они внимательно относятся к сиротам, берегут их покой. Как от имени государства и по его поручению проявляют о ребятишках заботу.

— Вы понимаете, сколько нужно душевного тепла, чтобы каждый день дарить его чужим детям! И работники нашего детского дома это делают, — заключила Людмила Васильевна Заколюжная. «Хорошо подготовилась. И очень хочется ей верить», — мелькнуло в голове у Насти. Вслух, однако, сказала:

— Я бы хотела посмотреть.

— Что? — удивилась собеседница.

— Детей.
— Зачем?
— Поговорить с воспитателями, с детьми. С теми, о ком вы так убедительно рассказали.

— О чём? Вам что, меня мало? — видимо все предыдущие корреспонденты, побывавшие здесь, довольствовались лишь разговором с Заколюжной. Она поправила и без того безупречно сидевший на ней светлый, дорогостоящий костюм и нервно задвигала руками по столу, перекладывая аккуратно лежащие бумаги.

— Да, мне этого мало, — уверенно произнесла Яновская.
— Хорошо. Я сейчас предупрежу, чтобы подготовили какую-нибудь группу. — Она привстала.
— Не надо никого готовить. Я хочу побывать во всех.
— Но это же... время! Скоро обед...

— Ничего, — прервала ее словесный разбег Настя. — У меня время есть.

— А я, знаете ли, не могу вам больше внимания уделить. Считаю, что вам и моей информации будет достаточно... Можно еще и отчетами воспользоваться.

— А вы мне, собственно, больше и не нужны. Если еще возникнут вопросы, я их задам кому-нибудь другому. Например, воспитателям.

— Да, что они знают, воспитатели! — занервничала Заколюжная. Быстро вышла из кабинета, бросив на ходу: — Подождите меня здесь.

Настя, уже собравшая микрофон, снова положила его на стол и села. Директора не было минут пятнадцать. Вернувшись, она тоном, не допускающим возражений, сказала: «Думаю, вам и одной группы хватит», — и представила женщину, которая вошла за ней следом и выглядывала теперь из-за ее плеча.

— Вот, Нина Дмитриевна, воспитательница старшей группы. Она вам все покажет и, если надо, расскажет. А я поехала по делам.

— Спасибо. Счастливого пути.

В длинном коридоре горели тусклые лампочки. На стенах — руко-писные газеты, правила внутреннего распорядка, меню, какие-то объявления... Настя слепо шла за Ниной Дмитриевной. Четвертую по счету дверь воспитательница распахнула. Комната была светлой, с тремя большими окнами. Вдоль стены — шкафы, на полу ковер, по которому разбросаны игрушки. Дети играли. Одежда на малышах вся одинаковая: фланелевая, в цветную клетку. Но поразило то, что буквально все детки были в синяках — на лбу, на руках, даже на щеках.

— Боже мой! А почему они у вас все в синяках-то? — вырвалось у Нasti.
— дерутся, — пояснила Нина Дмитриевна. — Постоянно дерутся!
— А вы куда смотрите?
— Не успеваем... — начала оправдываться та. — Они же из разных семей, значит, и воспитание разное.

Она еще что-то говорила, но Настя ее не слушала. Была потрясена тем, что дети не обращали на нее внимания, не проявляли любопытства. Их не заинтересовала даже техника. Она уже включила «репортер», и взяла микрофон в руки:

— Я включила микрофон в старшей группе окружного детского дома. Здесь — 12 ребятишек в возрасте от трех до четырех лет.

Мальчик, подойди сюда, давай с тобой познакомимся. Как тебя зовут?

— ...

— Не бойся. Это всего лишь микрофон. В него можно говорить.

— Отвечай, когда тебя спрашивают, — неожиданно раздался резкий тяжелый глас Нины Дмитриевны. Настя даже вздрогнула.

— Саша... — чуть слышно произнес малыш.

— Сашенька, как тебе здесь живется?.. — Мальчик испуганно смотрел на воспитателя.

— Ну?! — подбодрила та. — Скажи: хорошо.

— Хорошо.

— А что вы здесь делаете?

— ...

— Рассказывай, рассказывай! — снова вмешалась Нина Дмитриевна.

— Не мешайте, пожалуйста, вы мне своими грозными приказами всю запись испортите. Я с ребенком разговариваю. И вообще, было бы лучше, если бы вы на время вышли из комнаты. Мне кажется, они вас боятся, — сказала Яновская уже совершенно уверенная в том, что говорит.

— А чего им бояться?

— Не знаю, но чувствую — боятся. Выходите, я вас очень прошу. Все-го на несколько минут. Можете остаться за дверью и послушать оттуда.

— Хорошо, — недовольная Нина Дмитриевна вышла за дверь.

— Как тебя зовут? — снова повторила вопрос Настя.

— Саша, — более уверенно произнес малыш.

— А фамилия?

— Не знаю, — он пожал плечами.

— Давно ты здесь живешь?

— Да.

— Тебе здесь нравиться?

— Не знаю.

— А у тебя есть любимая игрушка?

— Да. Машинка.

— Какая машинка?

— Пожарная.

— А кто тебе губу разбил?

— ...

— Не помнишь?

— ...Воспитательница, — прошептал после продолжительной паузы.

— Ты правду говоришь, Саша?

— Да, — едва слышно прошептал ребенок.

— Вас что, бьют здесь?! — уже не только удивление, но и возмущение, и ужас прорывались в голосе Насти.

— Да...

— Он плохо себя ведет, — вступила в разговор девочка с куклой.

— Да? Ну-ка, подойди поближе. Назови себя.

— Лена.

— А фамилия?

— Не помню. Сашка ей нагрубил... — начала рассказывать Лена, — и воспитательница его ударила, потому что слушаться надо старших.

— А разве детей можно бить?

Настя сама не поняла, как вырвался этот вопрос. Она сидела на корточках. Дети к этому времени окружили ее со всех сторон и смотрели широко распахнутыми глазами на девушку. В глазах не любопытство — тоска.

— Можно, — ответила Лена уверенно. Когда не слушаются — можно. Меня папка тоже бил.

— За что?

— Потому что я плакала.

— А почему ты плакала?

— Он маму бил, а я плакала.

— Тебе было жалко маму?

— Да.

— В чем же ты была виновата?

— Он говорил: не кричи, не кричи! А я кричала.

— Почему?

— Мне было жалко маму, — повторила девочка. У Насти перехватило горло.

— Вам здесь нравится жить? — поборов слезы, выдавила она бойко следующий вопрос.

— Здесь хорошо, — ответила еще одна девочка, смело оттолкнув Сашу, как сломанную игрушку.

— Как тебя зовут?

— Маша... — и добавила: — Денисова.

— Ты давно здесь, Машенька?

— Давно.

— Год? Два?

— С прошлого года.

— Сколько же тебе лет?

— Скоро пять будет.

— И что же тебе здесь нравится больше всего?

— Здесь игрушки есть. Много!

— А еще?

— И тепло. А дома холодно было.

— А еще?

— И вкусно кормят: хлеба дают, сколько хочешь, чай с сахаром, котлеты там всякие дают, картошку...

— Разве дома тебя не так кормили?

— Нет...

— Почему?

— У мамы денег не было.

— А чем твоя мама занималась? Где работала?

— Она нигде не работала. Она водку пила с дядьками плохими.

— А папа?

— А папы у меня нет, — охотно отвечала на вопросы Маша.

— Где же он?

— Не знаю. Нет... И все.

— Ты его не знаешь?

— Нет, я его никогда не видела.

— Ты скучаешь?

— Да... — девочка погрустнела. — Скучаю...

— По кому?

— По маме... Ее скоро вылечат, она меня к себе заберет. — В ее глазах засияли слезы. Девочка отвернулась и отошла.

— Ну, а кто о чем мечтает? Вот ты, например, чего хочешь?

— Я хочу, чтобы меня не били...

— Я хочу, чтобы моя мама не пила и не курила...

— Я хочу, чтобы мама и папа были всегда вместе!

— Я хочу, чтобы моя мама всегда разрешала кушать сгущенку.

— Я хочу, чтобы моя мама всегда была со мной... И даже был папа...

— Тетенька, а вы откуда?

— Я из окружной редакции радио.

— А это что? — показывая на «репортер», спросил мальчик с большими круглыми глазами, похожими на сливы. Насти не стала больше записывать детей, чтобы не бередить их и без того хрупкие души. Вошла воспитательница. Видимо она все же куда-то уходила.

— Ну, как? Ответили на вопросы?

— Мы поговорили, — Насти никак не могла совладать с собственным голосом. Ее била дрожь.

— Что, не получилось? — обрадовалась Нина Дмитриевна.

— Не очень получилось. Маленькие они еще. Давайте, с вами побеседуем. Только не здесь.

Оставив детей на няньечку, Нина Дмитриевна провела Настию в другую комнату, и они весьма продолжительное время беседовали о детях. Воспитательница рассказывала о том, кто и по какой причине попал в детский дом.

— Вы их бьете? — вдруг спросила Насти совершенно неожиданно для воспитательницы.

— Что вы? — ужаснулась та. — Нам никак нельзя рукоприкладством заниматься, — как будто по инструкции, произнесла Нина Дмитриевна.

— Ну, мало ли чего... нельзя. Дети могут из равновесия вывести, — подсказала вариант Яновская.

— Нет-нет, что вы! — Нина Дмитриевна пришла в себя. И уже говорила вполне убедительно.

— А дети говорят, что бывает...

— Ой, да они наговорят, слушайте их больше, — женщина покраснела так сильно, что стало понятно: бывает.

Детей накормили и уложили спать. Настя вышла во двор и села в сторонке на скамейку. Чувство тяжести не покидало ее все это время. Гнетущее впечатление произвел на нее этот детский дом, где вместе с семейной традицией должны были уживаться радость бытия, счастливое детство маленьких граждан страны Советов.

Что-то было не так. Ожидала увидеть одно, воочию увидела совершенно другое. Это увиденное никак не вписывалось в рамки той задачи, которую поставил перед нею редактор тематических программ.

Она включила «репортер» и стала прослушивать записи. Ей хотелось тут же, немедленно понять, что не стыкуется. Чувства и знания необходимо было привести в соответствие... Слушала, ловила интонации и думала в каком ключе теперь обо всем этом рассказывать.

Первый вариант — это дать интервью с «открышкой» и «закрышкой» — эти термины, обозначающие «начало» и «конец» передачи, она уже выучила. Вариант второй: сделать передачу, обойдя все негативы, как будто их не существует. И третий — написать так, как все увидела и поняла, со всеми видимыми и невидимыми «нарывами» не только этого детского дома, но и того общества, в котором эти «нарывы» проявились.

И тут она увидела, что из дома вышло несколько женщин. У каждой по большой тяжелой сумке. Их вес ощущался в напряжении рук. Сверху лежали яркие апельсины. Оранжевый цвет редкого на Севере фрукта привлекал внимание: откуда?! В магазинах апельсины бывают только перед Новым годом. И приобрести их можно, постояв в многочасовых очередях. Именно поэтому новогодний праздник на Севере у детей и взрослых всегда ассоциируется с апельсинами. В торговых точках они не появляются, в городе нет фруктохранилища. Поэтому, когда завозят, на всех, в любом случае, не хватает. Дефицит!

«Откуда же здесь сегодня взялись апельсины?» — лихорадочно думала Настя. Во время обеда на столах у детей их точно не было. Она это видела собственными глазами.

«Значит... значит, воруют?! — чуть ли не с ужасом подумала она. — У детей воруют!.. У таких детей воруют!!!»

Пока она ужасалась, женщины скрылись за калиткой, отделяющей сиротскую обитель от внешнего мира. В этих мирах добро и зло шли рука об руку. Как и везде.

Теперь она знала, за какой вариант передачи возьмется. Конечно же, за третий! Другое писать совесть не позволит.

* * *

Николаев, прочитав передачу, срочно вызвал Настю в кабинет.

— С ума сошла?! — прошипел он.

— В чем дело? — не поняла Яновская. — Плохо написано? Алипову понравилось. Ковеленову тоже.

— Мне плевать, что сказали Алипов и Ковеленов вместе взятые! — продолжало выходить из себя новоиспеченное руководство.

— А на что вам не плевать? — Настя дерзко смотрела прямо в глаза Николаева.

— А не плевать мне на то, о чём ты пишешь! Это что — передача, посвященная Дню защиты детей?! Кто там кого защищает, если воспитатели бьют сирот, а повара крадут апельсины?! Это же прямая аполитичность! Забирай свою передачу и уходи! Я не поставлю ее в эфир! Все!

Яновская пулей вылетела из кабинета Главного. Щеки пылали. Зашла к Ковеленову, положила на стол микрофонную папку, в которой хранились плоды ее трудов.

— Вот, — волнуясь, произнесла она.

— Что? — не понял зам. главного редактора.

— Николаев не берет на себя ответственности за эту передачу.

— Почему? Хорошая передача.

— Нормальная передача. У нас давно ничего такого откровенного не было, — встриял в разговор Алипов.

— А вот он говорит — нельзя, — чуть не плача, прошептала Яновская. Ковеленов, поняв ее состояние, взял микрофонную папку и пошел к Главному. Его не было минут пятнадцать. Все это время и Настя и Николай молчали. Она — думая о том, что воплощает собой бездарность. Он — смущенный ее присутствием.

— Не пробить! — с порога возвестил Ковеленов. — Бесполезно! Как горох об стену! «Не могу, не могу», — очень похоже копируя Николаева, продолжил: «Меня еще не успели назначить, а вы хотите, чтобы уже с работы сняли!» Хрен с ним! Ты только не волнуйся. Отправляй передачу на область... Или стой... Там тоже не пустят. Ведь у нас везде все хорошо и никакой критики без специального на то разрешения быть не может! Сделаем по-другому. Ты с Петькой монтируешь передачу. Втихаря чтоб никто не знал. Я ставлю печать: что передача прошла в эфире 1 июня или какого там числа... Неважно. Ты представляешь ее в экзаменационную комиссию. Пусть хоть какой-то толк будет. — И без перехода:

— Сколько работ тебе нужно для творческого конкурса?

— Не менее трех, — пролепетала Настя.

— А у тебя?

— Это — вторая.

— Ладно, еще одну напишешь. Придумаем что-нибудь.

На том вопрос был исчерпан. Сделали, как задумали. Никто ничего не узнал. Текст с печатью на страницах и смонтированную передачу Яновская унесла домой и никому ничего не рассказала.

* * *

— Слух прошел, будто твою передачу сняли с эфира, — с плохо скрытой издевкой, произнесла Любаша Матошкина, когда Настя вернулась в кабинет.

— Сняли, — подтвердила она спокойно.

— Такого у нас еще не бывало, — продолжала Любаша, — не справилась с заданием?

— Не справилась, — вздохнула Настя.

— Ходила, рабочее время тратила и не сделала, что нужно... — в ее словах прорывалась уже откровенная радость.

— Не всем же быть такими талантливыми... К тому же, я еще только буду учиться; с меня и спрос маленький.

— Это понятно, — не унималась Матошкина. — Но все равно: аппаратуру использовала, выписывала пленки, текст расшифровывала. И все это в рабочее время... И все напрасно... Поработала, выходит, на корзину.

— Надеюсь, вы не очень перетрудились за это время? Может быть, вернемся к прежнему варианту — делить тексты пополам? — сдерзила Настя и посмотрела в глаза Матошкиной.

— Нет, нет, — поспешила отказаться та. — Я просто так сказала.

Долгое время после этого разговора в машбюро не было произнесено ни слова.

* * *

Вскоре в редакции произошло сразу несколько важных событий. После посещения Третьим секретарем окружкома партии радиосарай строительство нового здания значительно ускорилось. Отделочные работы завершились за полтора месяца, и редакция переехала в готовое помещение. К этому времени из Москвы уже поступило новое оборудование, что очень обрадовало, прежде всего, инженерно-технический персонал. Новая аппаратура была капризной, но более совершенной. Все старые МЭЗы расставили по кабинетам. И теперь журналистам не надо было занимать очередь, чтобы расшифровывать тексты в единственной аппаратной.

Просторные кабинеты радовали белизной, светом и уютом. Мебель для них купили удобную, комфортную. В просторном фойе установили большое зеркало, журнальный столик и кресла для курящих. Коридор был широкий, хорошо освещенный лампами дневного света. Технари расположились в одной половине помещения, творческий состав — в другой. Теперь не стыдно было пригласить на запись высокопоставленных гостей, в том числе и иностранцев, чего раньше делать категорически запрещалось.

Дикторскую и эфирную аппаратную разделяло огромное — в двойной раме — окно. Кроме того, была оборудована еще монтажная аппаратная и большая звуконепроницаемая студия.

С переездом в новое здание объем вещания увеличился. Штатное расписание — тоже. Трифону Аркадьевичу Тимофееву удалось выбрать двухкомнатную квартиру под общежитие для новых сотрудников радио. Это обстоятельство сыграло свою положительную роль — с Большой земли приехали сразу два специалиста. Правда, им пришлось некоторое время пожить в гостинице, но своего угла они все-таки дождались.

Когда Настя вернулась из Свердловска, где сдавала вступительные экзамены в университет, в макбюро стояло уже три стола, тоже в расчете на вакансию. Кабинет был угловой, с двумя большими окнами, специально оборудованным местом для чаепитий: электрическим алюминиевым чайником, большим самоваром и чайным сервисом на двенадцать персон.

Несколько дней все ходили чумные от счастья. В некоторых кабинетах укрепилось мнение, что... не приди тогда Тимофеев в радиосарай, возможно, до сих пор сидели бы там, дожидались милости вышестоящих органов. Видимо, его поразило, в каких условиях работают люди идеологического фронта, за который он нес прямую ответственность.

На радостях о пережитых мгновениях неудавшегося застолья теперь вспоминали не только с шутками, но даже с долей некоторого умиления.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

МОЛНИЯ В СЕРДЦЕ

Телефонный звонок ворвался так неожиданно и резко, что Рита вздрогнула. Короткие и настойчивые трели призывали: возьми трубку. Она вскочила с раскладушки, отложила книгу, которую увлеченно читала. Вернувшись в реальность, кинулась к столу, где во всю трезвонил телефон.

– Это номер 23532?

– Да...

– Вас вызывает Тюмень. Будете говорить? – поспешил, неприятным голосом произнесла телефонистка.

– Да-да!

Сразу поняла: звонит Алексей.

– Рита!?

– Да, да, да! – твердила она.

– У меня защита диплома. Приезжай!

– Я? – вопрос прозвучал недоуменно.

– Кто же еще? Конечно, ты!

– Не могу, Алеша. У нас сейчас начались отпуска, добрая половина редакции отсутствует. Меня не отпустят.

– Рита, такое бывает один раз в жизни! Уговори, отпросись, ну, сделай что-нибудь! Ты же все можешь! Когда захочешь... – добавил обреченно.

Вот ведь незадача: поездка в Тюмень никак не вписывалась в ее планы. На следующей неделе предстояла командировка в Сургут. Не в правилах корреспондентов отказываться от поездки по заданию. Тем более что полугодие заканчивалось, а план по командировкам, заложенный на этот период, выполнен не был. Поэтому на последней летучке уже новый Главный распределил весь свободный творческий состав по населенным пунктам вплоть до редакторов и заведующих отделами. «Иначе премии коллективу не видать», – так и заявил.

Но, вот что любопытно: эти премии обычно получали работники аппарата и бухгалтерия, машинистки, уборщицы, инженерно-технический состав и, конечно, первые руководители. Хотя в командировке ездили лишь пишущие работники, труд которых компенсировался лишь гонораром. Зачем им премии?.. На вдохновении проживут!

— Я тебя очень прошу, прилетай, — снова настойчиво прозвучало в трубке.

— Алеша, я ведь и, правда, не смогу.

— Эх, ты... А я так надеялся на эту встречу! Такое событие! После распределения даже не знаю, где и когда мы еще сможем увидеться.

— Алеша, позвони мне сразу же, как только защитишься. Прямо на работу. В пятницу я буду еще здесь. У меня тут неотложные дела, а в субботу улетаю.

— Я уже и представить не могу, как ты выглядишь. Не виделись полгода.

— У нас вся жизнь впереди, еще успеем надоесть друг другу, — она говорила так, словно между ними давно все было решено. Будто он уже сделал ей предложение, и она приняла его. И день свадьбы назначили. Осталось всего ничего — поставить штамп в паспорте.

— Ты так думаешь? Мне кажется, ты никогда мне не наскучишь. К тебе вообще очень трудно привыкнуть. Ты всегда такая разная...

— Спасибо за комплимент. Давай, до пятницы!

— Я... ты все сама знаешь.

— Знаю, знаю. Я — тоже...

Она первой положила трубку. Что-то обеспокоило ее. Сама не поняла, что именно. Все звучало в их диалоге, вроде бы, искренне. Тогда почему же так неуютно на душе?..

Чуть позже поняла: да, она очень хочет поехать к Алексею. Вспомнила собственную защиту диплома. Вспомнила, что тогда рядом с нею были самые близкие люди: родители, друзья, которые обожали ее и с которыми она все пять лет постигала сложную профессию — журналист.

Ближе к ночи ее желание возросло до такой степени, что она готова была все бросить и уехать в областной центр. А там будь что будет.

Едва дождалась утра, чтобы поговорить с главным редактором. Но тот сразу остудил ее пыл категорическим отказом. «Это не Гельберт, — с тоской подумала Рита, — тот бы ее понял. Может быть, сейчас решается ее судьба... Не может быть, а точно», — тут же поправила она себя и сделала это без тени сомнения.

* * *

Когда Алексей звонил Рите, ему и в голову не пришло, что Марина, узнав у его друзей о дате защиты диплома, сама, без приглашения, приедет в столицу деревень — Тюмень. Найдет аудиторию и будет сидеть как мышка, наблюдая и гордясь, как ее любимый четко, уверенно и спокойно отвечает на вопросы членов комиссии и оппонентов. Грели ее душу и отзывы, в которых давалась высокая оценка дипломной работы Алексея Серебрякова.

А когда все завершилось, она прорвалась сквозь толпу поздравляющих и обняла новоиспеченного специалиста с искренним жаром любви, на какую только была способна.

Присутствующий здесь же фотограф, а вернее, просто институтский друг Алексея, запечатлел этот исторический момент на пленку. Он решил, что это приехала любимая девушка Алексея, и делал снимки с особым удовольствием. Несколько ошалев от успеха и поздравлений, Алексей медленно приходил в себя. Ребята предложили отметить событие в ресторане, но после недолгих дебатов решили взять ящик шампанского и собраться на квартире у одного из тюменских друзей.

— Если нужно помочь, я с превеликим удовольствием, — заявила возбужденная Марина.

— В смысле? — не понял Алексей.

— Ну, приготовить закуску и прочее.

Серебряков как-то не рассчитывал на участие своей односельчанки в этом торжестве, но друзья о подобном варианте не догадывались и ничего не поняли. Они все думали, что Марина — это та самая девушка, из-за которой мучался и страдал их бывший командир студотряда. И Маринино предложение приняли поэтому с восторгом.

— Конечно! Это замечательно!!!

— Вы просто прелесть! — заметил кто-то из ребят.

Деньги у Алексея были. Помимо студенческой стипендии он получал доплату из родной рыболовецкой артели, где когда-то работали его родители, да и он сам. Последнее время особых расходов в Тюмени у него не было; увлекшись гитарой, в магазин не ходил несколько недель, а потом сидел в читальном зале усиленно работая над дипломом. Он ссудил ребятам средства и выторговал для себя час-полтора, чтобы съездить на телеграф. «Позвонить кое-куда надо... Срочно».

Марина поняла — куда именно он собрался срочно звонить. Но ее уже очень увлекла роль любимой девушки Алексея Серебрякова — видного парня, отличного студента, пользующегося непрекаемым авторитетом среди сокурсников и, очевидно, в будущем хорошего специалиста-строителя с определенными перспективами. «Я его так сильно и преданно люблю, что могу отаться даже на тротуаре. Если бы он, конечно, захотел». — Этих затаенных мыслей она не стыдилась.

Алексей запрыгнул в автобус, Марина осталась с друзьями. Все спешили, всем хотелось как можно скорее сесть за стол и расслабиться. Чтобы отойти от забот, которые держали их в напряжении в течение нескольких месяцев.

Сгорал от нетерпения и Алексей. Он трепетал оттого, что через несколько минут услышит голос Риты. Она может им гордиться: защита диплома прошла на «отлично». Теперь надо подождать несколько дней, чтобы получить корочку и направление на работу. Куда-то его распределят? А вдруг в окружной центр?! Вот было бы здорово! Оказаться в самое ближайшее время рядом с Ритой — такое счастье!

Мысли, обгоняя одна другую, носились в голове. Они так быстро переключали время, что он не заметил, как доехал до телеграфа.

«Хоть бы не занято было», — успел он подумать, когда его пригласили в кабинку.

— Здравствуйте. Мне нужна Рита Васильева, — произнес он взволнованно. Может, слишком взволнованно...

— А ее нет, — ответили ему равнодушно. Сказано это было за тысячу километров от Тюмени, а равнодушие все одно ощущалось.

— Как? — этого он абсолютно не ожидал. — Где же она?

— Ушла в загс.

— Зачем?! — растерялся он.

— Молодой человек, вы что, не знаете, зачем ходят в загс? — неслось из далекого окружного центра. — Сегодня пятница, день регистраций, единственный день на неделе, когда у нас регистрируют новобрачных.

— А с кем она ушла? — потерянно спросил Алексей?

— У Риты Васильевой — один мужчина. Она на протяжении вот уже нескольких месяцев ходит только с ним. И больше ни с кем, — продолжал невозмутимо голос. — Вы разве не знаете этого мужчину?

Ему показалось, что на другом конце провода над ним откровенно смеются.

— Я не знаю никого мужчины Риты Васильевой! Передайте ей привет и поздравления от Алексея Серебрякова из Тюмени!

Он резко хлопнул трубкой по аппарату. В голове звенело: Рита ушла в загс?! Так вот почему она не смогла приехать к нему на защиту диплома! У нее безотлагательные дела...

Но... почему же она не сказала все честно? Ну, влюбилась, всякое бывает... Как же так?..

Сел на скамейку у здания телеграфа не в состоянии двигаться.

— Ничего не понимаю... — он даже не заметил, как заговорил вслух. Какой-то парень преложил ему закурить. Видимо, видок был еще тот, если даже незнакомый человек понял, как ему хреново.

— Спасибо, — машинально взял сигарету, закурил. — Нет, нет, нет, не может быть! — не хотело мириться с услышанным его сознание.

Не знал он, сколько просидел на той скамейке. Может час, может, минут тридцать. Потом созрело решение: надо перезвонить. Может, она уже вернулась. Впрочем, почему она должна после регистрации вернуться в редакцию? Как этот мужик сказал? «Она ушла в загс... Сегодня пятница... Единственный день регистрации... Один мужчина все эти месяцы»... Господи, какой кошмар!..

Все-таки, перезвонил. Тот же голос и все так же безрадостно, монотонно произнес:

— Рита Васильева в загсе. А кто ее спрашивает? А-а, это опять вы, молодой человек? Ничем не могу помочь, ее нет, — и положили трубку.

Алексей не нашел что еще сказать. В окружном центре у него никого из знакомых не было. Так хотелось узнать, что это за мужчина, с которым его любимая девушка ходит уже несколько месяцев, а он ничего

не знает. И вот, наконец, она дошла с ним до загса. А его, Алексея Серебрякова — по борту...

«Ты научился играть на гитаре?» — вспомнил он недавний разговор. Сколько было удивления тогда в ее голосе. Стоп: удивления или насмешки?

— Идиот! — обозвал он себя вслух. Но следующие размышления зазвучали уже как обвинительный приговор: «Почему ты решил, что она тебя любит? С чего ты взял? Да она все это время смеялась над тобой!»

Он шел по центральной улице города быстро, зло, уверенно, словно уже принял решение, хотя на самом деле в мыслях был полный разброд. Просто ругал себя как мальчишку, обманутого такой опытной соблазнительницей, «зелетной», «командировочной», «городской»...

«Да у нее таких, как ты — в каждом населенном пункте округа!» — издавался сам над собой, вспоминая слова Маринки, высказанные еще в Долгом Плесе.

И все-таки было очень больно! Обида захлестнула его, но он подавил слезы. Нет, в таком состоянии он не должен показываться перед друзьями... Они приняли Маринку за его девушку? Пусть будет так! — пришло, наконец, решение. — Пусть так и будет...

Он сел на скамейку в яблоневом саду на главной площади города. Молодые мамаши катали коляски с карапузами, влюбленные парочки сидели в тени, взявшись за руки, яблоневая свежесть кружила голову.

Все вокруг были счастливыми... Казалось, счастье это излучали солнечные нити, пробившиеся сквозь листву и отражающиеся в улыбках многочисленных мамочек, степенно прогуливающихся и обсуждающих секреты материнства друг с другом. Счастье светилось и в глазах молодых пар. У них все это еще было впереди. Но для себя они,казалось, уже решили, что это — будет. И единственный в мире человек сидит рядом, он нежно и все же уверенно держит руку своей возлюбленной и сгорает от нетерпения: когда же наступят сумерки и уже можно будет, не сдерживая свою страсть, целовать пухленькие, слегка капризные губки по-други, такой очаровательной и желанной. Нетерпение сквозило во взгляде, в жесте, в тихом голосе.

В этом местечке Тюмени царствовала любовь, и Алексей ощущал это. Одиночество стало невыносимо. Докурив очередную сигарету и почувствовав легкое головокружение от беспрестанного «дымления», он направился к друзьям.

* * *

Проснулся Алексей от тупой головной боли. Это была расплата за чрезмерность во всем: употреблении шампанского, курении, бурном общении с друзьями, песнях под гитару, которые исполнял, пока вновь образовавшиеся мозоли не заставили его отложить в сторону музыкальный инструмент.

Делая невероятные усилия, пытался вспомнить весь вчерашний вечер. Ничего из этого не получилось. Какой-то гул стоял в голове и мешал ему восстановить подробности такого длинного, переполненного радостью и печалью дня.

Неимоверные усилия воли привели к частичному восстановлению утраченной памяти. С некоторыми провалами, но постепенно картина дня начала проясняться.

Итак – защита диплома. Это он хорошо помнил. Ощущение радости по этому поводу вернулось, наполнило жизнью все его тело, распластанное бревном на кровати. От этого воспоминания на некоторые мгновения даже голова стала меньше болеть. Затем – Марина, повисшая на шее и произносявшая какие-то чрезмерные, излишние слова. Ее искренняя радость и сейчас была ему приятна.

А дальше? Сердце остановилось и заныло в необъяснимой тоске. Что-то случилось потом такое, от чего почувствовавший некоторое облегчение организм вновь утратил жизненные силы и стал тяжелым бревном – без рук, без ног. И, кажется, даже без головы, потому что никаких мыслей в данный момент в ней не было.

Ах, да! Звонок Рите!.. «Она же вышла замуж!» – пронзило воспоминание как электрическим током. – Она вышла замуж в тот самый момент, когда он, стоя у доски на кафедре, защищал свою работу – труд пяти лет его пребывания в Тюменском строительном институте...

Потом чужой, сначала равнодушный, а затем язвительный голос не без удовольствия сообщил ему о том, что Рита ушла в загс. И ушла она туда со своим единственным мужчиной, с которым не расстается на протяжении всех последних месяцев.

«А кем же тогда в ее жизни был я? – задал себе вполне резонный вопрос. – Какая теперь разница?! Все – в прошлом. И ничего нельзя изменить». Эта мысль причинила столько боли, что он застонал и заскрипел зубами.

– Что с тобой? Тебе больно? – прозвучал тревожно Маринин голос.

Если бы мог, он бы вздрогнул. Но его тело – бревно. Вздрогнуло сознание: «Марина?! Почему здесь?! Почему в одной постели с ним?! Боже!!! Только этого сейчас не хватало...»

– Алешенька! Миленький! Родной мой! Тебе плохо? У тебя испарила на лбу, – она вскочила, где-то нашла полотенце и стала усердно вытирая его мокрое от нахлынувшей слабости или от слез лицо. Она что-то лепетала бессвязно-приятное. Целовала его глаза и плечи и вся дрожала от охватившей ее страсти.

– Ты почему здесь? – едва выговорил он.

– Как почему? Ты же помнишь, что вчера защищал диплом, а потом мы все собрались у Юры Рябинина на квартире. Его родители в отпуске. Ну? Помнишь?

– ...

— Купили ящик шампанского. Ты еще деньги дал...

Это он тоже вспомнил.

— Я приготовила ужин. Ты немножко припозднился, но пришел довольноый и решительный...

Он застонал. Марина замолчала на некоторое время. И снова спросила:

— Ты что и, правда, ничего не помнишь?

— Нн -е -е — тт! — сквозь зубы, едва выговорил он, хотя именно это-то еще помнил. Вернее, вот сейчас вспомнил. — А дальше? — почти прошептал.

— Дальше? — подхватила она, радуясь, что Алексей проявил хоть какой-то интерес к ее речам. — Дальше ты так веселился, что я просто удивлялась! Алешенька, ты так юморил, мы просто покатывались все со смеху! И пел... И когда ты только так научился играть? — ее глаза были совсем близко. В них отражалось недоумение, перемешенное с тревогой.

«Она боится ответа», — понял он.

Всем телом Марина прижалась к нему, одной рукой приобняв за шею. От близости девушки, лежащей сейчас рядом с ним в постели, могло бы возбудиться любое мужское естество. Но не его, не Алексея Серебрякова одеревеневшее тело. «Откуда у нее взялась ночная рубашка в чужом доме? Тем более что никто даже предполагать не мог, что она будет здесь ночевать», — пронеслось вихрем в голове.

— Было дело, — вновь заставил себя заговорить Алексей.

— Знаешь, все получилось очень здорово! И друзья у тебя хорошие! Так весело было!!! И уморительно! Особенно, когда вы спирт с шампанским стали мешать, — она откинулась на подушку и засмеялась.

«Ах, вот оно что! Вот почему все тело не мое и голова разрывается от боли!» — понял Алексей. Он уже начал о чем-то догадываться. О том, что тревогой жило в подсознании с тех пор, как он обнаружил рядом с собой Марину.

— Дальше! — сделав над собой усилие, приказал он.

— Что дальше? — она мгновенно посерезнела. — А дальше они все ушли — вызвали такси и разъехались по домам. А так как ты был очень пьян, они оставили нас в этой квартире.

— И что? — обреченно задал он еще один вопрос.

— Ничего. Я тебя разделя, уложила и... Мы всю ночь любили друг друга... — потупив взор, чтобы не видеть его глаз, довершила свой рассказ Марина.

Он хотел вскочить и даже приподнял голову, но тут же все поплыло перед глазами, голова закружилась, и Алексей, рухнув на подушку, заскрипел в отчаянии зубами.

— Алешенька! Чего ты так испугался? У нас все было нормально... И ты был таким нежным и ласковым... (Она не сказала при этом, что в пьяном бреду Алексей все время выкрикивал имя «Рита».

Она сумела оценить ситуацию и использовала ее в свою пользу. Ей казалось, что она очень умная женщина. И все получилось, как нельзя лучше). Я думаю, что как порядочный человек, ты теперь должен сделать мне предложение, — заключила она после довольно продолжительной паузы. Но сказала это как-то не вполне уверенно.

Алексей, однако, не заметил ни смятения, ни паузы, ни затаенного сомнения... Молчал. В темпе польки заплясали мысли в голове. Он ничего не мог ей сейчас сказать. Он даже встать не мог, потому что спирт, перемешанный с шампанским, вырубает даже самого сильного напоившего. А он вчера был не тем сильным человеком, которого любила Рита Васильева.

Какой далекой звездой показалась она ему сейчас! Какой малой астрономической пылинкой почувствовал он себя в эти минуты. Вот так: сильного, мужественного, неглупого человека жизнь повергла в прах...

Как порядочный человек он обязан жениться на Марине. На женщине, которую он не любил, не любит и вряд ли полюбит. А, собственно, какая теперь разница: на ком жениться? Эта — хоть сама его любит. Да еще как! Может, этого будет достаточно для полусчастья. Ведь полное счастье — не каждому дано. Его надо как-то заслужить. Он — не заслужил. Значит, так тому и быть.

Заметив его смятение, Марина обрела уверенность и пошла в очредное наступление.

— Я тебя не тороплю. Ты не думай. Кстати, ни у кого из ребят даже подозрения не возникло, что ты — не меня ждал вчера... — помолчала, вздохнула, как всхлипнула, и докончила с некоторым усилием:

— Что не я — твоя любимая девушка...

Пауза повисла в комнате как секира над головой приговоренного. Она ждала. Она очень надеялась, что хоть сейчас, в этот решающий момент, он опровергнет ее слова. Нет. Не стал он обманывать ни себя, ни ее. Похмельное состояние не позволило выговорить лишние слова, или рассудок начинал шастать по извилинам мозга, ища выход из положения?

Марина не выдержала, бросилась к нему на грудь, обливаясь слезами, целуя, приговаривала:

— Алешенька, миленький, я буду так любить тебя! Ты никогда не пожалеешь, слышишь? Никогда! Ну, хочешь, брось меня! После всего случившегося — брось! Я не гордая — прошу... Но все равно любить тебя не перестану. Подожду, когда тебя бросят, и ты все равно ко мне вернешься. А что это так и будет, я знаю. Уверена!

Алексей слушал ее вполуха, не вникая. Он чувствовал и понимал в тот момент только одно, что не может подняться и уйти. Ему не хотелось даже погладить ее по голове в порыве утешения. Рука не поднималась. И уже не голова, а душа зазвенела от образовавшейся пустоты. Ничего в ней не было в тот момент: ни сочувствия, ни тепла, ни любви,

тем более. Ни веры в свое счастливое будущее. Не могло его быть, этого счастливого будущего без Риты. Он это точно знал.

В какой-то момент Марина поняла, что больше напрягать его не следует. Она пообещала приготовить ему чай с лимоном. Пока ходила, Алексей погрузился в сон. Или сделал вид, что спит. По крайней мере, тревожить его она не стала. Глаза закрыты, значит, спит. А он просто в эти мгновения не хотел никого видеть. В конце концов, теперь с ней придется общаться до самой смерти. Алексей даже вздрогнул от этой мысли, но глаза не открылся.

Друзья пришли вечером. Марина – в роли хозяйки хлопотала на кухне. Алексей все же спал и после крепкого чая с сахаром почувствовал себя несколько лучше. Однако на душе было по-прежнему паршиво.

– Ну, как? – подмигнул Юрка, кивая на Марину. – Получилось?

– Что ты имеешь в виду? – смущился Серебряков.

– Да, ладно, ладно, чего уж там... Она же сама тебя от нас оберегала и выпроводила всех, – ребята дружно гыкнули, понимающие глядя на Алексея.

– Что значит выпроводила?

– А то, что, когда ты рухнул, мы тебя перенесли на кровать. Марина попросила: подарите нам эту ночь. Мы подумали-подумали и решили такой подарок тебе организовать. А когда вернулись, она уже была в ночной рубашке. Что прикажешь предполагать?

– Ничего, – сквозь зубы проговорил Алексей. А про себя подумал досадливо: могла бы ничего не афишировать.

Стол вновь накрыли. Здоровье решили поправлять сухим вином. Алексей чуть-чуть выпил и отставил бокал.

Когда собирались домой, зашел зачем-то в спальню. Марина пошла следом. Прикрыв за собой дверь, тихо спросила:

– Тебе показать?

– Что? – не понял Серебряков.

– Простынь...

– Какую простынь?

– Ну, ту, на которой мы спали? Сегодня ночью...

Алексей посмотрел на аккуратно заправленную кровать.

– Н-н-е надо, – пожал плечами равнодушно. Ему стало не по себе от того, что грязное белье останется на обозрение чужих глаз.

– Выстирать бы не помешало, – неуверенно предложил он Марине.

– Ты не беспокойся, я завтра приду сюда убирать после всех этих... торжеств. Тогда и выстираю.

– А если сегодня кто-нибудь здесь спать надумает, – не унимался Алексей.

– Я уже все узнала. Юрка спит обычно в своей комнате, ребята – Санька с Генкой – в зале расположатся. А это – спальня родителей. Ее никто не займет. Им неудобным это кажется.

* * *

Жизнь несла его по ухабам обстоятельств. Он не хотел им подчиняться, но и сопротивляться достойным образом тоже не мог. Для этого не хватало ни сил, ни желания. Марина, угадав его состояние, не лезла с навязчивой нежностью, не говорила о любви. Даже не прижималась так, как раньше, к его вялой равнодушной руке. В эти дни их взаимоотношения были похожи скорее на родственные.

Таким слабым, беззащитным он не был даже после смерти матери. К тому же, тогда жители всего села выражали ему сочувствие, поддерживали и словом и делом. В данной же ситуации сочувствующих не было.

Получение диплома и последовавшее за этим распределение не могли вывести Алексея из состояния оцепенения. Когда ему объявили место работы, он даже обрадовался: хорошо, что не в окружной центр, а в Сургут. Там не будет Риты... И гораздо лучше строительная база. Один домостроительный комбинат чего стоит. Значит, будет много работы... Значит, он меньше будет находиться дома... Значит, он реже будет видеть это... чужое лицо...

Марина водила его по городу. Она уже вполне ориентировалась самостоятельно в этом шумном, грязном, многолюдном областном центре. Делала, как ей казалось, совершенно необходимые покупки. Он не вникал. Даже не понимал, что покупает Марина и зачем.

В постели вместе, после памятной вечеринки, они больше не были. Но однажды Серебряков неожиданно для себя оказался в загсе. Оказывается, они подали заявление и через три месяца должны зарегистрироваться.

«Ну и что? — вяло подумал он. — Какая разница, на ком теперь жениться?»...

И все же что-то не давало ему покоя. Не разобрался. Не мог понять. Но какой-то червячок внутри точил, вызывал сомнения по поводу той ночи. Со временем этот червячок стал расти, и обрел такие гигантские размеры, которые уже не могли подавлять сомнений. Наоборот, теперь сомнения начали грызть его изнутри.

Марина же после подачи заявления в загс уехала в Долгий Плес. Чтобы подготовиться к предстоящему переезду и к свадьбе, которую она предлагала спровести в родной деревне сразу после регистрации.

Серебряков остался в Тюмени. Ему надо было завершить свои дела. Какие? Он и сам толком не мог сказать. Так, мелочевка всякая: сдать книги в библиотеку, выписаться из общежития, собрать вещи... Он понимал, что, прежде всего, не хочет ехать в Долгий Плес с Мариной в качестве жениха. Он вообще с ней не хочет никуда ехать!

Она уехала из Тюмени, и ему показалось, что в город стал просторнее, а дышать ему стало легче...

* * *

Однажды вечером Алексей вновь позвонил Рите. Не выдержал. Боялся, что она уже переехала на квартиру к мужу и что трубку возьмет не Рита, а чужой человек, которому теперь принадлежала его самая любимая женщина. Тогда он сделает вид, что ошибся номером. Но... Он хотел услышать ее голос. Он хотел наговорить ей множество обидных слов, может, оскорбить. Сделать так больно, как больно теперь ему, Алексею.

Ничего не подразумевающая Рита Васильева в это время переживала радость победы. В областном творческом конкурсе, итоги которого подвели ко Дню радио и телевидения, она была признана лучшей среди молодых авторов в номинации «Надежда». Союз журналистов выделил ей путевку на Черном море. Правда, пока она не знала куда именно. Об этом сообщало областное радио. Ей казалось, об ее успехах узнала вся страна. И среди этого многолюдья, конечно же, Алексей Серебряков. Поэтому, когда прозвучало его напряженное «поздравляю», ей даже в голову не пришло, что оно относится к чему-то другому. Она еще не знала, что он уже давно не слушает радио. Ему не до того...

— Спасибо, — весело ответила, — как диплом? Надеюсь, — отлично?

— Ты угадала...

— А почему так грустно? Что-то случилось?

— Меня распределили в Сургут...

— Жаль...

— Чего жаль?

— Я надеялась, что ты добьешься работы в окружном центре.

— Там больше перспектив...

— Понятно. — Она почувствовала в его тоне что-то чужое. А Алексей, забыв про главную цель своего звонка — смертельно обидеть, — вдруг заговорил совсем о другом.

— Почему ты не спросишь, зачем я звоню?

— Зачем ты звонишь? — автоматом спросила Рита.

— Я звоню сказать тебе очень важную новость.

— Да?

— Да... Почему ты не спросишь, что это за новость?

— Что это за новость? — все еще игриво продолжала Рита диалог.

— Я женюсь...

— Да?! — удивление, словно бомба разорвало все внутри. Обломки построенного за несколько месяцев храма, где поселилась, росла и расцвела Любовь, обрушились в той комнате, где она стояла с телефонной трубкой в руке. Онисыпали ее такой болью, что все остальноеказалось уже не важным.

— Да... Почему ты не спрашиваешь, на ком я женюсь?

— На ком же? — Она уже все поняла. Сердце подкатило к горлу. В висках застучало. Ей показалось, она сейчас потеряет сознание.

— На Марине.

— ...

— Почему ты молчишь?

— А что ты хочешь услышать? — едва выдавила из себя, задушив слезы в голосе.

— Ну, тоже поздравь меня.

— Поздравляю...

— Ты не рада?

— Очень... Очень рада! Просто безумно рада! Ты даже не представляешь, как я рада!!! Будьте счастливы! — Она кинула трубку на рычаг.

Ну, вот и все. Теперь уже совсем все. «А чего ты ждала, дорогая, — спросила сама у себя. — Это было ясно еще полгода назад».

...Дождь барабанил по крыше. В его монотонном стуке звучало отчаяние. Оно пробивалось в сознание и пробуждало воспоминания о недавно прошедшем по большому счету трагическом событии, которое отнимало все, чем она жила последние месяцы. Сознание отказывалось воспринимать услышанное. А дождь все усиливался и усиливался. Вдалеке, сквозь толщу туч, сверкали молнии и доносились раскаты грома.

«Все смоет дождь, как смоют горе слезы. Душа вновь очистится и придет в порядок. За скорым и шумным дождем выглянет солнце. Ветер, разогнав бушующие рваные облака, погонит их с небосвода дальше, в другие края. И там над кем-нибудь обрушит свое отчаяние и гнев. А здесь солнечные лучи поспешат озарить умытую землю, больную, израненную предательством душу и согреть все вместе своим теплым ярким светом, вселяющим надежду и уверенность на дальнейшую жизнь».

— Что он наделал?! — барабанили в душу, как капли дождя, словно подчиняясь их ритму, слова: — Что же он наделал?! Как мог? Сумасшедший...

А потом, когда слезы высохли, зачем-то вернулись воспоминания о 8 Марта и его песня по телефону:

«Ты у меня одна...»

Так я у тебя одна?

* * *

Все-таки, он решился и пришел на квартиру к Рябинину. Вроде бы как попрощаться перед отъездом. Ведь разъезжались все в разные стороны на неопределенный срок. Но это — видимая причина. Основным было желание выяснить подробности вечера, когда обмывали защиту диплома. Алексей не знал, как повернуть разговор в нужную сторону. Боялся, чувствовал стыдливое неудобство перед товарищем.

— А ты знаешь, я был тогда в таком состоянии, что ничего не помню... — натянуто рассмеялся Серебряков.

— Да уж, это было заметно, — подтвердил Юрий. — Ты, как зашел, по-моему, уже ничего не помнил. Мы еще с ребятами удивились — что с тобой. Может, что-то случилось, пока ты ходил звонить. Кому? Домой, родителям? Ой, я забыл... они же умерли... Извини.

— Да, ладно... Девушке я звонил.

— Девушке? Какой? У тебя что, есть еще одна девушка?! Ну, ты даешь, Серебряков!

— Не еще одна, а единственная.

— Как? А Марина? Марина кто?

— Марина из Долгого Плеса. Мы жили в одной деревне, вместе выросли. Знаешь, так получилось, что вроде бы дружили... Пока Риту не встретил.

— Где?

Серебряков кратко объяснил, где и когда он познакомился с Ритой Васильевой.

— То-то я заметил: что-то не так в ваших отношениях. Тогда еще. Она — к тебе ластится, а ты — от нее чуть ли не шарахаешься.

— А как же мы в постели одной очутились? Стыдно, конечно, задавать такой вопрос, но я и правда ни хрена не помню.

— Да, все Колька Бутырский. Предложил «северное сияние» попробовать. А ты развеселился: давайте. Ну, поскольку твое «отлично» против нашего «хорошо» имеет больший вес, тебе и отвалили больше. Никто и не подумал тогда о последствиях. Ты выпил — и быстро, просто почти мгновенно вырубился. Мы тебя уложили в спальню родителей.

— А потом?

— А потом — это уже ваше с Мариной дело.

Помолчали. Покурили. Повздыхали...

— Слушай, а она на следующий день приходила сюда? — как за соломинку зацепился за вопрос.

— Куда?

— Ну, сюда. Посуду помыть и... еще кое-что сделать...

— Не-ет... Мы же с ребятами на следующий день на Туру ездили, купаться. На целый день. Может, она звонила, но мы рано уехали. А посуду я сам вымыл, впервые, что ли...

Алексей знал, что родители Юрия из отпуска еще не возвращались. Он вдруг заволновался:

— А ты там ничего не трогал?

— Где?

— Ну, в спальне?

— Не-ет... Ты чего?

Алексей стремительно направился по коридору в спальню, содрал покрывало, одеяло... Простынь была слегка измята, но чиста...

— Е-мое! — ахнул он.

— Что?

— А то! Ничего не было у нас, понимаешь? Ничего! Она обманула меня!

— Как? — Юрий ничего не понимал.

— А так: сказала, что я лишил ее девственности в эту ночь и как по-

рядочный человек должен жениться. А я был в ту ночь живым бревном, понимаешь?!

Это открытие так потрясло Алексея, что он сел на кровать и закрыл лицо руками. Что за наваждение? Одна за нос водила несколько месяцев, другая подстелилась и опутала такой сетью, что теперь даже не знаешь, как из нее вырваться...

— Ты че, Лешка? — спросил Юрий с сочувствием, осторожно потрогав плечо друга.

— Ох, Юрка, что я наделал?!. Мы же заявление в загс уже подали.

— Только потому, что переспали?! — удивился тот.

— Именно...

— Ну, ты точно дурак! Ты даже не проверил, ничего не помнил и... в загс пошел! Насколько я понял, ты не ее любишь?

— Не ее...

— Так что же ты? Жизнь себе покалечить хочешь? Как же ты решил-ся жить с нелюбимой?

— Так... Вот так: взял и решил.

— А как же та, Рита, кажется?

— А Рита... Рита вышла замуж...

— Ничего не понимаю!

— Я сам ничего не понимаю.

Он вспомнил последний телефонный разговор. Она была весела. Легко приняла поздравление, а потом голос стал напряженным. Это он почувствовал. И еще эти ее последние выкрики: «Очень, очень рада!»

— Может, тебе следует встретиться с ней? — донесся до него голос друга.

— Все равно в Долгий Плес через окружной центр ехать. Так, кажется?

— Да, так...

Они вышли в кухню. Курили. Молчали. Вздыхали. Но уже по другому поводу.

* * *

А в редакции снова произошла комическая ситуация. В аппаратной на чистке пленки работал Петр Анискин. Все звали его просто Петька. Он был молод, но дело свое знал хорошо. Всегда добросовестно вычищал слова-паразиты типа «значит», «вот так вот», «ну»... — таких слов у выступающих всегда было много. Особенно когда материал записывался не с бумажки, а шел живой диалог, в виде ответов на вопросы журналистов. Иногда Анискину казалось, что вся речь выступающего состоит только из слов-паразитов, так много их приходилось уничтожать из передачи. Зато потом, когда выступление звучало красиво и правильно, порой, сам герой себя не узнавал. Звонил на радио, благодарил и восхищался: как вы здорово все сделали!

Петька понимал, что заслуга в этом, конечно же, не журналиста — автора передачи, а его — оператора монтажа.

Был он застенчивым, слегка заикался. Очень смущался своего дефекта речи, поэтому чаще молчал. По телефону говорил кратко, с девушками заводить дружбу не решался. Ему все время казалось, что они будут смеяться над его заиканием, которое в состоянии волнения становилось более заметным.

У Анискина был свой «начальник» — инженер Василий Иванович Володин. В свободное время... а у инженера его было навалом, потому что аппаратуру все без исключения берегли как зеницу ока, «репортеры» у каждого журналиста были на своем подотчете, поэтому мелкие поломки исправляли быстро и легко, так вот, в свободное время Василий Иванович любил поиграть в шахматы. В творческом коллективе редакции это даже поощрялось. Играли, обычно, в его кабинете, который находился здесь же, напротив аппаратной.

В самый напряженный момент — подготовки дневного выпуска новостей — раздался телефонный звонок. Анискин поднял трубку.

— Это Василий Иванович? — раздался грубоватый голос.

— Н-н-ет-т, это П-пет-тьк-ка, — положив трубку, Анискин отошел к МЭЗам и продолжил склейку пленки.

Телефон тут же зазвонил вновь.

— Это Василий Иванович? — строго произнес тот же голос.

— Н-н-ет-т, это П-петьк-ка, — лаконично ответил Анискин. И снова занялся срочной работой.

На третий раз голос на другом конце провода зазвучал так угрожающе громко и сердито, что можно было испугаться:

— Это Василий Иванович?

— Н-н-ет-т, это П-пет-тьк-ка! — он хотел снова бросить трубку, но звонивший успел грозно рявкнуть:

— Какой такой Петька?! Ты что мне Чапаева разыгрываешь, понимаешь ли?! Где Василий Иванович?!

— Так в-вам В-vas-силий Ив-ван-нов-вич ннужен? — сделал вид, что удивился Анискин. После этого ему пришлось выслушать целую tiradu, в которой преобладала ненормативная лексика, и поспешил позвать своего начальника. Так он его называл и вслух и про себя.

Василий Иванович взял трубку и долго слушал речи о том, как всякие молокососы издеваются над вышестоящим начальством. Володин пытался вставить оправдательные слова, но все было бесполезно до тех пор, пока из человека не вышел весь запал возмущения.

— Так, Владимир Петрович, — оправдывающимся тоном начал, начонец, Василий Иванович, — это и правда Петька.

— Какой такой Петька?

— Ну, Петр Анискин, оператор монтажа.

Только после этой уточняющей обстоятельство фразы начался деловой разговор с Володиным. Петька, ухмыляясь, завершил чистку новостных пленок и пошел докладывать редактору информационных программ о выполненной работе.

* * *

Боль, боль, боль... Боль жила в каждой клеточке ее тела, витала в воздухе, которым она дышала, отражалась в воде, которую она пила, опаляла солнечными лучами нещадного июльского солнца. Душа кричала от боли. И чтобы никто ее не услышал, Рита стиснула зубы. Так и ходила, молча, боясь раскрыть рот, чтобы крик не вырвался наружу и не напугал присутствующих своей чудовищной силой.

Причина появления этой боли хранилась в небольшом, красиво оформленном конверте, где лежало приглашение на свадьбу.

«Уважаемая Рита Васильева! Приглашаем Вас на нашу свадьбу, которая состоится 26 сентября в поселке Долгий Плес.

Непременно приезжайте, будем рады Вас видеть!

Марина, Алексей».

Приглашение было написано красным фломастером, без подписей. Вряд ли Алексей был инициатором этой предполагаемой публичной казни. «Скорее, Марина решила за двоих», – подумала Рита. Но легче не стало. На сентябрь у нее была путевка в сочинский Дом отдыха, которой ее наградили за победу в областном творческом конкурсе. И это избавляло ее от искушения побывать на свадьбе и посмотреть в глаза хамелеона Серебрякова, который метался несколько месяцев между двумя девушками, мороча голову и той, и другой. Ну, теперь-то понятно, наконец, кому отдано предпочтение. А она-то ему вновь поверила, дуреха...

Во время очередного перекура к ней обратился Аскер Керамов.

– Риточка, ты что-то сама не своя ходишь. Случилось что?

Рита почувствовала, как комок подкатил к горлу. Пока с ней никто не заговаривал об этом, она крепилась. А тут... Глаза моментально наполнились слезами.

– Э-э-э, да у тебя и, правда, горе. На любовной почве? С «репортером» поссорилась?

– С каким «репортером»? – глотая слезы, пробормотала Рита.

На ее счастье, в холле, где оборудовали место для курения, кроме них никого не было.

– Ну, ты же говорила, что у тебя «только один мужчина – "репортер", с которым ты ходишь последние месяцы». Что? Появился кто-то другой? Из-за кого стоит плакать?

– Нет у меня никого другого! – почти выкрикнула девушка.

– А мне показалось есть... Тут как-то парень из Тюмени звонил, тебя спрашивал. Ты как раз в загсе репортаж готовила. Я трубку поднимал.

– И что ты ему сказал? – у нее даже слезы высохли.

– А так и сказал, как есть: ты ушла в загс. Он спросил: «С кем?» Я ответил, что у тебя есть только один мужчина. С ним ты и ходишь везде. И уточнил: на протяжении последних нескольких месяцев, и только вдвоем.

— А ты сказал, кто этот мужчина? — у Риты округлились глаза от изумления.

— Не-ет, я как-то не подумал, что кто-то из твоего окружения не знает такой важной детали — твоего жизненного кредо.

— Боже мой! Что ты наделал! — прошептала Рита.

— Это так важно для тебя? — удивился Аскер.

— Это не просто «важно». А что, что он-то сказал после такого сообщения?!

— Он еще раз звонил. Я сказал, что ты еще не вернулась, и я ничем помочь не могу..

Рита расплакалась навзрыд.

— Ну, что такое?! — от неожиданности Керамов растерялся. Он вообще не переносил женских слез и готов был в такие минуты совершить любой подвиг, только бы уладить ситуацию. Чувствуя свою вину, он пытался оправдаться. Но все слова теряли убедительность, как только произносились вслух. Он не мог скрыть, что Рита понравилась ему еще в прошлом году. Он даже начал флиртовать с ней, но та остановила его пыл категорически и весьма конкретно, заявив, что кроме «репортера» — единственного мужчины — у нее никого нет и ей никто не нужен. А когда захочется, она найдет кандидатуру за пределами редакции. Почему? Чем ей так уж плохи показались сотрудники радио? Керамов даже оскорбился. Но дальше ухаживать не стал. Это было не в его правилах. Поэтому Аскер очень быстро переключил тогда свое внимание на Настю Яновскую, да так увлекся, что на некоторое время совсем потерял голову.

Тот разговор происходил в конце прошлого года. Он его очень хорошо запомнил, потому что отказ красивой девушки больно задел его самолюбие. В какой-то степени Аскер Керамов считал себя неотразимым мужчиной. Рите же он показался самым необыкновенным ловеласом. У нее были другие планы. Теперь выясняется, что не только планы, но и другой, очевидно более достойный мужчина. В нем опять проснулся охотник за женскими сердцами. Тот самый Дон Жуан, не привыкший отступать перед женским равнодушием... И вопреки всему, он шел до победного конца.

Сейчас, наблюдая за Ритой, Аскер почувствовал себя... Не подлецом, конечно... Хотя слово «непорядочный» напрашивалось само собой. Пробовал себя реабилитировать.

— Хочешь, я ему позвоню, и все объясню, — прижал ее голову к своей груди, спросил. — Хочешь?

— Поздно, ох, как поздно ты об этом сказал, — пропуская мимо ушей предложение Керамова, прошептала сквозь всхлипывания Рита. — Ты мне всю жизнь поломал... Извини... — она отстранилась от него и быстро вышла на улицу.

Все потеряло смысл: командировки, события, факты, сидящие, жи-

вущие, сосуществующие в этом городе люди... Мир разрушился, распался... И не осталось ничего и никого, кто бы мог воскресить этот мир из обломков несостоявшихся надежд на любовь и счастье...

* * *

Евгений не мог понять, что с ним происходит. Беспокойство, возникшее на пустом месте, разрасталось, угнетая и подчиняя все помыслы. Как ржа, оно выедало радость от успехов бригады, которая вновь упорно шла к очередному своему рекорду. Наконец, понял: пока не увидит Риту, это состояние не пройдет.

В пятницу утром позвонил ей в редакцию. Ему сообщили, что Рита вчера отпросилась пораньше домой, а сегодня на работу не вышла.

— Заболела? — обеспокоено спросил Леонидов.

— Наверное, — неопределенно прозвучало в ответ.

— Девушка, как же можно быть такой равнодушной по отношению к своим коллегам? С человеком, может быть, случилось что-то серьезное, а вы даже не попытались выяснить? — начал он раздражаться. — Ведь просто так с работы не уходят!

— Слушайте, а ваше какое дело? Вы ей кто?

— Друг!

— Вот, как друг и выясняйте, что произошло с вашей Ритой, а то звонят тут всякие... Да еще претензии предъявляют...

— Я звоню из другого города, понимаете?..

— Не могу ничего сказать определенного, — вдруг смилиостились на другом конце провода. — Ушла в расстроенных чувствах. Она у редактора отпросилась, позвоните ему. Мне больше добавить нечего.

После этого короткого разговора он не мог ждать. Тут же позвонил начальнику управления буровых работ, сказал, что ему необходимо срочно вылететь в Тюмень по семейным обстоятельствам.

— Что случилось? — поинтересовался тот.

— Потом объясню. Прямо сейчас надо вылетать. Заявление напишу после, когда вернусь.

— О каком заявлении речь? У тебя столько отгулов, хоть второй отпуск бери! Ладно, лети, раз горит.

Евгений собрался за несколько минут. Написал записку жене, чтобы не беспокоилась и не искала. В четыре часа он уже сидел в самолете, ожидая взлета.

Его раздражало, что стюардессы все делают медленно: раздают конфеты, проверяют, пристегнуты ли ремни безопасности, просто шныряют туда-сюда по каким-то своим делам. Он так спешил! В голову пришла шальная мысль: купить в Тюмени цветов, приехать с огромным букетом и осипать Риту благоухающим дождем. Он должен покорить ее как первую разведочную скважину! Леонидов прекрасно помнил, как тяжело разведка давалась. На каждой заданной глубине приходилось

поднимать керн. А это — лишние подъемы и спуски трубы, потеря тем-па проходки.

И все-таки на глубине свыше трех тысяч метров нефть была обнару-женена. Такое заключение позже сделали геофизики. Радость, удовлетво-рение и еще какое-то необъяснимое чувство испытал он тогда, как на-граду за все те неприятности, которые пришлось пережить.

И вот сейчас он летел в областной центр за цветами. Евгений точно знал, что ближе их купить негде. Но если придется лететь и дальше, он теперь уже не остановится, даже если надо будет добираться до Москвы.

Пятьдесят пять минут полета показались пятью часами. Выскочив на площадь, поймал такси.

- На ближайший рынок, — скомандовал, еще не сев в машину.
- Какой рынок? — не понял водитель.
- Мне, понимаешь, розы нужны!
- Розы? — таксист задумался, — рынки-то сейчас закроются.
- Так, давай, гони быстрее!

Они ехали на предельной скорости всю возможную часть дороги от аэропорта Роцино. На спидометре «Волги» стрелка маячила на отметке «120». Перед городом скорость пришлось сбавить. Евгений все рассчи-тал: время до рынка и обратно, пять минут заплатить за цветы и — в ок-ружной центр на последний рейс.

Он скупил все оставшиеся розы, не торгуясь. Продавцы обрадова-лись такому оптовому покупателю и снизили цену. Леонидов на это не обратил внимания. Ему было все равно, сколько стоит букет, лишь бы побольше и покрасивее выглядел задуманный им подарок. Он так спе-шил, что не врубился в реальность затрат. Ему действительно было все равно: дорого или дешево. Главное — он нашел то, что хотел. И загадал: если успеет на самолет, все будет у них с Ритой нормально.

...Ему продали не выкупленную обкомом броню. И вот он снова в воздухе. Стюардессы сжалась и пристроили цветы в служебном по-мещении. Он летел налегке, смотрел в иллюминатор и, может быть, впервые обратил внимание на то, что облака внизу похожи на снежные, многометровые сугробы, холодные в своей величественной белизне.

«Ты становишься сентиментальным», — подумал про себя.

Снова площадь аэропорта, но уже совсем маленькая, деревенская. И снова такси... Он летел на крыльях любви и теперь вполне знал, что это такое — любовь...

...Света в окнах не было. А вот входная дверь оказалась открытой. На всякий случай постучал. Ответа не последовало. Дернул ручку. Подда-лась. Перешагнул через порог. И сразу попал в сумерки и тишину, такую же холодную, как снежные облака.

— Здравствуйте, есть кто дома? — спросил на всякий случай. Ответом было пугающее тиканье часов.

Тихонько, стараясь не скрипеть поволицами, пошел по коридорчи-

ку, заглянул в кухоньку – никого. Остановился в дверях комнаты. И тут в полуумраке увидел на раскладушке Риту. Она лежала, свернувшись клачиком. Дремала или просто не хотела отвечать – думать было некогда. Он кинулся к ней, встал на колени и попытался заглянуть в глаза. Они были закрыты. И тогда Евгений поднес к ее лицу розы. Их запах поплыл по комнате и наполнил ее ароматом юга.

– Риточка, – прошептал через цветы, – малыш, ты жива? Ты что, приболела?

Она открыла глаза и увидела перед собой невообразимо огромный букет.

– Что с тобой, ну, что с тобой, не пугай меня! – все еще шепотом настаивал он на пробуждении, не видя открытых изумленных глаз. И вдруг почувствовал, что она плачет.

Розы рассыпались, он увидел ее мокре от слез лицо.

Евгений схватил Риту на руки, прижал к груди, как самую великую драгоценность. Она не сопротивлялась, только слезы еще обильнее скатывались по щекам, и плечи начали вздрогивать в немом отчаянии.

– Рита, Риточка, малышка моя, все будет хорошо, вот посмотришь. Я же приехал, теперь все будет хорошо...

С ней началась истерика. Безысходность с такой силой вырвалась наружу, что тело затряслось в нервной конвульсии. Евгений испугался не на шутку. Он носил ее на руках по комнате, не зажигая света, боясь спугнуть, и только шептал в ухо первые попавшиеся слова успокоения, еще крепче прижимая маленькое тело к своей широкой и сильной груди. Он терпеливо дождался, когда она успокоится и когда, наконец, иссякнет поток девичьих слез, которые он снимал губами, чувствуя их солоноватый вкус. Он так и не выпустил ее из рук, пока не почувствовал – заснула. Сидел на табуретке, раскачивал ее из стороны в сторону, как больного ребенка. И понял вдруг, что дороже у него никого нет на свете: ни жены, ни дочери. Есть вот эта девочка, попавшая в какую-то беду, переживающая свою трагедию, о которой он понятия не имеет. И он, Евгений, должен сберечь ее покой.

Убедившись, что сон Риты стал более спокойным, осторожно положил девушку на раскладушку. Собрал цветы, поставил в ведро. А сам так до утра и просидел, как сторож, на полу у ее ног. Лишь на короткое время ему удалось подремать, положив голову на край раскладушки.

* * *

Рита проснулась от запаха цветов. Распахнула глаза – розы! Они стояли напротив кровати – полное ведро! В каплях воды, дрожащих трепетно на лепестках, играло солнце, пробившееся сквозь листву деревьев за окном. Она удивилась – откуда роса? Не зная, что Евгений рано утром устроил им холодную «баню», чтобы цветы подольше оставались живыми. Рита вообще слабо помнила вчерашний день, ибо горе притупило ощущения. Где-то внутри поселилась боль и, казалась, что она, как хроническая болезнь, навеки.

Но красота букета вызвала невольную улыбку. Она приблизила лицо к цветам и вдыхала тонкий аромат, наслаждаясь чудом природы, неизвестно откуда поселившемся в ее одинокой квартире.

Встала. Прошла в кухню. На плите горячий чайник. Стол накрыт для двоих. Гастрономические деликатесы, шоколад, шампанское.

«Леонидов», — догадалась она. Проходя мимо, заглянула в зеркало. Что-то новое появилось в выражении лица. Или это ей показалось, что с другой стороны стекла смотрит на нее повзрослевшая молодая женщина, только что пережившая тяжкое горе...

Слезы тоски вновь заблестели в ее глазах. Но, вздохнула глубоко несколько раз и проглотила не дававший дышать комок в горле. «Я не унижусь пред тобою, — почему-то вспомнила классика. — Ни твой привет, ни твой укор теперь не властны надо мною. Знай, мы чужие с этих пор...» И хотя посвящены они были женщине, строки как нельзя лучше отражали ее состояние и настроение.

В коридоре раздались уверенные шаги.

— Хлеба забыл купить, — совсем по-домашнему объяснил Леонидов свое отсутствие. Как будто отвечал на вопрос: «Ты где это был столько времени?» И добавил: «Доброе утро, малыш, выспалась?» Приобнял слегка и прошел в кухню.

— Иди сюда, сейчас завтракать будем.

Но завтракать Рита не стала. Легла, прикрыла глаза. Он не настаивал. Понял: чтобы прийти в себя, ей нужно время. И это время они переживут вместе.

Евгений ухаживал за ней, как за тяжело больной, предупреждая каждое ее желание. Рита практически не ела. Молчала, словно боялась открыть рот, чтобы не задрожал предательски голос. Все дни пролежала в одежде под одеялом. Ее знобило, хотя температуры не было.

Евгений заваривал настои из успокаивающих трав. Сам, как маленькую, поил ее из кружечки. Карабулил сон. Пристроившись в ногах, читал вслух книги, которые она, может быть, слушала, а, может быть, и нет. Там же и дремал, прижав голову к стене. Он не высыпался, но усталости от этого не чувствовал. Понял, что приехал вовремя и не зря. Он спасал ее от нее самой...

Так прошли суббота и воскресенье. Постепенно Рита начала обращать внимание на то, что готовит для нее Евгений, о чем читает, как рассказывает... К ней возвращалась жизнь. Когда он почувствовал, что Рита немного успокоилась, решился уехать:

— Ну, все, малыш, мне пора.

— Куда?

— Обратно. Думаю, скоро встретимся.

— Когда? — этот вопрос его обрадовал. Она не спросила «Зачем?», а сказала «Когда?»

— Мы в ближайшее время годовой план выполняем. Будем елкуставить на буровой. Приедешь?

— Не знаю. Может, кого-нибудь другого пришлют, — неуверенно сказала.

— А нам никого другого не надо. Мы тебя хотим видеть. Так и передай своему редактору: или ты — или никого. А мы, все-таки, на новый рекорд идем.

Он ни о чем не спрашивал. Прилетел, как «скорая помощь». Убедившись в том, что больная уже в безопасности, уезжал вершить свои дела, выполнять обязанности перед государством, бригадой, семьей...

— Я постараюсь, — разочарованная его отъездом, проговорила Рита. Пока Леонидов был рядом, ее обида куда-то пряталась. Она боялась, что после его отъезда все тяжкое и обессиливающее начнется сначала... Боль вырвется наружу и будет бушевать... Нет-нет, «...Я не унизусь пред тобою...»

Возвращаясь домой, Леонидов не испытывал угрызений совести. Ему нечего было стыдиться. Он любил...

* * *

— Ты что, охренел? — начальник управления буровых работ плотно прикрыл дверь и прошел к столу.

— В каком смысле? — Леонидов не понял. Он вообще не догадывался о чем вел разговор руководитель предприятия. Евгений не чувствовал за собой никакой провинности, за которую можно было его упрекнуть. Да еще в такой грубой форме.

— Ты, хотя бы, понимаешь, чтотворишь?! — не унимался Пал Палыч. Он только с близкими людьми мог позволить себе говорить на «ты».

— Не понимаю... — Евгений действительно не понимал. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду твои шашни в окружном центре! Кто там у тебя? Любовница? Пассия? Хрен тебя поймет! Что ты туда таскаешься? Да еще с немыслимыми букетами цветов??!

— Кто сообщил об этом? — медленно, выдавливая из себя слова, проговорил Леонидов.

— Да, какая разница, кто? Главное, этот факт стал известен... Значит, через определенное время о нем будут знать и те, кому не нужно было про такое знать.

— Кого ты имеешь в виду? — тупо произнес Евгений.

— Кого?! Ты еще спрашиваешь «кого»? Твою жену, профком, партком!!! Ну, ладно, с женой и ребенком ты еще как-нибудь сам разберешься. А если возьмется за тебя парторганизация — пощады не жди. Прилепят аморалку — а там... Господи! Неужели ты не понимаешь, что в этом случае твоей карьере — конец?! Тебе — конец! Понял?! А нас всех в какое положение поставишь?! Мы же на тебя такие виды имеем!

— Не кипяться, — попытался успокоить начальника, а заодно и себя Леонидов. — С чего ты взял, что партком займется моим личным вопросом? Ему что, делать больше нечего, как разбирать всяческие похождения бурового мастера?

— Дорогой мой! Не просто бурового мастера, а одного из лучших в СССР! Это — во-первых, а во-вторых, где гарантии, что твоя жена не обратится в тот же самый партком с воплями: «Мой муж подлец... верни-те мне мужа»? И ведь будет права. У вас ребенок.

— Я люблю ее... — произнес Евгений отрешенно, глядя в сторону. Как будто крест поставил на всем прошлом.

— Кого? — недоуменно уставился на него начальник.

— Ее...

— Да кто она? Стоит ли она того, чтобы всю жизнь разрушить?! Заметь, благополучную жизнь. Все, чего добивался, разом рухнет.

— Стоит...

— Ну, я не знаю... — развел руками Пал Палыч. Больше у него доводов не было.

Пауза затянулась. Безмолвие, кажется, было пронизано высоковольтным напряжением. Каждый боялся перейти границы дозволенного, чтобы кого-нибудь не пришибло это энергетическое поле.

— Отступись от нее, — выдавил, наконец, Пал Палыч.

— От кого?

— Ну, от этой... своей...

— От любви? — досказал Евгений.

— Ну, если это любовь, значит, от любви, — решительно потребовал Пал Палыч.

— Как ты? — фраза прозвучала так внезапно, словно разорвалась лампочка над головой.

— Что ты имеешь в виду? — выдавил из себя начальник.

— Ну, ту твою любовь с поварихой на буровой. — И вновь воцарилось молчание, хуже слов, страшнее ругательства, выразительнее бури...

— Да... да...да, как ты смеешь... Равняться!!! Ты... Молокосос! — Смирнов даже заикаясь начал от возмущения. Он бы еще наговорил кучу неприятностей, но... не хватило слов...

Нахлынувшие вдруг воспоминания не предвещали ничего хорошего. Евгений —вольно или невольно — ударил по больному и заставил мучаться совестью, совсем было успокоившейся.

Да, был такой момент в жизни начальника управления буровых работ Пал Палыча, когда он еще буровым мастером работал. Влюбился в повариху, летающую вахтой с Большой земли. Ну, куколка! Иначе не скажешь. Не в пример традиционным представлениям о поварах — низкорослых, неуклюжих, толстых и добродушных. Эта была королевой. Большеглазая красавица, всегда в накрахмаленном колпачке, сидящем на голове как корона. Колпак скрывал ее волосы, но и так ее лицо было прекрасным. Непонятно, как с такой внешностью девушка могла занять такую непривлекательную и весьма низкую, по мнению многих, должность.

Сначала Пал Палыч повелся просто на милое лицо. А повариха оказалась не так проста, как ее накрахмаленная корона. Она настолько увлекла бурового мастера, что он и сам не понял, как потерял голову, как готов был все красоты Сибири уложить к ее стройным ножкам, как вообще оказался в ее постели...

Тогда бывший начальник этого же управления, которым сейчас руководил Смирнов, жестким и нелицеприятным разговором по душам очень быстро охладил любовный пыл своего подчиненного.

Теперь, став сам руководителем, считал, что он тоже, как и его предшественник, имеет полное право вмешаться в судьбу Леонида. Ведь Евгений был для него не просто одним из членов коллектива, но и лидером предприятия, и другом. Уберечь его от грозящих бед Смирнов считал своим долгом. Спасти, как когда-то спасали его самого...

Евгений не стал ничего отвечать на незаслуженное оскорбление. Во всех отношениях эта фраза «молокосос» меньше всего относилась к нему. Во-первых, по возрасту – ему уже больше тридцати. Во-вторых, по делам, которые он успел «натворить» за столь короткое время и которые оценены не только в регионе, где работает, но и во всей стране.

Снова повисло напряженное молчание, как пауза перед очередным раскатом громом. И этот гром прозвучал. Правда, слова были произнесены совсем тихо, но решительно.

– Я не могу и не хочу ее оставлять. Я не могу и не хочу от нее отрекаться. Я не могу и не хочу ее предавать. Я слишком люблю ее ...

Пал Палычу нечего было возразить. Ведь он-то свою любовь предал. И отрекся. Во имя семьи, должности, во имя сегодняшнего будущего... Он сделал это, почти не сомневаясь в своей порядочности. Его убедили, что иначе – нельзя. Иначе – крах. Для всех. Прежде всего – для него, Смирнова Павла Павловича лично. Для его карьеры, затем – семьи, детей. Да, мало ли таких поварих было у буровых мастеров!!! Общество лучше знает, кого следует и кого тебе не следует любить... Впрочем, можешь и любить, но только так, чтобы моральный кодекс не «краснел».

От девушки освободились... Отослали на Большую землю и она уже не могла устроиться работать вахтой ни в одно предприятие Западной Сибири. Подальше от соблазна. Нечего хвостом крутить вокруг начальников. Ну, и другим чтоб не повадно было...

– Как знаешь, – выдавил из себя Смирнов. – Мое дело предупредить...

– Спасибо, – отреагировал Леонидов. – Я могу идти? – Ему был в тягость этот разговор. Он и сам понимал двойственность своего положения, но не хотел, чтобы в его любовь вмешивались посторонние люди. Даже с самыми искренними, доброжелательными намерениями.

Уже у порога его остановил вопрос:

– Женя, а кто она такая?

– Это очень важно для тебя?

– Любопытно.

– Обещаешь, что не будешь ее преследовать?

– Обещаю. – И добавил: – Как другу общаю.

– Журналист.

– Ох, ты!.. Мать твою в душу! Ну, тогда понятно, как ты вляпался!

ЖИВАЯ КЛЕТОЧКА ИСТОРИИ

Евгению удалось развеять ее печаль. Он словно забрал с собой все, что тяготило ее. Квартиру переполнял запах роз. Дивный аромат заполнил все уголки и вытеснил тоску. Рита уже не прислушивалась к внутреннему голосу, который еще совсем недавно не давал ей покоя, буквально разрушая все, что составляло ее женское начало. Она заботливо каждый вечер перекладывала розы в ванну, заливала холодной водой, а утром перебирала каждый цветочек и расставляла по банкам.

Она понимала, что сейчас главным доктором для нее может стать только работа. Самоотдача до изнеможения.

В редакции лишь Ковеленов заметил ее состояние. Ту внутреннюю погруженность в самоу себя; несколько притухший взгляд, постоянное ожидание неведомого, пугающего. Он ни о чем не спрашивал. Просто взял да и загрузил Риту по горло работой. Задания следовали одно за другим. И каждое было срочным. Как-то ухитрялась справляться. А вечерами спешила к своим цветам, разговаривала с ними, как с живыми существами, огорчалась тому, что их становилось с каждым днем все меньше и меньше. Увы, увядание можно было только замедлить, но не остановить. Она знала: пока сохранится хотя бы один цветок, воспоминания о Евгении, его недавнее присутствие в квартире по-прежнему будут согревать душу. И по-прежнему в сердце ее будет звучать еще никем не спетая песня о том, что далеко-далеко есть человек, способный ради нее на самое отчаянное безумство. Душевный эгоизм? Наверное... Но как же хорошо, что она оказалась поражена теперь именно этим недугом любви и страдания.

* * *

Бурное течение жизни со вздыбленными порывами будней требовало своего от охваченного душевными переживаниями «мастера пера и микрофона».

— Слушай, придется уже на этой неделе ехать в командировку, — с порога обрадовал Риту Владимир Ковеленов.

— Куда? — Рита подняла глаза, втайне ожидая услышать что-нибудь

особенное о бригаде Евгения Леонида. Но Владимир сказал совсем другое:

— Опять в историческом событии будешь участвовать... В Приобье, в Сургут, приходит первый поезд.

— У нас все события исторические, — резонно заметила, не испытывая особой радости.

— Верно. Тем и живем. Радуйся, коллега: ведь нашим последователям такого не придется пережить. Они нам еще позавидуют... Если, конечно, им подобное будет интересно и важно.

Еще через минуту Ковеленов уже наставлял Риту:

— Впервые о строительстве железной дороги через нашу территорию заговорили лет десять назад. Может быть, чуть больше. Неважно. Новая стальная магистраль вписана в директивы предыдущего съезда партии, и там были внесены предложения по строительству железной дороги от Тюмени до Тобольска. Ее построили. Ты уже знаешь. Поезда на этом участке ходят, — Ковеленов по своей традиции считал, что обязательно должен рассказать Рите Васильевой предысторию события, о котором он поручал ей сделать срочный репортаж. На следующий день после события материал этот должен прозвучать в эфире. И только что-то из ряда вон выходящее может помешать этому. — Трудно даже предположить, что бы это могло быть. Учти!

— Не удастся из-за погоды вылететь назад с материалом, передашь «хрипушку»: напишешь расширенную информацию и прочитаешь ее по телефону.

— Да, знаю. Скажи, а про строительство железной дороги Тюмень — Тобольск тоже надо рассказывать в репортаже? — спросила Рита.

— Нет, это я для тебя говорю. А вот тот факт, что от Тобольска до Сургута дорогу строили почти восемь лет, надо обязательно где-то упомянуть.

— Это много или мало? Все-таки участок-то не сравнить с прежним...

— Конечно! — согласился Ковеленов. — Но все-таки могли бы и по-быстрее построить, если бы на этой территории не было столько больших и малых рек. Особым сдерживающим фактором стал мост через Обь. Если будет возможность, возьми интервью у главного мостостроителя. Там есть замечательный специалист, очень интересный человек. Попробуй пробиться к нему. Но, если не получится интервью, думаю, на митинге ему все равно дадут слово. Запиши его выступление... Обязательно!

— Ты чего-то боишься? — прервала его.

Ковеленов замолчал, внимательно взглянул на Риту и не нашелся сразу, что ответить. Беспокойство, действительно, залегло где-то внутри. Ведь все предыдущие годы именно он, Владимир Ковеленов, вел эту тему, готовил репортажи со строительства железной дороги, рассказывал о ее людях... Он столько знал про них различных подробностей...

Наконец, дошел до главного события и вот... Лавры придется пожинать ей, Рите Васильевой... Которая вообще впервые поедет к железнодорожникам!

— Ты хоть представляешь, что там будет? — спросил снисходительно.

— Не представляю, — спокойно согласилась она.

— Вот, и я не представляю. Там, полагаю, соберется толпа, придется поработать локтями, чтобы пробраться, например, к месту, где забыт серебряный костыль. И вообще, надо будет сделать хорошую, считай, историческую запись. А в репортаже мне нужны не только голоса людей, но и эффект личного присутствия автора на всех важных этапах события. Поняла?

— Поняла, — отозвалась эхом. — Я постараюсь. Да, не волнуйся ты так... Историю я не подведу. И... тебя тоже.

* * *

Первая удача в Сургуте — встреча со старым знакомым, столичным журналистом, который однажды уже помог ей записать министра энергетики. Из Москвы через областной центр прибыла группа коллег Центрального телевидения, радио, газет...

Рита очень обрадовалась этой встрече. И сразу же успокоилась: обязательно помогут, и все сложится хорошо. Коллеги не дадут пропасть.

Так и получилось. Ей удалось попасть на «исторический» тепловоз вместе с оператором и корреспондентом Центрального телевидения. Для этого пришлось рано встать, долго ехать по бетонке на автобусе, ждать когда, наконец, тронется поезд. Ожидание утомляло сильнее, чем все остальное. Решила заполнить затянувшуюся паузу в работе беседой с машинистом.

— Я парень-то пензенский, — рассказывал тот. — О том, что буду водить поезда, знал с детства. Мы жили недалеко от станции, бегали с панцанами смотреть на тогдашние паровозы. Мать тоже мечтала, что когда-нибудь непременно стану машинистом.

Окончил училище железнодорожное. Год работал кочегаром на паровозе. Снова учился — теперь уже на машиниста тепловоза...

— А как в Западную Сибирь попали? — перебила Рита, чувствуя, что Владислав Дмитриев слишком вдается в подробности.

— Из Казахстана, — охотно подхватил машинист, — приехал на дорогу Ивдель — Обь. Там уже наши ребята работали. Знаете, да? Вдоль этой железнодорожной ветки идет интенсивная заготовка древесины.

Рита кивнула головой, вспомнив свою командировку в бригаду лесозаготовителей. Она там видела поезда, груженые хлыстами.

— А вот по этой, нынешней магистрали, еще никто не ездил? — спросила нетерпеливо.

— Ну, как? Пробовали... У строителей и монтажников есть свой тепловоз. Возили грузы для строительства магистрали из речного порта. На

мотовозах за ягодами ездили. Знаете, какие здесь места дикие?! Видели неоднократно лосей вдоль железнодорожного пути, зайцев, — улыбнулся... — Ну и стаи куропаток... Если по-честному, вчера с этой станции мы уже первых пассажиров отвезли.

— Каких? — разочарованно поинтересовалась и глянула на индикатор записи. Стрелка стояла на нуле. Начала лихорадочно включать и выключать «репортер». Никакого движения! Значит, запись не идет!

«Батарейки сели или "репортер" сломался?!» — ужас охватил все тело. Даже мурашки побежали по рукам. А Дмитриев между тем, не обращая внимания на ее возню, продолжал:

— Гостей сегодняшнего события — руководителей главков, обкома, облисполкома, строителей, железнодорожников, мостовиков... Можно сказать, они первыми испытали эту дорогу. Не побоялись... Но пассажирские поезда начнут ходить позже. Надо еще многое доделать на магистрали. Вчера-то пробный вариант был, а сегодня пойдет целый состав — пятьдесят вагонов! Шутка ли?!

— Подождите минутку! — взмолилась Рита. — У меня что-то с «репортером» случилось! — чуть не плача, выговорила и беспомощно оглянулась на столичных коллег. Оператор, который за время длительного ожидания уже снял все интересующие его сюжеты из кабины тепловоза, отложил камеру, взял Ритин магнитофон, стал крутить в руках, знакомясь с техникой.

— Давай, батарейки заменим, — предложил свой вариант.

— Батарейки все проверены на специальном стенде в редакции, — волновалась Рита. — У нас ребята-технари придумали... — пояснила, но все же полезла в портфель за новым комплектом питания к репортеру.

— Ты его нигде сегодня не роняла?

— Не-ет!!! Ты что?! Как можно??!

— А вчера?.. — флегматично продолжал свои вопросы оператор.

— И вчера тоже... — у нее выступили слезы на глазах. Историческая запись не получится! Что делать?..

Этот же вопрос она произнесла вслух с таким отчаянием, что все четверо мужчин, находящиеся в кабине тепловоза, озабочились ее проблемой и начали предлагать выход из создавшегося положения. Ни один вариант Риту не устраивал. Ей нужна была собственная запись на своем «репортере». И все!

Наконец, первому поезду дали зеленый свет. Рита вздрогнула от неожиданно громкого и пронзительного сигнала тепловоза. Словно он на всю Сибирь прокричал о ее позоре. «Боже!» — она опустила голову и вдруг обратила внимание на то, что микрофон лежит в стороне и штекер к магнитофону не подключен!

— Какая же я дура! — обрадовалась она вслух.

— Нашла причину? — поддержали коллеги ее радость. Правда, оператор уже держал свою камеру на плече и готов был снимать первое дви-

жение поезда. Машинист и помощник заняли свои рабочие места. Попра и ей приступать к своему делу. История — это не только созидание, но и сохранение памяти о том, что было ее звездным мгновением. Настоящим, а не выдуманным.

Волнение еще какое-то время не давало собраться с мыслями, но Рита заставила себя вспомнить заготовки сценария, который придумывала ночью для события особой важности.

С высоты локомотива прекрасно было видно, как шли по дороге люди группами и поодиночке. Некоторые уже плясали и пели под гармошку или аккордеон. Многие радостно машали руками, что-то кричали, бросали вслед полевые цветы...

А состав шел медленно, километров двадцать — тридцать, не больше. Эту цифру в подтверждение она увидела и на приборах локомотива. Когда проезжали по железнодорожному мосту, ей снова пришлось включить «репортер».

Перекрикивая шум, затараторила:

— Вот сейчас наш поезд проходит по железнодорожному мосту через великую сибирскую реку Обь. Из кабины локомотива хорошо видно, что на реке скопилось множество судов. Они непрерывно сигналят. Люди высыпали на палубу, машут руками, кричат, очевидно, «Ура!», приветствуя первый грузовой поезд! Подобные приветствия звучали на протяжении всего пути до самой станции.

Выключила «репортер». Заметила любопытно-насмешливый взгляд машиниста: еще не доехали.

Риту не смущило это обстоятельство. Теперь она была уверена, что так все и будет. И не ошиблась. Хотя такого количества людей на станции увидеть не предполагала. Впоследствии выяснилось, что встречать первый поезд приехали со всех ближайших населенных пунктов.

На площади перед одиноким деревянным зданием поезд остановился. Коллеги из телевидения устремились к выходу. Рита помчалась за ними. Она вовремя спрыгнула с высокой лестницы локомотива. На первый план через толпу протискивались руководители. Пробегая мимо, обратила внимание, что передняя часть тепловоза украшена гирляндами цветов.

От недавнего скептициза следа не осталось. Впервые она оказалась во власти абсолютно неподдельного волнения, почувствовала сопричастность к великому событию, которое происходило на ее глазах.

Эхо разносило слова выступающих. Поняла, если останется на прежнем месте, нормальной записи не получится. Надо либо подойти поближе к говорящим, либо брать звук с динамика. Но к нему еще труднее пробираться. Стала раздвигать стоящих впереди людей. На нее шикнули, недоуменно оглядывались, возмущались и... не пропускали. «Все! Ничего не выйдет!» Снова чуть не заплакала. Вдруг услышала за спиной чей-то громкий голос:

— Товарищи! Пропустите корреспондента! Она на Историю работает!

Толпа нехотя расступилась... В мгновение ока Рита очутилась на деревянном перроне, где был установлен микрофон, и к которому, согласно регламенту, подходили выступающие.

— Сегодня встречать первый поезд пришло все население нашего ста-ринного сибирского города, — говорил вдохновенно человек невысокого роста, с проседью в волосах. Его голос звенел от волнения. — И это не случайно. Наступил переломный момент в его истории: выход нашего города из территориальной изоляции. Его воссоединение с Большой землей дорого стоило. Проложить стальную магистраль через реки и болота, через места, где не ступала нога человека, — было最难нейшей задачей, не имеющей аналогов в мире! Потому этот день можно сравнить с таким же праздником, как День Победы, как День космонавтики. Со всего Советского Союза приехали сюда по комсомольским путевкам ребята и девчата, — продолжал выступающий, глядя в возбужденные лица людей. — Да что там из Союза! Эту дорогу строили не только комсомольцы из Харькова и Киева, но и студенты из Африки, Германии...

— Кто это? — полуслепотом спросила Рита у рядом стоящего человека. Тот обернулся, и она узнала Второго секретаря горкома партии Решетникова.

— Ой, здравствуйте, это вы?! — растерялась от неожиданности.

— А вы так и не познакомились тогда с нашим Первым секретарем? — вопросом на вопрос с улыбкой ответил Юрий Николаевич.

— Не успела. Он постоянно занят, — поспешило попытаться оправдаться Рита.

— Времени у него, конечно, немного, — согласился нечаянный собеседник. — Такие дела у нас творятся, видишь?! — с нескрываемой гордостью кивнул на поезд.

— Вижу, — Рита уже записывала в блокнот Ф.И.О. и должность говорящего.

Между тем Первый секретарь горкома партии продолжал:

— В историю города, безусловно, этот день впишется одной из самых ярких страниц, ведь с приходом железной дороги наш край начнет развиваться более усиленными темпами. Круглогодично начнут поступать сюда народно-хозяйственные грузы для нефтяников, газовиков, энергетиков... А мы с вами будем ездить на Большую землю, когда захотим.

— Юрий Николаевич, — решила воспользоваться ситуацией Рита в паузе между выступающими, — познакомьте меня, пожалуйста, с каким-нибудь интересным строителем дороги, — попросила Решетникова.

— Здесь много интересных людей, — усмехнулся тот. — Есть даже такой, кто роды у жены сам принимал на трассе.

— Да, что вы!?! — ахнула.

— Он стоит, как раз, напротив, в первом ряду, в голубой рубашке и кепочке.

Митинг продолжался.

— Слово предоставляется начальнику мостоотряда Валентину Федорову.

Рука устала держать микрофон перед выступающими, но следующим был тот самый человек, про которого говорил Ковеленов. Небольшого роста с горящими глазами, отражающими голубизну августовского неба.

— Воспоминания невольно уводят к истокам этого большого пути. Осенью, в середине шестидесятых, началось строительство нашей железной дороги. Почти десять лет пробивали люди сюда стальную магистраль. Пятьдесят два месяца рос Обской мост. Это — удивительные годы! Почти семьсот километров тайги, сотни больших и малых рек пришлось преодолеть строителям дороги за достаточно короткий период. Уложено 85 миллионов кубометров грунта, более двух миллионов асбестового балласта, построено 410 инженерных сооружений, из них 14 внеклассных мостов. Ну, а самый главный из них — двухкилометровый мост через Обь. Вместо шести с половиной лет мы построили его всего за четыре года и четыре месяца! — Пространство забурлило аплодисментами. — Мы преодолели все трудности, стоящие на нашем пути, и пришли в ваш город!

Валентин Федоров назвал имена лучших строителей. Выразил благодарность всем, кто имел причастность к этому важному для территории событию. А затем, главным мостостроителям, стоящим на платформе, вручили огромный, изумительно красивый торт.

Дали слово на митинге и первому машинисту локомотива, приведшему состав в город. Из толпы посыпались вопросы:

— Что привезли? Картошку привезли? — интересовались женщины.

— А пиво? — этот чисто мужской вопрос прозвучал сразу с нескольких сторон.

— Четыре тысячи тонн грузов привезли мы сегодня в ваш город, — докладывал, широко улыбаясь, машинист Дмитриев. — И пиво, и картошку тоже. А еще фрукты и овощи. Кушайте, на здоровье... Впрочем, по случаю исторического момента выпить тоже не возбраняется.

Толпа радостно загудела.

— Кроме того, — продолжал машинист, — для нефтяников, энергетиков, газовиков мы доставили оборудование и строительные материалы. Теперь не нужно будет ждать зимников. Все будем завозить регулярно по железной дорогой!

В память об этом событии от имени железнодорожников Дмитриев вручил символический жезл Первому секретарю горкома партии. Толпа вновь одобрительно загудела, захлопала. А перед микрофоном уже стояла девушка в красной косынке.

Рита заметила, что девушка очень волнуется. Потому и речь ее была не гладкая, но искренняя и откровенная:

— Я, Люба Дубовая от имени молодежи говорю. Мне поручили это сделать ребята. Мы приехали сюда по комсомольским путевкам. И хотя девчата не укладывали непосредственно пути — мы штукатуры — но каждый день интересовались: сколько метров проложили наши путейцы сегодня? Нас всех связала дорога. За эти годы сдружились. Вдоль магистрали выросли небольшие поселки. Вместе с дорогой рождались и росли наши молодые семьи! А сегодня мы шли сюда и пели под гармошку. Настроение от собственной причастности к этому великому делу просто не передать! Смотрите на наши лица сейчас и запоминайте. Все без слов понятно: это лица счастливых людей!

Под аплодисменты Люба Дубовая скрылась в толпе. Рита проследила взглядом: вместе с другими ребятами она растягивала ленточку перед локомотивом. Значит, сейчас будет традиционное открытие пути. А в динамике уже перечисляли, кому поручено разрезать эту ленточку. Среди них назвали и Любу.

Толпа ринулась на платформу. Из окна локомотива сияла широкая улыбка Вячеслава Дмитриева. Он испытывал законную гордость первоходца.

Рита попыталась прокомментировать действия, но ее подхватило людской волной и понесло вперед. Она вцепилась в «репортер» и портфель с пленками и батарейками: упаси Господи, выронить — затопчут! Ее толкали со всех сторон. Едва не выбили микрофон из рук. Делать нечего, пошла вместе со всеми и уже не сопротивлялась стихийному движению толпы.

Несмотря ни на что, настроение у нее, как и у всех, было приподнятым, трогательно-радостным за все происходящее перед глазами в эти минуты.

Гул толпы заглушил сигнал тепловоза. Поезд тронулся. Люди кричали, хлопали друг друга, обнимались, поздравляли... «Всеобщее ликование» — такой фразой определила она состояние толпы. И вдруг увидела, как кусочек красной ленточки Люба Дубовая прячет в кармашек нарядной белой кофточки.

«На память, — отметила про себя. — Я бы тоже оставила себе "кусочек" такого события».

После митинга она попыталась отыскать строителя в голубой рубашке. Но в людском потоке сделать это было практически невозможно. Снова выручил Решетников. Он сам подошел с ним.

— Это Анатолий Немичев, гидромеханизатор. Поговорите, но долго не задерживайтесь, сейчас состав заведут на другой путь. Для дорогих гостей в служебном вагоне начальника отделения временной эксплуатации железной дороги накрыты столы. Ты знаешь, в каком, — обратился он к Анатолию. А затем к обоим: — Мы вас ждем.

— А что вас интересует? — улыбаясь, спросил Немичев.

— Как вы попали на строительство железнодорожной магистрали?

— Я вообще-то романтик. О большом строительстве мечтал с детства. По специальности гидротехник. Закончил Омский сельскохозяйственный институт. Там гидротехнический факультет очень хороший. Профессура, эвакуированная еще во время войны с Московского института народного хозяйства. Работал в Якутии, на Дальнем Востоке, в Амурской области, на строительстве Зейской гидроэлектростанции, в Средней Азии на Каракумском канале...

— На строительство железной дороги Тюмень – Сургут как попали? – перебила, экономя пленку.

— Пригласили начальником участка на юганскую Обь. К тому времени мне уже приходилось заниматься транспортным строительством — намывал насыпи железных дорог, подходы к мостам делал...

— А это правда, что у вас сын на трассе родился?

— Да, — широко улыбнулся. — В четырехстах метрах от створа будущего моста. Мы там домики свои поставили. Вот там он у меня и родился. Об этом даже в «Советской России» писали.

— Поподробнее, пожалуйста, — попросила Рита.

— Да, что там говорить подробнее? Как и все работал... Сюда приехал в мае 69-го года. На гриве стояло несколько домиков, начался паводок, эти домики затопило. У меня контейнер пришел с вещами. Жена еще не приехала. А мы срочно прокладывали пульпопровод, и начали намывать площадку. Первую площадку намыли, я туда стал эвакуировать домики и рабочих. Пока всех не перевез, сам не выехал. Я же начальник участка. Как капитану судна, полагается последним покидать тонущий корабль.

Ночевать приходил, пока еще можно было — вот так: в болотных сапогах. У меня кровать стояла над водой на чурках. Я забирался на это сооружение и спал. Усталость нагромождалась таким грузом, что сон был единственным спасением. Не до удобств было. Лишь бы голову где-нибудь прислонить. Свет горел, нормально. Тогда я курил очень много, у меня вместо пепельницы тазик плавал. Когда вода дошла до окон, я подогнал самоходную баржонку, двадцатипятитонную, к окну, и мы с ребятами перекидали вещи.

В тот год, старожилы, наверное, помнят, паводок был очень высокий. Много домов потопило. Короче, когда я встречал свою жену на катере на подводных крыльях, мы подъехали к самой бетонке. Сантиметров пятнадцать оставалось до нее. Причалили к столбу... К этому времени еще один щитовой домик поставили, уже для меня. Правда, крыши не было. Так я брезентовую палатку раскинул вместо крыши. Вот в такой домик и заехала моя беременная вторым ребенком жена. Первому сынишке было чуть больше года... Приехала как снег на голову...

Съездили в Нефтеюганск, нас поставили на медицинский учет. Сказали: родит месяца через полтора, не раньше. Людей в строительно-монтажном поезде мало. Уговорили ее поработать зав складом. Перед майскими

праздниками завезли коньяк – «бренди». На складике этом замочек – одно название. Решили в доме хранить спиртное. Так мужики покоя не давали. Второго мая приходят: «Выдай по бутылочке!» Я говорю: «Нет уже ничего!» Они мою жену увидели: «О-о-о!!! Сын родится – ящик водки поставиши!» Ну, как всегда, в таком случае... А она говорит: «Я пока не собираюсь рожать. Рано». Мужики ушли, а в два часа ночи сын родился.

У нас медиком девчонка была, после училища. Ничего не знала, даже жгут накладывать не могла. Я к ней, она испугалась: не умею! Хорошо хоть в аптечке пакеты оказались – пуповину перевязывать. Ну, я там еще одну женщину нашел. Та упиралась, но я ее, все же, притащил домой. И как раз вовремя: у жены роды начались... Давай воду греть. В общем, трудно было. У него пуповина вокруг шеи намоталась. Родился синенький. Я думал: все... Нет, закричал.

У меня бутылочка кагора была, я этой женщине на радостях налил стакан. Она как пошла моего сына обмывать!.. Словом, все закончилось хорошо. Только потом долго не могли его зарегистрировать.

– Почему?

– А чтобы выдать свидетельство о рождении, нужна справка из роддома. Но мы-то где рожали? Девчушки-медика в это время уже не было. Она уволилась. «Мы ничего не знаем», – говорят. Довели до того, что я кулаком по столу ударил: «Вы что, говорю, человек уже три месяца – советский гражданин, а вы не хотите ему документы дать!» Помогли знакомые женщины. Дали справку, в конце концов, выписали свидетельство, в котором указали, что мой наследник в Нефтеюганске появился на свет. Вот так...

«Вот такая история, –-domysliла она про себя, – выходит, одновременно родились вот эта сибирская трасса и незнакомый мне человек... Живая частичка исторического мгновения. И это, пожалуй, самое главное, что сегодня я узнала и поняла».

Рита выключила «репортер».

– Вас ждут в гостевом вагончике.

– А вы? Нас вместе приглашали, – напомнил Немичев.

– Извините, меня тоже ждут.

Она не соврала. Действительно, в стороне стоял Виктор Семушкин и терпеливо дождался, когда закончится интервью.

– Поехали с нами, – предложил сходу. – Все журналисты собираются в нашей редакции газеты. Они уже уехали на автобусе. Я ждал тебя. Редактор оставил свой «УАЗик».

Радостное возбуждение и ослепительную улыбку Виктора Рита прописала праздничному событию. Но Семушкин, взяв у Васильевой тяжесть, успел разубедить ее в этом, пока они шли к машине.

– Я очень счастлив, что приехала именно ты! И погода сегодня солнечная, и ты вся такая изумительная, вдохновенная! – И без перехода: – Слушай, ты всегда столько тяжестей носишь?

— Конечно!

— Бедненькая, — пожалел коллегу. — Мне и без того было жаль на тебя смотреть во время митинга, а теперь, когда я на себе почувствовал, сколько тут килограммов, еще жальче стало.

— Ничего, я уже привыкла.

Он хотел сказать, что все это время думал и вспоминал о ней, но они уже подошли к машине, а говорить о своих чувствах при посторонних не хотелось. Виктор надеялся, что в редакции появится возможность остаться на несколько минут наедине, но как только они туда вошли, понял, что и сегодня ничего ей не скажет.

В складчину был накрыт стол. Пообедали и выпили в честь события. Не такими уж задаваками показались Рите столичные журналисты. Они больше слушали, мало говорили сами. Виктор и Николай Иванович охотно делились полученной информацией. Через два часа к зданию подошел автобус и увез всех в аэропорт.

Московских и тюменских журналистов отправили вечерним самолетом. А Риту включили в свиту гостей из округа, которых уже ожидал специальный вертолет.

Всю ночь она с Петькой Анискиным прослушивала записи на пленках и монтировала репортаж. В шесть часов десять минут утра материал вышел в эфир под ответственность исполняющего обязанности главного редактора Владимира Ковеленова. Он помогал выбрать нужное и не допустить лишнего. С цензурой договорились в порядке исключения. Рита понимала, что не записавшийся разговор с машинистом Дмитриевым мог бы стать одним из неповторимых штрихов к образу памятного дня, который она создавала в своем репортаже. Но пришлось обойтись без него. Расплата за невнимательность и торопливость пришла незамедлительно и категорично. Хотя о своей оплошности Рита так никому и не рассказала.

В начале десятого в редакцию позвонили из отдела пропаганды окружкома КПСС. Партийные лидеры остались довольны и содержанием, и оперативностью. Владимиру Ковеленову объявили благодарность. Он тут же написал приказ и в свою очередь объявил благодарность Анискину и Васильевой.

Жизнь продолжалась. Эпоха созидания ожидала новых исторических событий. Они были еще впереди. А Рита Васильева пока что отсыпалась на стареньком кожаном редакционном диване. Она так устала, что не было сил дойти до дома... Все, касающееся настоящей, а не придуманной истории, легким не бывает. И не одного уже с ног свалило. Но пока Рита Васильева об этом только начинала догадываться.

* * *

Придя домой, Рита не узнала свою квартиру. Сначала подумала, что ошиблась адресом. И было от чего. В кухне висели два новых шкафчи-

ка. Под ними — две тумбочки. Рядом примостилась маленькая плитка с газовым баллоном. В двух картонных коробках фарфоровые сервисы — чайно-кофейный и столовый, набор ложек, ложечек, вилок и ножей из нержавейки...

— Интересно, — произнесла растерянно вслух. Прошла в комнату, остановилась у порога. — Боже! Откуда это?!

Практически всю стену занимал роскошный ковер. Вместо раскладушки — диван. Здесь же два кресла и шифоньер. На полу — палас. На другой стене большое зеркало, а рядом с ним — мягкий низенький пуфик.

— Вот это да-а!..

Она кинулась к соседке.

— Как откуда? — удивилась та. — Дак, твой приезжал. Ключи, говорит, забыл. Я отдала запасной, тот, что ты оставляешь всегда, уезжая в командировку. Он тут с мужиками быстрёхонько выгрузил все, чегой-то там возился долго. Слышно было, как стучал да ворочал мебелью. Только утром сегодня и уехал. А тебе чё, не понравилось? Или расстроилась, что дома его не застала?

Что могла объяснить Рита своей соседке? Какой «мой»?! Значит, тетя Надя приняла Евгения за «моего»? А в том, что это был именно он, Рита не сомневалась. Только Леонидов был способен на подобные безумства. Возникшее было возмущение, успокоила комфортность новой мебели.

«Спасибо, конечно, но это слишком дорогой подарок, — решила Васильева, садясь в удобное мягкое кресло. — Обязательно рассчитаюсь за все приобретенные предметы и вещи. Правда, на это потребуется, может быть, даже не один год с моей-то зарплатой. Как бы там ни было, а такой подарок я от него не приму!».

Чувство благодарности разлетелось по всем уголкам ее некогда скромной обители. И все-таки взбудораженное состояние не проходило.

— Нет, наверняка, он сумасшедший, — счастливо улыбаясь, говорила сама с собой вслух. — Он что решил меня купить? Так это бесполезно! Я и без того его уважаю...

Слукавила и остановилась. «Уважаю? Только ли?»

Тепло и спокойно становилось на душе, когда она думала об Евгении. Не то, что Алексей. Одно его имя приводит в тревожное бешенство.

«Что же с тобой происходит, Рита? — задала себе вопрос. — Ты стоишь на перепутье? Тебя уже сейчас некоторые причислили к разряду старых дев, а что будет в ближайшие два-три года, если так никто замуж и не возьмет? Подумать страшно! И ребенка пора уже заводить... Материнские инстинкты требуют... Да и мать чуть ли не в каждом письме спрашивает: "Есть ли у тебя надежный парень на примете?" Ах, мама, если бы ты знала, сколько парней вокруг, а замуж выйти не за кого...»

Она с удовольствием закурила и вдруг обратила внимание на то, что на журнальном столике стоит новая пепельница — красивая, в тон мебели.

— Да, все-таки у него изумительный вкус, — подумала с благодарностью о Леонидове. — Даже полочки под телефон и под книги не забыл! Если бы я имела возможность купить все эти вещи, лучшего выбора не сделала бы... — призналась сама себе.

Хотелось позвонить ему в Нижневартовск немедленно. Сказать «Спасибо!», сказать, как довольна, как счастлива! Но куда? Дома жена, ребенок, а на работу не дозвонишься. Или все же можно дозвониться, если захочет?

...Трубку подняла секретарша. Очень милый голос спросил удивленно:

— А почему вы по этому номеру Леонидова спрашиваете?

— Мне срочно нужно с ним поговорить, — настаивала Рита. — Может, вы подскажете, как позвонить ему на буровую? У вас такая связь имеется?

— Имеется, но только по радио. Боюсь, что для вас это невозможно.

И тут Рита услышала, как чей-то мужской голос спросил у секретарши: — Кто это?

Та ответила:

— Леонидова спрашивают.

— Откуда?

— Из окружного центра.

— Женщина?

— Да.

— Дай-ка трубку.

Тот же голос, уже обращаясь к Рите, заговорил:

— Здравствуйте, это кто?

— Добрый день, — почему-то испугалась Рита. — Это Васильева из окружной редакции радиовещания.

— А-а, минуточку, сейчас я перейду в свой кабинет, не кладите трубку.

И секретарше:

— Переключи на мой прямой.

Рита ждала. Сердце подсказывало, что разговор будет не простым. И не ошиблась.

— Так вы та самая Рита Васильева, которая приезжала к нам на рекорд перед Новым годом? — задал вопрос мужчина.

— Да, а вы кто?

— А я тот самый начальник управления, у которого вы брали тогда интервью, Пал Палыч Смирнов. Я понял, вы ищите Леонидова.

— Да...

— А на какой предмет, извините? По поводу его нового рекорда? Или у вас есть другие темы для разговора?

— Да, — обрадовалась подсказке Рита, — по поводу его нового рекорда. Когда он может состояться? Хотелось бы взять информацию, чтобы запланировать командировку.

— Уважаемая Рита Васильева, новогодняя елка на буровой в бригаде

Леонидова состоится в сентябре. Число уточняется. Мне бы хотелось, чтобы именно вы приехали к нам для подготовки этого репортажа.

— Совсем не обязательно, что буду именно я, — заметила осторожно.

— Нет, это обязательно должны быть вы! Мы будем рады видеть ВАС! Я официально приглашаю Риту Васильеву! Там и поговорим.

— О чём? — Пал Палыч явно интриговал и специально что-то не договаривал.

— И о рекорде тоже. До свидания.

Начальник управления положил трубку.

— Ничего себе, поблагодарила человека, называется... — недоуменно вертела в руках телефонную трубку Рита. — Что-то тут не так... Явно не так...

* * *

Леонидов позвонил Рите дня через два, в воскресенье. Либо жена куда-то ушла, либо он находился в чужой квартире. С главного переговорного пункта он вряд ли рискнул бы звонить. Слишком хорошо знали в городе бурового мастера Евгения Леонидова.

— Ты что-то хотела сказать? — обеспокоено спросил. После нежных приветствий в его голосе прорвалась тревога. Она зазвучала напоминанием о разговоре с начальником управления буровых работ.

— Прежде всего, я хотела сказать тебе спасибо! Мне все очень понравилось, но... я не могу принять столь дорогой подарок!

— Рита, малыш...

— Не перебивай, у нас мало времени. Я постараюсь рассчитаться с тобой, как только позволит моя заработка плата.

— Только не это! — застонал Евгений. — Ничего не говори про деньги, я тебя умоляю! Мы знакомы с тобой уже целых триста дней!

— Если ты не согласишься с моими условиями, я перееду на другую квартиру, а всю твою мебель оставлю здесь!

Евгений поверил: она — так и сделает. Уговаривать бесполезно.

— Хорошо, считай, что это беспроцентный кредит.

— И за это — еще раз большое, просто огромное спасибо! Я вот о чём подумала: чтобы зарабатывать такие деньги, нужно очень много трудиться. А это — вредно для здоровья.

— Не беспокойся. Труд — не что иное, как нормальное существование белковых тел. Зарабатываешь и самовыражаешься. Самовыражаясь — и зарабатываешь! Мне особенно приятно делать это в последние месяцы, потому что для меня теперь это не только реализация способностей и проверка возможностей организма, но и достижение определенной цели — лишний раз увидеть тебя...

— Я давно подозревала, что ты сумасшедший, но чтобы до такой степени...

— Ура-а! Ты дошла до комплиментов в мой адрес...

— Женя, мне кажется, твой начальник что-то подозревает. Он пообещал со мной поговорить при встрече.

- Пал Палыч?! О чём он с тобой может разговаривать?
- Мне кажется, о тебе...
- Очень интересно... Но ты не волнуйся. Никаких лишних разговоров не будет. Приезжай на новогоднюю елку!
- Когда?
- Буквально через две недели.
- Через две недели я буду очень далеко. За три тысячи километров. Буду греть бока под южным солнцем.
- Я к тебе приеду. Можно?.. — голос в трубке стал напряженным до предела. Рита почувствовала: он ждал ответа, как приговора. Она еще не созрела до безумства...
- Я запрещаю... Если, конечно, мое мнение тебя интересует в этом вопросе... — и положила трубку.
- «Вот тебе и благодарность!» — загрустила она. Но она действительно не была готова к безумствам в любви. Разум брал верх, и она ничего не могла с собой поделать.

* * *

Алексей Серебряков все же решил узнать: действительно ли Рита Васильева вышла замуж и за кого.

Он выяснил ее адрес. Пришел. Во дворе на скамейке сидели две старушки. Увидев от калитки, что на двери висит замок, на всякий случай поинтересовался:

- Здесь живет Рита Васильева?
- Здесь, здесь, — закивали обе головой.
- Вы не знаете во сколько она бывает дома?
- Дак, ее вообще нет сейчас. В командировке она. Часто уезжает, — охотно рассказывала одна из них. Другая внимательно смотрела на незнакомца.
- А муж? — он почувствовал, как заколотилось сердце.
- Муж-то? Дак, кто его знает? Его еще реже видно, — как само собой разумеющееся, подтвердила вторая. Видимо, соседка. — Я всего несколько раз его и видела. Зимой, однако, как-то встретились у калитки. Да несколько дней назад приезжал, в магазин бегал, воду таскал. И опять оба пропали. Уж ден пять не видно, не слышно никого.

Она наболтала бы еще чего-нибудь, но Алексею было уже не интересно слушать. Он все выяснил, что хотел.

- Может, передать че? — донеслось сквозь гул в голове.
- Да, передайте: Алексей был. На свадьбу приглашал в сентябре. Пусть оба приезжают! — Фраза прозвучала, как вызов. Но старушки не заметили настроения незваного гостя. Восприняли, как излишние эмоции жениха, ожидающего свадьбу.
- Куды ж, это? — встрияла в разговор та, что поменьше.
- Она знает, — стиснув зубы, повернулся резко и пошел прочь. Боял-

ся, что любопытные старушки разглядят слезы в его глазах да передадут этой...

Алексей не мог найти подходящих слов, чтобы выразить свое отношение к Рите. Он так ненавидел ее теперь, что сравниться с этим состоянием могла только такая же сильная недавняя любовь...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

ПОСТРОЙ СВОЮ ТРАССУ ЖИЗНИ

Поезд шел так медленно, что при желании можно было разглядеть грибы в лесу. И останавливался так часто и надолго, что молодежь выходила на лужайках погонять мяч. Рите казалось, она никогда не доберется до места назначения последней — перед отпуском — командировкой. На каком-то разъезде ее должны встретить. Дождутся ли — уверенности не было, потому что договаривались через третье лицо. Впрочем, корреспонденты на трассе — событие неординарное. Да и штаб ударной комсомольской стройки не должен подвести. Все-таки объект всесоюзного значения — магистральный газопровод Уренгой — Сургут — Челябинск.

Осень начала свой стремительный поход по земле. Золотистой мицурой приукрасила веселый березовый хоровод, подрумянила заросли осины, вынудила заалеть от нескромного богатства плодов ветки рябины...

Восемь часов в поезде показались сутками. К вечеру небо нахмурилось, пролилось мелким дождем. Под стать настроению. Стало серо, сыро, тревожно. К месту назначения подъехали уже в темноте. Смело спрыгнула с подножки вагона. Наученная горьким опытом, Рита приспасла для командировочных поездок резиновые сапоги. Тем более что в штабе стройки предупредили: на трассе без сапог делать нечего! Огляделась. Никакого автомобильного транспорта в лучах прожектора, освещавшего территорию разъезда, не наблюдалось.

— Ну, вот, начинается... — сказала вслух.

— Девушка, вы случайно не корреспондент Рита Васильева? — раздался за спиной голос. Оглянулась. Молодой человек, широко улыбаясь, разглядывал ее с откровенным любопытством.

— Да, это я. Васильева.

— Мы вас уже несколько часов ждем! — обрадовался незнакомец. — Идемте, быстрее!

Он подхватил ее портфель и пошел впереди. Его болотники, уверенно шлепали по лужам. Рита едва поспевала за ним. Остановились у тягача.

— Приехала! — сообщил кому-то. — Заводи технику!

И, обращаясь к Рите: — Вам помочь? Или сами заберетесь?

— Куда? — опешила та.

— Давайте, я помогу. — И не дожидаясь ответа, молодой человек подхватил корреспондента и поставил на гусеницы.

— Мы что, на этом... поедем?

— А на другом — к нам не доберешься!

Он чему-то все время радовался. А Риту, наоборот, ничего сейчас не вдохновляло. Она еще не отошла от утомительной поездки в «бичевозе», так прозвали рабочий поезд пассажиры, и вот тебе, пожалуйста — остаток пути придется преодолевать на этом железном крокодиле!

— Давайте познакомимся, — оживился ее спутник, — меня зовут Борисом. А это — наш Санька, — кивнув в сторону водителя. — Ну, Санек, прокатишь с ветерком?

— Будь спок! — Санька тоже улыбнулся, и эта его белозубая улыбка внушила доверие. Рита решительно шагнула в кабину. На сиденье могло бы разместиться трое таких, как она. Борис сел рядом. Мотор взревел, машина дернулась и помчалась в ночь, выхватывая фарами из темноты горы строительных материалов, а затем и тайгу.

— Тут недалеко! — крикнул в ухо Борис. Это утешило, но не надолго. Ибо вскоре стало понятно, что трассовое «недалеко» абсолютно не совпадало с теми представлениями о расстоянии, которые имела на этот счет Рита. Их трясло и болтало на ухабах. Она впервые ехала по такой дороге, которую и дорогой-то назвать было нельзя — обыкновенная лесная просека, заполненная грязью. Мытарствам этим, казалось, не будет предела. Наконец, впереди замаячили огоньки, показались «бочки», установленные в ряд.

— Что это? — не удержалась Рита от вопроса.

— Наш поселок! — с гордостью выкрикнул Борис.

— Оч-ень инте-ере-есно...

Лихо развернувшись, Санька остановил своего стального коня.

— Приехали! — он был доволен собой. — За рекордно короткое время домчались!

— Спасибо! До завтра! — отпустил его Борис.

Он уже стоял на земле и протягивал Рите руки. Совершенно не тушясь, она соскочила в его объятия. А что делать?..

— Пойдем сначала в гостиницу. Вам выделят роскошные апартаменты. Там у нас только самые дорогие гости да англичане живут.

— Англичане? Откуда?

— Из Англии, — с достоинством ответил Борис.

— А что они тут делают?

— Шеф-монтажники. Свое оборудование — газовые турбины на «каэске» будут устанавливать. Для них с Большой земли специально поваров привезли! — И такая гордость сквозила в этих словах, словно сам Борис был поваром и кормил зарубежных специалистов. — Двух девчат. — И заметил, как бы, между прочим: — Англичане тоже на ГТТ ездят к месту работы.

— И как?

— Не возмущаются. Наверное, на Туманном Альбионе им такого не снилось даже в самом страшном сне.

Рита представила себе этот остров на карте мира. Лондон в молочной пелене, черепичные крыши каменных замков, строгих чопорных людей, больше всего заботящихся о знаках приличия, всегда невозмутимых и сдержаных... Не совмешались представители этой страны в ее сознании с теми условиями жизни и быта, которые предложила им нынче Западная Сибирь с ее потрясающими богатствами и не менее потрясающей неустроенностью.

Они шли по освещенной фонарями улице, состоящей из жилых «бочек». С двух сторон непролазную грязь дороги удерживали в русле деревянные тротуары.

«Это даже не деревня, — подумалось тоскливо, — это просто некий пионерный десант, выброшенный среди бескрайней тайги и болот».

— Вот и пришли, — в голосе Бориса опять прозвучала радость. — Это у нас единственное капитальное здание, — он распахнул перед Ритой дверь двухэтажной гостиницы.

Внутри было действительно роскошно: ковровые дорожки устилали просторный коридор и широкую лестницу на второй этаж.

Комната показалась излишне большой. Арки делили ее на две половины. В одной — спальный гарнитур, в другой — кожаный диван, два кресла, журнальный столик и обеденный стол с двумя мягкими стульями.

— Нравится? — нарушила изумленное молчание гости консьержка.

— Очень!

Борис вытянул шею из-за ее плеча и тоже не удержался от восторга:

— Вот это да! А я что говорил? Комфорт на высшем уровне! Скоро все так будем жить.

— Ну, скоро не скоро, а когда-нибудь непременно будем жить лучше, нежели сегодня, — поддержала его оптимизм консьержка... И вздохнула. Рита промолчала.

Как и большинство служб, контору участка тоже разместили в «бочке». Встретил Риту заместитель начальника строительного управления. Воспаленные от усталости глаза в полном недоумения воззрились на Риту: что делает здесь в такой поздний час эта девушка? Потом, словно вспомнив, бросил:

— Садитесь, — и начал перекладывать бумаги с одного края стола на другой. — Здравствуйте, — приветствие прозвучало вместе с выдохом.

— У вас неприятности? — осторожно поинтересовалась.

— У нас всегда неприятности. То одно, то другое. А тут еще вы... свалились на голову. ...Простите за резкость. — Он говорил тихо, искренне, с сожалением.

— Между прочим, я не на прогулку приехала. И не из праздного любопытства. У меня тоже работа. Вот и давайте, начнем вместе работать.

— Я вас слушаю... — Собеседник, чувствовалось, с трудом преодолел раздражение.

— Рита Васильева, окружное радиовещание. Корреспондент.

— Аркадий Васильевич Алимов, заместитель начальника СМУ треста Север трубопроводстрой, — в тон ей ответил Алимов.

Рита старательно записала в блокнот его должность, имя и отчество.

— Мне надо попасть на строительство газопровода Уренгой — Сургут — Челябинск. Это — во-первых. Во-вторых, на строительство компрессорной станции. Предстоит поговорить с людьми, посмотреть, в каких условиях они живут, как выполняют социалистические обязательства, годовой план...

— Зачем?

— Для радиожурнала «Вахта», где мы рассказываем о строителях, геологах, нефтяниках... Пришло время рассказать о вас.

— Похвально. Но мы-то всего этого не услышим.

— У вас что, радио нет?! — удивилась Рита. — Мы ведь на коротких волнах вещаем. Нас даже Англия принимает.

— Некогда... — он посмотрел своими воспаленными глазами на Риту, и она прочла в них одно желание — высаться. — А если и появляется время, то, в основном, слушаем Москву.

— Мне совсем не нравится ваше настроение, — пошла в атаку Рита. — Хорошо, у вас лично нет времени. Но это еще не значит, что другие не слушают. Вы же должны понимать важность для страны то, что делается в Западной Сибири. В частности, вами тоже. Вашим управлением, — уточнила. — Вот об этом мы сейчас и будем говорить.

Она поставила на стол «репортер», начала готовить его к записи, но Аркадий Васильевич остановил ее:

— Не сегодня. Я и, правда, что-то устал, — ему стало неловко за себя, но настроения, действительно, не было. Глянул на часы — без двадцати минут одиннадцать. — Да и вам следует отдохнуть. Подъем у нас в шесть ноль-ноль. Завтракаем — и на трассу, если вы до утра не передумаете туда ехать.

— Не передумаю! Никогда свои решения не меняла.

— А что вы, собственно, хотите там увидеть? Ведь ничего же интересного: просека через лес, траншея, труба... Вырыли — положили — закопали. Вы на это хотите посмотреть?

Он уже складывал в папку бумаги, достал ключи.

— И на это — тоже. Но, в основном, мне нужно с людьми поговорить.

— Так, людей мы можем и здесь найти, — сделал последнюю попытку отговорить Риту от поездки Алимов.

— Я же сказала, что решения свои не меняю. В шесть тридцать буду готова.

* * *

В ГТТ тряслись часа полтора. Тягач двигался вдоль просеки. Положив на колени «репортер», Рита продумывала варианты будущей передачи. Рядом дремал Алимов. «Если он спит при такой тряске, значит, он

может спать даже стоя, как лошадь», — сделала вывод Рита, видя, как голова Аркадия Васильевича болтается в разные стороны. Остальные работяги устроились в кузове. В заднее стекло, куда Рита время от времени поглядывала, были видны их заспанные лица. Кое-кто умудрялся даже читать, кое-кто курил. Остальные просто глазели по сторонам, равнодушно созерцая привычную картину.

Аркадий Васильевич оказался прав. На протяжении всего пути где-то валили лес, выкорчевывали пни, расчищали широкую просеку. Где-то экскаваторы рыли траншею. Огромные «Ураганы» подвозили трубы. И только на последнем участке шла сварка, вели изоляцию трубы, укладывали на дно траншеи «плети» ...

— Называют нас так: бригада ускоренного темпа. Я ее бригадир — рассказывал Рите Павел Дудко. — У нас свой метод работы. Начали его осваивать года два назад. В бригаде больше шестидесяти человек. Работаем в две смены.

Выглядел ее собеседник очень колоритно: огромного роста, в болотных сапогах; над большими карими глазами кустились черные брови. Рыжеватая борода была длинной, но аккуратно подстриженной. (Похоже, у трассовиков мода на такие бороды). Непослушные густые волосы трепал ветерок. И голос у бригадира был густым, басистым.

— Суточный шаг у нас полтора километра. Удачно идет вывозка плетей. Самый сложный участок, где много болот и озер, мы уже прошли. Причем, я считаю, неплохими темпами: за пятнадцать дней — десять километров.

Сейчас ведем поворотную сварку. Начали ее одними из первых на «северном плече» магистрального газопровода. Задание — сделать более ста километров «поворотки». Сдать нам этот участок надо в октябре. Но, разумеется, мы сдадим его раньше. Уже начинается расputница, и теперь прилагаем все усилия и навыки, чтобы все дела завершить до начала сезона дождей.

— Вы сказали «бригада ускоренного темпа». Что имеется в виду?

— Смысл в том, что у нас идет сварка потолочным методом.

— Как это?

— На каждом стыке работают одновременно четыре сварщика. Я расставляю их так, чтобы каждый на своей операции работал с наибольшей отдачей... Не поняли? — увидел по глазам корреспондента. — У нас четыре слоя сварки на трубе. Первый слой — «корень» сварки, потом — заполнение, потом — второе заполнение. И последний слой — облицовка.

Сварщики, может, и одинаковые все по стажу, по опыту, но каждый все эти четыре слоя освоил по-разному. У одного на «корне» быстрее и качественнее получается, у другого — на облицовке... Используя навыки каждого, я рационально их расставляю по участкам. Получается ускорение. Мы уже два сезона работаем по такому методу. В прошлый сезон нас немного вывозка плетей подвела — отставали от наших темпов

сварщики на стеллажах. Это там, где по три трубы в плети сваривают, чтобы на трассе работы поменьше было, — но все равно мы сварили 74 километра. Диаметр трубы большой — почти полтора метра. Понимаете, чем севернее участок, тем сложнее. Больше болот, меньше укрытых мест. Даже маленький ветерок способен быстро замести плети снегом.

— Павел Иванович, а что вы можете сказать о людях бригады?

— Большинство работает со мной уже четвертый год. У меня в основном старые сварщики. Настоящие зубры. В последнее время, правда, появились и молодые — комсомолята. Надеюсь и верю, что не подведут.

— А как работает ваша бригада в сравнении с другими бригадами в вашем тресте?

— Мы раза четыре занимали первое место по главку за сезон. Вроде бы, неплохо. Но об этом лучше начальству судить.

Широкая улыбка осветила его лицо белыми крепкими зубами.

...Заместитель начальника СМУ Алимов выглядел сегодня иначе. Глаза блестели, голос звенел от волнения, речь была вдохновенной, как будто он регулярно давал интервью корреспондентам.

— Стройка торопит. Время «наступает на пятки». Через год-полтора вот такой упорной работы, которую вы сегодня видели, по новой газовой магистрали пойдет поток неисчислимых богатств Уренгоя. А потом... За первой ниткой газопровода последует вторая, третья, четвертая... Так что наши трудовые будни на этой трассе будут продолжаться еще несколько лет...

Рита поняла: народ здесь живет в азарте большого дела. Энергия бьет через край. В этих бездонных комариных болотах, при крайнем напряжении всех физических сил в людях живет осознание того, что они — вершат такое дело, которое только им по силам. И больше никому. Они понимают, что такая предельная ответственность. Каждый из них ощущает свою значимость, необходимость и причастность к общему делу.

— Хотите знать мои мысли о значении этого газопровода? — переспросил Аркадий Васильевич. Помолчал немного и начал рассказывать о том, что считал очень важным.

Оказалось, газовые трассы в Тюменской области раньше прокладывали по ее северным районам. Южный вариант — через Сургут и Тобольск — был рассмотрен по поручению Алексея Николаевича Косыгина. Председатель Совмина СССР предложил Мингазпрому проработать технико-экономические обоснования о целесообразности вовлечения в промышленную разработку газовых месторождений, расположенных от Уренгоя до Среднего Приобья.

Тогда же стало очевидным строительство Тобольского нефтехимического комплекса, использование газа для нужд городов и поселков области, необходимость подачи голубого топлива на заводы Урала...

— Несмотря на то, что основной объем рабочих чертежей еще не выдан подрядным организациям, — рассказывал Алимов, — строители

приступили к подготовительным работам. В прошлом году наш трест освоил около пятнадцати миллионов рублей капитальных вложений на сооружении производственных баз. А в текущем году строительно-монтажных работ необходимо выполнить на сумму в шестнадцать раз большую! Представляете?!

Из центральной прессы Рита знала, что на строительство газопровода в чрезвычайно сжатые сроки привлекаются десятки генподрядных трестов. Газовую реку, протяженностью больше полутора тысяч километров, отправят в путь восемь из тринацати компрессорных станций. Остальные «каэски» будут вводить уже на действующем газопроводе.

Целый комплекс непредусмотренных и непредвиденных трудностей придется преодолеть строителям на пути к конечной цели. Предстоит построить три особо сложных перехода через крупные речные преграды и еще множество через более мелкие.

А пока Рита Васильева стоит на одном из участков этой трассы, слушает, вникает, наблюдает за мастерской работой сварщиков, трубоукладчиков, экскаваторщиков.

— Вспомните какой-нибудь интересный случай, — предложила Рита.

— Чем интересный? — лукаво посмотрел на нее Алимов.

— Ну, может быть, особенными сложностями...

— Вообще-то было дело. Но не здесь, а там, еще севернее по трассе.

Помню, высадили нас в декабре строить здание треста. На том месте, где предстояло заложить фундамент, была большая свалка — куча списанных экскаваторов. А в первые два дня мы — нас всего двенадцать человек было — приняли присягу.

— Какую «присягу»? — брови Риты взлетели вверх да там и остались, глаза от изумления округлились.

— Присяга-то? — вовлекал неспешно в интригу Андрей Васильевич. — Мы в вагончике жили. А в это время разморозили котельную. Представьте, что такое вырвать человека из семьи, из уютной квартиры, где жена сытно кормит, ребятишки настроение поднимают, а тут... Койка — голая железная сетка без матраца, и температура — минус сорок пять. Вот это и называется, по-нашему, присяга.

Два дня мы так промучились. На третий, чувствуя, паника начинается. Говорю: «Ребята, мы же мужики, нечего... хныкать. Не за тем приехали...» Словом, отремонтировали котельную, и жизнь пошла. Начали корни пускать. Собственно, как и здесь, тоже. Видели: уже целая улица вагончиков по типу «бочек». Осваиваем плацдарм. Построили гостиницу в срочном порядке, строим столовую. Будет здесь и магазин, и баня. Как закончим материальный склад, приступим к строительству овощехранилища. Надоело уже сухими овощами питаться.

— На трассе столовой нет? — Рита оглянулась, чтобы убедиться: не ошиблась ли? В обозримом пространстве не было ни вагончика, ни балки, ни туалета...

— Столовой? — несколько растерянно переспросил Алимов. Затем, вспомнив, с кем разговаривает, подтвердил: — Нет столовой! А зачем она здесь? У нас пока и в базовом поселке негде питаться. Едим, кто как может.

— А как же... — Рита не понимала. До ее сознания не доходило полу-голодное существование крепких, здоровых, сильных мужиков, работающих весь день физически на свежем воздухе.

— Мы тут обедаем, — встал на защиту вчерашний сопровождающий Борис. Он оказался сварщиком и секретарем комсомольской первички. — Ничего, нормально. У нас костровой есть. Сейчас запалит костерок, чай в котелке поставим, тушенку разогреем. Может, попробуете наш суп «кундей». Знаете, что это такое? О-о-о! — Борис рассмеялся над чем-то, словно решая: сказать — не сказать. — «Кундей» по-нашему — это консервированный борщ с лапшой. Вряд ли вам когда-нибудь приходилось кушать такое блюдо. А мы — с превеликим удовольствием уплетаем. Лишь бы горяченькое... Дежурный повар есть. Все продукты приобретаем в складчину.

Рой вопросов донимал Риту, но ей показалось неудобно их задавать. Вдруг обидятся. Возможно, тут действует настоящая коммуна, а она со своими сомнениями: дескать, не у всех же одинаковый аппетит... Но, поскольку, трассовиков этот вариант, видимо, устраивает, то ее, тем более, не должны волновать трудности подобного рода.

...Обедали на пеньках. Разложили газеты, открыли консервы. Суп, правда, так и не сварили. Некогда. В котелке булькал крепко заваренный чай с какими-то травками. Хлеб нарезали огромными ломтями, едва в рот входили. Рите пришлось отщипывать от них по кусочку. Но немудреная эта закуска показалась вкуснее всех деликатесов. За полдня работы на свежем воздухе разыгрался небывалый аппетит. К тому же, она не позавтракала: не привыкла в такую рань тревожить свой желудок. И какао со сгущенкой было вкуснее и желаннее утреннего кофе.

А трассовики, между тем, чувствовали себя великолепно. Балагурили, подтрунивали друг над другом. В присутствии Риты жалели, что не-бритые. И оправдывались: вот, построим газопровод, сварим свой последний — красный — стык, тогда и омолодимся.

Рите показалось, что чувство «первых» настолько поднимает их в собственных глазах, что все остальное воспринимается как должное: и капризы природы, и бытовая неустроенность, и нерадивость администраторов. Они стойко переносят все трудности и лишения, испытывая при этом некий романтический подъем.

— Повезло тебе, — заметил бригадир, — приехала бы на недельку пораньше — не отмахалась бы.

— Почему? — обжигая губы о края железной кружки с горячим чаем, спросила Рита.

— Да тут столько комаров было — тучи! — восторг переполнял Бориса.

— А как же вы спасаетесь?

— «Дэтой», да накомарниками. Но, вообще-то, тяжело приходится, — вздохнул, пожалев себя молча. И тут же широко улыбнулся: — Мы их дымком травим. Дымовую завесу устанавливаем по всей трубе. А в общем-то некогда обращать внимания на такие мелочи...

Борис явно старался преуменьшить сложности, но Рита и без того все поняла.

Терпеливое противостояние природным условиям, иногда отягощенным невниманием к нуждам первопроходцев, ежедневный будничный подвиг этих людей делали их красивыми какой-то особенной красотой. Собственно, они-то как раз и не думали, что их энтузиазм и самопожертвование воспринимаются как подвиг. Так думала Рита. И не сомневалась в этом.

* * *

Похоже, сезон дождей начался раньше ожидаемого срока. После обеда стал накрапывать тихий монотонный дождь. Он пузырился, значит, надолго. Серое небо холодной сталью отражалось в многочисленных лужах, будто упало туда и не могло выбраться из вязкой жижи.

До строительной площадки добрались ближе к вечеру. Вчерашний водитель Санька тут же поехал обратно за работягами, а Рита осталась на компрессорной станции, которую все местные называли коротко: «каэска». Дождь в это время словно специально сделал передышку.

Собственно, объект еще только строился. Но оборудование уже поступало непрерывным потоком, бойко шла разгрузка. Территория была завалена строительными материалами, оборудованием для станции. Сполохи сварки приковывали взгляд. Искры шлейфом сыпались с высоты конструкций на землю. Около техники копошились озабоченные люди...

— Здесь ничего интересного, — предупредил Алимов, — видите, все только начинается. Осторожно! — успел поддержать запнувшуюся обо что-то спутницу, — ноги можно запросто переломать. Поезжайте в поселок! Я приведу в гостиницу, кого пожелаете. Сейчас все равно ничего не поймете и не увидите — темнеть скоро начнет. Дождь, к тому же, вот-вот опять начнется, — уговаривал ее заместитель начальника управления. Откровенно, не боясь обидеть, посматривал на часы. Ровно в семь ему нужно передать по радио в трест сводку о том, что сделано за день. А для этого следовало обойти стройплощадку, встретиться с начальником участка, поговорить с людьми, самому убедиться — сумели или нет выполнить намеченный объем работ. Рита ему мешала. Прямо, камень на шее! И все-то ей любопытно! На все ей собственными глазами надо посмотреть! А он, как привязанный...

— Аркадий Васильевич! — донеслось откуда-то сверху.

— Погоди! — остановил Риту Алимов, а сам уже спешил к крутой железной лестнице, по которой спускался мужчина. — Что у вас?

— Ни черта не получается! — услышала она раздраженный голос прыгающего по ступенькам человека. — Вчера людей не хватало. Сегодня с трассы прислали несколько человек, все равно темпа не выдерживаем — механизмов недостает! Разгрузка постоянно стопорится! На железной дороге завал, вагоны разгружать некуда. Там уже матерятся! Штрафными санкциями грозят...

— Потише, — остановил его Алимов, — тут корреспондент из округа. Чего орешь на всю ивановскую!

Они закурили. Начали говорить потише. Рита не стала подходить ближе. «Пусть разбираются... Зачем людям мешать?»

Она смотрела на будущую компрессорную станцию и пыталась представить ее в готовом виде. Масштабы поражали. Они напоминали чем-то строящуюся Сургутскую ГРЭС. Уже в будущем году установленные здесь мощные компрессоры начнут перекачивать газ на Большую землю, который так ждут заводы и жители Урала.

Снова зашелестел дождь.

— Все, — Алимов догнал ее на другом конце стройплощадки, решительно взял за руку, — в конце концов, я за ваше здоровье тоже отвечаю. Поехали в гостиницу!

Она не стала сопротивляться. В общих чертах ей уже было понятно, как много еще предстоит здесь сделать, и какие героические усилия потребуются для того, чтобы выполнить задание в срок.

Время сжималось до предела, как под прессом. Казалось бы, недавно только было утро. И даже длинная трясучая дорога туда и обратно была переполнена мыслями, впечатлениями, незаданными вопросами — фрагментами передачи, которую должна сделать по возвращении. Про обратный путь думала она с ужасом.

Через четыре дня — профессиональный праздник нефтяников и газовиков. И ее десятиминутный репортаж со строительства газопровода должен прозвучать накануне, в субботней часовой передаче. Следовательно, завтра надо обязательно возвращаться домой.

...Алимов не обманул. Привел эксплуатационников в гостиницу.

— Что рассказывать, — вздохнул человек небольшого роста, крепенький, с плоским круглым лицом. — Мы, вроде, пока ничего такого не сделали, чтобы о нас передачи делать...

Начальник службы контрольно-измерительных приборов и автоматики (КИПиА) мял в руках кепку. Он впервые видел «живого» журналиста. И без того немногословный, совершенно растерялся при виде Риты. Ему сообщили, что по трассе за ней уже закрепилась слава вездесущей проныры. Не журналист, а настоящая шпионка. Все разузнает, ничего от нее не скроешь. Попробуй, сообрази сейчас, какие коварные намерения кроются в этой очаровательной головке, что скрывается за ее улыбкой, какие вопросы произнесут ее пухленькие губки... К тому же, богатая обстановка гостиничного номера так диссонировала с условия-

ми, в которых жили и работали газовики и трубостроители, что ее особое положение входило в противоречие с ее приветливостью. Настроение сковывало.

Рита почувствовала это и пожалела, что поддалась уговорам Алимова. Все-таки, надо было брать интервью в привычной для людей обстановке — на рабочем месте.

«Прокол... Теперь придется вывернуться наизнанку, чтобы разговор получился искренним», — подумала про себя.

— Раздевайтесь, присаживайтесь. Сейчас чайку попьем.

Быстро встала, захлопотала с посудой. Сходила за чайником.

Приглашенные откровенно разглядывали апартаменты.

Забота хозяйки номера несколько растопила первоначальный холодок. А появившиеся на столе конфеты, печенье, индийский чай с тремя слонами на этикетке обрадовали.

— Это не мое, — решила сделать комплимент Рита. — Это гостиница у вас такая... Щедрая и гостеприимная.

Она заметила, как сменилось настроение гостей. Начала исподволь готовить их к предстоящей записи. Задавала самые близкие и простые для них вопросы: с чего все начиналось, как и откуда приехали на Север...

— Эти несколько лет, как один день пролетели, — начал на правах старшего начальник службы КИПиА. — Я сюда одним из первых приехал. Нас десять или двенадцать человек было. Сейчас-то дорог нет, а тогда и вовсе... — он пил чай, хрестел печеньем и рассказывал, не замечая, когда Рита (стараясь сделать это незаметно) включила «репортер», лежащий на свободном стуле рядом, и положила на стол микрофон. Словно бы только подготовилась к записи.

— Ой! А я вспоминаю первую зиму, — подхватил Борис. — Морозы — минус 56 градусов. Представляете?! Отопительная система разморозилась. Дров не хватало. Мы рубили сосны, пилили и топили ими печки-буржуйки, ну... железные такие. Трубу в форточку выводили. Без электричества. ЛЭП еще не подведена. А движок слабенький совсем стоял. На всех не хватало. Ни радио, ни телевидения тем более, нет! Тем не менее, знаете, какой у нас девиз на станции? — И, не дождаясь ответа, продолжил: — Газ — Родине, здоровье — газовикам, зарплату — жене!

Все дружно рассмеялись.

— А жены-то практически у всех на Большой земле. Ехать некуда: жить негде. Так что все холостякуем... — вздохнул Иван Васильев.

— Пока станция не готова к эксплуатации, занимаемся буквально всем, — повествовал начальник службы. Звали его Рашид Хабибуллин. — Мешки девчатам в пекарне помогаем таскать со склада, строим сами себе жилье по типу «балков». Это — те же вагончики, только собственного производства, из дерева. Есть у нас умельцы свои. Столы, полки, табуретки, кровати — делаем сами. Вся мебель у нас самодельная. Причем у всех. Не так обидно...

Многое узнала Рита в тот вечер о газовиках. Воображение рисовало картины одну живописнее другой. Они складывались в эпизоды, а те, в свою очередь, создавали общее представление о жизни первопроходцев на многокилометровой трассе и строящихся «каэсках».

...Вот первый начальник Иван Васильев сидит за самодельным столом и складывает на бумажке столбики цифр, подсчитывая зарплату.

— Эй, мужики, — обращается он к своим подчиненным, — найдите у кого-нибудь счеты, а то вы долго еще денег не получите.

У строителей нашли. Калькуляторы «Искра» появились в их расположении лишь через пару лет. Хоть маленькая, но радость! Вот, из таких радостей и складывалась здешняя жизнь.

...А вот Рашид Хабибуллин пишет при свечке письмо своим друзьям:

«Ребята! Вы даже не представляете, куда я попал! Просто сказка! Живу в самой южной точке Ханты-Мансийского автономного округа. Это почти Северный Кавказ. Что в землю ни воткнешь, то и вырастет. Воткнешь оглоблю — вырастет телега!.. Приезжайте. Тут специалисты очень нужны!»

И все-таки для пущей пропаганды пришлось съездить за ними самому. Рашиду удалось уговорить троих. Приехали, огляделись и чуть не побили автора захватывающие соблазнительных писем... Но не вернулись назад. Остались. Теперь в службе КИПиА есть свои хорошие специалисты, у которых работы сейчас не просто по горлышко, а на голову от темечка повыше.

...Еще эпизод. Дали им под жилье два вагончика. Каждый — на четверых. А их тогда было уже десять человек. Как быть? Судили, рядили. ...Придумали. Сняли межкомнатные двери, поставили на небольшой столик, что находился в центре двухъярусных кроватей. Так и устроили дополнительные «койкоместа».

В поселке «сухой закон». Спиртное появляется только перед праздником. Его тайком привозят из ближайших населенных пунктов. Бутылки прячут в невероятно укромные места. Но заключенные — «химики», работающие на строительстве «каэски», безошибочно угадывают и вагончик, где появилось спиртное, и места, куда могли бы его запрятать. Замков на вагончиках нет. «Химики» заходят, ищут спиртное, выливают и уходят... И что интересно: ничего больше не пропадает. Даже если на столе будет лежать зарплата за несколько месяцев. Парадокс, но факт... Иногда хозяева заставали незваных гостей на месте преступления. В таких случаях «химики» обещали вернуть выпитое, и... никогда не возвращали. У них не было возможностей для свободного перемещения по территории. Остальным в этом смысле было проще.

Первый раз профессиональный праздник отмечали на улице. Поставили печку-буржуйку. Кто-то из командировки привез лимоны. Наготовили закусок... из консервов и из свежих грибов. Гвоздем программы стала дикая утка, запеченная в глине. Ее подстрелили охотники-любители недалеко от трассового поселка. Единственное, о чем сожалели, что

кроме сухой морковки никаких овощей больше не было. А ведь это – сентябрь...

Собственно, особого разнообразия в питании Рита и сейчас не замечала. Суп в столовой из тех же сухих овощей: картофель, морковь, лук... Ничего не поделаешь, свежие овощи хранить пока негде.

Расстались друзьями. Убрав со стола, Рита вышла на балкон. Ее окутала вечерняя прохлада. Уже пахло осенью, словно первая изморозь появилась на траве. Она смотрела на желтые квадраты «бочинных» окон и пыталась представить, что можно делать здесь в этих условиях каждый день? Днем – работа. А вечерами?.. Ни клуба, ни кино, ни книг... Газеты и журналы, привозимые сюда время от времени.

Слух уловил обрывки музыки. Поняла: «Спидола» – дефицитный радиоприемник, которым награждали победителей социалистического соревнования... Значит, какое-никакое, а радио все же есть.

И все же она чего-то не понимала. Болота непроходимые, а их проходят. Планы неподъемные, а их выполняют и даже перевыполняют. Условия бытовые – немыслимые, а люди живут! Им даже весело! Сколько же в них силы, бодрости духа, веры в будущее! Поразительно!..

Она еще некоторое время постояла на балконе, вслушиваясь в разноголосье вечернего поселка. Где-то тихо пели девчата, где-то звонко смеялись мужики, где-то шептались влюбленные... Шла нормальная жизнь... Насколько позволяли местные условия...

Утром следующего дня выясняли, в какое время идет последний поезд на Сургут. Расписание было пока приблизительным. Пассажирское движение по недавно пущенной в эксплуатацию железной дороге еще не было открыто.

– В случае чего, «бичевоза» не жди, отправляй корреспондента на грузовом поезде, потому что время не терпит, – командовал Алимов. В сопровождающие он вновь выбрал секретаря комсомольской первички Бориса Щербакова. Тот кивал головой, совершенно не представляя, как выполнить приказ руководителя. – Сейчас Санька отвезет рабочих, вернется, и поедете, – успокоил Аркадий Васильевич.

Санька вернулся к обеду. Дорогу окончательно развезло. Теперь она представляла собой не просто кашу. Ее поверхность заполнила сплошная вода. Рита настроила себя на подвиг: это надо выдержать. Они могут, значит и я смогу! Тут всего-ничего – двадцать километров...

Завернув в пакет сухой паек на дорожку, поехали. Снова медленно плыли деревья за окном кабины ГТТ. Санькины руки тряслись от напряжения. А Борис, несмотря ни на что, прикорнул. Его голова болтлась, ударяясь о Ритино плечо. С каким удовольствием она положила бы сейчас на свое плечо другую голову...

И вдруг все остановилось. Мотор заглох. Борис проснулся. Санька выругался. Его попытки вновь завести двигатель были безуспешными. Парни выскочили наружу, завозились у гусениц тягача. Ожидание затянулось.

— Все! — наконец-то был поставлен «диагноз». — Глухо! Иди в поселок, сообщи. Подмога нужна, — Санька сел в кабину, жадно закурил.

— А как же я? — Рита уставилась на Бориса.

— Идем со мной. Там что-нибудь придумаем, — предложил Шербаков.

— Ты с ума сошел! — попытался остановить его Санька. — По такой дороге вы только к ночи доберетесь!

— А здесь что делать? — ее голос зазвенел от отчаяния.

— Ждать! — решительно приказал Санька.

— Чего ждать?

— Может, «Ураган» проедет. С железной дороги же грузы вывозят! Заберет тебя кто-нибудь... хоть в ту, хоть в обратную сторону.

— Но вы же тут не разъедитесь уже! Ты ж на самой середине застрял! — крикнул в сердцах Шербаков. — Я пошел... — он спрыгнул вниз, разбрызгивая жидкую грязь.

— Пока ты дойдешь, пока сюда приедут, пока отремонтируют... Ужас!!! У меня передача «горит»...

— Ладно, прыгай, — скомандовал Борис.

Рита сначала бросила портфель. Затем осторожно сама встала на гусеницы тягача.

— А если ты упадешь? — засомневалась, увидев, что грязь достает до колена.

— Не бойся, не таких еще ловили.

Он и, правда, был сильным, этот замечательный сварщик Борис Шербаков. Ловко поймал Риту, донес до обочины.

— Фонарик есть? — спросил на всякий случай у Саньки.

— Откуда? — удивился тот. — Я до темноты не собирался работать.

— Оставь ему продукты, — предложила Рита.

Пакет с сухим пайком прилетел прямо на сиденье.

— Спасибо, — обрадовался Санька. — Теперь мне ничего не страшно. А вы поторапливайтесь.

Они пошли вдоль дороги. Сваленные деревья мешали идти. Пришлось углубиться в лес.

Рита еще раз убедилась, что Борис был неисправимым оптимистом. Всю дорогу рассказывал ей о том, как приехал на трассу, как его тут встретили, с кем работает, что успел сделать в жизни. Оказалось не так уж мало. Рита слушала вполуха. Ее беспокоило одно: как теперь выбраться из этого, Богом забытого, места?

Последние километры пришлось идти, держась за руки, поддерживая друг друга в сумерках.

— Хорошо, что не очень далеко успели отъехать. — Констатировал Борис. — Ты замужем? — спросил неожиданно.

— Нет. А что?

— Почему?

— Не получилось... — соврала.

— Безответная любовь?
— Пожалуй... — согласилась после паузы.
— Врешь! Такую девчонку нельзя не любить. Наверное, сама виновата.
— В чем?! — удивилась та.
— А в чем бабы всегда виноваты? В том и есть... У меня на Большой земле тоже невеста была. Помладше меня. Не сказать красивая, как ты, но симпатичная такая... Вместе хотели на Север поехать. Даже билеты уже купили. А потом ее мать на порог легла: или я или он. «Он» — то есть я, Борис Щербаков. Та — в слезы. Погоди, дескать, уломаю мать, позже приеду...

— И что же? — не выдержала долгого молчания Рита.

— А то... через год замуж вышла... за другого...

Повздыхали. В тишине молчаливого леса вздохи эти показались слезами. Каждый взгрустнул о своем.

В поселок вошли в темноте. Сразу к Алиму: что делать?

— «Вертушку» надо вызывать. Запроси штаб стройки. Если не получится, будем решать через Трансгаз. Надо было сразу договариваться с вертолетом. Удобнее и быстрее.

— Ну, это все-таки малая авиация — спецзаказ и дорого, наверное... — засомневалась Рита.

— Да, у нас вертолеты сюда летают, как такси по городу, — усмехнулся Алисов. — Другого-то транспорта на трассе нет. Практически у каждого начальника свой вертолет.

— Неужели?! — удивилась Рита. — А вы?

— А я — заместитель.

В штабе стройки заверили: не переживайте, что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее.

Утро оказалось мудренее, но не солнечнее. Туманная пелена дождя держалась плотно. Видимость — не для полетов. «Как на Туманном Альбиона», — некстати вспомнила про Англию Рита. Она нервничала. Пленка кончилась. Батарейки сели. Пыталась написать хотя бы «рыбу» репортажа, но мысли забились как в истерике: к чему все это, если она не попадет вовремя в окружной центр...

О том, чтобы ехать железной дорогой, не могло быть и речи. Пока не отремонтируют ГТТ. Тяжелая техника при таком бездорожье, была дороже золота. После обеда в гостиницу прибежал Борис.

— Собирайся! Сейчас на вертолетную площадку поедем. «Вертушку» обещали прислать через полтора часа. Попутную. Довезут до Нефтеюганска, там передадут тебя, как флагок, в штаб стройки. Начальник штаба договорился с геологами. До окружного центра долетишь с ними. Завтра.

Настроение тут же взлетело до потолка. Рита благодарила Бога, штаб комсомольской стройки, отзывчивых людей и персонально — Бориса. «Все-таки, мне везет! Такие хорошие люди постоянно встречаются на журналистской тропе!»

— Когда передача? — уже подсаживая Риту в вертолет, крикнул Борис.

— В субботу! Обязательно послушайте!

...Из Нефтеюганска успела позвонить в редакцию. Там ее уже потели. Договорилась с Ковеленовым, что будут обязательно ждать ее возвращения. Оставили десять минут для репортажа в общей передаче.

Вертолет с геологами летал весь день. Режим «то взлет, то посадка» по бригадам сейсмиков-геофизиков вымотал окончательно. Она смотрела в иллюминатор на землю, которая напоминала в это время года цветной ковер с замысловатым сибирским орнаментом. Иссиня-зеленые хвойные просторы перемешивались с осенним разноцветьем лиственныхничных деревьев. Свинцовые разливы таежных рек и озер, в которых отражались осколки облаков, перемежались с рыжими пятнами болот. В необозримых просторах буровые вышки геологов, пионерные десанты геофизиков и совсем скромные жилища сейсмиков, куда приземлялся вертолет по своему особому заданию, выглядели маленькими островками.

Все же к вечеру замелькали огни долгожданного городка. Каким же родным показалась ей эта «деревня городского типа и столичного значения», как Рита называла про себя Ханты-Мансийск. Наконец-то!..

Из аэропорта сразу — в редакцию. Петька Анискин дремал в новом кресле у входной двери в фойе. Каравулил приезд Риты.

— Пло-ззво-нни Кко-вве-ле-но-вву.

До эфира оставалось несколько часов.

«Теперь успеем»... — пронеслось в сознании, и тут же оно переключилось на прослушивание записей, сделанных на трассе.

* * *

Алексей специально забился в дальний угол речного трамвайчика подальше от любопытных глаз, чтобы никто из селян не заметил его присутствия. Не хотелось ему говорить ни с кем о предстоящей свадьбе.

Вспоминалась Рита. То строгая, то чем-то очарованная, то неприступная, то страстная... А в голове носилась как навязчивая идея, постоянно повторяющаяся фраза соседки:

«Муж-то? Так, несколько дней назад приезжал, однако. В магазин бегал, воду таскал...»

Обида... Всепоглощающая... разрывающая сердце на куски обида не отпускала его. И если в Тюмени, после разговора с Юркой, он забрал свое заявление из загса, то теперь, несмотря на открывшийся обман, снова готов был зарегистрироваться с Мариной. Назло Рите! И... самому себе. «Так и надо дураку доверчивому. Они, городские, еще и не такие могут!»...

Трамвайчик, как и год назад, приткнулся вдалеке от поселка. Покидал его последним. Озабоченные попутчики быстро скрылись в темноте. Их голоса становились все глупее и глупее. На Алексея нахлынули

воспоминания: вот здесь он когда-то поднял Риту на руки. Тут нес, чувствуя теплое дыхание и аромат ее духов. Какие-то сладкие были у нее духи... Сладкие до головокружения, как поцелуй...

Ему показалось, будто Рита и сейчас стояла где-то рядом, поглощенная темнотой. Даже остановился от неожиданности. Никого — только всполохи вечернего поселка впереди. Закурил.

Обида мешала воспроизвести те дни до мелочей. Память вырывала обрывки только счастливых минут, делая дорогу короче и приятнее.

— Лешка, — окликнул кто-то.

Остановился. Над плотным забором, окружающим крепкий добротный домик, появилась голова одноклассника Витьки Круглова.

— Привет, — откликнулся нехотя.

— Говорят, женишься? — спросил безрадостно приятель.

— Говорят?.. Зря не скажут... — вздохнул.

— Дело есть... — Витька замялся.

— Завтра.

— Нет, сегодня. Это срочно. Я — ненадолго. Хотел в трамвае к тебе подойти, да... народу много...

— Ну, идем, раз секреты у тебя.

Молча дошли до дома. Дверь оказалась открытой, хотя света не было.

«Наверное, квартиранты забыли запереть, — мимоходом пронеслось в голове. — Ведь предупреждал же Романа Николаевича, чтобы никого не селил в гостиницу на это время».

И снова пахнуло знакомым ароматом духов. Как наваждение. «С ума уже схожу, наверное», — поставил диагноз собственному состоянию.

Сели. Закурили. Помолчали. Витька не решался начать разговор. Алексей поставил чайник на плитку.

— Ну, что у тебя стряслось? — не выдержал, наконец.

— Это не у меня, Лешка, а у тебя стряслось... — начал неуверенно гость.

— И что же у меня...? — опять вздохнул.

«Неужели и сюда донеслись слухи про обман Мариной?! Вроде, ни с кем, кроме Юрки, не говорил об этом»...

— Марина обманывает тебя, ты об этом знаешь?

— Знаю...

— Что решил?

— А что решать? Мне уже — все равно... на ком жениться.

— Значит, простили... — он явно что-то не договаривал.

— Дура она, конечно. Но что только девки не сделают, чтобы замуж выйти. Тем более когда время поджимает... — заметил со знанием дела. — Некоторые уже успели и замуж сходить, и детей нарожать, и развестись.

— Это уж точно... Такие примеры есть. Но, однако, подумать не мешает. Все же своих детей рано или поздно захочется иметь. — Очень осторожно и непонятно вел разговор одноклассник Витька Круглов.

— А причем тут дети? — удивился Алексей.
— Как? Причем... Маринка же не может детей рожать!
— Почему? — еще больше удивился Серебряков.
— Так, она тебе ничего не сказала?..
— Да, о чём ты, вообще?! Я про то, что она действительно обманула меня. Не спал я с ней в Тюмени. Не было у нас ничего тогда... Так что, девственница она. Не сомневайся.

— Не знаю, «спал — не спал» ТЫ, а вот по поводу девственницы... Тут разобраться надо...

— Что? Говори! — приказал грозно.

— Давай, выпьем, у тебя водка есть? Впрочем, я для такого случая с собой захватил.

Достал из кармана бутылку.

У Алексея все мысли скрючились в голове и баражались там в полном неудобстве. Механически поставил на стол стаканы. Витька налил половинку.

— Пей.

— Да, не тяни ты! — поторопил.

Выпил залпом. Уставился на друга. Вместе росли, в одном классе учились. На рыбалку, на охоту ездили. Выручали друг друга неоднократно, чем могли. После окончания школы Серебряков уехал учиться в Тюмень, Круглов в вуз не поступил, закончил ПТУ. Теперь работал механиком в рыбоучастке. На хорошем счету парень. Недавно женился, сын у него маленький. Лешка все это знал.

— Я думал, у тебя с Маринкой так... Не серьезно. Ну, встречаешься, гуляете... А тут она приехала, растрезвонила на все село — «Свадьба!»

— Что же тут удивительного? — Серебряков так ничего пока и не понял. Витька налил еще по чуть-чуть.

— Ничего удивительного, — согласился Круглов. — Просто я подумал — ты только не обижайся — я подумал, а знаешь ли ты, что у нее детей не будет?

— Что за чушь?! Почему? Здоровая же девка... Да и тебе-то откуда знать такие подробности о ее здоровье?!

— А-а, вот, Лешенька, в том-то и дело, что в Долгом Плесе об этом, может быть, никто и не знает. Даже родители ее, наверняка, не в курсе, подруги — тоже. А я — знаю. Мы ведь в одном городе учились. Ты помнишь это?

— Ну, помню...

— Она — в педучилище после школы поступила... Познакомилась с парнем. Гуляли, гуляли... Любовь-морковь... Забеременела наша Марина...

— Да ты что?!! — Алексей даже встал от изумления.

— Ты не кричи на меня. Я ведь как друг пришел. Дружила она с парнем, который со мной учился. Мы с ним в одной комнате жили в общаге. Можно сказать, дружили. Он мне обо всем и рассказал. Правда, не

знал тогда, что мы с Маринкой из одного села. Вот и делился сердечными тайнами. Сам-то он из Березова. И зовут его Генка Пантелеев.

Витьяка торопился рассказать все, с чем пришел. Ему было неприятно, но Лешка — друг. Если Марина рассказала ему обо всем — это их дело. А если нет, то подлец он будет последний, коли друга своего оставит в неведении. После первой брачной ночи выяснится один обман, а в дальнейшей жизни — другой. И все превратится в трагедию. Ведь любому нормальному человеку когда-нибудь обязательно захочется иметь дитя родное. Он точно знал — Лешка Серебряков как раз из таких.

— А Марина? Она знает, что ты в курсе?.. — спросил тихо после долгого молчания Алексей.

— Я ей об этом не говорил. Только тебе. Аборт она сделала два года назад. Со сложностями. Срок уже был большой, ребенок шевелился. Не знаю, где и с кем договаривалась, но это был не медицинский аборт. Точно!

Алексей теперь уже сам налил себе водки и выпил в один глоток. Как воду. Даже не поморщился.

Молчание повисло в кухне напряженным сигаретным дымом. Витьяка не знал, о чем еще говорить. А успокаивать он не умел.

Алексей вспомнил, как два года назад на второй день свадьбы Круглова, которую гуляли всем селом, тетя Дуся (ближайшая родственница Витьки), вышла на крылечко и показала всем простынь, в доказательство девственности невесты. Светлана очень смущалась, краснела, а толпа селян гудела от удовольствия.

Ничего хорошего в этой старой русской традиции Серебряков не видел. Но все же хотел, чтобы у девушки, которая станет его женой, он был первым мужчиной. Может быть, в городах это правило уже и забылось, но в Долгом Плесе все невесты знали: пощады не будет! Позор обеспечен.

Как же Марина рискнула играть свадьбу именно здесь? Она-то ведь тоже знает деревенские традиции... Или надеялась, что приедет сюда после регистрации, когда проверять девственность невесты уже бессмысленно? Так вот почему она настояла, чтобы регистрация была именно в Тюмени?!

Этот заблаговременный расчет поразил Алексея до такой степени, что он еще больше растерялся. Ай, да Марина! Обвела лопуха...

Вдруг тишину нарушил сначала тихий, а затем с нарастающей силой смех Серебрякова.

— Ты че?! Ты че, Леха?! Успокойся! Давай, выйдем на улицу, подышим свежим воздухом.

Но Алексей не мог остановиться. Слезы брызнули из глаз то ли от смеха, то ли от горя, внезапно обрушившегося на него.

Круглов разлил остатки водки по стаканам.

— На, — протянул другу.

Серебряков, пересилив себя, выпил. Снова взялся за сигарету.

— Идем на улицу. Проводишь, а то меня жена потеряла, наверное. Да и сына пора купать. Светка одна не справится.

Вышли в вечернюю прохладу. Звезды сияли над головой: подмигивали, подтрунивали, посмеивались...

* * *

Когда Алексей вернулся в дом, глазам не поверил. Стол был накрыт: свечи освещали тонко нарезанный сыр, колбасу, открытые консервы. Над всем этим возвышалась бутылка шампанского. На скатерти небрежным цветным узором рассыпаны конфеты.

— Что такое?! Кто здесь?! — высказал мысли вслух. Быстро прошел в комнату. В темноте снова почувствовал сладкий дурман духов. И тут же тепло на своих щеках. Чьи-то губы прильнули к его губам, и стало так неистово томно, что Алексей уже не задавал вопрос: настолько сладостно ему было с одной-единственной женщиной на земле.

Боже! Какое же это счастье — быть любимым Риты Васильевой!

...Его любопытные руки бездумно заскользили по телу, с каждым сантиметром познавая его новизну. Рита, — а это была действительно она — пьяна от восторженного чувства, которое пронизывало ее. Понимала: он восхищен, удивлен, поражен, покорен... Она не могла и не хотела противиться его ласковому захвату. Его нежной покорностью, медленно переходящей во власть. Над ней власть... И чувствовала, что сдается.

Где-то в подсознании еще слабо трепетало сопротивление, как остатки девичьей гордости, которая уже была не способна отвергнуть нахлынувшую страсть. Природное начало (а что дальше?) набирало силу, прислушивалось к движению осмелевших рук и нетерпеливо ожидало главного момента, рано или поздно происходящего с каждой девушкой. Вот оно, сладостное чувство, которого она столько времени боялась... и ждала.

...Желтая луна нагло смотрела в окно. Ее интимный свет бесстыдно освещал смятую постель и тела, распластавшиеся от усталости после одуряющего любовного экстаза.

Не хотелось шевелить ни рукой, ни ногой. Даже ресницами не в силах была взмахнуть, чтобы открыть глаза, найти покрывало и прикрыть голое тело. Рита стеснялась Еgo. Она еще ни перед кем не щеголяла на-готой. И от того смущалась этой беспардонной луны и ее света, так нескстати проникшего в тайну их близости и выставившего на обозрение пугающий беспорядок постели, на которой было так сладко, так неистово, так восторженно любить. Когда сердце, как на качелях замирало и неслось вниз, поднималось до спазма в горле и снова устремлялось в бездну... Одуряющее страшно и до приятности больно...

«Надо прикрыться хоть чем-нибудь», — вяло обнаружилась мысль в голове и застряла там в недоумении: «Зачем? Разве может быть стыдной любовь?» Она не узнавала своего тела, которое только что, несколько минут назад, вытворяло такое!!! Чего раньше даже предположить было бессмысленно. Рита, наконец, познала тайну Любви, в которую хотела углубиться еще и еще раз. Но... Не было сил...

Она не знала, сколько прошло времени с того мгновенья, когда почувствовала Его руку на своей груди. Вздрогнула от прекрасного томления, разлившегося волной по телу.

«Неужели это все со мной?» — пронеслось в голове.

— Тебе хорошо? — прошелестел голос Алексея в ухо.

Томный вздох вырвался откуда-то изнутри. И слов не надо было после такого ответа. Он понял. Мягкие губы нежно касались ее щек, глаз, бровей, носа... Дошли до губ, и страсть вновь охватила обоих. И луна своим светом немого любопытства уже не смущала... Никто и ничто не в состоянии было нарушить бешеный порыв чувств двух любящих людей...

Алексей проснулся от лая собак. Солнечные зайчики играли на стене, делая комнату светлее и праздничнее. Необыкновенное чувство переполняло его. Понял: так выглядит Счастье. Протянул руку, хотел обнять Риту — постель пуста. Вздрогнул от нелепости своего положения: любовная ночь оказалась приятным сном? Или это был просто пьяный бред?

Вскочил, прошел на кухню — никаких следов. Только слабый аромат ее духов. И все. Будто не было празднично накрытого стола при свечах... И одуряющей ночи этой — не было...

Алексей засомневался, стал анализировать. В речном трамвае Рита точно не ехала. Тогда КАК она могла появиться в поселке? Значит, ему все приснилось! В довершении ко всему вспомнил разговор с Витькой Кругловым. Стало муторно: «Пить надо меньше!»...

Не успел обругать себя, как в дверях показалась радостная Марина. Алексей отчетливо помнил, что вчера закрывал дверь на задвижку. Ее нельзя открыть ключом снаружи. Только изнутри! Значит, все-таки ОНА была здесь!

Марина оборвала эти приятные мысли, кинулась на шею, стала целовать. Алексей оторвал от себя ее руки.

— Лешенька, ты что? Я так соскучилась! Я тебя так ждала! Любимый мой! Единственный...

— Я забрал заявление в загсе, — сказал, как простился.

— Почему?!.. — по круглым румяным щекам Марине уже текли слезы.

— Ты меня обманула...

— Да! Да! У нас ничего не было тогда! Но, Лешенька, ты же знаешь, я тебя так сильно люблю!

Стало противно.

— А Генку Пантелейева ты тоже любила? — вдруг злость закипела в голосе. — С ним-то ты натурально спала! И даже... Сама все знаешь. Я не хочу больше тебя видеть.

— Откуда ты про это знаешь!.. — ахнула испуганно. — Кто тебе такое сказал?

— Нашлись добрые люди...

Марина поняла, что терять больше нечего. Она заговорила быстро, громко, зло:

— Ты думаешь, с Риткой счастлив будешь? Да она сучка похлеще меня! Я узнавала — она замуж уже выскочила, как только приглашение мое получила на свадьбу! Вот!!! А ты ее совсем не знаешь! Они, бабы-журналисты, все такие. И целуются, и милуются — с кем попало! Видела я их в окружном центре! Что? Не так?! Очнись! Протри глаза! Вот и здесь, три дня побыла, подстелилась под первого попавшегося парня в деревне и уехала!..

Алексей не позволил ей договорить. Взял за плечи и так встряхнул, что у Марины зубы клацнули.

— Уходи... — сказал тихо. Лицо исказила гримаса боли. Оно стало до неузнаваемости неприятным. Марина в страхе отступила. Он развернул ее за плечи и подтолкнул к двери.

Сел. Затянулся сигаретным дымом до головокружения. Сердце от волнения ухало в висках.

«Да что же я гадаю, как на кофейной гуще: была — не была? — Пришла, наконец, спасительная мысль — Ведь постель-то осталась!»

Ринулся в комнату. Откинув одеяло, убедился: не сон. Мало того, Рита оказалась девственницей. Вот это было открытием, а простынь — доказательством. Значит, никакого мужа у нее не было и нет! Значит, соседка ввела его в заблуждение... Боже мой!..»

Быстро оделся, вышел на улицу. Хотелось узнать, куда делась Рита и как она попала к нему в квартиру. Потом вспомнил: она знала, где лежит ключ. «Так. С этим ясно. Осталось выяснить, где она сейчас».

— Ну, здравствуй, жених, — отвлек его от рассуждений Роман Николаевич. Протянул руку для пожатия. Алексей вложил свою. — А я-то думал, ты на журналистке женишься. Значит, она тебя бортанула... Жаль... Ну что ж, Марина... тоже хорошая девушка...

— Роман Николаевич, не женюсь я на Марине! — угрюмо, но решительно произнес, пряча глаза. Не хотелось ему сейчас с кем-либо объясняться. Даже с таким близким человеком, как председатель сельсовета, который после смерти родителей Серебрякова стал почти родственником.

— Как это?! — опешил тот. — Столы ведь уже заказали, с бабами договорились, кто готовить будет. Продукты завезли, гостей наприглашали... А теперь, выходит...

— Передумал. Будем так считать...

— Нехорошо это, неправильно... Родители бы твои не одобрили такое... — он не нашел подходящего слова для определения поступка своего подопечного. Его удивило состояние Алексея. Что-то произошло с ним за этот год.

— Нехорошо обманывать, — согласился тот, — а я честно сказал. И решение мое тоже не на пустом месте выросло.

— Ну, дело твое, конечно. Только Маринка тут такую деятельность развела. Как ей теперь людям в глаза смотреть? Да и тебе тоже. Вам уже и подарки закупили. Куда все это теперь...

— Проморгаемся... Не будет врать. Это лучше, чем всю жизнь себе испортить!

— Да что ты зарядил: врать, врать! Что можно вообще ТАКОЕ наврать, чтобы отменить свадьбу накануне??!

— А вот на этот вопрос пусть она вам сама ответит. Если захочет. А то может и вам солжет... Меня сейчас другой вопрос беспокоит — с кем приехала сюда Рита Васильева и где она сейчас.

— Рита? Васильева?! Это та корреспондентка, что ли? Ах, вот в чем дело! Значит, это она всему виной! Приехала, свистнула, ты все бросил и побежал, как собачонка...

— Роман Николаевич! — это был голос не мальчика, а мужа. — Вы все не так поняли! Рита появилась здесь ночью. И я не могу ее найти.

— Ничего не понимаю, — откровенно признался председатель. — Почему ночью? Откуда?.. Помстилось тебе, однако. Зайди ко мне чуть позже, тогда и поговорим, а то у меня с утра уже голова кругом идет. Не уличный это разговор. А Рита... что ж, откуда ей тут взяться? К нам журналисты так часто не ездят! Разве что раз в десять лет...

— В том-то и вопрос, — задумчиво произнес Серебряков.

— Ты, часом, не заболел ли? — озабоченно спросил Роман Николаевич.

Алексей не ответил. Пошел к реке в надежде, что там сможет найти ответы на мучавшие его вопросы.

Объ тихо плескалась у берега, покачивая на своих волнах стоящие рядом лодки. Солнце серебрило ее спокойную водную гладь. Веселые «зайчики» слепили глаза. Красотища! Но любоваться не было настроения. Хотелось поскорее освободиться от груза сомнений. Может быть, она еще здесь, в селе, прячется у кого-нибудь. Или сидит в лесу, ждет темноты, чтобы вновь появиться в лунном свете, как сон...

В полдень редко кого можно было встретить на реке. Ему повезло. Геннадий Ярков вычерпывал из своей лодки воду.

— Сегодня в город никто не уезжал? — Спросил после рукопожатия.

— Как же, чуть свет уехали.

— Кто?

— Пашка.

— С кем?

— Не знаю. Не говорил. Сказал «Надо!». Ну, надо, так надо...

- Один, что ли, поехал?
- Вроде, не один.
- Женщина?!
- Не-ет, парнишка какой-то с ним шел к реке. Правда, плащ до пят, капюшон на голове. Роста небольшого. Не признал, кто. А ты что пытаешься? Потерял кого-нибудь?
- Потерял...

Объяснять не стал. Развернулся, пошел в контору (это было единственное место, откуда можно было позвонить в окружной центр). Теперь ему стало понятно, как Рита могла попасть в поселок, минуя речной трамвай: с Пашкой Ярковым договорилась. Придумала же... Ну, ладно, терпение, терпение... И все-таки, почему ничего ему не сказала?! А ведь вчера он был уверен, она навсегда к нему приехала... Мечтатель! Желаемое за действительное принял!.. Могла бы и записку оставить...

Телефон Риты молчал, как заговоренный. Теперь Алексей молил Бога об одном: только бы в дороге ничего не случилось! Вдруг лодка перевернулась, мотор заглох. И хотя Пашка с детства управляет моторкой, река есть река...

Вернулся на берег, стал ждать возвращения Яркова. Он один мог развеять тревожные мысли.

Уже в сумерках застремился над Обью знакомый мотор «Ветерок». Такие только у братьев Ярковых были. Им правление в награду за ударный труд выделило. Остальные члены звена пока ждали своей очереди. Вскоре над стальной поверхностью водной магистрали показалась черная точка с красным фонарем.

- «Живой! Значит, все в порядке!» — отпустило с души камень.
- Отвез? — вытягивая лодку на песок, спросил Алексей без обиняков.
- Кого? — Пашка сделал вид, что не понял.
- ЕЕ?
- Тот не стал изворачиваться.
- Отвез.
- Все нормально?
- Нормально.
- Где ты ЕЕ нашел?
- ОНА сама меня нашла. Встретились в Хантах, случайно. Мы вчера с женой ездили туда... Тебе с Мариной подарок на свадьбу покупать...
- Купили?
- Конечно!
- Не понадобится. Подарите кому-нибудь другому..
- Ты что?! Так не бывает!
- Бывает, Паша, бывает, — вздохнул тяжело. — Вы уж извините, что так получилось...
- Перед всем селом придется извиняться. — Ярков выкладывал вещи

из лодки, собирая в сумку купленные продукты, изподтишка поглядывал на Алексея. Помолчав, все-таки спросил:

— Увидел ЕЕ и все? Марина уже не нужна стала... Дрянь дело, Леха...

— Я не знал, что ОНА приедет...

— Понятное дело. Тайком на одну ночь... навсегда не приезжают, — рассудил Ярков. — Подпортить решила вам...

— Не надо так... говорить. — Оба словно нарочно не называли имени. — Это я, дурак, подумал, что совсем приехала. Теперь понимаю, попрощаться решила перед свадьбой. А с Мариной... заявление я забрал из загса.

— Ну и ну!.. Дело твое, конечно. Однако, скандал на все село...

— Ничего, переживу... Я уже звонил ЕЙ домой. Не отвечает.

— Так, ОНА же в отпуск уехала. На море куда-то. По путевке. Тоже переживает...

— Кто?

— ОНА.

— Ты откуда знаешь?

— Видел, не слепой. Дорогой останавливались. В лес ходила, гуляла долго. Пришла — глаза заплаканные.

— Правда?! — Алексея этот факт огорчил и обрадовал одновременно.

Значит, улетела... А ЕМУ — ничего не сказала...

И тут до него дошло: Рита ведь не знает, что он забрал заявление из загса и что свадьбы с Мариной не будет! Они про это не говорили! Возможно, вечером слышала разговор с Кругловым, но ведь он-то ей не сказал о своем решении! И Витьке не говорил... Без объяснений, без слов провели Ночь Любви. Не мог и не хотел он в такие минуты говорить ни о чем постороннем. ОНА приехала! И этого было достаточно, чтобы забыть обо всем на свете. Надеялся: время еще будет... Нет, ничего не надо откладывать на «потом».

Отчаяние приближалось к истерике. Мысли расползлись, как тараньи, ища спасительную лазейку для оправданий и надежды. Неприятно и брезгливо было на душе.

...Деревянный тротуар передавал грусть его шагов тихим шарканьем. Вновь — неизвестность. Через неделю молодого специалиста Серебрякова, согласно распределению, ждали в одной из строительных организаций округа. Начнется новая полоса жизни. Как-то все теперь сложится...

Алексей только сейчас понял, как вымотали его переживания последних месяцев. Ведь он почти смирился со своей судьбой. И вновь все резко изменилось. Приехала, развернула задавленную любовь. Вдохнула в нее жизнь и надежду. Отмыла грязь, залепившую все мысли о прекрасном будущем. И исчезла... Что же это за мучение такое — быть любимым Риты Васильевой!?

* * *

Первое время Рита отсыпалась. Дала о себе знать напряженная работа в последние летние месяцы. Организм требовал отдыха и теперь брал свое. Вставала, чтобы закинуть чего-нибудь в желудок. Лишь на третий день после ужина решила прогуляться к морю. Разногабаритные тела безмятежно валялись на берегу, подставляя бока уходящим лучам солнца. Море ласково плескалось, накатывало волны на мелкую гальку, нежа немногочисленных, в вечерний час, купающихся. Бархатный сезон — для людей солидных. Возрастной ценз в нем играл основную роль. Уже не было родителей со школьниками — учебный год начался. А молодые семьи с малышами не всякий раз могли себе позволить отдых на море.

Ничего ее не развлекало. Скучно. В тоске, с которой она так в последнее время подружилась, нахлынули воспоминания о Ночи Любви... Сейчас Рита уже сомневалась в правомерности своего поступка. Зачем поехала в Долгий Плес, подчинившись необузданному желанию последний раз увидеть Серебрякова? Ведь знала, что он готовится к свадьбе! Но, чем ближе подходил этот день, тем невыносимее становилось на душе. Рита не думала, что так тяжело будет пережить этот период. И работа уже не помогала. Тогда-то и пришло решение: пока он, Алексей Серебряков, еще «ничей», провести с ним Ночь Любви, а потом... Может быть, посчастливится... И родится ребенок... Она очень хотела от него ребенка. Такого же светловолосого и голубоглазого, высокого и сильного, красивого и умного...

Рита поняла, что сходит с ума... От любви... Когда уже ничто не важно: ни слухи, ни молва, ни презрение окружающих... НИЧТО, кроме желания хотя бы на короткое время оказаться рядом с ним, прижаться к его широкой груди, целовать его губы, лицо... Боже! Разве бывает ТАК?! Разве ТАК бывает?! Теперь она была готова к безумству...

Поэтому, когда Ярков, случайно встреченный на улице, сообщил, что Алексей возвращается из Тюмени в Долгий Плес сегодняшним трамваем, уговорила Павла доставить ее инкогнито в поселок. Зина, жена рыбака, быстро согласилась на эту авантюру и даже убедила мужа, что ничего тут плохого нет: попрощаться хочет или поздравить... Какая разница, если человек через два дня уезжает по путевке к морю и на свадьбе быть не сможет. Словом, долго уговаривать не пришлось.

На пристани, ожидая Ярковых, Рита видела, как Алексей поднимался по трапу речного трамвайчика. Сердце отчаянно заколотилось. Она едва сдержала тогда себя, чтобы не окликнуть. Но слишком хотелось сделать сюрприз. Приехать этаким «новогодним подарком»... А нужен ли этот подарок Алексею Серебрякову? Отрицательный ответ даже близко к мыслям не подпускался. Ночь Любви должна состояться!..

На лодке они добрались до села куда быстрее речного трамвайчика. Хотя и выехали позже. Зина вновь выручила одеждой, отдав свой про-

резиненный плащ с капюшоном. Заручившись молчанием обоих о своем пребывании в Долгом Плесе, договорилась о времени отъезда назад. Дождавшись темноты, пробралась в гостиницу. Тишина дома окружила и обволокла. Постель притянула и обезвредила усталость. Так и уснула в ожидании хозяина. Проснулась от смеха Алексея. Что его могло так рассмешить, не поняла... И это уже было не столь важно. Значение имело лишь то, что должно было их соединить в эту ночь.

* * *

...Возвращаясь домой с Долгого Плеса, Рита не жалела о случившемся. И все же, почему-то жалость по отношению к себе самой не оставляла ее. А когда за поворотом исчезли едва приметные домишкы села, попросила Павла где-нибудь остановиться.

Причалили к берегу. Прошла в глубь смешанного леса. Прислонилась затылком к сосне. Прохлада дерева освежила разгоряченную голову. Мысли, как осенние мухи, медленно и бесцельно бродили в голове. Вдруг увидела, как листья, собранные легким порывом ветра, устремились к земле. Они брякались, соединяясь с такими же высохшими, слегка озябшими, но окончательно засохшими лепестками. В тишине слышно было «перешептывание» верхушек деревьев. Из высокогодалека их тихий «разговор» чуть слышно доносился до Риты.

И снова вздрогнули листья, и вновь рванулись к земле. Это слетела с ветки маленькая птаха. Один листочек, подхваченный шаловливым молодым ветерком, отстал от толпы сородичей, закружился в осеннем вальсе беззвучной музыки солнечных лучей, прорывавшихся сквозь хвойные иголки сосен и лиственниц. Летел весело и бездумно, не стараясь найти себе более мягкого места для посадки. И вдруг налетел на шершавую кору сосны. Чувствительно ударился. Засохший, он треснул и почти развалился, скатываясь по древнему стволу, как по ступенькам. Эти соприкосновения сопровождались едва уловимым звуком, но Рите казалось, что листочек при этом испытывает невыносимую боль... В наказание за отрыв от толпы, за легкомысленную веселость слишком затянувшегося парения над землей. Потому и покой был найден не на ковре, среди себе подобных листьев, а на выпершем из-под земли корне дерева... Неудобно и одиноко было ему лежать на голом месте.

Увидев такой конец, Рита вдруг расплакалась. Ей показалось, что тот порыв, которому и она недавно подчинилась, будет жестоко наказан. И ей уготовано такое же неудобное и одинокое место в жизни... среди покладистых и правильных людей. Она еще некоторое время собирала в ладочки слезы, а потом почувствовала облегчение. Словно лес простили ее и отпустил в дальнейшую жизнь...

— Рита, — прорвалось в сознание. Оглянулась. Навстречу, широко улыбаясь, шел Евгений.

— Ты откуда?! — глаза округлились от неожиданности.

— Я тебя уже второй день ищу. Завтра надо возвращаться в Нижневартовск. Думал, так и не встретимся. Очень рад! — Обнял ее, как родную. Рита дернула плечиком. — А ты?! Не рада?..

— Женя, ты — сумасшедший! Я же просила тебя не приезжать!

— Почему? — он все еще улыбался.

— Потому что... Потому...

— Объясни. — У Леонидова было слишком хорошее настроение, чтобы он смог адекватно отреагировать на ее слова. И Рита не знала, как сказать ему, чтобы он понял: НИЧЕГО между ними невозможно. И тут на память, как спасительный вариант, пришло когда-то прочитанное (она не помнила автора). Не глядя ему в глаза, начала читать:

— Я шепну тебе в ухо

С т и х о т в о р е н и е ...

И обрадую мягким движением губ.

А потом отвернусь я,

И внутренне плача,

Прокляну сатанинское сердце свое

Н е л ю б я щ е е ...

И отвернусь от тебя,

И спрячусь

На другом берегу твоей жизни...

Тихие слова разорвались в голове взрывом боли.

Помолчали.

— Я знаю... Ты не любишь... Пока — не любишь. — Леонидов не сбирался сдаваться.

— Нет! Не пока. Я другого люблю.

— Да, уж... догадался...

— Я хотела ЕГО забыть. Не получилось... — в голосе прозвучало извинение. Или ему показалось?..

— Получится! — сказал уверенно.

— Я не хочу, чтобы получилось. Это одно. А другое — у тебя жена, ребенок... Я не смогу переступить через это... Никогда.

— Напрасно ты так настроена. Вот полюбишь меня, и все станет не важным. И «это» — тоже. Мы с тобой будем жить на одном берегу!

— Женя... я... была с НИМ...

Леонидов закусил губу.

— Ну и что? — выдавил, наконец, из себя. — ОН сделал тебе предложение?

— Нет. ОН женится на другой...

Леонидов облегченно вздохнул. Хоть в этом «повезло»!

— У меня может быть ребенок...

— Этот ребенок, если он родится, никогда не узнает, что я — не его отец!

Рита молчала. Она не была готова к этому разговору. Она вообще еще ни к чему не была готова: ни к потере Алексея, ни к приобретению Евгения.

Леонидов понял ее состояние.

— Давай, сегодня не будем ничего решать. Просто проведем вдвоем этот вечер и эту ночь. Я приглашаю тебя в ресторан. Хочешь?

— Нет.

— Я приглашаю тебя искупаться. Хочешь?

— Нет.

— Я приглашаю тебя на прогулку по морю. Хочешь?

— Хочу.

— Тогда в чем же дело?! Вперед! К причалу!

Леонидов схватил ее за руку и потянул за собой. Рита не долго сопротивлялась. Всего несколько шагов позволила тащить себя насильно. А потом подумала: «Что же тут плохого, если двое знакомых людей, встретившись вдалеке от дома, проведут вместе некоторое время?» Нет, ничего плохого она в этом не находила. Жизнь продолжается... И завтра может быть ее ожидает счастье. Хотя великий русский писатель Иван Тургенев и говорил, что у счастья нет завтрашнего дня. И прошлого у счастья тоже нет. Есть только настоящее. Но... Рита Васильева всегда была очень дерзкой, и спорила с классиками. Вот и сейчас никак не могла согласиться с Иваном Сергеевичем. Она была счастлива вчера. И обязательно будет счастлива завтра. А сегодня? Сегодня она просто... отдыхает...

Евгений спешил насладиться ее присутствием. Шел по берегу моря спиной и смотрел на Риту. Так увлекся, что натолкнулся на старишака-фотографа, задремавшего в ожидании клиентов.

— Это — судьба, — обрадовался Леонидов. — Давай, сфотографируемся! У меня хотя бы фотомордочка твоя будет на долгую память.

Старичок засуетился, предвкушая работу. Вид у него был весьма комичный: старомодная соломенная шляпа с широкими полями скрывала кругленькие черные глазки, из-под парусиновых брюк, закатанных почти до колен, торчали тоненькие волосатые ноги, «расстительность» украшала и грудь, вырываясь в разрез белой курточки.

— Вах, вах, сейчас все будет в лучшем виде! — говорил он, священно действуя над фотокамерой, стоящей на треноге. — Вам повезло, вы попали к лучшему фотографу побережья! Мосика все знают!

Рита засмеялась:

— Почему Мосика? Это — фамилия такая?

— Нет, это — звание. Его заслужил еще мой дед. Он тут снимал великих людей: графов, князей, поэтов, артистов... Мосика знают! Хоть у кого спросите.

Он поставил молодых людей напротив заходящего солнца. В последний момент, после команды «Внимание!», Леонидов обнял Риту. Она посмотрела на него, чтобы сказать: «Не надо!», но фотограф уже запечатлел это мгновение.

— Стоп, стоп, не расходитесь. Еще разочек!

А затем он, по просьбе Евгения, сфотографировал Риту одну.

Видимо, Мосик был действительно хорошим мастером. Он руководил Ритой как заправский режиссер. В конце концов, ей все это надоело.

— Фотографии нужны завтра к утру. Будут?

— Что вы, молодой человек, обязательно! Мосик не подведет. Смотрите сюда, какие снимки делает Мосик! — Он показал на свой стенд, где красовались некогда отснятые отдохнувшие.

— Если получится, сделайте ее портрет, — попросил Леонидов.

— Из такой девушки — как не получится? Обязательно получится! Вы — счастливый обладатель такой девушки... — пряча деньги в нагрудный карман, убеждал восторженный фотограф. Но Рита и Евгений уже не слушали. К причалу швартовался морской прогулочный трамвайчик. Их ожидало прекрасное путешествие.

* * *

Волны нежно и осторожно, как преданная собака, облизывали ноги. Ветерок трепетно и бесстыдно, как мужские руки, обнимал тело. Утреннее солнце ласково и восторженно, как тепло любимого, согревали душу... Рита сидела на волнорезе, опершись руками о камень. Неудобно сидела. Но в этом месте было тихо и безлюдно. Уютно, надежно, спокойно...

Отпуск заканчивался. Она набралась сил, обрела уверенность и была готова к Будущему. Что бы теперь ни случилось, знала: все по силам выдержать. И родить. И воспитывать. И работать.

ЭПИЛОГ

На этом история Риты Васильевой не заканчивается. Ей суждено пройти еще немало трудных журналистских дорог, повстречаться со многими интересными, порядочными и не очень людьми. Пережить крутое и болезненное время перемен. Попасть в мясорубку политических и экономических реформ. И, несмотря ни на что, оставаться женщиной. Любимой и любящей. Но обо всем этом в другом месте и в другое время.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ОСЕНЬ ДОЛГОГО ПЛЁСА.....	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	
КОМУ НУЖНА ЗВЕЗДА УДАЧИ.....	33
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ОЖЕГ НА БЕРЕНДЕЕВОЙ ТРОПЕ.....	44
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
РАДИОДОМ: БУДНИ, ПРАЗДНИКИ, ПРОБЛЕМЫ.....	67
ГЛАВА ПЯТАЯ	
НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ВСТРЕЧ И РАССТАВАНИЙ.....	94
ГЛАВА ШЕСТАЯ	
ЗАЙМКА.....	113
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	
НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПУСК	122
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	
ПРОХОДКА... ОТ РЕКОРДА ДО ЛЮБВИ.....	163
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	
КОРОЛИ И КОРОЛЕВЫ РИТЫ ВАСИЛЬЕВОЙ.....	197
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	
ПОСТИЖЕНИЕ ТРУДНЫХ ИСТИН.....	213
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	
НАСТЯ ЯНОВСКАЯ: ЛЕСТНИЦА В НЕБО.....	256

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	
АПРЕЛЬ: ЛЮБОВЬ И НЕЛЮБОВЬ	280
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	
ПРО ЦВЕТЫ ЖИЗНИ И ДРУГИЕ СОБЫТИЯ.....	309
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	
МОЛНИЯ В СЕРДЦЕ.....	321
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	
ЖИВАЯ КЛЕТОЧКА ИСТОРИИ.....	345
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	
ПОСТРОЙ СВОЮ ТРАССУ ЖИЗНИ.....	361
ЭПИЛОГ.....	392

ОБ АВТОРЕ

Екатерина Степановна Логинова-Матвеева родилась 7 декабря 1949 года в г. Целиноград Казахской ССР. С 1959 года живет на Севере. В 1967 году закончила среднюю школу. В 1978 году – филологический факультет Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева. В средствах массовой информации округа работает с 1970 года.

Свою трудовую деятельность начинала корреспондентом радио в Ханты-Мансийске. С 1977 года живет в Сургуте. При ее непосредственном деловом и творческом участии в городе осуществлялось становление и развитие целого ряда информационных структур и, прежде всего, радиоэлектронных СМИ: телерадиокомпания «Сургутинтерновости», Сургутский корреспондентский пункт ГТРК «Югория», корпункт Тюменского областного комитета по телевидению и радиовещанию. При ее же непосредственном участии создавалась в конце семидесятых и газета «Нефть Приобья».

Главные творческие достижения Логиновой связаны с телепублицистикой. На протяжении десятков лет объектами ее творческого внимания были глубинные процессы развития экономики края. Поселки и стойбища коренных жителей Югры, нефтяные и газовые месторождения территории, строительство Сургутской ГРЭС и других энергетических объектов, транспортные магистрали – маршруты творческих изысканий Логиновой. Показывая, как крепнет и развивается экономика территории, журналист Логинова, прежде всего, акцентирует внимание на самом главном для себя и для нас объекте – на человеке. Она рассказывает о том, что волнует и тревожит людей, чем и как они живут. Поэтому ее документальные телевизионные исследования, обостренно публицистичные, образные, вызывающие ответную реакцию у телезрителей, отмечены жюри творческих конкурсов. Она лауреат областных и окружных конкурсов, Международного кино-видеофестиваля «Бархатный сезон-96», телефестивалей: «Финно-угорский мир», «Спасти и сохранить»; обладатель «Гран-при» и звания «Журналист года» в Сургуте, трижды побеждала в номинации «Очерк года». В 1999 году ей присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа».

Оставаясь по призванию телепублицистом, Логинова, тем не менее, довольно активно проявляет свой потенциал и в других сферах творчества. Ее статьи, очерки, репортажи, документально-художественные работы публикуются на страницах газет, журналов, литературных альманахов, в том числе и столичных. Серия документальных и художественных произведений опубликована в коллективных сборниках, в том числе и на страницах журнала «Сургут»

В настоящее время Екатерина Логинова — пенсионерка, но это понятие для нее весьма относительное. Завершив в 2005 году книгу «Последняя четверть», она продолжает снимать телеочерки. По предложению руководства кинокомпании «Югра-фильм» начала работать над сценарием художественного фильма по этой книге.

**Логинова Е.С.
Последняя четверть**

Редакторы: И. Михайлов, А. Безрукова
Корректор О. Мехонина
Дизайн: П. Родькин
Иллюстрации К. Сорокин

Усл.-печ. 25 л.
Печать офсетная.
Гарнитура «Ньютон».
Формат 60x90/16.
Тираж 1000 экз.

ООО ИД «Литературная учеба»
Свидетельство о регистрации № 013587 от 12 мая 1995 г.
127015 Москва, Новодмитровская ул., 5а.
Тел/факс (495) 685-66-02
Адрес сайта: www.lych.ru
e-mail: litucheba@dateline.ru

Отпечатано в ИПП «Гриф и К»
г. Тула, ул. Октябрьская, 81а

Заказ № 178.

Екатерина Степановна Логинова-Матвеева – телерадиожурналист. Лауреат областных и окружных конкурсов, Международного киновидеофестиваля «Бархатный сезон-96», телевестивалей: «Финно-угорский мир», «Спасти и сохранить»; обладатель «Гран-при» и звания «Журналист года» в Сургуте, трижды побеждала в номинации «Очерк года». В 1999 году ей присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа». Книга «Последняя четверть» основана на реальных событиях, происходивших в семидесятых годах прошлого века в Ханты-Мансийском автономном округе.